

Любое действие начинается с намерения. Чтобы развязать кровопролитную войну, достаточно одного-единственного человека и его желания, особенно если оно неосуществимо. Чтобы вернуть мир обратно, иногда тоже достаточно чего-то одного. К примеру, жизни, принесенной на алтарь божества, то ли своего, то ли чужого. Но чтобы твоя жертва не пропала зря, нужно помнить: даже попав в жернова чужой воли, всегда можно стать тем крохотным алмазом, который сотрет их в порошок.

Нити разрубленных узлов

Пролог

*Закреть глаза на занудство правил,
Сковать броню из поникшей чести,
Шагнуть навстречу посмертной славе?
Всё — только вместе. Да, только вместе!*

*Сомнениям перерезать горло,
До крови взбить душевное тесто,
Чтоб прочь из кадки плоти поперло?
Всё — только вместе. Да, только вместе!*

*Забить себя до поры, до часа,
Когда умрет ветхий пепел мести
И будет не с кем уже прощаться?
Всё — только вместе. Да, только вместе!*

*Идти по трупам чужих желаний
Туда, где стынет святое место,
Рубить соблазнов пустые длани?
Всё — только вместе. Да, только вместе!*

*Вершить ошибки и ставить точки,
Нести по свету дурные вести,
Искать и прятать... Всё — в одиночку?
Нет, только вместе! Да, только вместе!*

Узел первый

Где-то...

— Снег слишком чистый.

Слова улетают в колкую пустоту морозного воздуха. Далеко-далеко. По крайней мере, благополучно добираются до вечнозеленых свечек мериссы, стройными рядами окаймляющих лужайку перед особняком. Летом эта поляна наверняка беспощадно атакует глаза местных жителей яркими пятнами цветников, а сейчас всего лишь убаюкивает взгляд нетронутой белизной снежного ковра.

Убаюкивает?

— И ровный. Словно нарочно выгладили.

Имеют ли смысл мои размышления вслух или вовсе ничего не значат для вечности, которая наблюдает за размеренно-скучным сном имперской провинции, неважно. Вон, Герто, шагающий немного впереди и вполне себе бодрствующий, даже ухом не ведет. Делает вид, что не слышит, хотя можно не сомневаться: слух у потомственного следопыта отменный. При желании легко выиграть пару монет у приезжего простака можно поспорить, что мой напарник способен услышать, как падают снежинки, срывающиеся с подошвы сапога, когда я поднимаю ногу для следующего шага. Падают обратно, на покореженный нашим присутствием белый ковер.

Или все-таки перед нами расстилается скатерть стола, накрытого для пусть и незваных, но дорогих гостей? Вполне возможно. Кому-то из здешних обитателей вскоре придется дорого заплатить за свои шалости. Без всяких скидок. Сначала — нам с Герто, потом Крылу попечения. И жаль, что во втором случае плата будет взиматься полновесным золотом, когда по совести следовало бы заменить ее на...

— Точно. Прибирались.

Герто чуть недовольно дергает пальцем. На правой руке. Указательным. Остальные продолжают безмятежно обнимать рукоять даб-дора.

Надоела моя бесполезная болтовня? Понял. Затихаю.

У меня пальцы тоже время от времени вздрагивают, но не из-за волнительного нетерпения, а чтобы чуть взбаламутить застаивающуюся на холоде кровь. Перчатки помогли бы ослабить, а то и вовсе погасить обжигающие прикосновения последнего весеннего морозца, только костяные плашки рукоятей надежнее всего цепляются за человеческую кожу, теплую и живую.

А вот прочим частям тела не холодно, скорее наоборот. Поэтому больше всего мы похожи сейчас на двух медуз с Зубастого побережья, лениво прогуливающих по своим владениям. Ни единого резкого движения делать попросту нельзя, иначе особое двойное плетение шерстяных нитей начнет свою работу, задерживая тепло плоти и направляя его на разогрев мышц. Достаточно будет одного прыжка, пружинистого шага или оборота на три четверти, чтобы мы оказались готовы к...

К тому, ради чего сюда пришли.

Позади медленно растет хвост следов. Если обернуться и прищурить глаза, чтобы притушить белое сияние, то можно заметить легкую поземку, облизывающую пушистые края потревоженного снежного покрова. Посреди полного безветрия она должна бы настораживать, но только не нас. Я не оборачиваюсь, а Герто и подавно. Мы и без

подтверждения знаем, что Кана следует за нами верной тенью, никогда не отвлекающейся на что-либо, кроме приказа. Еще три года назад я бы первым посмеялся над своей нынешней уверенностью, но, когда Либбет проснулась, все вопросы и сомнения смело в угол. Вместе с песком, который вечно норовит пробраться в дом на подошвах сапог.

Парадное крыльцо все ближе, покрытое ровным слоем снега. Выбеленное, на всю глубину. Не надо быть большого ума, чтобы почувствовать неладное, взглянув на козырек крыши, который как раз и не должен пропускать на площадку перед двустворчатыми дверьми всякую пакость вроде воды, особенно замерзшей.

Заметали следы? Конечно. Только перестарались. Впрочем, если не присматриваться...

Лентяи из здешнего Крыла охранения и не присматривались. Зачем тратить силы понапрасну, если вокруг полно доброхотов, следящих за соседями пристальнее, чем за собственным кошельком? Что там говорила Имарр, брезгливо поглядывая в текст очередного доноса? Спокойствие, царящее в удаленном от городской черты имении, настораживало супружескую чету, совместно встретившую старость еще в ту пору, когда я был беззаботным ребенком. Все прошлые годы в просторном доме не реже чем ежемесячно собирались молодые столичные гуляки. Не то чтобы они сильно шумели или чинили другие неудобства окрестным жителям, но каждый раз старались о себе заявить. А что сейчас? Зима минула, весна скоро вовсю разгуляется — и тишина кругом. Подозрительная.

Кто-то возразил бы, что могло быть выбрано другое место для сборищ. Например, развлечения нашлись поближе к столице. Да и вообще, причин, чтобы не покидать теплую постель с утра пораньше, при желании можно найти много. Убедительных и разумных. Но только не в том случае, если чувствуешь приближение нового приступа скуки.

Жизнь вообще скучная штука. Весело бывает лишь первые разы, пока получаешь от нее тумаки, а потом, по прошествии не такого уж и большого времени, приноравливаешься делать шаг в сторону, когда назревает новая угроза благополучию. Привыкаешь выживать. И дело не в том, что враги все поголовно тупы и предсказуемы: предсказуемы и ограничены твои ответные выпады на их атаки. Проще говоря, довольно выучить пару-тройку надежных приемов, и из любых, даже самых опасных и запутанных, обстоятельств выйдешь без потерь. Ну почти.

Снег мутными змеями взвивается вокруг нас, сплетаясь в изгородь. Ажурную, но стремительно и заблаговременно уплотняющуюся в тех местах, куда направляются стрелы.

Да, наивно предполагать, что никто не попытается остановить наше приближение еще издали. Но столь же наивно надеяться, что у нас нет на этот случай соответствующего средства обороны. Будем считать, что глухим шорохом стрел, отлетевших от непробиваемой преграды, прозвучало своего рода приветствие. И вызов конечно же.

Они появляются внезапно. Встают, опрокидывая снежный ковер. Высокие, широкогрудые, натренированные подолгу задерживать дыхание. Дети какого-то из племен северных земель, рождающиеся со способностью приручать самый лютой холод. Ну что ж, прятаться они научились, признаю. А как насчет драки?

Поле боя делится пополам, уж слишком далеко я отпустил Герто. Хотя спина к спине мы все равно больше мешали бы друг другу, чем помогали. Зато наши противники наверняка думают иначе. Пусть по их плоским широкоскулым лицам ничего осмысленного и не прочтешь, всем известно: войско, разделенное на несколько частей, становится во столько же раз слабее. А вот к нам двоим это не относится, потому что каждый из нас изначально сам по себе. Каждый сам себе армия. Пока что выходит трое на одного, да еще стрелки где-

то в доме или рядом с ним. Много это или мало? Сейчас увидим.

Главное, выбрать правильное место для стартовой позиции. Ну или хотя бы не шибко проигрышное. Для меня таковое находится точно посередине между левым и средним противниками, но, конечно, до намеченного пяточка не так просто добраться, пока ряды врагов сомкнуты. Правда, на подобный замок у меня всегда есть отмычка.

Делаю шаг. Еще один. И еще.

Качаюсь на волнах невидимого моря. Если присмотреться, возвращаюсь всякий раз туда же, откуда начинал движение, но, поскольку шаги становятся все шире, кажется, что перемещаюсь в сторону. А вот в какую — выбирает противник. Каждый для себя, потому что каждому из них сейчас видится свое. Своя собственная иллюзия.

Крайний слева противник не выдерживает раньше других и делает выпад коротким мечом, наконец-то раздвигая ущелье между собой и своим напарником до нужной мне ширины.

Раскачанный шаг, сразу же сменяющийся другим, таким же танцующим, но уже четко направленным, переносит меня вперед, на клочок тверди, откуда когти даб-доров легко достают до боков северян. Боков, которые свободны от брони, потому что железо — не лучший спутник для прогулки по морозу.

Еще шаг. Поворот.

В ответ оба атакуют сразу же. Зло, обиженно и растерянно. А кого они ожидали здесь встретить? Медноголовых солдат, действующих всегда и всюду только по уставу? Лево-право, лево-право. Шаг. Поворот. Чужое дыхание мокрым хлыстом достает до лица, и в глубине памяти понемногу начинает просыпаться страх оказаться убитым.

Снег нехотя опадает с моих противников, открывая взгляду одежду, собранную из кусочков коротко стриженного меха, светло-рыжие завитки длинных волос, выбившиеся из-под недостаточно плотно застегнутых капюшонов, тонкие ремни, густой сетью покрывающие торс, ноги и руки...

Так вот как они управляют теплом своего тела! Любопытно. Жаль только, расспрашивать о подробностях будет некогда. И некого.

Сила и опасность смертоносного танца галассы кроется именно в близости к тому, кто легкомысленно согласился составить тебе компанию. И неважно, где танцуешь, посреди чистого поля или в лабиринте извилистых коридоров: тесным, как объятия, можно сделать любое пространство.

Северяне путаются в ногах, стараясь поймать незнакомый ритм. Натыкаются друг на друга, многократно упрощая мою задачу. А ведь если бы оставались стоять на месте, мне было бы куда сложнее добираться до победы...

В конце концов один из них, видимо самый сообразительный, отходит подальше в сторону, полагая, что увеличившееся расстояние станет ему помощником. В какой-то мере так и могло случиться, только спираль галассы уже раскручена, и мне требуется всего лишь три шага, чтобы вновь оказаться рядом с намеченной жертвой. Правда, не лицом к лицу, а со спины.

Вот теперь можно воспользоваться клыками. Прямо под ребра.

Он успевает понять, что просчитался, но не более: на следующем же вдохе рассеченные легкие тонут в крови, и первый из моих противников падает на истоптанный снег.

Двое оставшихся переглядываются, словно стараясь договориться, как действовать, но, пока они это делают, я снова приближаюсь. Выхожу на позицию атаки.

Они расходятся, собираясь зажать меня в клещи, и приглашающе скалятся. Киваю, удлинняя шаги, чтобы на последнем почти припасть к земле. Клинки свистят где-то над головой, значительно выше, чем это может оказаться опасным, а клык даб-дора в правой руке взрезает ремни, крест-накрест перехватывающие голень одного из северян.

Проходит совсем немного времени — я едва успеваю сделать три шага, — и движения воина, чье тело лишилось ременной поддержки, заметно замедляются. Вот он, удобный момент завершить начатое, но делать танец таким коротким... Жалко. Ведь скука только-только ослабила хватку.

И все же приходится благосклонно принять щедрый дар случая, когда северянин, осознавший, что лишен одного из своих преимуществ, возможно самого главного, бросается в отчаянную атаку. А на мою долю остается только разочарование скользить мимо, чуть прижимая режущую кромку клыка к его шее там, где волоски бороды становятся совсем редкими.

Третий противник отступает немного назад, явно показывая, что безрассудно нападать не собирается, но и просто так оружие не сложит.

— Тебе еще не надоело? — спрашивает Герто, и я невольно бросаю короткий взгляд в его сторону.

Как и можно было предположить, следопыт со своей долей врагов уже давно разобрался. Наверное, за первый же проход. Но ему, в отличие от меня, скучно не жить, скучно рисковать жизнью.

— Сейчас закончу.

Он еле уловимо пожимает плечами, вновь отрешаясь от мира.

Чем Герто занимается в такие минуты, не знает никто. Может быть, разговаривает с предками. Может быть, сочиняет поэму для своей возлюбленной. Иногда кажется, что ему известно нечто невероятное, нечто такое, что придает человеческому существованию глубокий и драгоценный смысл. Наверное, подобное знание могло бы помочь мне победить скуку, но все никак не соберусь разузнать, в чем оно состоит.

Впрочем, достаточно и того, что Герто будет стоять рядом, ожидая завершения моих дел, по меньшей мере, до вечера. Или до конца вечности, если нам суждено подойти к нему вместе. Да, каждый из нас сам по себе, но только в бою, потому что галасса — танец, в котором не бывает партнеров.

Северянин понимает, что обречен: даже если случится чудо и побежденным все-таки окажусь я, в пяти шагах к югу от пятачка последнего боя расслабил мышцы человек, не оставивший своим противникам ни единого шанса. Однако обреченности не хватает, чтобы заставить безрассудно атаковать, и рыжебородый враг напротив меня напряженно примакает ступнями снег, не отводя взгляда от... Моих ног, которые все так же пританцовывают, рисуя на поляне дугу следов, становящуюся все шире и шире.

Не люблю первым наносить удар, но заставлять Герто ждать еще хотя бы четверть минуты кажется кощунственным, особенно если взглянуть на его юное лицо, наполненное покоем. Более безмятежны только надгробия на семейных кладбищах, а я с раннего детства считаю осквернение могил самым последним из недостойных поступков.

Танец подходит к своему завершению, а я к северянину. В три шага. Первый — самый длинный, остальные почти семенящие.

Подхожу. Кланяюсь, с искренним сожалением разводя руки в стороны, и клыки даб-доров тускло подмигивают ничего не понимающему смертнику. А потом поклон плавно

переходит в прыжок, и я взлетаю над рыжеволосым гигантом, запоздало задумываясь, хватит ли силы толчка, ведь это препятствие оказывается выше обычных почти на ладонь.

Силы хватает. Ступни касаются пушистого снега за спиной противника, а когти — да, теперь уже когти, а не клыки, потому что бить назад всегда удобнее когтями, — впиваются в плоть, спрятанную под мехами и кожей.

Первый. Второй. Третий. Расчет окончен.

Герто осуждающе зевает, поворачивается и продолжает прерванный нелепой засадой путь. Я отправляюсь следом.

Стрелки так и не показываются, наверное, предпочитают сбежать, а не вступать в бой, тем более свою плату они, скорее всего, получили заранее. Как, впрочем, и эти рыжебородые на лужайке. А зачем мертвецам золото?

Дверь конечно же крепко заперта, но нам не приходится даже задумываться о замках и засовах, потому что у нас есть Кана: створки распадаются на щепки, труху и стальную стружку, а пройти через облако пыли, повисшее в дверном проеме, смог бы и ребенок, едва научившийся ходить.

Широкая лестница ведет на второй этаж, прямо к просторной зале, над которой вместо потолка раскинулось прозрачное стеклянное небо. Здесь светло. Очень светло. Сегодня за облаками не видно солнца, поэтому хозяева дома зажгли сотни ярких свечей, чтобы обмануть природу.

И природа обманулась.

Герто предупреждающе поднимает руку, но я и сам вижу, что представление уже началось, а становиться еще одной парой актеров на этой сцене мы не собираемся. Только внимательно понаблюдаем за разворачивающимся действием, благо оно будет совсем недолгим.

Их пятеро. Не так много, как можно было бы ожидать, но и немало.

Молодые. Почти дети. Пальцы брюнетки, обернувшейся на звук наших шагов, не отмечены даже следами наперстка, хотя всем известно, что добропорядочная девица на выданье должна уметь вышить на свадебном покрове имя своего будущего мужа.

Часть 1.2

Одеты в самое лучшее, самое изящное и драгоценное, когда разумнее было бы накинуть на себя одну лишь простыню. Неужели думают, что тело, закованное в корсет или не менее тугой камзол, скажет им спасибо после многих месяцев неподвижности?

А впрочем, думают ли они вообще хоть о чем-то, если собрались рано утром вокруг пустой хрустальной чаши?

Вернее, почти пустой.

Быстрые взмахи раскрывающихся черно-синих крыльев невозможно уловить глазом. Кажется, что бабочка, покинувшая надежное убежище кокона, замерла на краешке изъеденного своим предыдущим воплощением листа, а вот воздух вокруг нее быстро и ощутимо мутнеет облаком пепла над потухшим пожарищем.

Я непроизвольно закрываю ладонью нос и рот. Герто делает то же самое, хотя нам ничто не может угрожать: хрупкое создание, столь неуместное посреди снегов и морозов, живет всего несколько минут, успевая наделить своим ядовитым даром лишь тех, кто находится рядом.

Тех, кто готов его принять.

Тех, кто жадно склоняется над прозрачным сосудом и дрожащими ноздрями втягивает в себя мертвенно-серый туман.

Вдох. Другой. На третьем они падают. Кому повезло — обратно, в покинутое было кресло, кому не повезло — на паркетную мозаику пола. Проходит минута, и в зале больше нет блистательного общества, собравшегося в ожидании чуда, остались только безвольные тряпичные куклы и вялое насекомое, сейчас не вызывающее ни восхищения, ни трепета.

Лезвие даб-дора срезает верхушки горящих свечей, и канделябр летит, направленный рукой Герто, в самую середину стеклянного купола, который через мгновение звонкими осколками осыпается вниз, прямо на людей, лишившихся сознания. Да, кто-то из них непременно поранится, но намного важнее убить морозным воздухом дитя знойного юга, а что касается этих несчастных...

— Кана?

Она приходит на зов, вихрем врываясь в потолочный пролом и повисая над столом, в центре которого доживает последние мгновения существо, ставшее проклятием империи Дайа. Под длинным подолом пышной юбки не видно ног нашей защитницы, но мне почему-то кажется, что Кана пританцовывает от нетерпения. Впрочем, так и должно быть: девочка хочет поскорее приняться за свою работу, а наша на сегодня закончена.

Мы с Герто возвращаемся обратно, туда, откуда начали ленивый путь двух медуз, — к просторным саням, по бокам запряженным пепельногривыми вивернами. Звери дремлют, положив лобастые головы на лапы, не отвлекаясь даже на наше приближение. Только когда сани, скрипнув, чуть приседают под добавившимся весом, справа раздается недовольное урчание разбуженной кошки.

Проходит еще минута или две, и теперь взрыкивают уже все виверны, потому что к двум живым присоединяются пять полуживых тел, принесенных ветром из ладоней заботливой Каны. Да и она предпочитает занять место рядом со своими подопечными, а не добираться до города на крыльях природной магии. Должно быть, устала. Хотя кто их знает, этих «выдыхов»...

Виверны напрягают спины, раздвигая кожистые крылья, делают несколько бесшумных шагов по снегу, каждый раз зябко отряхивая лапы, и поднимаются в воздух. Ремни упряжи натягиваются, заставляя нагруженные сани последовать примеру зверей, умеющих летать, и земля, покрытая белым плащом, начинает уходить вниз.

Видно, что Кане больше всего прочего хочется сейчас вздремнуть, но она не позволяет своим глазам закрываться. Ответственная девочка. Знает же, что «вдохам» сейчас ничто не угрожает. Это раньше, еще во времена моего детства, на караваны, подобные нашему, частенько нападали, чтобы сжечь на большом огне тех, кто переступил границу мира. Это теперь защитников старых традиций приструнили. По непонятной причине, кстати, ведь недовольных со временем не становится меньше. Более того, в столице, как утверждает свежая сплетня, их ряды медленно, но верно пополняются представителями весьма влиятельных семей.

Хотя торговать «вратами мечты» все равно будут, даже под страхом смертной казни до седьмого колена. Уж больно хороший куш можно получить. И покупатели всегда находятся. Мне, помнится, тоже предлагали купить. Только со временем ошиблись: я к тому дню вдоволь насмотрелся на застывшую в странном сне Либбет и всерьез подумывал лишь о том, чтобы поскорее удрать от столичных соблазнов.

До усыпальницы меньше часа лету. Вот под нами еще проплывают снежные поля с первыми прогалинами, оставшимися от недавней оттепели, а стоит отвести взгляд или зажмуриться на мгновение, и в нескольких футах от полозьев саней уже горбятся черепичными спинами дома на окраине Наббини.

Городок маленький, ничем не примечательный, удаленный от излюбленных имперской знатью мест времяпрепровождения. Словом, лучшее место, чтобы жить спокойно. Правда, здешний покой требовался вовсе не мне: я взвыл от скуки уже спустя дюжину дней, когда перезнакомился со всеми местными красавицами и мудрецами. Но моя свобода была связана по рукам и ногам ожиданием пробуждения племянницы, и пришлось смириться. Вернее, повнимательнее приняться к тому, чем время от времени дышал захолустный городок. А потом зверь и в самом деле, как это обычно происходит, выбежал на ловца. Лоб в лоб...

Виверны входят в спираль приземления. Примерно три с половиной круга, и лапы наших ездовых животных мягко пружинят, касаясь припорошенных инеем камней брусчатки. На высоких галереях внутреннего двора не видно ни единой живой души. Точно так же пусты и стены просторного дома, лишённые малейшего отверстия. Свет здесь не нужен, обилие свежего воздуха и вовсе ни к чему, потому что «вдохи» все равно что мертвецы: им и слабого сквозняка хватит. Эти простые вещи мне объяснили, еще когда я обустроивал покой Либбет. Правда, тогда в жестокую правду верилось с трудом, и уши сами собой пропускали мимо любые слова, хоть чем-то ужасавшие воображение. А потом насмотрелся. Привык.

Кана, спрыгнувшая с саней еще над усыпальницей, парит над нашими головами в невидимых струях холодного воздуха и при этом блаженно щурится, как будто сейчас на дворе не студеное начало весны, а лето в самом разгаре.

Неужели не чувствует разницы? Или ее тело столь беспрекословно подчиняется приказам разума? Тонкое полотно на лифе платья вряд ли способно защитить и от мороза, и от жары, а на коже, как ни присматривайся, ни единого пупырышка не заметно. Завидная власть над самим собой. Да и над окрестной природой тоже. Вот только завидовать что-то не получается. По крайней мере, у меня.

С натугой отворяется невзрачная дверь, и к нам выходит сторож, кутающийся в наборный плащ из кроличьих шкурок. Суровый, как сама усыпальница, старик оглядывает неурочную работу, покоящуюся в санях, вздыхает, делает рукой знак, мол, тащите все это за мной, и направляется к створкам ворот.

Звякает дужка открытого замка, шуршит сдвигаемый в сторону засов. Главный проход к местам временного упокоения распахивается, как пасть зевающей виверны. Темная и дурно пахнущая. Да и как она может не пахнуть, если «вдохи» пусть и мертвы, но только на одну половину, а та, вторая, которая еще сохраняет связь с этим миром, делает все то же самое, что и живые люди. Конечно, сторож присматривает за вверенным ему складом, но не более. Найдутся желающие ходить за своими незадачливыми родственниками или возлюбленными — пожалуйста. Не найдутся — раз в месяц младшие Перья Крыла попечения обметут, обмоют, белье сменят. В полном соответствии с количеством монет, выделенных из городской казны на сие малопривлекательное дело. Я, честно говоря, поначалу вовсе не собирался сидеть у постели Либбет, но, когда увидел хлев, где ей было назначено провести ближайшие годы, понял, что не позволю этого. Себе не позволю в первую очередь.

— Посветить вам или сами дорогу найдете? — спрашивает сторож, и Кана растерянно задумывается, ведь, кроме нее, из нас троих никто не пойдет внутрь.

Ни мне, ни Герто там делать нечего. Видеть видели, нюхать желания не испытываем, тяжести поднимать — тем более. А еще остерегаемся дотрагиваться до тех, чье тело осталось здесь, а дух ушел в далекие странствия. И Кана это прекрасно знает, потому что не уверенно, а обреченно просит:

— Посветите.

Она ведь тоже не жаждет переступить порог, однажды разделивший ее собственный мир пополам. Пусть не помнит, что случилось на той стороне, но ясно видно: при каждом, даже случайном, взгляде в темноту меж створками ворот Кана задерживает дыхание, словно ей предстоит нырнуть в бездну.

Сторож кивает, доставая огниво. Искры, падающие на промасленный фитиль факела, разгораются неохотно, словно даже огонь не желает вторгаться в глубины усыпальницы. А когда пламя все же занимается, становится понятно, что его едва-едва хватит на освещение полосы пола под ногами сторожа: коридор слишком широк. Должно быть, когда-то здесь легко проезжали кареты, доставляющие несчастных в последний приют.

Старое здание, очень старое. И очень большое. Зачем предкам нынешних жителей Наббини требовалось столько места для «вдохов»? Неужели в прежние времена их число переваливало за сотни даже в крохотном городке? А может быть, здесь просто всегда уважали право выбора?

Кана не поводит и бровью, а одно из тел поднимается над санями и плавно движется к входу усыпальницы, следом за сторожем. Кажется, это та самая девочка, что обернулась на звук наших шагов...

А может, и не она: все «вдохи» похожи друг на друга восковой бледностью и расплывчатостью расслабленных черт. Ну уж когда юное тело опустится на лежанку и скроется под ветхим саваном, оно точно ничем не будет отличаться от прочих обитателей этой бесстрастной тишины.

Короткая процессия, в хвосте которой одновременно степенно и испуганно следует Кана, решившая на некоторое время отказаться от полетов, исчезает в темноте коридора. И мы с Герто предпочли бы давным-давно исчезнуть куда-нибудь подальше отсюда, но на

своих двоих штурмовать высокие стены лениво, а другого способа выбраться из колодца двора, кроме как взлетев, не предусмотрено: входные ворота намертво замурованы. Сторож никогда не покидает своих подопечных, редкие гости пользуются вивернами и летающей живностью, а те, кто рано или поздно станут «выдохами», сами смогут летать. Да и многое другое смогут.

Проходит минут пять, а может, и больше, из глубины разверстой пасти входа начинают все громче и громче раздаваться шуршащие шаги возвращающегося сторожа и Каны, но их вдруг заглушает стон. Отчаянный.

По одному из четырех тел, оставшихся в санях, проходит волна дрожи, на излете которой глаза «вдоха» — хотя нет, теперь уже его надлежит величать совсем иначе — распаиваются и всматриваются в мир. Пока слепо, но с явной злостью.

— Как они могли?!

Юноша, чье дыхание то и дело срывается из-за тесного ворота камзола, застегнутого на все пуговицы, садится, сжимая кулаки.

— Почему они порвались?!

Он смотрит на свои руки, на белые, как иней, костяшки, на бледную кожу, под которой наливаются синевой прожилки сосудов, потом переводит взгляд на нас с Герто. Взгляд, который никто не набрался бы наглости назвать разумным.

— Почему так скоро?!

Воздух вокруг пробудившегося начинает закипать. В прямом смысле: посреди останков зимы вдоль стен поднимается настоящее знойное марево, искажающее недовольные черты «выдоха», озлобленного чем-то случившимся по ту сторону. Поднимается и начинает наступать. В нашу сторону.

Оно не должно причинить нам вреда, как и вся волшба, рожденная вернувшимися с того света, но я невольно делаю шаг назад, краем глаза отмечая, что и Герто напрягается, готовясь в любой миг совершить прыжок, позволяющий ускользнуть от прикосновения кипящей воздушной волны.

— Почему?!

Марево пронизывают нити огня. Там, где они касаются камней двора, иней мгновенно исчезает, испаряясь дымным облачком.

Парня надо утихомирить, пока не поздно, и я уже готов наплевать на присягу, которую требуют в обязательном порядке даже в Гражданской страже, но Кана, наша молчаливая и сосредоточенная Кана уже ввинчивается в кипящую завесу, раскрывая объятия для своего нового брата. Хотя в эти мгновения она, пожалуй, больше похожа на всепрощающую мать беспокойного семейства, приголубившую беспутного сына, наконец вернувшегося домой.

Во дворе усыпальницы бушует самый настоящий шторм, правда стараниями опытного «выдоха» не задевающий то, что нельзя задевать. Молнии бьют в брусчатку, порождая белые как снег вспышки огня и выписывая на камнях причудливые узоры, похожие на забытые письма. Виверны, мало любящие магическую непогоду, жмутся к саням, прикрывая морды крыльями, но не пытаются улететь, словно понимая: там, наверху, сейчас намного хуже, чем на твердой земле. Сторож благоразумно прячется где-то в недрах усыпальницы. А может, стоит у самого порога, но свет его факела все равно не смог бы пробиться сквозь рукотворную бурю недодержанного «выдоха».

«Выдоха», который все-таки успокаивается. Обмякает в руках Каны.

Опускается, бережно поддерживаемый, на едва покинутое место и закрывает глаза.

Ладонь Герто дотрагивается до моего плеча.

— Больше он не будет так шалить.

— А как будет?

Вместо ответа напарник сильнее сжимает пальцы, словно пытается насквозь продавить упругие слои ткани, а потом вкрадчиво замечает:

— Поживем — увидим.

Почему-то такое предложение мне не нравится, хотя не могу разобрать, что в нем фальшивка, а что правда.

Обратный путь приходится проделывать в обществе несвоевременно появившегося «выдоха». Пусть он и не пытается больше баламутить стихии, даже тонкий слой дрожащего воздуха, обтекающий кажущуюся бессильной фигуру, вызывает у меня брезгливость, смешанную со страхом. И пожалуй, брезгливость побеждает.

Странно, по отношению к Либбет я никогда не чувствовал ничего подобного. Может быть, потому, что она, пробудившись, вела себя совсем иначе? Не бушевала, не обвиняла никого, не сыпала проклятиями и угрозами, а тихо открыла глаза, увидела мое встревоженное лицо и просто спросила: «Я уже дома?»

И впрямь, бояться ведь нет никакого смысла. Новорожденный маг неспособен причинить вред или каким-то иным способом воздействовать на обычного человека, разве что воспользоваться тем, что все стихии мира теперь подвластны ему, и... Но со стихиями можно совладать, особенно если они кем-то управляются. А вот бездумные вспышки природной ярости куда как опаснее.

Что же касается самого «выдоха», он вполне смертен. Как и я. Как и вообще любое живое существо. Только к смерти такие, как он, после возвращения из потусторонних странствий начинают относиться совсем иначе.

Здесь...

Роханна Мон со-Несс помедлила, прежде чем отодвинуть зеркало подальше и повернуть так, чтобы глупое, но честное стекло отражало лишь роспись высокого потолка. Лучше смотреть на замысловато переплетенные друг с другом диковинные цветы, чем на...

Итог тщательного получасового осмотра оказался неутешительным. Впрочем, именно таким он и должен был быть, поскольку молодящие снадобья, приобретенные у нового поставщика, по всей видимости, содержали в себе дары природы, а не отрывку иного мира, куда как более могущественную в деле поддержания красоты. С другой стороны, на человека, не впустившего в себя демонического сожителя, подобное волшебство действовало слабо, а то и вообще никак не влияло. Зато одержимого преображало невероятно.

Роханна плотно закрыла крышку склянки с дорогой и все же совершенно бесполезной мазью, выдвинула ящик стола и с сожалением посмотрела на ряды разноцветных пузырьков, чуть ранее доказавших свою беспомощность перед всепожирающим временем.

Часть 1.3

Жаль. Очень жаль, что та травница должна будет умереть. Или уже умерла? Ну да, Сиенн наверняка добралась до означенного места. Как оно именовалось в бумагах? Блаженный Дол? Судя по названию, край невинный и наивный, ну да тем легче посланнице будет исполнить поручение. А все же товар оттуда поставлялся прекрасный. Лучше многих предыдущих. Можно ли будет найти новый не хуже?

Женщина задумчиво покрутила бесполезную склянку в пальцах, на которых начинали все яснее проступать старческие пятна. Скоро благородной эрте Мон без плотных перчаток невозможно будет показаться на люди. Очень скоро. Надо начинать поиски другого травника. Вот вернется Сиенн, она и...

Звук, раздавшийся из дальнего угла спальни комнаты, вызвал недовольство Роханны. Но поскольку теперь даже хмуриться было смерти подобно, женщина всеми силами, что еще оставались, сохранила на лице безмятежное выражение, поднимаясь со стула и направляясь к потайной двери, позволявшей входить в дом не с парадного крыльца, а из глухого переулка, в котором прохожих можно было встретить не чаще чем раз в месяц. Подобных ходов было оборудовано несколько, но именно этим пользовался один-единственный человек. Человек, не вызывающий ни малейшей приязни, однако настолько полезный, что чувства при общении с ним приходилось задвигать в самый дальний угол.

Три поворота тяжелого бронзового ключа отперли дверь, и в комнату проскользнул невысокий щуплый мужчина, издалека выглядящий почти мальчишкой. Только выцветшие глаза и высокие залысины подтверждали, что их обладатель заслужил свое теперешнее положение долгой службой, а не оказался баловнем судьбы: как вошедший ни кутался в бесформенный плащ, из складок предательски посверкивало серебро нагрудного знака, словно тот нарочно, по собственной воле старался оказаться снаружи.

— Блистательная эрте! — Мужчина ловко упал на одно колено, почтительно прикасаясь губами к руке, протянутой незваному гостю с явной неохотой.

— Я не ждала вас.

— О, конечно, конечно, эрте! — Он виновато опустил голову, показав седину плохо покрашенных волос на макушке. — Однако дело неотложное. Дело настолько важное, что...

Роханна вернулась к столику и откинула крышку шкатулки. Небольшой, но любому наблюдателю внушающей уважение своими пузатыми боками.

— Сколько вам нужно на сей раз?

Мужчина жадно сглотнул, бросив взгляд на тугие колбаски мешочков, набитых монетами.

— Если позволите, о деньгах поговорим позже. После того как все... завершится желаемым для нас обоим образом.

На сей раз Роханна не удержала чувства в узде и сдвинула брови.

Сереброзвенник Микко Фари со-Веента прежде всегда брал плату за свои услуги вперед. Брал немало, надо признать, но исполнял то, что обещал, в срок и с необходимой точностью. Соответственно расходы вполне себя окупали. Более того, делопроизводитель Цепи миротворения отличался тщательностью в подсчетах как затрат, так и собственной выгоды, поэтому прозвучавшее заявление не просто настораживало, а пробуждало к жизни

давно забытый холодок между лопатками.

— О чем вы желаете мне сообщить?

Серебровенник отметил изменение тона своей собеседницы и дернул плечом, словно заносенный до многочисленных лоснящихся пятен камзол вдруг стал незнакомым и неуютным.

Микко Фари не отличался безграничной смелостью, особой смекалкой или какими-либо иными качествами, помогающими продвижению по службе, а зарабатывал все блага исключительно усидчивостью, послушанием и терпением. Впрочем, выше серебра он прыгнуть не только не мог, но и не собирался, потому что в число немногочисленных достоинств делопроизводителя входило желание жить спокойно, а нынешний чин как раз позволял это делать без чрезмерных усилий. Вполне возможно, что безродному уроженцу столицы удалось бы ни шатко ни валко добраться до почтенной старости, так и перебирая бумаги в тишине кабинета, если бы не злосчастное обстоятельство, еще в юности зажегшее в душе эрте Фари огонек голода. Правда, не совсем обычного.

Немногим более двадцати лет тому назад будущий делопроизводитель, а тогда еще всего лишь дозвенник, проходящий обучение, увидел падающую с неба синюю звезду. Находись он тогда в полном одиночестве, итог знакомства с влиянием да-йинов на человеческую жизнь был бы совсем другим, но Микко Фари, можно считать, повезло: рядом с ним оказались в тот час начальники и прочие вышестоящие персоны, осведомленные об опасности появления демонов. Собственно, благодаря этому он и попал в Цепь миротворения. Как свидетель захвата одержимого. За заслуги, так сказать. Однако увиденное осталось в памяти неизгладимой печатью.

Шутка ли, увидеть, как прямо у тебя на глазах человек, доселе ничем особенным вроде бы не отличающийся, вдруг с легкостью расшвыривает камни, которые одному ну никак не поднять!

Потом были и другие случаи, изучаемые при непосредственном участии новоиспеченного производителя. На смену юношескому восторгу скоро пришло знание, а вместе с ним — лихорадочные раздумья, как бы самому изловчиться и прикоснуться к неведомой мощи. А поскольку, как говорят в народе, ищущий воду рано или поздно провалится в колодец, поиски Микко Фари в конце концов увенчались успехом. Правда, эрте Мон была крайне скупа на обещания, но все же оставляла своему добровольному помощнику надежду. Оставляла, надо сказать, весьма умело, поскольку делопроизводитель хоть иногда и ловил себя на мысли, что время уходит впустую, ни разу не почувствовал себя по-настоящему обманутым.

— Это стало известно час назад, блистательная эрте. И я сразу же поспешил к вам.

— Что стало известно?

Микко Фари облизал губы. Впервые он оказался так близок к осуществлению мечты всей своей жизни, и именно теперь каждый следующий шаг требовалось просчитывать трижды, дабы в решающий миг не оступиться.

— Помните, вы говорили, эрте... О той возможности. — Слово «той» он почти прошептал, задохнувшись от предвкушения.

Роханна вонзила ногти в ладони, и только боль помогла ей удержаться от брезгливой гримасы.

Начало разговора уже предвещало недоброе, а неумелая торговля со стороны делопроизводителя только доказывала: случилось нечто неприятное. Нечто опасное. Нечто

важное и требующее расходов больше обычного. Впрочем, эрте Мон заплатила бы любую цену, если бы услышала ее сразу, прямо и четко, потому что жила достаточно долго, чтобы отучиться разбрасываться минутами. Но об этом Микко Фари не догадывался, почитая свою нанимательницу хоть и отмеченной демоническим могуществом, но всего лишь старухой.

— Да. Помню. Я еще не выжила из ума.

— Думается... Мне думается, настал момент ее осуществить.

Роханна попыталась улыбнуться, не особенно напрягая мышцы, чтобы кожа не покрылась предательскими шрамами морщин:

— Почему бы и нет? Но вы же понимаете, что прямо здесь, в эту минуту, у меня попросту нет при себе...

— Да, разумеется, эрте! Не сейчас. Я же сказал: после завершения.

— Так что же должно завершиться, в конце концов?

Делопроизводитель еще раз провел языком по верхней губе и полушепотом сообщил:

— В ближайшее время в ваш дом придут «багряные».

От такой новости что-то в груди женщины затрепетало.

Много лет назад она решила бы, что во всем виновато сердце, но теперь подобное ощущение, скорее всего, означало, что да-йин, пустивший корни в ее плоти, волнуется. Сама Роханна, как ни странно, осталась спокойной и равнодушной, словно грядущие события никоим образом не могли причинить ей вред. А где-то на самом дальнем краешке сознания даже возникло злорадное удовлетворение.

Боишься, демон? Так тебе и надо! Но поводов для бездействия все равно нет.

— Как скоро? — спросила Роханна.

— Час или два. Им ведь понадобится кто-то, способный заарканить да-йи... — Микко Фари осекся, хотя на лице его собеседницы по-прежнему не дрогнула ни одна черточка. — Чтобы выполнить захват. А такие люди наперечет даже в столице.

Делопроизводитель не знал, насколько он близок к истине. Именно в Веенте, казалось бы, городе, нуждающемся в наиболее тщательной охране, собственно борцов с демонами было немного, потому что провинции всегда оказывались намного уязвимее перед Ночью синих звезд. Хотя этого Микко Фари как раз и не понимал, ведь в городе очень много людей, и, значит, да-йинам было бы куда как проще найти себе прибежище.

— Да, ваше сообщение стоит дорого. — Роханна кивнула, но скорее самой себе, а не гостю.

— Так я могу рассчитывать?

— Да.

Впервые был получен прямой ответ, и делопроизводитель почувствовал, как по телу начинает разливаться тепло. Напряжение уходило с каждым новым вдохом, а перед глазами уже вставали картины могущественного будущего.

— Позвольте, я провожу вас туда, где...

— Конечно. Подадите мне руку?

Отказать Микко Фари не мог. И потому, что на подобную просьбу дамы не принято отвечать отказом, и потому, что не хотел далеко отпускать от себя волшебницу, способную исполнить потаенные желания скромного мужчины средних лет.

Он подал женщине руку. Правда, покрытую плащом, на что Роханна так насмешливо смежила веки, что любой бы на месте эрте Фари залился румянцем и поспешил бы стряхнуть складки ткани вниз. Делопроизводитель не оказался исключением и поспешил исправить

невольную оплошность.

— Так намного лучше, — удовлетворенно отметила Роханна.

Женщина положила свою ладонь на руку мужчины в том месте, где заканчивался кант манжета. Пальцы с желтыми ногтями, под которыми виднелось что-то темное, погладили кожу, а потом вдруг скользнули к тыльной стороне запястья, чтобы вонзиться прямо в сплетение вен. Делопроизводитель непонимающе охнул, но не успел ничего сказать или сделать, потому что сил на следующий вдох уже не осталось: человеческая кровь не выдержала встречи с кровью пришельца из иного мира.

Роханна не стала ждать, пока тело сереброзвенника перестанет биться в агонии. Нужно было многое успеть, прежде чем в дом войдут гончие Цепи миротворения. К примеру, собрать все необходимое и...

Усталость накатила неожиданно. Как и всегда. Эрте Мон знала, что демон, с которым она делит одно тело и одну жизнь, позаботится о том, чтобы силы вернулись, и в гораздо большем количестве, чем уходили, но сейчас, опускаясь прямо на пол, в пышный ворох юбок, принимала происходящее с благодарной радостью.

Когда это случилось в первый раз, ощущался только страх. Всепоглощающий и парализующий. Она не могла шевельнуть ни пальцем, ни даже ресницами, казалось, не могла вздохнуть и думала, что приближается расплата за сделку с да-йином. А потом, вновь воспрянув, убеждала себя, что приступ слабости больше не повторится. Надо признать, убедила. На долгие пятьдесят лет.

Во второй раз было уже не так страшно, скорее Роханну мучило непонимание. Да и демон молчал, словно не мог или не хотел ничего объяснять. Впрочем, такое поведение стало его главной ошибкой, потому что со временем эрте Мон начала наслаждаться всплесками беспомощности. Замершая посреди комнаты словно статуя, с оплывшими чертами и потухшими глазами, она тем не менее ощущала себя по-настоящему живой. Той, прежней девушкой, еще не прокричавшей в вечность роковое желание. Той, кто была единственной хозяйкой своей судьбы, хотя тогда еще не могла этого понять...

Затихшее было сердце вновь с силой ударилось о ребра, разгоняя почти остановившуюся кровь. Раз, другой, а потом и вовсе забарабанило в грудь. Роханна вздохнула и поднялась на ноги. Поднялась легко, играючи, словно сбросила с плеч несколько веков жизни. Как все пришлось ко времени, словно нарочно! Сил, впрыснутых демоном в дряхлую плоть, хватит не только на побег, а еще и на то, чтобы обжиться на новом месте.

На новом месте...

Эрте Мон задумчиво коснулась губ кончиком пальца, и если бы кто-то сейчас видел ее, то удивился бы жесту, исполненному старухой, но куда больше подходящему юной девице.

Где оно может найтись, это место?

Просить о помощи было уже поздно: никакая весть не смогла бы долететь до покровителей эрте Мон за оставшееся в распоряжении женщины время. Нужно было бежать. Пока только бежать подальше отсюда и надеяться на удачу. Хотя касательно удачи как раз возникали сомнения. Не было ли сегодняшнее происшествие первым знаком того, что беспечной жизни пришел конец?

Роханна запоздало пожалела, что не расспросила делопроизводителя о причинах начинающейся охоты. Впрочем, мог ли он знать их наверняка? Совсем не обязательно. К тому же...

Что, если этот дрянной человечиска просто-напросто придумал опасность, чтобы

заполучить желаемое? Да, такое вполне возможно. Пусть все предыдущие встречи Микко Фари вел себя благоразумно, его терпение должно было в конце концов истощиться. Что, если он всего лишь поторопил события? Однако теперь узнавать правду было не у кого, а значит, приготовления к бегству не отменялись.

А если он не врал, предупреждая о визите «багряных», то что же такого наделала эта глупышка Сиенн? В смертоносных талантах своей помощницы эрте Мон не сомневалась, в умении замечать следы — тем более. Почему же след остался, да еще такой, по которому Цепь миротворения предполагает прийти прямо к демону?

Роханна несколько раз мысленно перебрала все возможные ошибки, которые могла бы совершить ее посланница в Блаженном Доле, однако ни один из вариантов никак не связывался с демонами. Но когда все очевидное оказалось отброшенным в сторону, осталась именно та возможность, на которую эрте Мон всегда трусливо закрывала глаза.

Если предательство слуг исключено, кандидатом на роль врага может быть только друг.

Да, долгие десятилетия хранительницу знаний почитали едва ли не как саму Боженку, но поколения демонов все-таки сменяли друг друга. Пусть медленно, незаметно, и тем не менее из сверстников Роханны в живых давно уже никого не осталось, ведь они-то не пожелали однажды жить вечно. А прибывающие новички не слишком послушно следовали древним правилам, потому что рассчитывали захватить власть в свои руки. На памяти эрте Мон подобных войн вспыхивало немало, и каждый раз старожилам удавалось остудить пыл юнцов. Но могло ли так продолжаться вечно? Что, если начинается новая война? Тогда устранение старейшего из демонов как нельзя лучше подходит для первого и весьма ощутимого удара.

Хранительница знаний не верила в то, что все старые, обжившиеся в Дарствии да-йины встанут как один на ее защиту: связываться по доброй воле с «багряными» не стал бы никто, даже самый отчаянный. А значит, помощи ждать неоткуда. Собственные запасы сил и средств — вот все, что оставалось в распоряжении, благо приступ слабости случился донельзя вовремя.

Размышления, даже неутешительные, никогда не мешали Роханне действовать: она уже успела приготовить к дальней дороге шкатулку и прочие вещи, когда от парадных дверей раздался звон колокольчика.

Сердце едва не остановилось снова, но прожившая на свете много разных жизней женщина вовремя вспомнила, что гончие Цепи миротворения никогда не звонят и не стучатся, а попросту входят туда, куда пожелают. Стало быть, на пороге стоял кто-то другой. Кто-то, преследующий цели, отличные от поимки и уничтожения демонов.

В очередной раз порадовавшись собственной прозорливости, благодаря которой в доме сейчас, кроме хозяйки, не было ни одной живой души, Роханна открыла дверь новому гостю. Вернее, гостям, потому что спину невзрачно одетой молодой женщины прикрывали три фигуры, с головы до ног закутанные в темные плащи.

— Эрте Мон, я полагаю?

Часть 1.4

Для человека, выглядящего не лучше городских нищих, незнакомка изъяснялась слишком уверенным, можно сказать, приказным тоном, а значит, не была той, кем казалась, и Роханна, решив, что двум бедам сразу все равно не случиться, ответила:

— Да. Кого имею честь видеть?

Впрочем, можно было не спрашивать: от пришелицы-недокровки за милую разило неосуществимыми желаниями.

— Мое имя ничего не стоит. Особенно по сравнению с вашим.

Роханна отступила назад, освобождая незванным гостям проход в дом, а когда последний плащ прошелестел по порогу, опустила на закрывшуюся дверь увесистый засов.

Незнакомка тем временем ушла недалеко, всего лишь до середины гостиной, осмотрелась по сторонам и принялась сдвигать к стенам немногочисленные стулья, столики и кушетки, а когда сочла, что расчищено достаточно места, звонко щелкнула пальцами. Пришедшие с ней люди скинули плащи на пол, и Роханна поняла, что сегодня ее жизнь уж точно не прервется.

Лица трех женщин, занявших места в вершинах невидимого треугольника, не выражали ничего. Правда, покоя в них тоже не было, скорее присутствовали растерянность и полное непонимание происходящего. А впрочем, нужно ли орудиям хоть что-нибудь понимать? Женщины, чья нагота была едва прикрыта кусками ткани, давно уже утратили собственную волю, превратившись в покорных исполнителей, приступающих к делу по первому же приказанию.

Марево портала, стусившееся посередине комнаты, повисло спустя всего минуту после щелчка пальцев. Незнакомка, командуя маленьким отрядом, подошла к подрагивающей границе, разделяющей пространства, и торжественно произнесла:

— Мой господин, Иакин Кавалено со-Катрала, нижайше просит эрте Роханну Мон со-Несс посетить его скромные владения и заверяет, что гостя не будет испытывать нужды ни в одной из своих потребностей.

Прозвучавшее имя не было знакомо Роханне, но о самом роде Кавалено что-то смутно припоминалось. Кажется, лет сто семьдесят тому назад упомянутая семья в полном составе отправилась на только что присоединенные к Дарствию земли, после чего совершенно исчезла из виду. Возможно, радушный хозяин, щедро приславший за эрте Мон порталный отряд, происходит как раз из того рода. Но даже если и нет...

— Я принимаю приглашение вашего господина, — церемонно ответила Роханна, чувствуя, как зуд нетерпения становится все сильнее.

Незнакомка почтительно поклонилась:

— Прошу вас.

Эрте Мон мельком взглянула на увесистую шкатулку. Жаль было оставлять монеты на поживу врагам, но протащить их с собой удалось бы едва ли.

Хранительница знаний глубоко вдохнула и переступила черту, отделяющую Веенту от места, где ожидали прибытия важной гостыи. Облако портала, словно болотная трясина, вставшая на дыбы, втянуло в себя путешественницу, помутнело и вновь стало прозрачным, но одновременно не позволяющим ничего разглядеть сквозь себя.

Предводительница отряда обошла портал вокруг, останавливаясь у каждой вершины

треугольника и прикасаясь губами ко лбам безмолвных проводниц.

— Ночь будет беззвездной.

Прощальные слова прозвучали трижды. На лицах женщин не дрогнула ни одна черточка, но та, что уходила в портал не оглядываясь, знала: полученный приказ будет исполнен. Без задержек и колебаний.

И сейчас...

— Не ожидал?

Вообще-то глупо было задавать такой вопрос человеку, спозаранку сидящему за столом полностью одетым и без следа сна на лице, но рыжий, по всей видимости, не смог удержаться. Наверное, слишком долго и любовно готовил приветствие, чтобы от него отказываться. Даже полностью осознавая нелепость своего поведения.

— Ты сейчас от чьего имени говоришь-то?

— А разве у меня много имен? — Натти с нарочитым удивлением почесал затылок. — Отродясь всего одно и было.

И тем не менее рыжему нахалу я ничего не задолжал. В отличие от парня, обладающего трехцветной шевелюрой.

— А если оставить в покое дурачества? Хотя бы на минутку?

В ответ раздался вздох, такой тяжелый, будто мое предложение было не просто оскорбительным — святотатственным, и только врожденное миролюбие не позволило собеседнику ринуться в бой. А следующий вопрос показал, что противник сдаваться отнюдь не собирается:

— Не, ну правда же, не ждал меня так рано?

Чтобы не тратить драгоценное время на бессмысленный обмен уколами, пришлось признать:

— Не ждал. Но был готов. На всякий случай.

Хотя, если задуматься, ни к чему определенному я не готовился. Виновато было что-то, витавшее в весеннем воздухе, то ли тревожное, то ли манящее, и именно оно не давало мне ночью сомкнуть глаз, потому что слишком уж хорошо сочеталось со смутными размышлениями.

— Можешь считать, случай случился. Пошли на солнышко, поболтаем.

Далеко уходить не стали: сели у крыльца в закутке поленницы, прямо на чурбаки. Натти зажмурился, помолчал, подставляя веснушчатый нос пока еще не слишком жарким лучам рассветного светила, и спросил, не открывая глаз:

— Помнишь, зачем сюда навевывалась та девица из столицы? Ее первую цель?

О таком говорят: «не забывается». Как бы ни хотелось.

— Конечно. Хотела пожурить травницу за плохой товар.

— Ага, по поручению своей хозяйки, — последовало уточнение, кажущееся моему собеседнику очень важным.

— Ну да. Правда, все закончилось совсем другими делами.

Рыжий мотнул головой:

— Не закончилось.

По моей спине где-то между курткой и полотном рубашки пробежал холодок. К тому, чтобы в скором времени вновь встречаться с демонами, я точно не был готов.

— То есть?

— Хозяйка убитой убийцы сбежала.

Неудивительно, после всего-то произошедшего! Впрочем, судя по недовольному тону рыжего, побега не должно было случиться.

— Кто-то предупредил?

— Некий делопроизводитель Цепи миротворения.

— Ого.

— Ага.

Он снова замолчал, наслаждаясь теплом солнца.

И все-таки кое-чего я ожидал. К примеру, четкого и недвусмысленного приказа к действию. А вместо того получил пространную и тяжело тянущуюся беседу, в которой все вопросы и ответы известны наперед.

— Его взяли?

— Уже остывшим. В ее доме в центре столицы.

— По следу отправились?

Натти хмыкнул:

— Проклятия по тому следу отправились, и только.

Пожалуй, это была первая рытвина, заставившая разговор споткнуться. Впрочем, ненадолго, потому что я не стал гадать, а потребовал:

— Поясни.

Рыжий все так же лениво, будто речь шла о вещах, не стоивших внимания, продолжил:

— Та старуха не просто сбежала, а воспользовалась порталом. Представляешь? Соорудила прямо посреди дома. Но это было бы только полбеды.

Полбеды? Для человека, не представляющего себе, что такое портал, и подобного сообщения хватит, чтобы серьезно насторожиться.

— Есть еще вторая половина?

— Проводницы... ну те, кто помогает перемещаться, остались на своих местах. Мертвые. Только, прежде чем покончить с собой, они портал закрывать не стали. Их и затянуло внутрь... по пояс примерно. А поскольку проход уже потерял устойчивость, никакого перемещения не состоялось, зато тела размолотило. На мелкие кусочки. Собственно, нетронутыми остались только ноги. Эдак от середины бедра.

Отбросив невнятные предположения о принципах перемещения в пространстве, я представил описанную картину. Должно быть, зрелище впечатляло. Но что в нем такого необычного? Беглянка не хотела оставлять следов, вот и все.

— Это плохо?

Натти посмотрел на меня. С прищуром, показывающим сомнение насчет наличия в моей голове разумных мыслей. А потом подвел итог всему рассказу двумя словами:

— Это чудовищно.

Лично я никаких особенных ужасов в услышанном не находил. Напротив, все происходило так обыденно, что...

Хм. Именно обыденно. Хорошее впечатление. Много поясняющее. Но подробностей все еще слишком мало.

— Ну померли проводницы, как ты их называешь... С кем не бывает?

Рыжий еще с минуту всматривался в мое лицо, потом разочарованно хлопнул себя ладонью по затылку:

— Эх, все время забываю, что тебе эти истории говорят меньше, чем придорожный камень! Но всего объяснять не стану, попробуй сам догадаться. На досуге. А начнем вот с

чего... Для открытия портала нужны люди, особым образом подготовленные. С вживленными демонами. Как думаешь, таких легко заполучить?

Я вспомнил сереброзвенниц, которые у меня на глазах орудовали и демонами, и людьми. Одна вынимала, другая вживляла. Первая явно была утомлена своей работой, а вот у второй исцеление Кифа не вызвало никаких видимых усилий, из чего можно было заключить:

— Вживлять нетрудно.

Натти криво усмехнулся и все же согласился:

— Положим, что так. Но число демонов в Сосудах не бесконечно, и потому, когда подходит срок, человека надо чистить особым образом, чтобы не потерять да-йна безвозвратно. А тут никакого вычищения не было, понимаешь? Они просто убили сами себя, и демоны...

— Исчезли?

— Да! Повторяю еще раз: их число в мире не бесконечно.

А любые вещи тем ценнее, чем ограниченнее их количество. Это я понимаю.

— Хочешь сказать, просто так разбрасываться ими никто бы не стал?

Вот теперь он кивнул в полной мере удовлетворенно:

— В точку!

Итак, что у нас есть? Старуха, посланница которой вела себя подозрительно и опасно. Побег, случившийся сразу после того, как был отдан приказ о поимке. Принесенные в жертву демоны. Вывод может быть только один.

— Беглянка — важная персона.

— Похоже на то. Очень похоже.

Я был готов услышать продолжение истории, но Натти замолчал, и повисшая пауза невольно подстегнула мое воображение.

Женщина, способная сбежать из-под носа у «багряных», да к тому же с беспечной легкостью уничтожающая сокровища, недоступные простому смертному даже в мечтах. И при всем этом посылающая служанку, чтобы разыскать несколько монет с проштрафившейся лекарицы?! Что-то не вяжется одно с другим. Не могла она жалеть о деньгах, потраченных на мази и притирания. Если уж на то пошло, добраться сюда из столицы стоило намного дороже нескольких склянок. Я бы на месте старухи, отправляя своего подручного в дальнюю даль, отдал бы приказ, на самом деле стоящий затрачиваемых усилий. Например, уничтожить обидчика.

Неужели так и должно было произойти? Ведь дурнушка по имени Сиенн желала во что бы то ни стало оказаться в Блаженном Доле, а не просто получить извинения, значит...

Да, наверняка. За лекарицей приходил убийца, правда, успешно отвлекшийся на другое занятие. Но зачем старухе вдруг понадобилась смерть человека, скорее всего никогда лично с ней не встречавшегося? Обычно могилами запечатывают тайны. Что же должно было оставаться секретным здесь? Сами покупки, другого объяснения не находится. Покупки, позволяющие сохранять видимость молодости, почему-то очень важной для столичной дамы.

Последний вывод привел меня в совершеннейший тупик. К каменной кладке высокой стены, в которую можно было только упереться лбом, но не пройти насквозь. Пришлось сделать шаг в сторону, в боковой коридор других размышлений.

Побег. После случившегося он не мог не произойти, это верно. Я бы тоже, предполагая

неудачу своего посланника, постарался отправиться подальше от ищек «багряных». Причем предпринял бы все необходимые меры заранее.

— Она готовилась сбежать?

Натти недоуменно сдвинул брови:

— Ты о чем?

— Ее дом. В каком он был виде?

— Если не считать крови и мешанины костей с мясом... В порядке.

— Я не об этом. Там были следы сборов? Порталы не строятся, чтобы перейти из одной комнаты в другую, ведь так? Значит, она собиралась куда-то далеко. Должна была собираться, понимаешь?

Рот рыжего растянулся в странной улыбке, вроде и не предполагающей искреннее веселье, но явно довольной:

— Да, собиралась. Только все осталось на своих местах. Шкатулка с деньгами, другие вещи.

Вот она, недостающая деталь! Теперь картинка стала намного понятнее.

— Почему ты сразу об этом не сказал?

— А это меняет дело?

— Еще бы!

Натти заинтересованно прищурился:

— И чем же меняет?

Еще больше запутывает, если изложить словами первое впечатление. А если присмотреться ко второму...

— За ней кто-то приходил. И увел с собой.

— Хочешь сказать, ее похитили?

— Не знаю. Может, да. Может, нет. В любом случае долго думать ей не дали. Да и деньги бросила... Где находится ее дом?

— В столице, я же уже сказал.

— А конкретнее?

— Квартал Медвежьих лап.

Я чуть не поперхнулся, и рыжий даже обеспокоенно хлопнул меня ладонью по загривку:

— Ты чего это?

— Она богатая женщина, вне всякого сомнения. Но к тому же она должна очень хорошо знать цену деньгам.

— Почему?

Захотелось повторить его же слова. О том, что каждый из нас может быть несведущим в делах, кажущихся другому простыми и понятными, но я все же удержался от такого соблазна.

— Видишь ли, эта часть города — одна из старейших в Веенте. Собственно, вокруг нее и нескольких других близлежащих деревушек и строилась столица. А тамошние дома принадлежали семьям тех, кто стоял у истоков Дарствия... Как зовут эту старуху?

— Роханна Мон со-Несс.

Я повторил имя про себя, покатавал на языке, попробовал, что называется, на вкус, но ни одна струнка памяти даже не дрогнула.

— Ее предки никогда не жили в столице.

— А братец сказал, что дом — наследственное владение.

— Он сам-то давно поселился в Веенте?

Должно быть, мой вопрос прозвучал слишком презрительно, потому что рыжий заметно напрягся каждой черточкой лица.

— Какая разница?

— От прежней столицы почти ничего не осталось. Одни приезжие. Тот, кому посчастливилось родиться в границах Веенты, уже считается коренным жителем. И о славном прошлом никто ничего не хочет знать...

— Жалеешь?

Он спросил совершенно бесстрастно, даже невинно, но именно отсутствие эмоций в голосе придавало вопросу опасную глубину.

Жалею ли? Да. Я заставил себя смириться с настоящим. И мой отец наверняка точно так же, когда заставлял себя почитать полученную должность как драгоценный дар. Но ему было чуть легче. На несколько десятков лет. Правда, уже тогда по столичным улицам топтались взад и вперед пришельцы из всех уголков Дарствия. Но в мою бытность стало намного хуже.

Шумные, бесцеремонные, готовые поступиться чем угодно, чтобы зацепиться за жизнь в Веенте. Смелые? Увы. Намного более смелые, чем те, кто помнил камни мостовых столицы памятью многочисленных предков. И намного более целеустремленные. Не знающие пределов своим желанием. Вот, к примеру, как тот пастух, которому втемяшилось в голову совершить подвиг: он ведь не остановился ни перед чем, пусть и под влиянием демона. Те, другие, тоже не останавливаются.

Они сильнее меня и любого другого наследника семей, основавших столицу, а вместе с ней и Дарствие. Они почитают превыше всего свои желания, а те, кто когда-то встал под знамена первого Дарохранителя, если чего-то и желали, то вовсе не для себя. Наверное, не умели. И детей своих не научили.

— Жалеешь? — Вопрос был повторен с еще большей бесстрастностью.

— Давай закончим этот разговор.

— Жалеешь?

Я ведь не отвечу, и рыжий это прекрасно понимает. Не отвечу не потому, что стыжусь сказать «да» вслух. Причина совсем другая. Совсем некстати выбравшаяся на поверхность памяти.

Мне не довелось побывать у престола. Не получилось занять достойное место в дарственной службе. Я никогда не возглавлял войска, не ел с золота, не вершил великие дела. Если честно оценить прошедший десяток лет, то мое место было лишь немногим выше, чем место того же столичного попрошайки, измывающегося над собаками. Даже имена наши звучат одинаково, и кому какое дело до того, что Веента моего рода — крохотная древняя деревушка, помнящая рождение великого города?

Прошлое отнято, стерто в пыль, растоптано сапогами многочисленных прохожих и смыто в сточные канавы первым же весенним дождем. Будущее предопределено, записано в бумагах, скреплено всеми необходимыми печатями. Осталась только клетка настоящего.

— Жалеешь?

Я почти не расслышал голос рыжего. Сначала из-за крови, гневно зашумевшей в ушах, а потом из-за птичьей трели, раздавшейся из бело-розового облака кроны ближайшего вишневого дерева.

Хотите что-то приказать? Приказывайте. Но зачем лезете в душу? Я не пустил туда

демона, так неужели пушу кого-то другого?

— Жалеешь?

Я поднялся с чурбака, отряхнул штанины от древесной трухи и пошел обратно в дом.

Узел второй

Где-то...

— Пробудившийся доставил вам какие-либо неприятности? Нанес урон? — В голосе Имарр звучит одна лишь обыденность, словно несвоевременное превращение «вдоха» в «выдох» случается в Наббини по пять раз на дню.

— Нет, эсса, — почти с таким же равнодушием отвечает Герто.

— Подумайте хорошенько, прежде чем заверять отказ от возмещения ущерба, — повторяет Серебряное перо Крыла попечения.

Повторяет уже с ясно ощущаемой настойчивостью. Наверное, потому, что не слышит моего ответа. А мне, признаться, куда приятнее разглядывать стройные ноги в сложном кружеве голенищ, доходящих почти до... Словом, до того самого места. Чтобы добиться столь плотного прилегания, быстро твердеющий сок каббы наносят слой за слоем прямо на кожу, любовно разглаживая каждую капельку. И я искренне завидую тому счастливцу, что был допущен до священнодействия над прекрасным телом эссы Имарр.

— Эсса Конран?

Приходится все-таки оторвать взгляд от бесконечных серебряно-серых сапог и посмотреть в оливковые глаза.

— Вы отказываетесь от возмещения?

А что оно смогло бы мне дать? Несколько лишних монет, утяжеляющих кошельки? На них все равно не удастся купить достаточно вина, чтобы смыть гнилостный налет брезгливости, оставленный прошедшим днем на моих мыслях.

— Да, эсса. Отказываюсь.

Имарр удовлетворенно кивает, делая знак службе, ведущему записи, и тот с громким стуком ставит закрепительную печать на свитке, в котором подробнейшим образом изложено сегодняшнее происшествие. Чуть позже свиток, заверенный еще десятком уже личных печатей Перьев разного полета, спрячется в цельновыточенном деревянном футляре и отправится на долгое-долгое хранение в пропасть архивов Крыла попечения. И самое смешное, не сгинет там навсегда, потому что «выдыхов» считают и пересчитывают тщательнее, чем сокровища личной казны императора. Как будто ждут той минуты, когда количество ушедших и вернувшихся сравняется и...

— Что ж, можете быть свободны.

Церемонно произнесенная фраза — всего лишь дань традициям, ведь ни я, ни Герто не находимся в подчинении у прекрасного Пера: Гражданская стража набирается исключительно из добровольцев, желающих пощекотать собственные нервы.

Когда-то давно «вдыхов» выслеживали и отправляли либо в могилу, либо под строгий присмотр регулярные военные и полувойсковые службы, но в один прекрасный день «врата мечты» вознамерились открыть для себя вельможные дети, имевшие в своем распоряжении не только земли и золото, но и собственную гвардию. Вспыхнула война. Непродолжительная, не особо кровопролитная, однако поставившая императора по другую линию фронта от его, казалось бы, самых верных подданных. Мятежные герцоги подписали ультиматум, в котором напоминали, что войска империи содержатся и на их подати тоже, стало быть, нарушается священное вассальное право. А законы, древние, как сам мир, гласят: если сюзерен не исполняет своих обязательств, он подлежит немедленному и беспощадному

низвержению.

Император колебался недолго. Всего через месяц внял голосу разума и рыку боевых рогов. А еще через месяц вышел указ, что отныне заниматься розыском «вдохов» дозволено каждому гражданину империи. На свой страх и риск. «Вдохи» же соответственно могли как угодно защищать свое желание отправить дух на прогулку отдельно от тела. Чуть позднее слова императорского указа воплотились в создании Гражданской стражи, куда имели право записаться все желающие: и простые искатели приключений, и весьма знатные люди. Главное, никто из них не должен был быть обременен государственной службой. Проще говоря, под этим знаменем с прежних времен и по сей день собираются бездельники. Такие, как я.

Имарр уходит, шелестя складками плаща, широкого, но короткого, а значит, позволяющего во всей красе показать ноги, теперь уже со стороны спины. Провожая дивное создание взглядом и еще долго смотрю на опустевший коридор.

Пора возвращаться домой. Но пожалуй, сегодня мне не хочется торопиться.

— Раньше никогда не видел первые минуты «выдоха»? — спрашивает из-за правого плеча Герто.

Неопределенно киваю, мимолетно вспоминая пробуждение Либбет.

— Такими бывают девять раз из десяти.

Ничего себе! Что же случается с теми, кому не повезло оказаться рядом?

— Если бы Кана промедлила, парой тел на этом свете стало бы меньше.

Изумленно поворачиваюсь:

— Хочешь сказать, нас могло задеть?

— Не нас. — На лице Герто не вздрагивает ни одна черточка. — Его приятелей.

Да, он прав. Беспомощные, неподвижные, лишённые сознания тела не смогли бы избежать удара стихий.

— Если бы Кана промедлила...

А вот теперь что-то меняется. Прямо у меня на глазах. В вечно отрешенном покое юного лица Герто проступают отблески огня, прежде сокрытого глубоко внутри.

— Если бы она промедлила...

Со стороны может показаться, что юноша потрясенно повторяет одни и те же слова, но я-то вижу: ни о каком душевном волнении не идет и речи. Все совсем наоборот. Все переворачивается с ног на голову, открывая книгу с ответами на все вопросы, но я еще не готов принять обнажившуюся правду, поэтому киваю, поспешно прощаясь, и прохожу мимо, невольно ускоряя шаг.

Домашний дракон, дремлющий в открытых стойлах Крыла попечения, недовольно ворчит, когда я сажусь в скрипучее седло, наверное, столь же старое, как зверь, служащий мне. Вернее, не мне, а дому. Древнему дому Да-Диан, от которого в наступившем веке остались лишь огрызки. Ровно два. Я и Либбет.

Полупрозрачная пленка третьего века сдвигается, и черно-лиловый глаз вопросительно вглядывается в мое лицо до тех пор, пока не получает тихий приказ:

— Домой.

Дракон, переваливаясь с одной пары ног на другую, покидает защитные стенки стойла и недовольно фыркает, когда ветер взъерошивает тонкую, как ветхая бумага, грязно-желтую чешую. Громоздкая туша подо мной делает шаг, другой, а уже на третьем я привычно закутываюсь в плащ, потому что наверху всегда холоднее, чем внизу.

Что помогает неуклюжим с виду зверям чувствовать себя среди облаков, как рыба в воде? Какая сила позволяет призрачным прыгунам из лесов Арраны преодолевать огромные расстояния в мгновение ока? Кто наделил дубравных фей Изумрудного лона способностью превращать пустоту во все, что только можно пожелать? И почему мир, наполненный чудесами, делит свои безграничные возможности лишь с теми, кто отказывается от собственной изначальной природы?

Да, они не теряют человеческий облик. Кто-то даже становится совершеннее, чем был. Если захочет, ведь «выдох» может изменять свое тело. В любую сторону. Но людьми они все же перестают быть. Что происходит там, за «вратами»? Никто никогда не мог ответить. Ходят слухи, что сразу по пробуждении воспоминания еще сохраняются, но до обидного обрывочные, касающиеся лишь самых последних мгновений странного сна. А спустя несколько часов они полностью стираются, и человек, переставший быть человеком, навсегда забывает, где странствовал и что делал во время отсутствия души в этом мире. Впрочем, все остальное «выдох» тоже помнит неважно.

Имена, события, но, как правило, только давние — вот и все, что остается в памяти вернувшегося к жизни. И никаких чувств. Ни по какому поводу. Неудивительно, что рано или поздно новорожденные маги предпочитают покинуть родные дома и уходить туда, где смогут обрести новую семью, не пылающую страстями. Вот и Либбет уйдет. Не сегодня и не завтра, конечно, но это все равно случится. А потом я останусь совсем один в мраморно-лиственничных стенах имения Да-Диан. Вот тогда, наверное, и начнется настоящая скука...

Дракон время от времени всхрипывает, словно напоминая хозяину, что уже слишком стар для частых прогулок. Надо будет озаботиться новым ездовым зверем. Вызвать торговца, выбрать яйцо, заняться приручением. На это понадобится не один месяц. И это будет хоть каким-то развлечением. Если я все-таки почувствую вкус к жизни.

А еще можно жениться. Но о поисках супруги следует задумываться уже только после того, как Либбет покинет имение. Так же как и о поисках слуг.

Снег на дворе прибит плотно-плотно, словно толпа усердных работников день напролет возила по нему деревянный каток, и драконьи лапы не проваливаются в белый ковер ни на волосок. Не хрустит, не скрипит под ногами, а на ощупь оказывается совсем гладким. Словно лед, о чем заявляет ладонь, которой я дотрагиваюсь до мерзлого полотна, застилающего камни.

Дракон, дождавшись, когда я отойду на безопасное расстояние, взмахивает крыльями, снимая тонкую стружку инея, а может, и мраморной плитки с так некстати подвернувшейся стены, поднимается в воздух и направляется к своему гнезду на северной башне. Чтобы лечь там, свернувшись громадным клубком, закрыть глаза и смотреть сны, пока хозяйский свисток вновь не призовет на службу.

В прежние времена требовалась дюжина слуг, чтобы содержать одну только ящерицу в чистоте и довольстве, а на весь остальной дом нужна была и вовсе целая армия...

В прежние времена, которые уже не вернуться.

Створки парадной двери распахиваются, открываясь не ровно настолько, чтобы можно было протиснуться, а на всю возможную ширину. Другой дом непременно оказался бы выстужен, подобным образом принимая гостей и хозяев, а в моем от порога до потолка главного входа натянута чуть звенящая завеса теплого воздуха, не позволяющая морозу проникать внутрь. Она щекочет кожу, когда я прохожу сквозь, заодно подсушивая одежду и сбивая крупинки снега с сапог. Полезная и безобидная. Нужно только ненадолго задержать

дыхание.

Прилестничный зал загроможден переплетениями нитей, создающими впечатление, что в имени поселился и вознамерился сплести паутину гигантский паук. Радужные и однотонные, разобранные по цветам и смешанные друг с другом, они растянуты прямо в воздухе, за который, видимо, и держатся, потому что креплений нигде не видно. Когда я касаюсь пальцами одной из нитей, она упруго выпрямляется, хотя чуть растрепанные кончики висят совершенно свободно. А в следующий миг приходится уворачиваться от утка, бодро скользящего по шелковой паутине и тянущего за собой двойной шелковый шлейф.

— У меня будет новый домашний халат?

Либбет недоуменно поднимает голову от книги:

— Тебе нужен новый халат?

Вот в этом весь «выдох»: нет чтобы удивиться, съязвить, отмахнуться, в конце концов, — сразу следует вопрос по существу. Вопрос, лишенный хоть какого-то оттенка чувств. Надо? Сделаем. Только скажи.

— Шучу.

— А!

Она опускает взгляд к строчкам букв, и я только теперь полностью осознаю, что Либбет вряд ли помнит смысл слова «шутить». И вряд ли понимает. Просто приняла за правило, что, если я так говорю, значит, моя предыдущая фраза не нуждается в немедленном воплощении в жизнь.

Из «выдыхов», наверное, должны получаться идеальные слуги. Но мне, честно говоря, все чаще и чаще хочется чего-то нахально-несовершенного. Пусть они будут подворовывать, валяться на хозяйской постели, блудить, устраивать всяческие пакости по незнанию либо с умыслом. Неважно. Но они будут людьми. Обыкновенными. Такими, чьи мысли и действия я могу понять и хоть как-то объяснить.

Прядь золотистых волос сползает на лоб и тут же возвращается обратно. Но если бы другая женщина устроила из поправления прически целое представление, прежде всего для себя самой, то Либбет остается увлечена чтением, и все происходит без участия рук. Впрочем, увлечена — слишком сильно сказано. Она напряженно смотрит в книгу, словно видит не слова и фразы, а набор фрагментов, из которых нужно сложить заданный, но неведомый и непонятный узор.

Присматриваюсь к обложке. Хм. А ведь это один из весьма недурных любовных романов, которыми увлечены придворные дамы. Нарочно ведь выписал из столицы, думал, это поможет хоть что-то разбудить если не в сознании племянницы, то где-нибудь рядом. Не вышло. Она с таким же явным усилием читает реестр расходов. Старается...

А ведь верно, старается. Но ради чего?

— Нравится?

Облокачиваюсь о спинку кресла, заглядывая в книжные страницы. Кусок текста, по которому успеваю пробежаться взглядом, повествует о бессонной ночи и переживаниях героини, встретившей свою первую любовь. По меньшей мере, выглядит забавно. Но только не для моей племянницы.

— Не знаю.

— Тогда зачем читаешь?

Либбет кладет книгу на колени, на шелк домотканого платья.

— Ты ее подарил.

— Это единственная причина?

Она не отвечает, предпочитая разговору молчание, а мгновение спустя я понимаю, что сейчас внимание племянницы целиком отдано ткачеству, потому что два слоя шелкового полотна готовы слиться воедино, но прежде между ними нужно проложить пух, нащипанный с уток. Облачко, похожее на снежное, просачивается сквозь паутину натянутых нитей и, разделяясь на клочки, ныряет в особый образ вытканые кармашки. Самостоятельно и одновременно под неусыпным надзором сидящей в кресле ткачихи.

— Плащ будет?

— Да.

Кропотливое действие заканчивается, и Либбет снова поднимает книгу к глазам.

— Тебе не нужно делать то, что не хочется.

— Но я хочу.

— Прочитать?

Она снова замолкает, правда, теперь уже по другой причине, и я начинаю жалеть, что завел этот разговор. Все время забываю, что хоть моя племянница и выглядит взрослой девушкой, но уснула, когда ей едва исполнилось тринадцать, а значит, и вернулась из небытия прежним ребенком. Внимательным, неулыбчивым да к тому же напрочь забывшим, что такое детство.

— Извини, дурацкий вопрос.

Она кивает, то ли соглашаясь, то ли принимая извинения. Хорошо, что я не вижу в этот момент ее глаза. Наверняка они все так же сосредоточенно-бесстрастны.

— У меня назначена встреча.

— Он уже здесь. Во дворе, — сообщает Либбет, переворачивая страницу.

Входная дверь снова открывается. Перед гостем, который настороженно заглядывает внутрь, не спеша вступать в пределы чужого дома.

— Проходите! Милости просим!

Низкорослый, крепко сбитый мужчина в просторном меховом плаще делает шаг через порог, попадает в тепловую завесу и от неожиданности едва не оступается.

— Осторожнее!

— Аж дыхание перехватило... — ошарашенно признается эсса Элари и снова останавливается, глядя на росчерки нитей, заполняющих зал. Глядя не с таким выражением лица, которое подобало бы гостю, но именно так, как я и рассчитывал.

— Пойдемте, провожу вас в другое место. Более подходящее для беседы.

Либбет вопросительно поднимает голову, но я спешу погасить очередной порыв к исполнению обязанностей хозяйки дома:

— Не беспокойся, это ненадолго. Вино я могу налить и сам.

Эсса Элари идет за мной, с опаской отшатываясь от мерно вздрагивающих нитей, и только в удаленном от зала кабинете, кажется, начинает чувствовать себя хоть немного увереннее. Привычным движением стряхивает с плеч плащ, и тот падает прямо на ковер, а не в услужливо подставленные руки слуг.

— О, я, право...

— Ничего-ничего! — Подхожу к шкафу, достаю пару бокалов и бутылку с ввинчивающейся пробкой. — Здесь чисто.

Он косится на меховое озерцо, растекшееся у ног, но нагнуться и поднять не решается. Наверное, потому, что боится память наградную ленту, натянутую поверх нарочито

скромного камзола.

— Присаживайтесь, прошу вас. — Вино густо булькает, падая в хрустальные бутоны. —
Вы просили о встрече. Какова ее цель?

Гость с благодарностью принимает бокал, вдыхает аромат выдержанного напитка, но,
прежде чем сделать глоток, все-таки дожидается, пока хозяин пригубит угощение первым.

Часть 2.2

В столице я, пожалуй, немедленно обвинил бы эссу Элари в оскорблении и вызвал бы на дуэль, но здесь все-таки провинция, нравы хоть и грубее, зато намного ближе к велениям разума. Вполне понятно, что секретарь Городского совета Наббини заботится о том, чтобы жить долго и по возможности счастливо. И ни в коем случае не желает выразить мне свое неуважение. Скорее даже наоборот, если рискнул прийти в дом, где хозяйничает «выдох».

— Чудный вкус.

— Вы правы.

Мы еще какое-то время молчим, наслаждаясь вином, но правила приличия требуют продолжить разговор раньше, чем бокалы оказываются пустыми.

— Эсса Конран, вы ведь уже давно живете в Наббини.

— Пятый год.

И только первый — от дня пробуждения Либбет. Меньше года прошло с тех пор, как девочка открыла глаза после сна, похожего на смерть. Вернее, и являвшегося таковым.

— Это довольно долгий срок.

— Согласен.

— Обычно совет не принимает столь скоропалительных решений, но... — Элари замолкает и косится на темные пятнышки, бисером рассыпавшиеся по моей куртке.

Приходится переспросить:

— О чем вы говорите?

Почему-то засохшая кровь пугает людей куда больше, чем только что пролитая. Может быть, потому, что влага, вытекающая из разорванной плоти, похожа на маританский сироп, любимый всеми детьми империи?

— Мы хотим предложить вам занять достойное место. В совете.

— Мы?

Он, разумеется, не уточняет, многозначительно устремляя взгляд в пространство.

Что ж, примерно такого развития событий я и ожидал. Еще в тот самый день, когда меня начали представлять местной знати и прочим «достойным» людям. И челюсть сводит оттого, что мотивы членов совета просты, прозрачны и мудры, а стало быть, от них не получится отмахнуться просто так.

Деньги, сила и власть должны держаться рядом, только тогда они смогут пригодиться для чего-то полезного. Особенно общественно полезного. Интересно, кем определили меня? Наверное, все-таки «силой», потому что немногие из жителей Наббини и окрестностей набрались смелости записаться в Гражданскую стражу. Хотя и деньгами я не обделен, особенно после того, как прибыльно продал часть дальних рудников, а вместо них прикупил леса, вплотную примыкающие к границам Изумрудного лона. И мог бы получить еще больше, если бы вздумал пускать туда на прогулки восторженных юнцов. Наверное, так и сделаю. Когда сбегу в очередной раз.

— А вас не смущает то обстоятельство, что моя племянница...

Элари чуть наклоняется мне навстречу:

— Она не вечно будет с вами, вы же это понимаете. Понимаете?

Да, скоро я останусь в одиночестве. Долгом или нет, никто не знает. Но хотя слова собеседника больно колют куда-то в межреберье, сердиться не получается.

Ничего личного, один трезвый и сухой расчет. В чем-то секретарь совета до боли похож на Либбет, но у него все же есть одно несомненное для меня преимущество. Вернувшись домой, эсса Элари радостно потрет ладони, откупорит бутылку бережно хранимого для особых случаев вина и позовет супругу, чтобы отметить событие, укрепляющее Городской совет. К вящей славе Наббини, разумеется.

Что же делать?

Согласиться? Значит, обречь себя на еще большую скуку.

Отказаться? Значит, испортить отношения раньше времени. Либбет ведь пока что не ушла.

— Щедрое предложение.

Элари расплывается в довольной улыбке, поднося полупустой бокал к губам.

— Но конечно, вы предполагаете, что я не только войду в совет, а и кое-что прибавлю к городской казне?

— Несомненно, эсса Конран.

— А раз так, мне хотелось бы, прежде чем дать окончательный ответ, осведомиться, каково ее нынешнее положение.

Гость кивает, хотя моя просьба явно ему не нравится. Но опять же ничего личного, просто деньги любят счет.

— Как скоро вам нужен отчет?

— Как скоро вы желаете получить ответ?

Он снова кивает, уже начиная прикидывать, сколько времени понадобится, чтобы спрятать растраты и раздуть доходы, а я спрашиваю, протягивая руку к бутылке:

— Еще вина?

— Не откажусь. Вино у вас выше всяких похвал!

Здесь...

На исходе весны, когда в воздухе уже витает призрак приближающегося тепла, хочется отставить в сторону изрядно поднадоевшие за зиму сушеные, вареные, моченые и прочие лишённые природного естества яблоки и заполучить хоть что-то настоящее, яркое, спелое, пахнущее солнцем и луговым медом. Хочется смять зубами нежную мякоть и смаковать каждую капельку пролившегося на язык сока.

Виллита Брен со-Веента вздохнула, решительно отодвинула вазочку со сладостями прочь, но очень быстро передумала и вновь потянулась за очередным кусочком засахаренного фрукта, стараниями мастера-повара приобретшего аромат самых настоящих духов. Благодарение Боженке, хоть вкус остался таким, как и полагалось лакомству! Конечно, стройности пристрастие к сладкому не прибавляло, но самая именитая сваха Дарствия давно уже могла себе позволить быть менее строгой к отражению в зеркале. Собственно, даже растолстей она вдвое относительно нынешних объемов, сказала бы только спасибо своему аппетиту, потому что нет ничего лучше маски заботливой тетушки ни во время успокоительных бесед с девицами на выданье, ни в разговорах с придирчивыми женихами.

Тучи, висевшие над Веентой еще с ночи, наконец-то начали движение по городскому небу, и первый же лучик солнца, пробившийся между мутно-серыми клоками, попал в лабиринт двойного оконного переплета, ударился об одно стекло, о другое и зайчиком угодил прямоком в глаз достопочтенной свахи. Впрочем, та ничуть не обиделась на проказливого солнечного зверька, хотя брови все же сдвинула.

Весна. Лето. А за ними осень. Только кажется, что времени уйма, а как срок подойдет,

все снова начнут хвататься за головы и сетовать на нехватку часов и минут. Сколько бы ни объясняла Виллита своим подопечным и заказчикам, что зимой нужно готовить не одну лишь телегу, а и много других вещей, никто никогда не уделял должного внимания советам многоопытной сводни. Да и что с них возьмешь, с влюбленных? Хотя расчетливые еще хуже.

Сваха хорошо помнила, сколько долгих дней провела при подробнейшей переписи всех требований двух брачующихся сторон, а потом не меньшее количество времени ломала голову, как увязать причуды одной с нетерпимостью другого. Думала так напряженно и упорно, что в конце концов мысленно простилась с обещанной внушительной выплатой за успешно заключенный союз и на свой страх и риск перетасовала колоду, а проще говоря, нашла каждому его истинное отражение в зеркале жизни. Собственно, после этого и прославилась. О Виллите начали говорить как о тонко чувствующей чужие потребности, а ведь на самом деле судьбоносное решение было принято в сердцах и без всякого тщательного обдумывания.

Теперь подобных вольностей эрте Брен себе не позволяла, дабы во второй раз не потерять все то, что приобрела в первый. Причиной сей сдержанности был не только липкий страх возвращения в прежнюю жизнь. Нет, Виллите нравилось думать, что она и в самом деле обладает особым чутьем. Нравилось в это верить, ну хоть изредка, а вера не терпит фактических подтверждений. Правда, долгое отсутствие смелых, на грани сумасбродства решений рано или поздно должно было сказаться на потоке заказчиков и заказчиц, но сваха верила, что Провидение не оставит ее, явит знак или сотворит очередное чудо. К примеру...

Она не услышала, как открылась, а тем более закрылась дверь и в комнате, уютной, светлой, чуточку вычурно обставленной комнате стало на одного человека больше. Не услышала, как тоненько охнуло кресло, принимая гостя в свои объятия. Лишь когда потянулась за следующей порцией сластей, чуть не подпрыгнула на месте от невинно прозвучавшего вопроса:

— Может, и меня угостите?

Эрте Брен не пряталась от посетителей и избегала дружбы с людьми, на руках которых не высыхала кровь, потому охраной и охранниками не злоупотребляла. Однако сюда, в личный кабинет, допускались немногие. Вернее, вовсе никто, потому что именно тут хранилось самое драгоценное: списки незамужних и неженатых. С многозначительными пометками возле каждого имени. И остроносая Кати, бессменная помощница свахи, становилась непреодолимой преградой на пути каждого, намеревающегося... Нет, как видно, уже не каждого.

Виллита постаралась выровнять возмущенное дыхание и, смахнув платком сахарную пыль с кончиков пальцев, медленно повернула голову в том направлении, откуда раздался голос. Молодой голос.

Незванный гость сидел в ее любимом кресле, закинув левую ногу на подлокотник и задумчиво покачивая носком сапога.

Стало быть, молодой на самом деле: за людьми взрослыми сваха такого обращения с предметами мебели не замечала. А вот одет он был явно не по возрасту. Скучно был одет.

Нынешней зимой столичная молодежь полюбила стеганые куртки, отороченные полосками крашеного меха, причем краски эти, как правило, резали глаз даже на значительном удалении сего безобразия от взора добропорядочных горожан. И хотя холода вот-вот должны были закончиться, город еще всю пестрел буйными нарядами. Этот же молодой человек нарядился в костюм темного сукна, более подошедший бы отцу, а не сыну.

Да и плащ, наверняка оставленный за дверью кабинета, скорее всего, был столь же строгим и скучным.

А вот шляпу незнакомец не снял, несмотря на присутствие дамы. Интересную такую шляпу, с полей которой свисало черное кружево, совершенно не позволяющее рассмотреть лицо. Виллита знала, что похожие головные уборы были в ходу лет эдак сорок назад, когда она сама еще не родилась, а носили их по большей части знатные люди, желающие остаться неузнанными, когда отправлялись в сомнительные места за сомнительными приключениями.

Все увиденное вкупе с прочими странными обстоятельствами появления гостя свахе не очень-то понравилось, и она подчеркнуто сухо осведомилась:

— Что вам угодно?

— Жениться, конечно. Что же еще?

Услышанное успокоило Виллиту, но лишь слегка. Обычно в поисках невест сюда приходили не сами женихи, а их доверенные лица, снабженные всеми необходимыми сведениями. Так было спокойнее и самой свахе, и ее заказчикам. Личная встреча происходила в одном-единственном случае: если никто из заочно отобранных эрте Брен невест не получал одобрения. К тому же, надо отдать Виллите должное, такое случалось редко. Да и не любила она вести переговоры прежде, чем узнавала хоть что-то о холостяке, решившем остепениться.

— Как пожелаете. Извольте представиться.

Сваха хотела дать понять, что не станет разговаривать с незнакомцем, и считала, что это у нее вполне получилось. Вот только незваный посетитель совершенно невинно ответил:

— Не изволю.

Виллита недовольно поджала нижнюю губу.

Можно было указать нахалу на дверь, но что-то подсказывало свахе: поступать таким образом ни в коем случае не стоит. Непохоже было поведение незнакомца на юношескую браваду, хоть тресни.

— Не будет имени — не будет работы.

Посетитель усмехнулся. Или фыркнул — из-за кружева было не разобрать.

— Совсем недавно это правило звучало иначе: нет монет — нет работы. Неужели мир успел так быстро измениться?

Намек был кристально прозрачен и предлагал свахе пожалеть о поспешности в выставлении условий, но эрте Брен только уверилась в правильности своих действий. Деньги деньгами, но за ними всегда стоят имена, не все из которых она согласна была бы произнести даже мысленно.

— Мое правило таково.

Он помолчал, о чем-то раздумывая, потом встал с кресла, подошел к Виллите, положил на стол перед женщиной плоский кусочек тусклого металла, и сваха едва не поперхнулась, разглядев, чем именно предлагают оплатить ее услуги.

Толстая, с неровно обрубленными краями и пятнами патины на полустертом рельефе монета вышла из употребления давным-давно. Она помнила времена становления Логаренского Дарствия и сегодня одна стоила целого состояния. Правда, нужно было еще найти того, кто сможет обменять эту древность на золото и серебро...

— Что это?

— Логаренский ортан.

— Вы знаете, сколько он стоит?

— Думаю, достаточно, чтобы найти мне хорошую жену. Или я ошибаюсь?

Незнакомец крутанул в пальцах еще одну монету — родную сестричку той, что ждала своей участи на столе, и Виллита едва не задохнулась от волнения.

Вот он, шанс, о котором сваха просила Провидение не далее как сегодня утром. И на один орган можно было вести безбедную жизнь до самой смерти, а за два... За два эрте Брен готова была продать посетителю всех невест скопом, пусть забирает! Но приличия требовали другого ответа:

— Нет, если вы и ошиблись, то самую малость.

— Значит, мы можем договориться?

Виллита глубоко вздохнула и придвинула к себе папку для записей.

— Что за женщина вам нужна?

— Молодая. Здоровая. Хорошей наружности. С родословной, в которой нет сумасшедших или чудаков. Счастливо осиротевшая.

Прозвучавшие пожелания были разумны, но неполны. А не хватало в них самого главного:

— Каков должен быть ее характер? Покладистый? Упрямый? Вспыльчивый? Тихий?

Посетитель с минуту внимательно смотрел на сваху, будто не верил, что все это она спрашивает всерьез, а когда наконец понял, что заданный вопрос имеет для эрте Брен большое значение, сказал равнодушно, почти холодно:

— Неважно. Я не собираюсь с ней жить.

И сейчас...

По-настоящему мне было жаль лишь одного: что под рукой нет никакого дела, которое можно было бы поставить преградой на пути вопросов неугомонного Натти. Оставалось уповать только на случай в лице кого-то из дольинцев, но то ли время было слишком раннее, то ли Смотрителя никогда не тревожили по мелочам... В общем, сторонняя помощь не подоспела. Зато рыжий неторопливо, по-хозяйски последовал за мной на кухню.

Он долго смотрел, как я набираю воды в кружку, как выпиваю прохладную влагу одним медленным глотком, как обшариваю полки в поисках съестного и нахожу остатки пирога. Смотрел, как я отщипываю румяное тесто по крохотному кусочку и кормлю встрепенувшегося и слетевшего с моей груди на стол жука. Смотрел и молчал, хотя должен был повторять и повторять свой дурацкий вопрос.

Насытившись, жук взлетел мне на плечо, но не задремал снова, а пристроился у самой шеи, щекоча кожу щеточками усов. Выражал благодарность, наверное. А вот во взгляде человека, находящегося по другую сторону стола, чувств пока не проявлялось.

— Сегодня тебе разве не нужно спасать мир?

— Мир подождет, — равнодушно ответил Натти.

Два слова, произнесенные без малейшего намека на шутку, почему-то кольнули меня куда-то совсем рядом с сердцем. Я до сих пор ничего не знал о своем собеседнике, никаких особых подробностей, да и не хотел узнавать, но сказанного сейчас оказалось достаточно, чтобы понять: передо мной стоит не человек.

По крайней мере, не человек в эту самую минуту. И хотя его волосы по-прежнему отливали только золотом без вкрапления прочих цветов, что-то изменилось. Существенно. Он сейчас немного походил на золотозвенника, но тот, пожалуй, все же никогда не терял человечности полностью, а на меня смотрел карими глазами кто-то чужой. Кто-то, кто

действительно способен заставить мир подождать.

— Что тебе нужно?

— Я уже говорил. Помощь.

— Какая?

— Раньше ты бы не стал спрашивать об этом.

Больше всего происходящее походило на то, что мне сейчас начнут выкручивать руки. На дыбе. До тех самых пор, пока я, глотая сопли и кровь, не буду нижайше умолять принять мои услуги.

— Ответишь?

Он пожал плечами, как мне показалось, немного устало, а ржаво-карий взгляд вдруг дрогнул и поплыл, теряя прежнюю мертвенную уверенность:

— Частично ты уже помог. С размышлениями про старуху.

— Это слишком просто. Любой сопроводитель умеет так делать на первом же году службы.

— Тебе виднее.

— Стоило расспрашивать меня ради такой малости, когда под рукой много других достойных помощников?

Часть 2.3

Натти усмехнулся:

— Не знаю, какова была твоя прежняя служба, но есть кое-что, ставящее тебя на ступеньку выше всех прочих сопровождающих. И ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Ты был там. В этих... Как ты их называешь? В обстоятельствах.

— Они завершились. Других пока не наступило. И большего я предположить не могу.

— А предполагать и не надо.

— Ты же сказал, что старуха сбежала неизвестно куда.

— Не говорил.

— Но...

Карие глаза вновь лукаво сощурились.

— Я сказал, что никто не отправился по следу.

Захотелось стукнуть по лбу. По своему конечно же. Ну я и дурак! Нагреб кучу всяких умствований, а самое главное, лежащее на виду, обошел стороной. Неужели это конец? Да, способность сосредотачиваться должна была начать ослабевать, но не так же скоро... И не так же сильно, Боженка меня побери!

— Почему?

— На то было несколько причин. — Натти сел на скамью, достал из-за пазухи потертую фляжку и плеснул темно-красной, почти черной жидкости мне в кружку. — Выпьем? В знак примирения?

От таких предложений не принято отказываться. Вот и я не отказался, хотя глушить вино с утра не хотелось вовсе. Впрочем, вкус у подношения оказался вполне приятным, хотя и излишне терпким, с заметной горчинкой. Рыжий в свою очередь поднес к губам фляжку, сделал большой глоток, а потом как ни в чем не бывало продолжил беседу:

— Выяснение места назначения заняло больше времени, чем можно было потратить, чтобы успеть настичь беглянку по горячим следам. А когда стало ясно, куда она направилась, пришлось задуматься. И серьезно.

— И каковы итоги раздумий?

Вместо ответа Натти небрежно спросил:

— Ты что-нибудь знаешь о южных провинциях Дарствия?

— Немного. Моя аленна иногда рассказывала о своей родине. Но я, признаться, не особенно вслушивался в эти рассказы.

— Ты что, был женат? — удивленно вскинул брови рыжий. — И долго?

— Больше пяти лет. А что в этом странного?

— Странно, что жена тебя так долго терпела... Но это так, к слову. В общем, ничего не знаешь?

— Можешь считать и так.

— Хорошо, тогда слушай. — Натти оперся локтями о стол. — Почти все южные земли присоединились к Дарствию под действием силы, но среди них нашлись и такие, что предпочли перейти на другую сторону по собственной воле. А все мы знаем, как Дарохранитель щедр в милости своей к тем, кто покорно склоняет перед ним голову... Провинции, по собственной воле вставшие под знамя Логарена, получили за свое решение хорошую плату.

— Это справедливо.

— Ну да, ну да... — скривился рыжий. — В частности, им было разрешено ввести собственных управителей.

Он замолчал, ясно показывая, что теперь я должен что-то понять самостоятельно.

Меньше всего мне хотелось сейчас действовать по указке наглеца, попытавшегося содрать корку со старых шрамов моей души. Если бы не глупейшая ошибка, совершенная то ли по рассеянности, то ли от злости, я бы не поддался искушению войти в обстоятельства. Но сейчас передо мной встал непростой, даже болезненный выбор: попробовать удержать прежние умения при себе или раз и навсегда попрощаться с ними. В конце второго пути меня ожидала участь эрте Ловига. Завидная для многих. Почетная. Почитаемая. И ужасающе спокойная.

Я перевел взгляд за кухонное окно, туда, где не по дням, а по часам расцветал сад. Мне же нужен был покой, как можно было об этом забыть? Или всему виной сумбур последних суток, многократно поменявший местами хорошее и дурное?

Нет, я не запутался. Я шел по своей собственной тропе, никуда не сворачивая, пока не оказался на перекрестке вместе с толпой других людей. Потом они разбежались в разные стороны, оставив меня без подсказок, куда двигаться дальше. А мне ведь так хотелось отправиться с ними... Хоть куда-нибудь.

Может быть, следовало прямо заявить об этом желании? Что ответил бы мне тот же золотозвенник? Промолчал бы? Отмахнулся? Позвал за собой?

Вот последнее — вряд ли. Я нужен ему здесь. Как запас, задвинутый в дальний угол хранилища, сберегаемый для крайней нужды. Он ведь дал понять, что все мои достоинства умещаются в одной щепоти. Да, воевать будут другие, а мне, по всей видимости, придется ждать окончания сражений и бродить потом по полю боя, добывая раненых врагов и собирая мертвые тела друзей...

Из болота раздумий меня вытащил щелчок пальцев. Прямо около уха. Звонкий. Почти оглушающий.

— Ты что, заснул? По ночам надо такие дела делать.

— О чем мы говорили?

Я прекрасно помнил последнюю фразу прерванной беседы, но втайне надеялся, что долгая пауза поможет сменить тему. Надеялся зря: собеседник остался непреклонен.

— Катрала получила от Дарохранителя право назначать собственных управителей, — повторил рыжий и снова замолчал, внимательно глядя на меня.

Ну и что именно я должен сообразить? Собственное управление. Наместничество, если говорить точнее. Берется отдаленный от столицы и по каким-то другим причинам малоугодный властям кусок земли и отдается на откуп человеку, способному с ним справиться. Как правило, достаточно богатому либо обладающему иными способностями для установления влияния над другими людьми. Получается что-то вроде того же Перевального форта, комендант которого для беженцев — и Бож, и Боженка, и отец родной. Правда, действует он уже не по исходным обязательным в других местах дарственным законам, а по своим...

Кажется, понял, куда клонит Натти.

— Там Цепи не имеют здешних возможностей?

— Там их вовсе нет.

— Возможностей?

— Цепей, — коротко ответил рыжий.

Неприятные обстоятельства, не спорю. Но есть великое множество других способов добиваться цели.

— Это что-то меняет?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что «багряным» нужно добраться до беглянки, а заодно и до тех, кто ей помогает.

— Верно.

— И я думаю, что Звеньям не возбраняется на время переставать быть Звеньями.

Натти улыбнулся, цыкнув зубом:

— Не возбраняется. Только есть еще кое-что.

— Здесь или там?

Ответ последовал не мгновенно. Мне даже показалось, что рыжему трудно подбирать для него слова, и это было тем более странно, потому что услышанное мною через несколько минут прозвучало вполне безобидно:

— В Катрале нет Цепей и Звеньев, зато есть бальгерия. С местного наречия это можно перевести как «божьи слуги».

— Тамошние жители настолько верующие?

Натти почему-то сжал пальцы правой руки в кулак, дождался, пока костяшки побелеют, и только потом сказал:

— Истово верующие.

Я все еще не мог уловить причину его тревоги, теперь уже вполне очевидной.

Люди верят в Бога и Боженку? Ну и пусть. Что в этом плохого? Не знаю, как в Блаженном Доле, а в столице тоже многие верят. И с детства ходят в общественные кумирни. Меня такое счастье миновало, потому что отца куда больше волновали дарственные дела; а мать предпочитала заниматься домом, а не душой. Только по большим празднествам мне и моим сверстникам из соседних домовладений удавалось услышать сказки из уст прибоженных. А когда моя жизнь переместилась в казармы Сопроводительного крыла, вера сама собой исчезла. Растворилась в прошлом.

— Ты так говоришь, будто верить — преступление.

— Верить — нет. Но вера часто побуждает к определенным деяниям. — Он словно прислушался к чему-то далекому, а потом, напевно растягивая слова, произнес: — И когда с ночного неба упадут звезды, яркие, как осколки неба дневного, явятся в мир звери, пожирающие людей. Но не плоть и кровь насыщают ненасытные пасти, а свет невинных душ, не умеющих отрешить себя от мирских страстей. Нет защиты от сего врага, кроме праведности, но и та слабеет, не будучи напитанной ежечасными жертвами.

Что-то знакомое почудилось мне в этом однотонном напеве. Кажется, я уже слышал его. И не один раз. Правда, почти без слов...

Память прыгнула назад. На год или два. В те времена, когда я еще старался жить, как заведено предками. Жить семьей вместе со строгой чернокозой южанкой, от месяца к месяцу становящейся все молчаливее. Она всякий раз напевала так перед сном. Тихим шепотом. А потом ложилась в постель, расслабленная и спокойная, словно убаюканная своей странной песней.

— Откуда ты это знаешь?

— Что?

— Слова вечерней молитвы.

Натти переспросил:

— Именно вечерней?

— Ну... да. Наверное.

— Так проповедуют в кумирнях юга. В той же Катрале. А вот в какое время дня, мне не говорили.

— Все еще не понимаю, к чему этот разговор. Есть земли. На землях живут люди. Люди верят, и правильно делают. Что еще?

— Ага, делают. Правильно. — Губы рыжего в очередной раз брезгливо скривились, словно он собирался положить в рот что-то скользкое и омерзительное вроде лягушки. — И тебя ничего не настораживает в тех словах? Ах да, конечно, ты же к ним привык. Небось каждый вечер слышал? А может, и сам повторял, вслед за женой?

— Лодия была вовсе не...

Хотел сказать «не набожна», но понял: в чем-то Натти все же прав. Она твердила так ежедневно. И это только при мне. А в мое отсутствие? Чем она занималась с утра до вечера? Может быть, молилась, наминая колени. Хотя даже со всеми этими странностями...

— Она была хорошей женщиной.

— Хорошей так хорошей, — согласился рыжий. — Да и все остальные южане наверняка неплохи. Пока слова не переходят в дела.

— Ты меня запутал. Что не так с этой несчастной Катралой?

— Как знать, может, она на поверку счастливее прочих краев. А что не так... Сам скоро увидишь.

Вот, значит, ради чего была затеяна эта изматывающая душу беседа?

— Что мне там делать?

— А вот это решишь на месте. Может, и вовсе ничего делать не придется. А может, придется попотеть, да еще как.

— Говори прямо!

Натти улыбнулся, теперь уже во весь рот.

— Поскольку в Катрале Цепей нет и в помине, посылать туда кого-то из Звеньев бессмысленно, потому что никакой поддержки и помощи они не получают. Впрочем, как и любой другой посланник. Тому, кто отправится туда, останется полагаться только на собственные силы.

— Которых у меня, как ты помнишь, нет.

— Это верно, — охотно соглашаясь, кивнул рыжий.

— Тогда какого Бога...

— Думаешь, я сидел бы сейчас здесь и разговаривал с тобой? Если бы все было просто, кто-то вроде того юнца, напичканного да-йинами под завязку, уже возвращался бы с пойманной беглянкой под мышкой.

— Да в чем тут сложность?

— Ты слышал слова молитвы? А теперь представь, что существуют люди, которые восприняли это напутствие как приказ.

— Даже пытаться не буду! Или говори прямо, или...

— Далеко все равно не прогонишь.

— Ты скажешь?

Он глубоко вдохнул, шевеля губами, будто отчитывая меня за что-то.

— Катрала боится демонов. А как поступают люди, когда чего-то боятся?

— Стараются защитить себя.

— Вот. А защита бывает разной. Можно тщательно следить друг за другом. Можно запира́ть двери и окна. Можно проводить дни в молитвах. Но если не уберется или не уберег кого-то из близких и дурное семя упало в благодатную почву... С сорняками ведь кто как борется. Кто дожидается, пока растение окрепнет, чтобы выколоть, не оставляя в земле корней, а кто-то попросту пускает пал.

— Хочешь сказать...

— В Катрале демонов корчуют огнем и мечом. При малейшем подозрении. Даже неоправдавшемся, — спокойно закончил Натти.

— Но одержимых демонами ведь еще нужно распознать?

— Конечно. Правда, это совсем нетрудно, если у тебя на службе есть недокровки.

— Недо... кто?

— Плод соития обычного человека и одержимого. Видишь ли, демон не может перейти из тела в тело, если только первое не умрет, а значит, не может оставить себя в потомстве. Зато наделяет своего человеческого наследника... вернее, обделяет одним замечательным свойством. Недокровка не способен заполучить демона, как бы сильно ни желал. С детства эти несчастные страдают от неисполнимого желания стать такими, как один из родителей. А чем сильнее желание, чем большее осознание полученного проклятия, тем острее зависть — лучшее средство для утончения природного нюха. Аромат демона живет в их памяти, нужно только легонько подстегнуть, и...

Я припомнил всплески собственной зависти, случавшиеся хоть и редко, но всякий раз добравшиеся до самого сердца. Пожалуй, в такие минуты мои чувства и впрямь обострялись. А вот рассудок... Скажем так, притуплялся.

— Зависть, говоришь? А если завидовать не только исполнению желаний?

— Почему бы и нет? У кого-то красивая жена, у кого-то толстый кошелек, а кто-то славится своей мудростью. Поводов хватит на всех.

Это правда. Омерзительная своей кристальной простотой.

— И кто может поручиться, что...

— Что недокровка будет искренен в указании врага? — Улыбка Натти стала шире, обнажая зубы. — Никто.

— Но тогда...

Своры ищек, снующих по городам и весям и подающих голос на любого, кто им не по нраву. Сами-то они надежно защищены от малейших подозрений самим своим происхождением, но все остальные люди каждую минуту жизни подвергаются опасности быть обвиненными и уничтоженными. Без возможности оправдания.

— Знаешь... Я не хочу отправляться в Катралу.

Рыжий расхохотался, хлопая ладонью по столу:

— Не все так страшно! Хотя... И страшно — тоже. К тому же у тебя нет выбора. Здесь ты в ближайшее время точно не сможешь остаться.

— Это еще почему?

Карий взгляд сверкнул опасным огоньком, и эта искра словно попала в костер, кем-то сложенный у меня под ребрами. Но дрова не запылали жарким огнем, а наполнили грудь влажным, удушливым дымом, который, поднимаясь все выше, становился похожим и вовсе на слизь, в конце концов плотным комком вставшую прямо в горле.

А мгновением позже я понял, что не могу вдохнуть.

* * *

Тряпица, прижатая к моему лицу, была пропитана какой-то сильно, но свежо и довольно приятно пахнущей жидкостью и, хотя должна была бы еще больше затруднить дыхание, добилась совершенно обратного действия: судорожные вдохи сменились глубокими.

Натти, почувствовав окончание приступа одновременно со мной, поспешил отступить назад, чтобы оказаться вне досягаемости. И правильно сделал, потому что больше всего сейчас мне хотелось заняться душегубством.

— Что все это значит?

— Кто из нас двоих лучше умеет думать, а?

— Вино было отравлено, да?

— То, что ты выпил, не убивает. Всего лишь причиняет небольшие неудобства.

— Ах небольшие?!

Я швырнул тряпицу на стол, развернулся к рыжему, перекидывая ноги через скамью, и тот сделал еще один шаг назад, впрочем не переставая довольно ухмыляться.

— Говорю же, от этого не умирают.

— А ты проверял?

— Если вовремя подышать настойкой тысячзрачника, ничего не случится.

— Вовремя, значит?! Но я же не знал о том, что вот-вот начну задыхаться!

— Зато я знал. Помнишь, мы пили вместе?

Он оказался так простодушно искренен в своих признаниях, что мой гнев угас чуть ли не быстрее, чем жжение в груди. Зато вопросы остались.

— Зачем это тебе понадобилось?

— Сам сообрази.

Сообразил я уже давно. Но все еще не мог поверить, что должен был действовать не как друг, а как... Кукла на веревочках.

— Сам придумал?

— Вообще-то нет. Умные люди подсказали.

Врет ведь. И проверить никак нельзя. Да и есть ли теперь смысл проверять?

— Ты понимаешь, что ты сделал?

— Лучше, чем это понимаешь ты, — ответил рыжий, серьезно и, пожалуй, чуть виновато глядя мне прямо в глаза.

— Тогда какого...

— Кое-кто только что заявлял, что не желает ехать в Катралу.

— Могу повторить это. Хоть сотню раз.

— Я бы сказал то же самое, веришь? Только слушать некому.

Все равно можно было договориться. По-другому. В конце концов, у меня оставался перед ним должок, и я бы согласился. Но видимо, вопреки словам золотозвенника, в самостоятельности мне все еще отказано.

Что ж, пусть будет так. Он получит то, чего хотел.

— Каков будет первый приказ?

Натти растерянно сощурился:

— Приказ?

— Тебе надо было заставить меня подчиняться? Хорошо. Но больше я ничего не стану

делать по собственной воле. Буду ждать твоих распоряжений.

— Зря ты так.

— А как надо?

Он подумал и махнул рукой:

— Неважно. Все остальное можно обсудить потом. К обеду мы должны быть в Литто, нас будет ждать портал.

— Как скажешь.

Значит, все-таки «мы»? Все-таки вместе? Тогда какого Бога один из напарников делает все, чтобы успешно поспорить с другим? Выполняет чей-то не слишком продуманный приказ? Да, так обычно и поступают, если своей головы на плечах не хватает. Но вряд ли Иттан со-Логарен дожил бы до теперешних своих лет, если бы исполнял только чужие повеления.

Я оперся спиной о стол, скреживая руки на груди. Натти посмотрел на меня, шурясь еще сильнее, чтобы было невозможно разглядеть выражение карих глаз, и насмешливо заметил:

— А вот расслаживаться некогда. Я сейчас пойду за коляской, а ты — к хозяйке Дола.

— Это еще зачем?

— Отправляться будешь. На некоторое время. От своих здешних обязанностей.

— А что, меня могут не отпустить?

— Могут, — широко улыбнулся рыжий. — Но ты уж постарайся. Можешь считать это первым приказом.

Возражать было бессмысленно. И потому, что приказ — вещь не подлежащая обсуждению, и потому, что Натти тут же убрался из дома, оставляя меня... Нет, не в одиночестве. В компании с тихим бешенством.

Я еще немного посидел, глядя в стену, но просверлить взглядом дырку все равно не получилось. А когда встал, в кухонном окне появилась ненавистная рыжая голова и сообщила:

— Возьми тряпку с собой и дыши через нее каждую четверть часа. На всякий случай.

Жаль, что под руку подвернулась всего лишь глиняная кружка, не слишком подходящая для поражения цели: из-за окна послышался треск разлетающихся в стороны черепков и быстро удаляющийся хохоток.

До дома Нери я добрался быстро, благо хорошо помнил дорогу, но открывшая на требовательный стук служанка ответила, что не может позвать хозяйку. Потом девица попробовала захлопнуть дверь перед моим носом и весьма удивилась, когда это ей, во-первых, не удалось, а во-вторых, последовал закономерный вопрос: «Почему?» На меня посмотрели с явной растерянностью и нехотя пояснили, что эрте Нери изволит находиться в другом месте. Для того чтобы выяснить, в каком именно, понадобилось еще несколько минут: служанка, похоже, считала Смотрителя всеведущим и долго не могла понять, что от нее требуется. Наконец мне все же удалось узнать, куда отправилась лисичка, и настал уже мой черед удивляться.

Я предполагал, что Элса Квери пользуется уважением в Блаженном Доле, но что у нее дома могла забыть местная хозяйка? Неужели приболела? Этого еще не хватало! А может, отправилась проведать Ньяну? Такое объяснение нравилось мне куда больше, но ровно до того момента, как выяснилось, что моей прежней помощницы в доме лекарицы нет. Да и вообще никого нет. Пришлось обойти все владения Элсы, держась подальше от пристроек с растениями, навевавшими безрадостные воспоминания.

И все равно я ни за что не нашел бы Нери, если бы она меня сама не окликнула из-за переплетений плюща. А найдя, не узнал бы, если бы не слышал ее голоса, потому что лисичка, бережно подстригающая засохшие за зиму веточки, была одета в простое полотняное платье, защищенное от травяного сока и прочих источников грязи длинным

фартуком и нарукавниками, а волосы спрятала под плотно повязанным платком.

— Ищете Ньяну?

Я неопределенно качнул головой, во все глаза глядя на девушку. Странно, но то пышное платье, которое она надевала для первой встречи с новоявленным Смотрителем, пожалуй, даже скрадывало ее красоту, а белое полотно, не отвлекающее взгляд от главного — своего содержимого, оказалось той самой оправой, что делает драгоценный камень еще прекраснее.

— Она уже в своем доме. Под присмотром племянников. С ней все хорошо, — добавила Нери, вопросительно всматриваясь в мое лицо и, видимо, замечая в нем излишнее волнение.

— Рад слышать.

Она избавила плющ еще от пары отмерших побегов, полагая, что разговор окончен, но, поскольку я остался стоять на месте, снова спросила:

— Вам нужно что-то еще?

Да. Но как бы подобрать слова, чтобы изложить мою просьбу?

— Хотите пристроить еще одного беглеца?

Смеется? Это хорошо.

— Нет, эрте. Хочу попросить дозволения сбежать. Для себя самого.

Она выпустила ус плюща из пальцев, и тот упруго вернулся к своим братьям.

— Вы...

Если бы я не видел прежде холодной надменности и огненной ярости в исполнении лисички, то решил бы, что сейчас она испугалась, как ребенок. И это выглядело непонятным. Казалось бы, наоборот, должна радоваться тому, что вновь становится здесь полноправной хозяйкой. Так откуда же в зелени глаз взялась обида?

— Мне нужно уехать, эрте.

— Далеко? — понижая голос до шепота, уточнила девушка.

— Не близко.

— Надолго? — спросила она уже одними губами, потому что мой первый ответ и так предполагал, что времени на путешествие понадобится достаточно много.

— Я пока не знаю. Может быть, на месяц.

Нери о чем-то подумала, напряженно глядя на набухающие продолговатые бутоны, и уточнила:

— Но к осени вы вернетесь?

— Почему именно к осени?

Девушка куснула губу, отчего та стала еще розовее.

— Потому, что осенью... Осенью вы будете здесь нужны.

Конечно, такая требовательность слегка льстит, но... К чему эта таинственность? Нельзя объяснить все сразу?

— Что-то должно случиться?

Она отвернулась и ответила, правда, не мне, а плющу:

— Да.

Я шагнул ближе, чтобы оказаться на расстоянии вытянутой руки от Нери.

— Что же именно?

Светло-зеленые глаза вновь посмотрели на меня со странным смешением надежды и отчаяния:

— Осень — время сватовства.

Разве? А мне казалось, что свадьбы играют в любое время года, было бы на то

желание влюбленных. Впрочем, в Блаженном Доле могут привечаться свои собственные обычаи. О которых меня никто не спешит оповещать.

— Я должен буду присутствовать?

— И скреплять узы.

Бож милосердный... Ну да, конечно. Как главный осколок власти в этой глуши. Веселая же мне предстоит осень!

— И много ожидается свадеб?

— По меньшей мере одна. — Теперь девушка смотрела на меня, не отрывая немигающий взгляд.

— И чья же?

— Моя.

Любопытно. Значит, скоро у Блаженного Дола появится настоящий хозяин? И значит, скоро мне придется делить власть с кем-то, намного менее приятным и наверняка менее сговорчивым, чем лисичка? А еще кому-то очень сильно повезет заполучить вместе с землями в свое распоряжение красивую женщину.

Хм. Ничего, еще посмотрим, кто кого. Но невесту вроде полагается поздравить?

— Позвольте заранее пожелать, чтобы ваше замужество стало счастливым.

Зелень глаз вспыхнула холодным осенним золотом:

— Вы хотели куда-то уехать? Так уезжайте!

Нери подобрала подол платья, обнажив тонкие щиколотки, и быстрым шагом пошла прочь вдоль длинной решетки, по которой стелился зацветающий плющ. А мне почему-то вдруг стало жаль, что я не увижу великолепия его раскрывшихся бутонов.

— Иногда девушку нужно просто поцеловать, — сказала лекарица, выходя из узкого проема, спрятанного в путанице узловатых стволов.

— Поцеловать? О чем вы?

Элса вытерла ладони о точно такой же фартук, что скрывал под собой изгибы лисичкиной фигуры.

— Она ведь ждала от вас поддержки.

— Не понимаю.

— Думаете, ей так уж хочется стать женой?

— А разве не об этом мечтает каждая женщина?

Лекарица улыбнулась:

— Сначала нужно найти мужчину. Такого, которого стоит назвать мужем.

— Думаю, недостатка в выборе не случится.

— О, ее пугает вовсе не богатый выбор!

— А что же?

Элса загадочно улыбнулась.

— В здешних краях ходит из уст в уста одна старая легенда. Про то, как к одиноким девицам, засидевшимся в невестах, приходит однажды Безымянный жених, перед чарами которого никто не может устоять. Приходит, околдовывает и увозит свою избранницу в неведомые края. Так далеко, что больше о ней никто и ничего не может услышать...

Звучало не столько пугающе, сколько глупо, но именно так, чтобы в странную историю можно было поверить. Особенно если ты полностью подходишь под описание одного из ее участников.

Впрочем, Нери говорила слишком серьезно и уверенно, чтобы заподозрить ее в

увлечении старинными сказками.

— Мне показалось, что свадьба, о которой идет речь, уже назначена?

— Я не знаю всех подробностей. Меня в них не посвящали. Но точно знаю другое: даже назначенная свадьба всегда может быть отменена. Тем, кто имеет на это право, — многозначительно добавила лекарица.

— Хотите сказать, что Нери пыталась меня соблазнить? Чтобы заручиться моей поддержкой в отказе жениху?

Ответа не последовало.

Но даже если Элса права и юная хозяйка Дола полагала меня способным встать на защиту... Почему было не попросить об этом прямо? Почему Нери сначала попыталась заполучить надо мной хоть какую-нибудь власть, когда всего лишь надо было обратиться ко мне как к другу?

Я возмущенно выдохнул, и это помогло мне вспомнить, что очередная четверть часа уже на исходе, а стало быть, пора доставать пахучую тряпицу. Лекарица увидела, как я прикладываю кусок полотна к лицу, потянула носом, пригнувшись к распространяющемуся вокруг аромату, и посоветовала:

— Достаточно сделать три глубоких вдоха.

— Вы знаете, каким зельем меня напоили?

— Догадываюсь.

— И вы можете его...

— Вывести из вашего тела? Могу.

— Так выведите!

— Не стану, — сказала Элса со всей возможной строгостью.

— Даже если я прикажу?

— Дело своих рук я всегда готова исправить без всякого приказа. Но если кто-то, обладающий достаточными знаниями, чтобы приготовить «мокрую глотку», напоил ею вас, значит, это должно послужить чему-то важному. Чему-то, находящемуся вне пределов моих возможностей.

Наверное, удивляться было нечему. Но вот так запросто в течение одного-единственного утра узнать, что весь мир по-прежнему против меня? Хотя оно и к лучшему. Когда вокруг одни враги, не нужно сомневаться. Нужно драться, только и всего.

— Но вы можете рассказать, что это за зелье и как оно действует?

— Если пожелаете. Пока оно полностью не будет переварено плотью, время от времени вас будут посещать приступы удушья. Обильное выделение влаги в области горла будет закрывать проход воздуху.

— Как часто?

— Примерно каждый час. Может, чаще: у разных людей все проходит по-разному. А если вдыхать настойку тысячезрачника, как вы сейчас делали, приступ удастся отсрочить.

— Но он все же случится?

Лекарица кивнула:

— Да. Отхаркиваться все равно придется.

— И как долго все это будет продолжаться?

— Зависит от того, сколько вы выпили.

— Примерно два глотка.

— Значит, не менее двух месяцев.

— И целых два месяца каждый час я буду задыхаться?

— В здешней природе — да. Там, где воздух посуше, приступы будут случаться намного реже.

Эту рыжую сволочь все же следует убить. Сразу же после того, как воздам должное чужой выдумке. Теперь у меня не оставалось иного выбора, кроме как отправиться на юг, потому что безвылазно сидеть в Блаженном Доле и все лето дышать через тряпку было бы глупо. И унижительно.

* * *

Выбирать короткую обратную дорогу я не стал, отчасти желая заставить Натти поволноваться: он ведь не мог быть полностью уверен в стойкости лекарицы перед моим натиском. Но больше, чем маленькая месть, меня занимало другое. Необходимость в дополнительных сведениях.

Что я знаю о юге и южанах? В сущности, почти ничего. Там не слишком-то замечательно живется — это раз. Там истово верят в богов — это два. Там преследуют демонов — это три. С одной стороны, вполне достаточно, чтобы сделать первичное вхождение в обстоятельства. Но с другой... Я бы не рискнул строить предположения на таких шатких сваях. Нужно было добавить к трем ножкам стула, на который меня пытались усадить, четвертую.

— Доброго утра, Сойа!

Девушка, услышав мое приветствие, приподнялась на носочки, выглядывая из-за изгороди, завешанной свежевывстиранными простынями, и простодушно улыбнулась:

— И вам доброго, йерте.

Ей наверняка уже давно все рассказали про Дерка и его безвременную смерть, но на лице Соечки печаль по потерянному жениху никоим образом не отразилась. То ли эти чуточку расплывающиеся черты и не были способны меняться вместе с чувствами, то ли самих чувств в итоге оказалось недостаточно.

— Все ли в порядке дома?

Девушка задумалась, словно слышала подобный вопрос впервые. А потом, когда я уже отчаялся получить ответ, начала скороговоркой перечислять:

— Давеча кувшин, что под водой у нас был, треснул, и матушка сказала, не к добру это, а батюшка только посмеялся, кувшин ведь этот давно уже в пользовании, я еще совсем маленькой была, а он уже куплен был у горшечника нашего, Кумма Копори, а всем известно, что его товар в округе самый лучший, и если ломается, то только от рук кривых... А вот еще...

— Кувшины иногда трескаются, Сойа. В любых руках, — поспешил я оборвать словоохотливую собеседницу.

— Это как же в любых? — Светлые брови девушки сошлись на переносице. — Вот у меня руки такой кувшин еле удержат. А вот ваши руки...

Да, надо отказываться от столичных привычек. В Веенте мне бы отвечали коротко и уклончиво, а здесь, похоже, всякий раз рискуешь оказаться погребенным под ворохом нужных и ненужных сведений. Придется спрашивать прямо:

— А как новый работник? Пришелся ко двору?

Взгляд Соечки заметно прояснился.

— Батюшка не жаловался...

— А ты сама что скажешь?

Девушка снова задумалась. Но когда я уже приготовился выслушать очередную многословную тираду, ответила на удивление сдержанно:

— А там видно будет.

Ответила и замолчала. Понимая, что продолжения может не быть, я попросил:

— Можешь позвать его сюда? Мне нужно с ним поговорить.

— Позову, — кивнула Сочка. — Батюшка его пока с овцами в горы не пускает. Говорит, слабый еще. Вот когда отъестся, тогда и... — Она повернулась в сторону дома и звонко крикнула: — Сегор, где ты?! Тут за тобой пришли!

Когда парень, действительно пока еще выглядящий изможденным, вышел из-за угла дома, направляясь к нам, его лицо, в отличие от Сочкиного, оказалось изборождено чувствами, словно морщинами. Девушка указала в мою сторону, мол, вот кто хочет тебя видеть, и, подхватив пустую корзину, ушла туда, откуда раздавался плеск воды.

Я решил поприветствовать и южанина:

— Доброго утра!

Взглянувшие на меня темные глаза больше всего были похожи на потухшие угольки.

— Я должен уйти?

А, понятно. Услышав беспечные слова Сочки, он подумал, что свободная жизнь закончилась и теперь ему предстоит либо вернуться на покинутую родину, либо отправиться искупать свои грехи другим, законным, но от того ничуть не менее печальным способом.

— А ты куда-то собрался?

Измученный взгляд дрогнул.

— Разве вы пришли не чтобы...

Можно было встать в горделивую позу, заявить, что данное мною слово нерушимо или что-то вроде того в лучших традициях столичных актерских трупп, но я просто ответил:

— Нет.

— И меня не заберут отсюда?

— А ты где-то нужен еще, кроме как здесь?

Сегор открыл было рот, чтобы возмутиться, но почему-то передумал. Наверное, вспомнил недавние события, уменьшившие его семью до одного-единственного человека.

— Зачем же тогда вы пришли?

— Поговорить.

— Я рассказал все, что требовали. Без обмана.

— Знаю. Но мне хочется узнать кое-что другое. Не о тебе и не о твоих родных, не беспокойся!

— А о чем тогда?

— Проводишь меня?

Он оглянулся на дом, словно спрашивая разрешения отлучиться, но, поскольку никого из хозяев поблизости не нашлось и запретить работнику уходить со двора никто не мог, кивнул:

— Как пожелаете.

Мы вышли на каменную дорожку между изгородями кустов. Не то чтобы я хотел оставить наш разговор в тайне от чужих ушей, но мне почему-то показалось: наедине парень будет более откровенен в ответах, чем при той же Сочке. Потому что вопросы у меня накопились не особенно приятные.

— Где ты жил на юге?

— В Лаваросе.

— Это далеко от Катралы?

Услышав интересующее меня название, Сегор скривился и едва удержался от презрительного плевка:

— Катрала...

— С ней что-то не так?

— Скажу одно: там, где я жил, было несладко, но в Катрале мне бы не хотелось даже родиться.

Любопытно. Судя по тому, как повел себя южанин, рассказ Натти был сильно приукрашен. Если такое вообще возможно.

— Почему?

Он промолчал, считая неторопливые шаги.

— Оттуда люди тоже бегут?

— Нет, — коротко ответил Сегор.

— Но если там так плохо, как ты говоришь...

— Там не плохо, эрте. Там... — Он куснул губу, подбирая слова. — Это земля строгих правил, эрте. Правил, за нарушение хоть одного из которых берется только одна плата. Жизнь. Но конечно, если их соблюдать, можно жить и в Катрале.

Заканчивая фразу, парень усмехнулся так зловеще, что я поневоле задумался, не смогу ли все-таки протянуть два месяца здесь, пусть и не отнимая от лица вонючей тряпки. Кстати о ней: пора сделать три вдоха, как советовала лекарица.

— Расскажи мне о тех краях. Все, что знаешь. И людях, которые там живут.

— Люди везде одинаковые. Хорошие, плохие, добрые, злые. Только в Катрале они еще и пугливые.

— Это как?

— А так. Прислушиваются к каждому твоему слову, как будто ты вдруг можешь сказать... что-то страшное, что ли. Ходят вечно в черном, закутанные с головы до ног. А по самой жаре сидят дома, потому что иначе можно свариться заживо, в их-то одежде! И все время молятся.

— Прямо на улице?

— Везде. Стиснут в пальцах ладанку и только губами шевелят.

— А о чем молятся?

— Я не слушал, — брезгливо ответил Сегор.

Закрытое общество, отделенное от прочих людей не как Блаженный Дол, расстоянием и горами, а прежде всего внутренними обычаями и правилами. Это плохо. В такую крысиную нору может проникнуть только тот, кто сам хвостат и волосат. Правда, хвост ведь растет не только у грызунов...

— Говоришь, оттуда не убегают?

— Может, кто и пробовал, только не добрался в другие края живым. Одному и не выбраться из Катралы. Через степь не пройти без снаряжения, а вдоль предгорий посты стражи попеременно с...

— С кем?

— Со всякими лихими людьми. Я сам не видел, но рассказывали, что лучше попасться в руки законников: от них хоть можно откупиться. А горцам вместе с откупом и жизнь подавай.

— Убивают?

— Могут с собой забрать. Или жить у них как бессловесная скотина, или грабить путешественников, а все одно, что так, что эдак — неволя.

— Хуже катральской?

— А неволя бывает хорошей?

Вопрос, явно обращенный ко мне, прозвучал с горькой издевкой. И намеком на происходящее.

Эх, знал бы ты, парень, кто из нас двоих сейчас свободнее! Удивился бы сильно. Сильнее некуда. А вот в неведении есть своя прелесть. Например, можно считать себя невинной жертвой и копить праведный гнев, авось пригодится когда-нибудь.

— Спасибо за рассказ.

Он удивленно моргнул:

— Больше спрашивать не будете?

А стоит ли? Боюсь, больше мне узнавать заранее нельзя. В конце концов, я же не собираюсь притворяться кем-то из местных жителей?

— Не буду. Иди домой. Сочка, наверное, уже беспокоится.

Сегор кивнул, словно соглашаясь с моим предположением, и уже повернулся, чтобы отправиться обратно, но все же спросил:

— А к чему вам все это... про Катралу?

Можно было солгать и отговориться простым любопытством, но я не стал лукавить:

— Надо туда наведаться.

Парень посмотрел на меня, как на самоубийцу:

— Они не любят чужих. Боятся. Но пока боятся — не трогают.

С этим странным напутствием он оставил меня на дорожке одного, быстро скрывшись из виду за поворотом изгороди. Впрочем, времени поразмышлять над словами южанина у меня не нашлось: рядом со смотрительским домом уже стояла коляска, запряженная свежей лошадью, а на козлах нетерпеливо ерзал Натти.

— Ну где ты бродишь?

— А что, нужно торопиться? Разве не ты говорил, что теперь уже лишний час значения не имеет?

— Для преследования беглянки — да. А вот порталная команда ждать не любит.

— Ничего, подождет, — заявил я, вальяжно разваливаясь на сиденье.

Натти взглянул на меня полуподозрительно-полуоценивающе, но промолчал, хотя вроде должен был выругаться, и легонько хлестнул вожжами по лошадиному крупу. Коляска выехала со двора на твердую как камень земляную дорогу и неспешно покатила к граничной заставе Блаженного Дола.

— Чего молчишь? — спросил я примерно после мили пути, когда лошадка припустила рысцей, повинувшись приказу возницы.

— А ты готов поболтать?

Не особенно. Только от разговора все равно никуда не деться.

— Зачем все это?

— Пешком идти гораздо дальше.

— Я не о коляске. О другом.

— А! — понимающе откликнулся рыжий, но и только.

— Почему я должен туда ехать?

— Надо объяснять? Все ведь уже было не раз говорено.

Угу. Неуязвимость перед демонами. Правда, весьма сомнительная, потому что если демонов вдруг окажется много...

— Мой щит не так уж хорош.

— Это ты так думаешь.

— Будешь возражать?

Натти кивнул и, закрепив вожжи на краю козел, повернулся ко мне лицом, перекидывая одну ногу через сиденье, чтобы ненароком не вывалиться из коляски на какой-нибудь некстати подвернувшейся кочке.

— Возражу.

— Начинай!

— У того демона ничего бы не получилось.

— Неужели? В его распоряжении было много синих огоньков.

— Но меньше, чем твоих желаний.

Я попробовал вспомнить, сколько звездочек зажглось в тот день передо мной.

— Я что, желаю слишком многого?

Рыжий мотнул головой:

— Дело не в количестве. Твои желания, как бы это сказать, все время... Они очень текучие.

— То есть?

— То есть все время меняются. Почти неуловимо, но становятся отличными от того, что ты хотел, скажем, минуту назад.

— А демонам не все ли равно? Им же нужно желание само по себе?

— Не все так просто. Да, желание должно быть. Но оно должно оставаться неизменным. На то время, в течение которого демон может надежно закрепиться в человеческой плоти. Обычно требуется не менее четверти часа. Либо...

— Либо?

— Либо желание должно быть сильным. До сумасшествия. У тебя такое имеется?

Я задумался. Крепко-крепко, но безрезультатно.

— Не знаю.

— Зато я знаю. — Карие глаза засмеялись. — Нет у тебя такого желания. И в этом можешь мне верить.

— Разве могу?

— Ну-у-у, — протянул рыжий, мечтательно и вместе с тем грустно устремляя взгляд вдаль. — Я в какой-то мере ведь тоже демон.

Кто бы сомневался! Но только ли демон?

— Ты тоже когда-то чего-то желал?

— А как же! Чего угодно. По очереди и очень тщательно. Иначе не получилось бы стать охотником.

— А сейчас? Вот в эту минуту ты человек или все равно демон?

Натти улыбнулся:

— Сейчас, можно считать, человек. Но мои демоны всегда со мной.

Вот, кстати, хороший повод для следующего вопроса.

— Ладно, со мной понятно. Пока что. А почему туда едешь ты? Ты же сказал, что в Катрале идет охота на демонов.

Рыжий чуть помрачнел, впрочем не переставая улыбаться.

— Да. Идет. И нашего брата туда не пустят ни под каким предлогом.

— Но тогда...

Карие глаза вновь заискрились смешинками.

— А с чего ты взял, что я еду в Катралу как охотник?

Признаться, у меня имелось под рукой и другое предположение. Но слишком неприятное, чтобы продумывать его до мелочей.

— Что же нам там вообще нужно делать?

— Приехать. Осмотреться. Попробовать разыскать беглянку.

— А дальше?

— Так далеко я не загадываю. И тебе не советую! — расхохотался Натти, возвращаясь к управлению лошадью.

Я какое-то время смотрел на его подрагивающую от смеха спину, потом бросил это бессмысленное занятие и попробовал вздремнуть. Наверное, в этот раз рыжий исхитрился провести коляску по самым ровным участкам дороги, потому что, убаюканный мерным покачиванием, я очнулся от дремоты уже перед парадным входом в Наблюдательный дом.

— Приехали! — возвестил мой возница, спрыгивая с козел.

На крыльце стояли уже два стражника, а не один, как в прежние времена. Впрочем, нас пропустили внутрь без малейших вопросов и даже без какого-либо осмотра, хотя бы любопытствующего, а это значило, что покуда в Литто еще присутствует столичная власть, всегда действующая под девизом: «До золота может довести только молчание».

Портальная команда, ожидавшая в той самой комнате, которая некогда приняла мое измочаленное первым странным путешествием тело, несомненно, была столичной, судя по безупречно чистым, чуть ли не только что выглаженным синим мантиям и скучающему равнодушию лиц. Меня три девицы не удостоили и беглым взглядом, зато тут же построились треугольником и выжидательно сложили руки на груди.

— Раздевайся! — велел Натти и, видя, что я не тороплюсь снимать штаны, добавил: — Совсем.

— Это еще почему? В прошлый раз...

— Прошлый раз был в прошлом, — многозначительно отрезал рыжий. — Снимай всю одежду.

Я подчинился. Видимо, и впрямь прибавил в весе за несколько дней, проведенных в Блаженном Доле. Хотя по одежде вроде изменений заметно не было.

Натти сгреб снятое тряпье в охапку, а потом, надо сказать, не с первой попытки, содрал с моего плеча жука, который явно не желал расставаться со своим хозяином.

— А его куда?

— Есть местечко, — последовал туманный ответ. — И он там спокойно поспит, тебя дожидаясь.

Жук что-то недовольно прострекотал, словно возражая словам рыжего, но, сжатый в кулаке, смирился со своей участью. Как и я, собственно, пусть меня никто и не сжимал в объятиях. А хотелось бы, потому что в подвальной комнате было нежарко.

— И что делать дальше?

Натти кивком указал на середину треугольника:

— Вперед!

— С песнями?

— Это по желанию.

— Чарку никто не поднесет? А то посуху как-то петь не хочется.

— Ты про то питье, которым тебя накачали в первый раз? — догадался рыжий. — Забудь.

— А как же...

Он перехватил ворох одежды поудобнее.

— Оно нужно только новичкам. Да и то в основном чтобы одурманить голову. Всю работу делают вот они. — Натти кивнул в сторону девиц. — А твоя задача всего лишь им не мешать. Но если хочешь...

Лишний раз опорожнить желудок? Нет уж, благодарствую!

— Не хочу.

Я прошел между синими мантиями, останавливаясь примерно на равном удалении от каждой из троих.

Все так просто и буднично, ни тебе строжайших наставлений, ни волшебного зелья... Скучно. Но может, все так и должно быть? Драться ведь тоже невыносимо скучно, даже когда рискуешь собственной жизнью. Особенно если делаешь это в невесть какой раз.

— Побережнее, если можно, — попросил Натти, скрываясь за дверью.

Та из девиц, что стояла ко мне лицом, недовольно приподняла бровь, словно слова рыжего были чем-то вроде сквозняка, невзначай залетевшего в комнату, а потом с силой схлопнула ладони вместе и тут же начала разводить их в стороны.

Воздух загустел стремительно. Я так и не успел сесть на пол, удалось только обхватить себя руками за плечи, а вокруг уже повисла муть, которая на следующем же выдохе омутом сомкнулась над моей головой.

А вот что удалось в полной мере, так это не думать. Насладиться путешествием, похожим на полет камня сквозь кисель, было невозможно, но сегодня я не чувствовал даже интереса здешних обитателей к своей персоне. Как будто в тот первый раз ко мне уже вдоволь принюхались и приняли за своего. Поэтому даже лететь было скучно.

Зато нескучно оказалось приземляться: из тумана портала меня выкинуло чуть ли не вверх ногами, и хорошо, что я вовремя это понял и успел повернуться в воздухе, иначе встал бы на голову, а человеческая шея не слишком хорошо приспособлена для такого времяпрепровождения. Благодаря вынужденным телодвижениям мои ступни коснулись пола достаточно уверенно, хоть и пришлось чуть согнуть колени. А потом не оставалось ничего другого, кроме как гордо выпрямиться.

И в самом деле, как еще можно вести себя, слыша восторженные хлопки?

Где-то...

Синий сафьян чехла для пересылки личной почты притягивает мой взгляд не во время первого путешествия на кухонную половину, а уже только когда я возвращаюсь с кружкой воды в спальню. Знакомых печаток на послании не обнаруживается: воск придавлен самым обычным перстнем, из тех, что в ювелирной лавке дают в довесок к любому заказу. Но рисунок на отпечатке явно местный, с колоколами, которые горделиво отзванивают каждый час на главной городской башне Наббини.

Внутри чехла сиротливо белеет листок бумаги. Маленький, целиком умещающийся у меня на ладони.

«Прошу Вас прибыть нынче не позднее полудня в покои над гостиницей эссы Верде на улице Двух радуг».

Почерк явно не писарский, потому что слишком много внимания уделено завитушкам и общему изяществу букв. А еще послание ощутимо благоухает. Ароматом араинской розы. Тем самым, который так любит эсса Имарр.

Мне назначают свидание? Любопытно знать, с каких вдруг радостей. Дама вняла моим восхищенным взглядам? В этом мире, конечно, возможно все и даже больше, но Серебряное перо Крыла попечения не кажется простушкой, готовой играть в любовь без достаточных на то оснований. Хотя если она прослышала о намерениях Городского совета прибрать меня к рукам, то вполне могла бы забеспокоиться. В конце концов, Гражданская стража Наббини отнюдь не переполнена добровольцами, а когда я войду в совет, уменьшится еще на одного человека. Да, эссе есть чего опасаться. Зато у меня появляется на один выход больше из провинциальной ловушки.

— Его доставили рано утром, — равнодушно сообщает Либбет, наблюдающая за мной из дверей, ведущих на женскую половину дома.

— Как выглядел гонец?

— Никак, — зевает племянница. — Оно лежало посреди двора. Упало сверху.

Понятно. Кто-то пролетал над Да-Дианом на высоте, недоступной спящему сознанию «выдоха». Значит, этот «кто-то» очень хорошо осведомлен о моих домашних делах. Что ж, такое положение вещей немного успокаивает. Гораздо хуже, если бы меня собирался потревожить человек, понятия обо мне не имеющий. А так можно рассчитывать, что предложения, которые непременно последуют, будут находиться в границах возможного. Возможного прежде всего для меня.

Завтрак проходит в молчании, под мерный шелест шелковых нитей. Либбет не задает ни одного вопроса, и я вновь ловлю себя на мысли, что согласен обзавестись целым выводком несносно трещащей прислуги, лишь бы прогнать мертвую тишину, все чаще и чаще повисающую над домом и в нем самом. Но пока племянница здесь, совестно пользоваться помощью других людей. Она ведь заменяет всех, кого только можно придумать. И справляется с хозяйственными обязанностями лучше и быстрее, чем обычные люди. Чем множество обычных людей.

Наверное, она уже давно покинула бы меня. Если бы проснулась в городской усыпальнице, а не в собственной постели. Чувствует себя в долгу передо мной. Вернее, подсчитала свой долг и теперь тщательно его оплачивает. А когда решит, что мы в расчете,

просто встанет из-за стола, повернется и уйдет. Не сказав ни слова...

Дракон презрительно косится на обшарпанную стенку стойла у задних ворот, впрочем, более ничем не показывает своего недовольства. Я бы с радостью проделал весь предложенный посланием путь на чешуйчатой спине, но улица Двух радуг слишком узка и извилиста, чтобы в ее воздушном пространстве поместился какой-либо летающий зверь. Только если вознамерится упасть, а разбиваться о брусчатку не входило в мои намерения.

Стены с заплатками закрытых ставен поднимаются на три человеческих роста, а потом плавно переходят в черепицу крыш. Прохожих в этом глухом коридоре совсем не видно, даже детей, играющих в прятки. Неужели где-то здесь находится гостиница? Как же постояльцы до нее добиваются? На своих двоих? Тогда дела у хозяина должны идти из рук вон плохо.

Судя по фасаду, так и есть: облицовка каменной кладки давно не обновлялась, рамы окон черны от старости, а иней на мостовой и перед дверью выглядит нетронутым не только сегодня, но и вчера. И позавчера тоже.

Поднимаюсь на крыльцо, но едва протягиваю руку к бронзовому кольцу, как дверь открывается, и на редкость бесшумно.

— Вы хорошо следите за временем, эсса Конран.

Меня встречает Имарр, как я и предполагал. Вот только непохоже, что она собирается приятно проводить время, потому что одета неприметно и среди горожанок на рыночной площади не привлекла бы к себе ни малейшего внимания.

— Вы хотели меня видеть?

Она не отвечает на заданный вопрос ни кивком, ни взглядом, зато небрежным движением руки предлагает проследовать в глубь дома, наверх по ветхой, но опять же не издающей ни малейшего звука лестнице, к низкой двери в конце коридора на втором этаже.

— Вас ожидают.

Хочется спросить: «Кто?», но Имарр уже поворачивается и уходит, словно ее роль в нынешнем спектакле исполнена до конца. Остается только понадеяться на удачу, толкнуть створку и, чуть склонившись, пройти в сумерки комнаты, лишенной окон.

А потом порадоваться, что твоя спина согнута, потому что у стола тебя встречает человек, который вполне мог бы потребовать и коленопреклонения.

— Ваше...

— Обойдемся без церемоний, эсса Да-Диан. Жаль тратить на них время.

Впервые вижу императора так близко, во всех, что называется, подробностях. Кажется, что с момента последнего придворного праздника, на котором мне довелось побывать, правитель империи Дайа ничуть не изменился. А может быть, это свечной свет удачно скрадывает морщины, обязанные появляться с возрастом даже у сильных мира сего.

Высокий, на полголовы выше меня, хотя я не жалуясь на свой рост, стройный, как юноша, облаченный в строгий мундир гвардейского офицера, правда, не слишком большого чина, он выглядит совсем молодым, а ведь еще мой отец годился ему в сыновья. Темные волосы заплетены тугими косами согласно уставу, а потому чуть натягивают кожу на висках и приподнимают уголки глаз, делая императора похожим на уроженца окраинной Глалии, хотя в действительности все его предки — выходцы из срединных земель Дайи.

— Чему обязан честью видеть вас?

— Мы не будем играть в гляделки, эсса. Выслушайте то, что я скажу. Со всем вниманием.

Можно было и не напоминать лишний раз. Любому дураку ясно, что каждое слово правителя нужно ловить тщательнее, чем дичь себе на пропитание. Но я, разумеется, послушно киваю и занимаю предложенное место в кресле. Сам император остается стоять, задумчиво перебирая в пальцах кисти перевязи, с которой свисают ножны, отягощенные внушительным палахом.

— Вы состоите в списках Гражданской стражи, а значит, не раз уже прикасались к последствиям чумы, поразившей империю. И значит, не удивитесь больше необходимого.

Хорошее начало. Многообещающее. Только кожа на подлокотнике кресла там, где лежит моя ладонь, почему-то вдруг становится скользкой от холодного пота.

— Первые вспышки произошли еще при правлении моего деда... — Его голос звучит отстраненно, как у распорядителя на похоронах, перечисляющего регалии всем надоевшего, но наконец упокоившегося отца большого семейства. — Вы когда-нибудь видели «врата мечты» еще до того, как из них вылупляется бабочка?

Качаю головой. Те продавцы, что осмеливались предлагать мне путешествие в мир иной, никогда не показывали товар лицом. Хотя бы потому, что в тепле тела его попросту опасно носить, а кошельки и сумки на столичных улицах долго не живут.

— Они прекрасны. Сверкают и переливаются, как драгоценные камни, только не

прозрачные, а мутные. Собственно, так коконы и попали в столицу. В качестве украшения, любимого знатными дамами. Но поскольку их хранили вместе с прочими, неживыми изделиями, тепла и света не хватало для пробуждения беды. А вот когда на одном из балов однажды зажгли слишком много свечей... — Он делает паузу, растерянно хмуря брови. — Да еще и танцы оказались достаточно быстрыми, чтобы разгорячить кровь красавицы, надевшей в тот день ожерелье, полностью составленное из «врат мечты». Вы помните, сколько гостей и прислуги помещается в Зеркальном зале?

Утвердительно киваю.

— Тогда наверняка можете представить себе, как посреди этого людского моря вдруг раскрываются десятки крыльев, стряхивающих с себя ядовитую пыльцу... Мгновение. Всего одно долгое мгновение, и больше половины приглашенных остались лежать на полу. Причину случившегося поняли не сразу, решили, что отравлены были напитки, что кто-то покушался на жизнь императора и первых лиц государства. Лишь когда подобное повторилось несколько раз в других городах, с людьми, не представляющими вовсе никакого значения для империи, началось настоящее расследование.

Он говорит еще что-то о жертвах, безвинно загубленных ретивыми дознавателями, но у меня перед глазами стоит огромный зал, залитый светом и усыпанный неподвижными телами. Стоит так долго, что императору приходится недовольно кашлянуть.

— Это было очень давно, эсса Да-Диан. Те страсти уже улеглись.

Ну да, вместе со «вдохами». В затхлый покой приютов.

— А чуть позже они начали просыпаться. Не все, конечно. Кто-то до сих пор находится в глубинах усыпальниц. Кто-то погиб во время Чумного бунта. Но те, кто открыл глаза, показали, что империя отныне находится на лезвии ножа.

Мне трудно представить, что именно тогда происходило, но если пробуждения хоть немного походили на вчерашнее и если их случилось сразу несколько в одном месте... Люди должны были испугаться. Очень и очень сильно. Достаточно, чтобы запалить факелы.

— Что вы можете сказать о «выдохах», эсса Конран? Вы ведь близко знаете одного из них.

Намекает на Либбет? Зря. К ней у меня совсем иное отношение, чем к прочим. Хотя... Что-то начало меняться. Во мне самом. Вчера.

— Они не люди.

— Именно так, прямо и жестоко?

Кажется, императору не слишком нравятся мои слова, поэтому на всякий случай смягчаю впечатление:

— Не люди в том смысле, который понятен мне.

— Продолжайте.

— Когда они возвращаются к жизни, что-то происходит в их сознании. А может, происходит еще во сне. Как будто какая-то сила выжигает из них чувства и желания.

— Но взамен они приобретают власть над магией этого мира. Власть, недоступную обычным людям.

Мои пальцы предательски скользят по намокшей от пота обивке подлокотника. Хочется почувствовать хоть какую-то опору, но уцепиться не за что.

— Думаю, теряют они намного больше. Да, теперь им подвластно все, но... Ничего не нужно. Ничего такого, что составляет человеческую жизнь.

— Ничего бесполезного? — криво улыбаясь, уточняет император.

Да, именно так. Но если их жизнь измеряется одной лишь пользой, она невыносимо скучна. Еще скучнее, чем моя. Правда, «выдохи» все равно не могут этого почувствовать.

— Ничего случайного. Нелепого. Глупого. Беспечного.

— Такого, как, к примеру, ваши вылазки в рядах Гражданской стражи?

Пальцы замирают на месте, а юноша, который вполне мог бы быть моим дедом, придает своей улыбке чуть больше многозначительности. Хотя куда больше? И так уже через край.

— Ваше место ведь не здесь, эсса Да-Диан. Древность рода и величина состояния предписывают вам, как любому добропорядочному гражданину, исполнять определенные обязанности перед империей. Не так ли?

Замираю. Не шевелюсь. Совсем.

— Вы покинули столицу, отговариваясь необходимостью присмотра за племянницей. Что ж, семейные узы я уважаю. Но эсса Либбет уже год как счастливо очнулась от своего сна и более не нуждается в вашей заботе. Почему же вы все еще не решаетесь вернуться?

И утонуть в вязкой скуке церемониальных встреч, протокольных заседаний, реестров, регистров и прочей мерзости? Лучше завтра же поутру сигануть с местной колокольни. Головой вниз.

— Или вы запомнили о своем по-настоящему гражданском долге?

Император продолжает перебирать шелковые кисти перевязи, а покой на его лице начинает неприятно напоминать мне о Герто.

— Вы отдаете приказ?

Он усмехается:

— Если понадобится, приказ вы получите. Непременно. Из рук того, кому это полагается по чину. А сейчас мы просто беседуем.

Разумеется. Всего лишь треплем языками. Вернее, треплет император, а я борюсь со стойким желанием оглохнуть, ослепнуть и онеметь.

— Вы никогда не задумывались о том, почему кто-то просыпается, а кто-то так и остается «вдохом» на долгие годы?

Вот еще, думать надо всякой ерундой!

— Мы не знаем, что происходит в этом сне. Доподлинно не знаем. Удавалось получить лишь разрозненные сведения, из которых следует, что «врата мечты» уводят людей в другой мир. Призрачный для нас и вполне реальный для спящих. А сны порой случаются такие, что не хочется открывать глаза... — Он вдруг замолкает, сжимая губы так, будто скорбит о чем-то.

— «Вдохи» не хотят просыпаться?

— Да.

Такое положение дел кажется мне диким и глупым, но вынужденно признаю:

— Это их право.

Взгляд императора вспыхивает гневом. А может, во всем виновато колеблющееся от сквозняка пламя свечи.

— У каждого из них есть не только права, но и обязанности. От которых они сбежали. Как вы.

Беседа начинает походить на обвинение. Ох, не к добру я заметил тот сафьяновый футляр рано утром...

— Среди этих беглецов есть один, которого я хочу вернуть больше всех. Любой ценой.

— Что же вам мешает, если до сих пор не вернули?

— Не нашелся человек, способный это сделать.

Значит, попытки были. И не одна. Звучит как-то слишком уж безрадостно.

— Задача настолько трудна для выполнения?

— Возможно. — Он отводит взгляд в сторону свечи, и мне кажется, что пламя начинает съезживаться. От страха. — Но выполнима, иначе вообще никто не вернулся бы.

Вот и наступил тот момент, когда нужно делать выбор. Или хотя бы притвориться, что выбираешь.

— А многие пробовали?

— Их количество ничего вам не даст.

— Просто очень хотелось знать, каким по счету должен стать я.

Император щурится, все еще не глядя в мою сторону:

— Вы умны. Как мне и говорили. А я могу щедро заплатить за ваши услуги.

— Насколько щедро?

— Вы хотите избавиться от своих обязанностей? Это в моих силах.

Заманчиво. Очень заманчиво.

— Но я все еще не знаю, что мне нужно делать.

Он наконец поворачивает голову и смотрит мне в глаза:

— Вы должны попасть в мир «вдохов» и уговорить моего сына вернуться.

* * *

Ноги шагают настолько быстро, насколько это возможно. Двигаются на самой границе того, что обычно называют «бег». Можно было бы и побежать, но добропорядочные городские жители никогда не позволяют себе торопиться, и любой, кто вдруг оказывается намного быстрее прохожих, незамедлительно привлекает к себе излишнее внимание, а я сейчас больше всего хочу стать незаметным. Раствориться в пространстве, хоть среди людей, хоть среди каменных стен.

От предложений императора не принято отказываться. Можно прикинуться непонятливым, потянуть время, но все равно придется в конце концов сказать «да». Особенно если приходно-расходная книга твоей жизни измарана приписками и утайками.

Наверное, отец когда-то сбежал от той же скуки, что сейчас приветственно раскрывает передо мной свои двери. Блеснул молодецкой удалью, устроил заплыв в ледяной воде. Повеселился всласть, вот только спустя несколько дней слег и больше не поднялся с постели. Матери после похорон тоже стало безмерно скучно, не помогло даже опустошение винных погребов дюжины имений. И однажды, на утренней зорьке заглянув в родительские покои, я узнал, что осиротел окончательно. Впрочем, совсем скоро на мое попечение свалилась Либбет, и какое-то время заботы о ней совершенно не позволяли скучать. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Свобода, например.

У меня все еще есть выход. Правда, ведет он в самую последнюю комнату, ту, в которой других дверей или окон уже не найдется.

Вернуться в столицу, принять положенный чин и заняться делами на благо государства. Надеть камзол мерзкого сине-зеленого цвета, обзавестись смотровыми линзами и мозолью на заднице — от бесконечного сидения в кресле. Оказаться окруженным толпой преданно заглядывающих в рот служек и отяготиться еженедельными походами в Императорское собрание. Великолепная перспектива. Просто загляденье.

Весь вопрос в том, как долго император согласен ждать моего ответа. Пока я старался говорить уклончиво и неопределенно, но не сегодня-завтра он повторит свое предложение, и

нужно будет на что-то решаться. С другой стороны, разве может что-либо развеять скуку лучше, чем путешествие по ту сторону мира?

Лица людей, мимо которых я прохожу, сливаются в единое целое. Местами чуть заинтересованное или удивленное, но по большей части равнодушное.

Отправиться туда, куда попадают «выдохи»... Заманчиво. Но только не для меня. Я не хочу становиться таким, как они. Ни в коем случае.

Превратиться в бледную тень прежнего себя? Проводить каждую минуту своей теперь уже значительно удлинившейся жизни в постоянных трудах только потому, что не нуждаешься более ни в отдыхе, ни в развлечениях? Лучше умереть. И кажется, понимаю, почему император загнал в угол именно меня: пустоует чиновничье кресло. А кто будет исполнять муторные обязанности лучше, чем «выдох»?

Надо бежать. Но куда? Меня нашли здесь, отыщут и в других краях. Когда понадобится. Что же делать? Ждать? Ожидание сводит с ума. Правда, лишь в том случае, если ум присутствует...

— Собираешься промочить горло? — спрашивает знакомый безмятежный голос.

Фокусирую взгляд, уткнувшийся в трактирную вывеску. Наверное. Иначе зачем стою здесь... уже четверть часа кряду, не меньше.

— Пойдем, покажу хорошее место, — приглашает Герто, и я привычно следую за ним, даже не успевая задуматься, хочу ли этого на самом деле.

Трактир, куда меня приводят, оказывается не то чтобы хорошим, но тихим и укромным, с занавешенными кисеей окнами, из-за чего внутри живут вечерние сумерки посреди белого дня. Выпивох за длинными столами немного, да и они скорее спят, нежели бодрствуют, так что нашему разговору ничто не может помешать. А бесшумно поставленные на стол высокие кружки с медовым элем только способствуют взаимопониманию.

— Что-то заботит? — бесстрастно интересуется Герто.

— Да вроде и ничего. Но как-то на душе беспокойно.

— После вчерашнего? Неудивительно.

— А что случилось вчера?

Ведь и правда не могу вспомнить. Словно целый день напрочь вычеркнут из памяти. А в ушах до сих пор звучит голос императора.

— Хорошо тебя приложило... Но так и должно было быть.

— Должно было?

Мой напарник кивает:

— Первый раз всегда такой.

— Тогда скажу только одно: второго не будет.

Ладони Герто хлопают друг о друга. Три раза. Тихо, но четко.

— Я знал, что ты так скажешь. Знал со дня нашего знакомства.

Эль начинает шуметь в голове. Сначала где-то над бровями, потом перебирается чуть дальше, к вискам.

— Знал?

— Таких, как ты и я, много. Больше, чем кажется. И намного больше, чем думают власти.

Последние слова Герто произносит с нарастающим нажимом, но это в другое время показалось бы мне настораживающим, а сейчас всего лишь вынуждает задать следующий вопрос:

— А какие мы?

— Мы — люди.

Звучит почти угрожающе. Пожалуй, столько чувства в речах своего напарника по вылазкам в стан «вдохов» я еще никогда не замечал. Но не могу не согласиться:

— Да, мы — люди.

Для себя эту истину я вывел уже довольно давно. А вот последнюю точку поставил только вчера. Наверное, слишком поздно.

— И люди должны позаботиться о том, чтобы оставаться людьми.

Что ж, и тут могу только утвердительно кивнуть.

— Тебе кое-что нужно узнать. — Он поднимается из-за стола и зовет за собой, к двери в глубине зала.

Не самое лучшее время для прогулок, потому что ноги, то ли натруженные быстрым и продолжительным шагом, то ли потерявшие устойчивость из-за пары плотков эля, держат меня хуже, чем обычно. Но Герто словно не замечает моей неуверенности, а я слишком привык следовать за ним. Куда угодно.

За дверью начинается петляющий коридор, освещенный редкими лампами, по которому мы идем, как мне кажется, далеко-далеко, а на самом деле всего лишь спускаемся вниз, в подвал под трактиром. Воздух становится необычно густым и терпким для каменного подземелья, но через минуту я вижу источник странного аромата.

Просторная комната с низким сводчатым потолком. Земляной пол, надежно гасящий звуки шагов. У дальней стены, примерно посередине, громоздится что-то, на первый взгляд бесформенное. Только когда подойдешь ближе, начинаешь различать черты, принадлежащие изваянию. Древнему, потрепанному, изображающему старика, сложившего перед собой руки так, как будто ладони покоятся на чем-то круглом. Например, на шаре, которого нет и в помине. А вокруг чадят тонкими струйками сизого дыма десятки масляных ламп.

— Что это такое?

Вопрос слегка запаздывает. Надо было задавать его сразу, с порога. Неужели эль оказался настолько крепок? Или это я совсем упал духом?

— Святилище.

Пробую пошутить:

— А почему тогда света мало?

Герто оставляет мою реплику без внимания, подходит к статуе и исполняет что-то вроде церемониального поклона. Потом поворачивается ко мне:

— Ты не можешь помнить. Твои родители тоже не помнили того, что раньше, много веков назад, знал наизусть с малолетства каждый ребенок.

— И чего же я не помню?

Самое время присесть и подремать, только скамеек или чего-то подобного поблизости нет.

— Когда-то наш мир жил иначе. Его магия была доступна всем. Но люди не желали брать из сокровищницы сил только необходимое количество, черпали все больше и больше и однажды обрели такое могущество, что вознамерились поспорить с самим Творцом...

С этим стариком, что ли?

— Дети восстали против отца и поплатились за это. Всеединый отобрал у своих чад способность творить чудеса, спрятал ее за гранью мира и скрепил врата проклятием, лишаящим каждого, кто дерзнет вновь прикоснуться к магии, его человеческой сути.

А Герто-то, оказывается, не в себе. Вот почему он всегда так спокоен и благостен.

— Но потом Всеединый отошел в сторону, предоставляя людям самим вершить свою судьбу и судьбу мира. Прошли годы, проклятие забылось. Оно больше неспособно кого-либо напугать. А врата не перестают открываться. Снова и снова. Ведь власть над силами природы слишком манящий дар.

Для глупцов, не ценящих себя такими, каковы они есть? Может быть. Но для разумных людей...

— Их нужно остановить, — заканчивает свою торжественную речь Герто. Заканчивает с незнакомым и непривычным мне жаром.

— Как?

— Показать, что, покидая мир, они лишаются права на возвращение. Показать, что возвращаться им будет некуда.

Медленно повторяю его слова в своем сознании. Вслушиваюсь в звучащее эхо. Мозги ворочаются со скрипом, но страшная суть происходящего все же открывает мне свое лицо. Безмятежно-фанатичное, юное и прекрасное в своем незамутненном воодушевлении.

— Хочешь сказать...

— Они будут хорошо гореть. Проверено.

Хочется тряхнуть головой и очнуться от затянувшегося кошмара, но я знаю, что все происходящее — не сон. К сожалению. К искреннему ужасу.

— Мы станем первыми. Примером для всех остальных. Тех, кто медлит. А когда все тела восставших против Всеединого обратятся в прах, отец явит своим детям прежнюю милость.

А ведь он в это верит. Даже придумал себе бога. Всем ведь известно, что богов нет. Никто не управляет нашей жизнью, кроме нас самих. Ну и кроме императора, конечно. Хотя с приказами последнего как раз можно поспорить. И если я на самом деле собираюсь так поступить, начинать нужно поскорее. Чтобы успеть.

— Наши ряды ждут тебя.

Герто протягивает мне руку. Твердую, тонкую, но сейчас почему-то похожую больше на лапу хищного зверя, нежели на часть человеческого тела.

— Ты достоин занять...

— Именем империи!

Земляные полы позволяют им подобраться незамеченными. Позволяют ворваться в святилище быстрее, чем можно подумать о побеге.

Мундиры Крыла искупления, черные как ночь, кажется, полностью вбирают в себя свет от горящих ламп. Только благодаря белому канту видно, как дюжие фигуры движутся по комнате, подбираясь ко мне и Герто. А под руками, как назло, нет оружия.

Да и хорошо, что нет. С какой стати я буду убивать тех, кто служит императору, тех, среди кого и мне вполне могло бы найтись местечко?

Вот только они думают иначе.

А делают еще хуже...

Наверное, вода холодная. Может быть, даже ледяная. Все равно, когда она кулаком ударяет мне в лицо, разлетается брызгами и стекает по оголенному телу, облегчения не чувствуется. Вообще ничего не чувствуется, кроме ноющей боли в затекших от напряжения мышцах.

Факелы под потолком справа и слева сильно чадят, но их горьковатый дым словно способствует прояснению сознания, прогоняя взапой сладкий аромат святилища, пропитавший меня насквозь, и я наконец начинаю понимать. Немного, но достаточное, чтобы заключить: лучше было бы оставаться в неведении.

Сверху наплывает чье-то лицо. Незнакомое. Зато воротник под ним и часть одежды, которую я вижу, как две капли воды похожи на обмундирование людей, прервавших словоизлияния Герто. Крыло искупления. Но я-то что здесь делаю?

Лежу. На узкой лавке, подпирающей позвоночник. Запястья и щиколотки встречаются все вместе где-то внизу, в стальных колодках, натягивая мое тело струной. Кожа на груди ощущается как барабан: кажется, еще чуть-чуть, и лопнет. От самого невесомого прикосновения.

— Очнулся, — делает вывод незнакомец, и его лицо исчезает из моего поля зрения, а повернуть голову невозможно, потому что виски тоже зажаты. Между пластинами. Деревянными, но от этого не становящимися более приятными на ощупь, чем железо на руках и ногах.

— Очнулся, это хорошо, — замечает кто-то второй, находящийся в комнате. — Ибо

искуплению полагается происходить в здравом рассудке как принимающих, так и отдающих.

Надо бы закричать, но губы только бессильно вздрагивают.

— О, он хочет поговорить! — насмешливо сообщает один дознаватель другому, и я снова вижу его лицо. Равнодушное, чуть утомленное наверняка праведными трудами.

— Что... происходит?... — Язык слушается меня плохо, словно считает предателем.

— Награда по заслугам.

— Ка... каким?

— Несомненным, разумеется. Или вы отрицаете, что намеревались совершить поджог усыпальницы города Наббини и действовали совместно с участником запрещенного культа?

— От... отрицаю...

Дознаватель зевает:

— Все так говорят. Только с фактами не поспоришь.

— Я не...

— Вы были в подвальном укрытии в то время, на которое было назначено собрание. Вы принимали присягу перед главой преступников. И если бы не вмешательство властей, назавтра вооружились бы факелами и отправились жечь беспомощные тела.

— Я...

В памяти всплывает вкус чересчур крепкого эля и дурман дыма светильников у статуи Всеединого.

— Меня... опоили...

— Ну разумеется. Однако силком вас никто туда не тащил.

Это верно. Не тащил. Я пошел сам. Не мог не пойти, потому что впереди маячила спина Герто и спуск по винтовому коридору смешался у меня в голове с нашими обычными вылазками. Ненадолго, но этого хватило.

— Я...

Император! Вот мой последний шанс. Ему же нужен человек для поисков сына? Значит, меня не дадут в обиду.

— Я... выполнял... поручение...

— Неужели?

— Поручение... его величества... спросите... сами...

— А мы спросили. Пришлось, ведь вы как-никак не последняя фигура в имперской иерархии.

— И что же...

— Император не давал вам никакого поручения. — Лицо дознавателя нависает над моим так низко, что я могу рассмотреть все волоски на округлом носу. — Вы признаны виновным. И подлежащим искуплению.

Его голос звучит ласково, словно не оглашает приговор, а баюкает.

Раздается скрежет винтов, и моя голова поднимается вверх. Ненамного, но теперь я могу видеть свою грудь, выгнутую дугой. В бусины шейных позвонков стержнем вкручивается боль, только она больше неспособна меня беспокоить, потому что я во все глаза смотрю, как к подреберью приближается загнутое крюком лезвие.

— Да обретет дух преступившего законы покой в забвении искупления!

Оружие палача прорезает кожу, разрывает плоть, подцепляет кости и тянет ребра вверх. По одной паре зараз.

Грудь раскрывается крыльями, ничем не напоминающими о смертоносной бабочке, но

потолок, который вдруг обрушивается на меня, именно такой.

Того самого цвета.

Непроглядно-черный.

Здесь...

Сон был спасением. Даже по-стариковски беспокойный, когда каждая минута, проведенная с закрытыми глазами, ощущается не менее долгой, чем вечность, но всегда заканчивается слишком внезапно, чтобы ею можно было насладиться. Если все время ждешь удара в спину, какой может быть покой? Хотя именно нападения с тыла Роханна Мон-Несс не ожидала. За что сполна поплатилась вынужденным бегством и расстроенными чувствами. Да и только ли чувствами?

Путешествие по portalу не лучшим образом сказалось на изношенном человеческом теле, которому было предписано умереть много веков назад. Если бы Роханна загадывала свое желание сейчас, пользуясь накопленным опытом, она поступила бы намного умнее. Не попросила бы у синей звезды только вечную жизнь. Одной жизни мало, к ней должно прилагаться столько всего еще...

Рука, лежащая поверх кружевного покрывала, пока не переставала судорожно подрагивать. Если бы эта дрожь была лишь свидетельством дряхлости, можно было бы с ней смириться. Но дрожала не плоть, а узник, заключенный в ней: едва вступив в портал, эрте Мон почувствовала, как демон, делящий с ней одно тело, замер, а потом отчаянно забился в своих путях. В какой-то миг женщине показалось, что пленник вот-вот вырвется на свободу, означавшую скорую и неизбежную смерть для старухи, пережившей свой век. Правда, пугаться беглянка не стала, даже, наоборот, улыбнулась, представляя, как будут выглядеть лица тех, кто потратился на устройство побега, когда к их ногам из портала упадет истлевший труп. Наверное, это насмешливо-презрительное спокойствие частично передалось да-йину, потому что мучительные судороги вскоре стихли, и Роханна добралась до нового места пребывания лишь со шлейфом мелкой дрожи. Которая должна была уйти за время сна, но почему-то не поторопилась это сделать.

Впрочем, долгого требовательного взгляда на морщинистые пальцы оказалось достаточно, чтобы окончательно унять волнение плоти. Только потом женщина удостоила вниманием обстановку комнаты, в которой очнулась ото сна, и недоуменно приподняла брови.

Вокруг было много камня. Очень много. Мраморные плиты покрывали стены от пола до потолка, стелились под ногами и смотрели сверху, сквозь переплетения балок. А одну из стен, ту, что находилась напротив кровати, целиком занимало окно. Огромное, состоящее из нескольких проемов, разделенных тонкими резными колоннами, оно было закрыто ажурными ставнями. Через мелкоячеистую деревянную решетку свет проникал в комнату узкими лучами, и Роханна поняла, насколько он яркий, лишь когда подошла ближе и попыталась заглянуть в одно из отверстий между нахлестывающимися друг на друга тонкими плашками.

За окном светом было залито все. В этом ослепительно-белом и наверняка жарком сиянии трудно было разглядеть что-то определенное, и женщина вернулась к постели за тонкой шелковой мантией, заботливо кем-то приготовленной к пробуждению гостыи.

Комната походила на усыпальницу, но сырости не ощущалось. Даже наоборот, воздух казался обжигающе сухим, словно всю имеющуюся в нем воду нарочно выпарили. Роханна никогда прежде не бывала в южных провинциях Дарствия и по доброй воле предпочла бы

обойти стороной преддверие безжизненных степей. Излишнее тепло всегда было губительным для стареющего тела, а раз так, значит, нужно найти способ убраться отсюда поскорее. Но конечно, прежде необходимо выразить свою глубочайшую благодарность хозяину.

Эрте Мон подвязала мантию бисерной полосой пояса и направилась к двери, в противовес окну оказавшейся непривычно узкой для столичной дамы. Не найдя дверной ручки, женщина попробовала толкнуть одну из створок ладонью. Безуспешно. Впрочем, на что-то подобное нужно было рассчитывать, потому как далеко не всем хозяевам нравится, когда их гости разгуливают по дому без разрешения. Но прошло менее вдоха, и дверь, еще хранящая тепло прикосновения, распахнулась, пуская на порог тоненькую девушку, почти подростка, несмотря на явную жару, царящую снаружи, затянутую в беспросветно плотное черное платье с длинными рукавами и высоким воротом.

— Что угодно госпоже?

— Кто ты, дитя? — спросила Роханна, не намеревавшаяся делиться своими истинными надобностями с кем попало.

— Ваша прислужница, госпожа. Я исполню все, что вы пожелаете.

На язык просилось насмешливое «Так-таки и все?», но эрте Мон слишком долго жила на свете, чтобы понимать: правдивые ответы зачастую оказываются более опасными, чем неуместные вопросы.

— Я хотела бы побеседовать с хозяином этого дома. Ты проводишь меня?

— Вам не следует покидать пределы этой комнаты. — Черты смуглого девичьего лица даже не дрогнули, словно служанка лишь повторила заученные слова, смысла которых и не пыталась постичь.

Вот теперь Роханна нахмурилась непритворно, отставив в сторону заботу о сохранении гладкости кожи.

Подобное заявление могло означать многое, но среди всех возможных вариантов самым простым и, стало быть, ближайшим к истине был всего один. Гостья — вовсе не гостья здесь, а...

— А если я захочу прогуляться?

Эрте Мон притворилась, что намеревается выйти, но еще до того, как носок ее туфли приблизился к порогу, девица ловко отступила назад и захлопнула дверные створки. Итак, предположение оказалось верным. Теперь стоило разузнать, что нужно тюремщику от пленницы. И почему, собственно, вместо побега случилось похищение.

Роханна постучала костяшками согнутых пальцев по резному дереву:

— Девочка моя, ты меня слышишь? Конечно же слышишь. Так вот, отправляйся за своим хозяином. И обещаю, что он будет недоволен, если ты промедлишь хоть одну лишнюю минуту.

Каких-то разборчивых звуков, означавших, что служанка отправилась исполнять поручение, из-за двери не донеслось, но эрте Мон не стала прислушиваться внимательнее. В конце концов, встреча непременно должна была состояться, и вряд ли тот, кто устроил побег из столицы, собирался нарочно тянуть время. Явится как миленький.

Женщина пододвинула сплетенное из лозы кресло к окну и села так, чтобы спрятаться в лучах света. Но не потому, что боялась обнаружить перед грядущим собеседником свое волнение и прочие чувства. Роханна давно уже уяснила для себя очень простую вещь: если тебя не убивают сразу, а оставляют в живых, то победитель в схватке не предопределен до

самого последнего удара. А вот морщины, несколько дней остававшиеся без чудодейственных средств, заставляли беспокоиться, и не на шутку.

Расчет женщины, умудренной прожитыми веками, оправдался. Не прошло и нескольких минут, как дверь снова распахнулась, пропуская в комнату невысокого и вопреки ожиданиям весьма молодого человека, в жилах которого явно текла южная кровь. По крайней мере, особый оттенок кожи — на несколько тонов темнее топленого молока — и выразительная чернота ресниц, окружающих глубоко посаженные орехово-коричневые глаза, при том что вошедший был светловолос, позволяли предположить, что либо мать нынешнего хозяина дома, либо отец были коренными уроженцами Катралы.

Но что самым разительным образом отличало мужчину от столичных щеголей, так это одежда. Не по погоде закрытая, траурно-черная, она производила бы угнетающее впечатление, если бы не была смягчена узкими полосками белого кружева на манжетах и воротнике да сиянием широких звеньев длинной золотой цепи, одним концом закрепленной на левом плече, а другим с помощью большой рубиновой броши — на середине груди.

Часть 3.4

В остальном же мужчина выглядел точно так же, как и его сверстники во всех концах Дарствия: стройный, явно не брезгующий занятиями, укрепляющими тело, самоуверенный и старающийся казаться взрослее своих лет. Последнее всегда смешило Роханну в поведении юнцов, и сейчас женщина тоже не смогла удержаться от улыбки. Впрочем, движение ее черт вряд ли было замечено, потому что вошедший начал разговор спокойным и неподдельно равнодушным тоном:

— Вы достаточно отдохнули после своего путешествия, эррита?

— Это будет понятно много позже, — вполне правдиво ответила женщина. — Но я не в том возрасте, чтобы позволять себе тратить время на отдых.

— У вас впереди целая вечность. И не меньшая вечность уже осталась позади.

Он не ухмылялся, не язвил, не угрожал, всего лишь намекнул, что знает, с кем имеет дело. И безыскусно исполненный намек говорил о многом. В частности, о том, что положение, и так представлявшееся Роханне не слишком приятным, на деле заметно сложнее.

— Знаете, Иакин... Вас ведь так зовут? Чем дольше живешь, тем больше начинаешь ценить каждое мгновение.

— И насколько вы цените свои мгновения?

В его словах послышался интерес. Все еще невнятный, словно только зарождающийся, но уже позволяющий себя заметить. А еще над верхней, чисто выбритой губой мужчины начали выступать капельки пота.

В комнате не было жарко, теперь эрте Мон это отчетливо понимала. Даже солнечные лучи, пробивающиеся сквозь решетку, не нагревали облицованные камнем покои, и сухость воздуха, вначале показавшаяся горячей, на самом деле больше походила на морозную. Откуда же тогда взялся пот?

— Ценю дорого. Вы это хотели услышать?

Он кивнул, а потом невольно коснулся пальцами губ, впрочем стараясь сделать вид, что движение было случайным.

— Если дорого, значит, вы не захотите их потерять? — Роханне почудилось, что ее натруженное сердце остановилось передохнуть.

Пожалуй, еще ни разу в кажущейся бесконечной жизни ей не угрожали так явно. Даже никому из одержимых в голову не приходило таким способом принуждать эрте Мон к чему бы то ни было. Но этот, молодой да ранний... Да что он себе позволяет?!

Крупная капля пота скатилась от корней волос по лбу мужчины, зацепилась за брови и только благодаря этому избежала падения. Роханна еще раз всмотрелась в лицо Иакина Кавалено и наконец-то увидела то, что заставило ее вжаться в спинку кресла, в упругие и не слишком приветливые лозовые узлы.

Да он же недокровка! И как всякий недокровка в присутствии демона, сторает сейчас в пламени невозможных к исполнению желаний.

Новое знание было очень важным, это женщина даже не понимала, а чувствовала всем телом, но пока, увы, не помогало сообразить, как же воспользоваться обнаруженной слабостью своего противника. А в том, что хозяин дома был именно противником, а еще вернее врагом, сомнений уже не оставалось.

Что ж, если не знаешь, как действовать, нужно выждать. А для ожидания требуется время, которое легче всего заполучить, если сделаешь шаг назад.

— Вы угрожаете мне?

— Предупреждаю.

— Вы убьете меня?

Иакин Кавалено впервые улыбнулся, но по-прежнему не вложил в движение губ никаких чувств.

— Если вы сами того захотите.

— Я?

Он подошел к окну, однако не приближаясь, а увеличивая расстояние между собой и Роханной, положил пальцы правой руки на скрещивающиеся плашки ставен, и женщина с давно позабытым ужасом отметила, что ее собеседнику дрожь, по всей видимости, вообще незнакома.

— Вы можете мне помочь. И я буду благодарен за помощь. А можете отказаться. Решать вам.

— И если откажусь, снисхождения мне не ждать?

Иакин не ответил, всматриваясь во что-то, находящееся за окном.

В подобных обстоятельствах эрте Мон, пожалуй; оказалась впервые. Все недокровки, с которыми она прежде имела дело, были лишь послушными слугами, но сейчас ей противостоял не слуга, а господин. Каким образом ему удалось стать таковым и какие цели он преследовал, женщина могла только предполагать. Зато ясно было другое: любви и почитания в Катрале искать не следовало.

— Что вам нужно? Смогу ли я это дать?

— Сможете. Я не попрошу от вас ничего чрезмерного.

Роханна выдержала паузу, вопросительно глядя на спасителя, превратившегося в тюремщика, и получила ответ, внесший в мысли еще большую сумятицу:

— Вы живете дольше всех прочих. А время всегда дает знания, не так ли? Сколько демонов приходило в этот мир и исчезало из него на вашем веку?

Зачем отрицать очевидное?

— Много, — признала эрте Мон.

— Вы знали их имена. Знали их лица. Разумеется, я допускаю, что ваша память могла и прохудиться за все это время... Но кое-что в ней должно было остаться. По крайней мере, я очень на это рассчитываю.

Он желает заполучить в свое распоряжение сведения обо всех демонах, некогда пришедших в этот мир? Но с какой целью? Неужели...

Роханна почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

Когда один противник желает все узнать о другом, это означает подготовку к войне. Решительной, жестокой, кровопролитной. Такой, чтобы одним ударом можно было уничтожить нескольких врагов сразу, если не всех. И ей, хранительнице знаний, почтенной эрте Мон, предстояло стать безвольным орудием в руках самонадеянного юнца... Впрочем, руки как раз уверенные. Сильные, не знающие волнения.

Женщина покорно сложила ладони на коленях.

— Я сделаю то, что вы хотите.

— Желаете начать тотчас же?

Роханна поджала губы.

Иакин Кавалено нетерпелив, это заметно. Но отпустил поводок чувств только сейчас, дорвавшись до сокровищницы и оценив величину золотых гор. А на все остальное выдержки у него хватит.

— Я могу получить хотя бы завтрак?

— О, разумеется! Я распоряжусь об этом.

Он быстрым шагом добрался до дверей, вновь услужливо раскрывшихся перед хозяином дома и захлопнувшихся за черной спиной.

Времени на раздумья оставалось немного. Но именно в течение этих коротких минут Роханна должна была принять решение.

Нет, не о том, помогать ли своему тюремщику — на этот вопрос ответ существовал только один. Но все еще можно было решить, с какими настройками оказывать требуемую помощь. Искренне? Или дожидаясь удобного момента, чтобы...

Эрте Мон улыбнулась. Широко-широко. Теперь о морщинах можно было перестать заботиться навсегда, и почему-то осознание этого помогло женщине ощутить самую настоящую свободу. И в мыслях, и в действиях.

И сейчас...

— Ну разве он не великолепен?

Прозвучавший голос был мне знаком, но вот нотки, старательно вытащенные на первый план... А впрочем, именно так слащаво, фальшиво и одновременно уверенно в своей правоте должен был разговаривать мужчина с напыженными волосами, узнать в котором Натти можно было разве что с третьего взгляда.

На язык сразу начали карабкаться многочисленные вопросы, но место и общество для их оглашения вслух оказалось неподходящим: бритоголовая сереброзвенница в порталльной комнате явно не собиралась оценивать притворство рыжего по достоинству. По крайней мере, громогласный восторг ее ничуть не тронул. На меня скучающе посмотрели, убедились, что во время путешествия от моего тела ничего не отвалилось, и отвернулись, возвращаясь к каким-то другим делам. Правда, спина в синей мантии довольно красноречиво заявляла, что мне и моему сопровождающему надлежит поскорее убраться восвояси, а то, не ровен час, кто-то еще воспользуется порталом и свалится прямо на наши головы. Пришлось уйти, изо всех сил сохраняя гордое и молчаливое спокойствие.

В коридоре Натти накинул мне на плечи плащ. Когда догнал.

— Ты же не будешь здесь шататься голым?

Вместо ответа я посмотрел на рыжего. Коротенечко, но выразительно.

По большому счету мне было все равно, в каком виде и куда двигаться дальше. Собственно, я даже не хотел знать, на каком краю Дарствия очутился. Но мои желания конечно же по-прежнему не имели значения.

— Сюда! — Натти распахнул дверь по правую руку от себя.

Одежда, разложенная на низкой скамье — единственном предмете мебели, умещавшемся в крохотной комнате — чуть было не вынудила меня нарушить молчание. То, что мне предлагалось надеть, выглядело... Чужим. Не в том смысле, что раньше все это принадлежало другому человеку, нет: рубашка и исподнее были новехонькими, да и костюм выглядел разве что лишь чуть поношенным. Но я никогда так не одевался, ни в юности, ни потом.

Одежда была богатой в самом полном значении этого слова. Пусть она не сверкала пуговицами, выточенными из цельных драгоценных камней, золотыми шнурами и прочими

знаками роскоши, одна только ткань говорила о многом. Вернее, ткани, из которых костюм был пошит. И конечно же все пришлось впору, хотя я и не мог припомнить, чтобы с меня в последнее время хоть кто-то снимал мерки.

— Отлично! — оценил Натти результат моего неторопливого облачения. — Теперь осталось только выправить подорожную.

Я поднял со скамьи последнее, что на ней оставалось и что, по всей видимости, являлось неотъемлемой частью маскарада.

Посох, в отличие от одежды, был далеко не новым и лоснился пятнами полировки, которая возникает лишь от частых прикосновений. Навершие, сделанное в виде лобастой кошачьей головы, выглядело цельнодеревянным по сравнению с наконечником, окованным железом, но полностью уравнивало его, стало быть, где-то внутри прятались свинцовые вкладки.

— Нравится? — спросил рыжий, наблюдая, как я кручу посох в руке.

— Да. У кого стянул?

— Обижаешь! Это подарок. Тебе.

После слова «тебе» Натти поставил жирную и окончательную точку. А жаль. Интересно было бы знать, кто так расщедрился.

— Ну ладно, хватит играть, пошли!

Он распахнул передо мной дверь, как заправский привратник, а в коридор вышел только после меня, ровно на том отдалении, на котором слуга должен находиться от своего господина, чтобы быть готовым к исполнению любого приказа. Всё это вкупе с костюмом расписывало наши роли однозначно. И, надо сказать, не слишком приятно. Можно было предположить именно такое развитие событий, но я все же надеялся, что мы будем действовать на равных. Хотя...

Да, слуге куда проще что-то разнюхать и разглядеть, ведь мало кто обратит на него внимание в присутствии других, куда более занимательных объектов для наблюдения. В любом случае первый удар любопытства должен буду принять на себя я. А значит, следовало подготовиться. Вот только как, когда и к чему? Да еще коридор закончился слишком быстро, выйдя в небольшой зал, где за просторным столом сидел человек, вольный распоряжаться свободой нашего передвижения.

Чиновные люди узнаваемы сразу, без всяких сомнений. У любого из них обязательно натянута на лицо самодовольная маска уверенности в собственной значимости, а главное, в собственном всемогуществе, пусть все, что он может сделать — это поставить печать. Причем поставить исключительно по своему желанию, а не учитывая заслуги или прегрешения того, кто оказался просителем. Вот и мужчина средних лет — одетый во все черное южанин с бледной, а потому нездорово желтой кожей — первым делом взглянул на меня сверху вниз, хотя его голова находилась намного ниже моих плеч.

Смотрел он долго, словно искал какой-то изъян в моем облачении или в чертах лица. Наконец, вроде бы удовлетворившись произведенным осмотром, опустил взгляд к бумаге, пока еще девственно-чистой.

— Ваше имя, эррете?

Эррете. Так звучит обращение на местном наречии? Раскатисто и звонко. Чуть угрожающе. Прямо как гром, накатывающийся из-за горизонта. Эррете... А что он спросил-то? Ага, вот и первый просчет моего беспощадного напарника! Что я, по его мнению, должен отвечать? Времени-то на придумки нет. И желания, кстати, тоже. Остается только

одно: правда.

— Ханнер Мори со-Веента.

Последнее слово явно заставило чиновника задуматься. Столичный житель, отправившийся Бож знает куда, всегда вызывает если не подозрение, то хотя бы вопрос «почему?».

— Цель вашего прибытия в Катралу?

Еще лучше! Что рассказывать дальше? Какая надобность привела меня сюда? Поиски сбежавшей преступницы? Тогда можно заранее начинать копать могилу, иначе не успеешь к тому часу, когда за тобой придут, чтобы избавить от страданий, именуемых жизнью. От страданий...

— Собираюсь поправить пошатнувшееся здоровье.

Чиновник снова поднял на меня взгляд. Мягко говоря, недоверчивый. Конечно, кому бы рассказывать о тягостной болезни, но только не мне: худобой и раньше не отличался, а проведя некоторое время в сельской местности, еще вширь раздался, и лицо заметно посвежело.

— И что же его... пошатнуло, ваше здоровье?

Спросили с заметной издевкой. Мол, знаю, что вы все придумываете, так извольте теперь соврать убедительно, иначе никаких подорожных не получите. Было бы гораздо проще его подкупить, право слово! Кто в здравом уме откажется от дармового заработка? Но хотя меня обрядили богато, деньгами не снабдили, дали лишь...

Навершие посоха застыло у груди чиновника, касаясь ткани камзола. Не прижимая противника к спинке кресла, потому что это означало бы необходимость замаха, если сражение продолжится. А так у меня в распоряжении оставалось несколько пядей свободного пространства, достаточного для нанесения смертельного удара.

— Показать?

Он оказался неглупым человеком, способным оценить мое любезное предложение. Может быть, сам не брезговал в юности драками, может быть, попал в это кресло после военной службы. В любом случае испугаться не испугался, но взгляд отвел. Обрато к бумагам.

— Пошатнувшееся здоровье... Повреждения в груди?

— Да.

Перо закрипело по бумаге.

— Едете в южные края по совету лекаря... — Он уже не спрашивал, а проговаривал то, что пишет, только для того, чтобы у меня была возможность поправить. Если понадобится. — В сопровождении...

— Слуги.

— Именуемого...

— Натти.

— Собираетесь оставаться в Катрале...

— Не менее месяца, а то и двух.

Он кивнул, заканчивая писать, прижал печатку к лужице застывающей восковой смеси, осторожно присыпал строчки песком, потом аккуратно собрал крупинки, впитавшие излишки чернил, в коробочку. И покосился на посох, навершие которого все еще покачивалось рядом с грудью.

— Извольте получить вашу подорожную.

* * *

Нагги ждал окончания разговора, разумеется, подальше от чиновника — у входа в зал, впрочем, внимательно прислушиваясь к каждому произнесенному слову. Только когда бумага оказалась у меня в руках, рыжий бочком подобрался ко мне, и выходили мы уже вместе. Наружу. Под яркое, почти злое солнце.

Я никогда не был любителем жары, но сейчас, невольно вдохнув полной грудью сухой, как раскаленная сковорода, воздух, к несказанному удивлению, почувствовал себя намного лучше, чем в затененной комнате. Значит, лекарица не обманывала: на юге мне будет дышаться легче. Осталось проверить, насколько будет хватать паров тысячезрачника. Кстати о траве.

— Где твоё зелье?

Рыжий протянул мне флакончик, похожий на те, в который столичные дамы складывают душистую соль.

— Можно нюхать просто так? Или тряпку все-таки придется мочить?

— Необязательно. Просто большой вдох не делай, а то голову поведет.

Я открыл крышку и поднес горлышко склянки к лицу. В нос ударил терпкий, уже не кажущийся непривычным аромат. Но вдыхать его глубоко и в самом деле не стоило. Хотя бы чтобы не превратиться в глазах окружающих из столичного щеголя в человека, чья жизнь целиком и полностью зависит от дурных травок.

А окружающих было много. Слишком много для того места, где мы оказались, и для того времени суток, когда солнце висит едва ли не в середине небосклона. Правда, прохожие больше были увлечены своими делами и нуждами, чем остановившимися у стены дома путешественниками. По крайней мере, ни один из них не скользнул любопытным взглядом за моей рукой, убирающей флакончик в поясную сумку. И ни один не изъявил желания оказать путешественникам, впервые прибывшим в здешние края, какие-либо услуги.

Вот это показалось мне странным. На столичных улицах приезжому было не увернуться от десятка почтительно предлагающих свое общество проводников, советчиков и прочих бездельников, промысляющих обманом. А здесь делают вид, будто они одни в целом свете, и гордо проходят мимо. Или испуганно?

Вон та пожилая женщина смотрела на меня дольше других прохожих, но, как только ее примеру последовал околачивающийся рядом ребенок, то ли внук, то ли правнук, коротко стриженный мальчишеский затылок получил увесистую оплеуху. Мол, нечего глаза пялить на незнакомцев.

В каком-то смысле всеобщая отстраненность от чужих дел даже успокаивала: хорошо быть уверенным в том, что в неподходящий момент тебе никто не подвернется под ноги. Но стена отчуждения, мгновенно выстроившаяся между нами и местными жителями, была уж слишком высока.

Я решил поинтересоваться у Натти, как он предполагает действовать дальше, но не успел даже открыть рот, как из-за правого плеча раздалось искренне радостное:

— Какие люди! Вот уж не чаял здесь с вами свидеться!

Золотозвенник по имени Керр сиял, как начищенный поднос, поправляя расстегнутый ворот длинной тонкой рубашки, доходящей почти до колен, и обмахиваясь чем-то вроде веера.

Ну да, жарко же. Это я еще не прочувствовал всей мощи проливающегося с небес тепла, потому что в Наблюдательном доме, или как он здесь называется, было весьма зябко.

— Какими судьбами? — продолжил расспросы старый знакомый, в отличие от прочих прохожих прямо-таки лучащийся доброжелательностью.

— Чувствую себя... неважно. А лекарь сказал, что южный воздух поможет.

— Ах, все тот неприятный случай не дает себя забыть? — охотно посочувствовал Керр. — Надо же было такому случиться! И все насмарку, вся выслуга, весь почет... Ну да что я вас держу на улице? Пойдемте посидим в благословенной прохладе, заодно подкрепитесь после дороги.

Он подхватил меня под локоть и потащил в переулок, уводя с солнца и, что гораздо важнее, от любопытных ушей, которые вполне могли прислушиваться к нашему разговору.

Харчевня, в скором времени оказавшаяся на нашем пути, заявила о себе даже раньше, чем появилась из-за поворота, наполнив воздух пряным запахом жарящегося мяса. Золотозвенник потянул носом, вдыхая чудесный аромат, и удовлетворенно кивнул:

— Лучшее жаркое в Кибрале готовят именно здесь. Сейчас сами попробуйте и убедитесь!

Несмотря на столь многообещающее заявление, посетителей внутри заведения оказалось немного, и в ответ на мой недоуменный взгляд Керр пояснил:

— Время не обеденное. В такую жару местные жители предпочитают отсиживаться по домам.

— Что-то я не заметил, чтобы та площадь пустовала.

— Так то по большей части приезжие. Как вы или я. Кибрал — последний город, до которого можно добраться казенным порталом.

Вот оно что... Пограничье Дарствия, значит? А дальше начинаются земли, живущие по

своим собственным законам?

— Неси все самое лучшее, душенька! — велел золотозвенник смуглой подавальщице, и спустя всего пару минут на столе перед нами уже стояли миски с мясом, сыром, хлебом, чем-то еще, для чего в моей памяти не нашлось названия, и целая вереница соусов чуть ли не всех цветов радуги.

Керр тут же отломил кусок лепешки, макнул в несколько ложек подряд и блаженно зажмурился, отправляя приготовленное кушанье в рот. А прожевав, вполголоса сообщил, переходя на свой обычный тон:

— Ненавижу местную кухню.

Нагги, севший за тот же стол, что и мы, но чуть поодаль, как и полагалось слуге, хмыкнул, но промолчал, придвигая к себе миску.

— Кладут столько перца, что потом полдня опиваешься вином. Вода не помогает. Ни капельки, — добавил золотозвенник, щедро наполняя сначала мою, а потом свою кружку.

— Тогда что же вы здесь делаете?

Хотел спросить равнодушно, не получилось: Керр заметил в моем голосе недовольное разочарование и улыбнулся:

— Встречаю вас.

— Никого не оказалось на побегушках?

— Киф ничего не знает о юге. Да и я, собственно... — Его улыбка стала даже немного виноватой. — Мало кто из нас знает. Южане не привечают наши Цепи. Своими обходятся.

— Неужели ни разу шпионов не засылали?

Золотозвенник продолжил расчленение лепешки и купание каждого кусочка в соусах.

— Все не так просто, как хотелось бы. Совсем не просто.

Наверное, да. Если вспомнить про некую бальгерию, выслеживающую демонов, то вряд ли здесь мог бы действительно работать лазутчик, несущий в своей плоти следы этих самых демонов. А лезть в осиное гнездо без всякой чудесной поддержки... Мало кто отважился бы. Только такой дурак, как я. И то не по своей воле.

— Но если вы ничего не можете сообщить о юге, то зачем...

— С югом будете разбираться сами. Как сумеете. А я приехал, чтобы дать вам несколько советов.

— Думаете, я буду их слушать? После всего, что сотворил ваш... «братец»?

Керр улыбнулся, не разжимая губ:

— Поверите или нет, я не представляю, о чем вы говорите. Мне было обещано, что вы придете сюда, а потом отправитесь дальше, и только.

Врет. Наверняка врет, от первого слова и до последнего. Но конечно, не краснеет.

— Хорошо. И что же я должен буду делать там, в Катрале?

— На ваше усмотрение. Все, что пожелаете. Я скажу лишь о том, чего вы делать не должны.

Опять та же игра? Уверения в полной вседозволенности, на деле оказывающиеся пустым звуком? Нет, теперь я так легко не попадусь на прежнюю уловку.

— Не должен?

— Да. — Золотозвенник сделал большой глоток из кружки. — Например, вы не должны погибнуть.

Хорошее напутствие. Своевременное.

— В моем нынешнем состоянии я вряд ли смогу постоять за себя.

— Надеюсь, до такого поворота событий не дойдет, — совершенно искренне сказал Керр. — Но это была только первая из ваших нынешних обязанностей. Не умирать. Запомнили?

Я кивнул.

Не люблю, когда с первых же слов речь заходит о жизни и смерти. Казалось бы, должен был привыкнуть за годы службы, ведь, в конце концов, примерно такой же фразой меня провожали из Сопроводительного крыла на каждое задание. Не привык. Может быть, потому, что в моем случае это означало: убей другого, чтобы не умереть самому? Да, что бы ни думали те, кого я сопровождал, мне прежде всего нужно было самому оставаться в живых. Не за счет Ведущего, разумеется, но дозволялось преступать очень многие границы. Настолько многие, что за большинство из них я предпочел бы не заглядывать вовсе.

— Второе. Вы не должны ничего предпринимать, если обнаружите беглянку.

— Совсем ничего?

— Ни одного движения. Ни единого слова. Как будто ничего не случилось. Продолжайте жить, как жили. До истечения срока подорожной. И только потом — слышите? — только потом уезжайте.

Еще интереснее. Найти, посмотреть и отвернуться? Зачем тогда все это путешествие?

— И я не должен сообщать о находке?

— Никому. Ни в коем случае.

— Никому? — Я невольно посмотрел в сторону Натти.

Керр проследил направление моего взгляда и утвердительно кивнул:

— Никому.

— Но...

— Понимаю, вам все это кажется нелепым. Попробую объяснить. — Он ненадолго замолчал, кроша в пальцах хлеб. Потом решительно отложил его в сторону. — Так получилось, что в Катрале у нас нет доверенных людей. Осведомителей, как их обычно называют. Сначала до большинства провинций не доходили руки, а потом стало слишком поздно: южане нашли способ отгородиться от внешнего мира.

— Мира демонов, — уточнил я.

— Да. Хотя, скорее всего, там демонов ничуть не меньше, чем здесь. Трудность в том, что никому из наших людей не пересечь границу. Либо нужно ждать, и очень долго, пока из плоти уберутся последние следы соответствующих зелий.

— Долго? У меня все случилось за несколько дней.

— То, чем пичкают сопроводителей, и рассчитано всего на несколько дней, — отмахнулся Керр. — Вы же помните, что почти каждые сутки принимали всякие настойки? А Звенья получают совсем другую пищу.

— И вы тоже?

Он первый раз за всю беседу посмотрел мне в глаза:

— И я.

— Значит, приехав сюда, вы...

— Рискую. И довольно серьезно.

А самое главное, рискует он не только своей жизнью, но и моей. Кто поручится, что на площади или здесь поблизости нет ищек, способных унюхать след демона? Но в Катралу отправляюсь ведь не только я один.

— А как же он? — Не понадобилось даже кивка, чтобы дать золотозвеннику понять, о

ком идет речь.

— Он умеет прятать своих демонов. Очень глубоко. Так глубоко, что...

— Их оттуда не достать?

Керр заметно помрачнел:

— Да. По крайней мере, не достать быстро.

А вот эта новость меня совсем расстроила. Одно дело — отправляться в бой с прикрытыми тылами, и совсем другое — оказаться посреди толпы врагов без малейшей поддержки. Конечно, Натти, как и я, все же можем дать некоторый отпор противнику, но... Насколько действенный?

— Теперь понятно, почему я должен не умереть.

— Все не так страшно!

— Ага. Все еще страшнее.

Золотозвенник виновато развел руками:

— У нас не было другого выхода.

— Но отказаться я, конечно, не могу?

Вместо Керра, молча изучавшего содержимое наполовину опустошенной миски, мне ответил Натти:

— Мог. С самого начала.

Неужели? А мне так не показалось. Ведь меня одарили «мокрой глоткой» еще до того, как рассказать о цели этого действия. Еще до...

Ну да! Как же я раньше не догадался?

— Ты боялся, что я откажусь.

Рыжий ухмыльнулся:

— Не боялся. Был уверен.

— Даже не сказав, что и зачем?

— А разве это что-нибудь изменило бы?

Может быть. Вдруг я смог бы проникнуться важностью поручения?

Ага, как же! Нет, во мне еще слишком сильно желание жить спокойно, ведь я все еще до конца не поверил, что моя жизнь теперь принадлежит мне, не ощутил...

Желание. То, что демоны понимают без слов.

— Ты знал, да?

— Что тебе хочется покоя? — насмешливо уточнил Натти. — Знал. Это всегда с тобой. Вернее, в тебе.

— И как долго еще будет там оставаться?

Карие глаза сверкнули искорками, но не красноватыми, а вполне человеческими. Грустными и одновременно задорными.

— Пока не исполнится.

Хороший ответ. Правильный. А я какого ожидал, спрашивается?

— Третье, — снова взял слово Керр. — Вы не должны притворяться.

— То есть?

— Не должны играть. Будьте самим собой. Что-то не понравится в местных обычаях — выразите свое негодование. Приглянется женщина — заявите об этом. Пусть вас считают наглецом, не желающим исполнять чужие законы. Это намного лучше, чем лгать. И намного безопаснее.

Любопытный совет. Разумный, если вдуматься. Чужак, старающийся слиться с

окружением, рано или поздно вызовет подозрения в своих намерениях. А тот, кто показательно не желает становиться частью другого общества, конечно, будет встречаться с враждебностью, но вовсе не той, что по-настоящему опасна.

— Вы не в восторге от того, что понадобилось приехать в Катралу? Ну и замечательно! Пусть все знают, что вам даром не нужен юг.

— Но если я буду следовать вашим наставлениям, каков шанс достичь цели? Той цели, ради которой все и затевалось?

Керр перевернул кружку, из которой не вылилось ни капли вина, и призывно потряс ею в воздухе, показывая подавальщице, что неплохо было бы притащить новый кувшин с питьем, а когда девица отправилась в кладовую, сказал со всей возможной серьезностью:

— Зверь всегда бежит на ловца. Особенно если ловец об этом не заботится.

— Глупая затея, — подвел я итог разговору, когда заказанное Керром вино закончилось.

— Другой под рукой нет, — пожал плечами Натти.

Золотозвенник покинул нас уже более получаса назад, а мне все казалось, что он вот-вот вернется к столу с очередной мудрой или странной репликой. И укажет, как действовать дальше. Но с каждой прошедшей минутой становилось яснее ясного: не укажет.

— Можешь ответить на вопрос честно?

Рыжий сузил глаза:

— Смотря на какой.

— Всего на один. Больше спрашивать не буду. Обещаю.

— Неравный обмен.

— Другого под рукой нет.

Он подумал, подбирая лепешкой остатки соуса со дна миски, и кивнул:

— Ладно, спрашивай. Отвечу.

— Кроме нас в Катрале кто-то еще будет работать на «миротворцев»?

Натти молчал долго, но на сей раз было отчетливо видно, что он тратит время на серьезные размышления. А когда ответил, мне подумалось, что лучше бы молчание осталось ненарушенным:

— Нет.

— Точно?

— Это уже второй вопрос, а я обещал ответить только на один.

Попытка отшутиться не удалась, потому что карий взгляд оставался по-прежнему напряженным. Как натянутая струна.

Что ж, пожалуй, мне больше ничего и не нужно знать. Один пастух рядом уже есть, и Бож с ним. Пусть я не могу заставить себя верить ни Керру, ни Натти, других источников правдивых сведений у меня пока слишком мало. Да и в ближайшее время — время ежечасного выбора — их количество вряд ли увеличится. Но с другой стороны...

Все-таки прошлая жизнь закончилась. Или спешно заканчивается, иначе откуда возникают все новые и новые сомнения там, где следовало бы очертя голову бросаться в омут исполнения приказов? Жаль только, что все это происходит не вовремя. Сейчас мне очень нужна уверенность. До смерти нужна.

— И что будем делать дальше?

— То, что собирались, — ответил рыжий, отправляя в рот последний кусок лепешки. — Доберемся до Катралы.

На словах это звучало легко и просто, на деле оказалось намного труднее. Быстро выяснилось, что обозы до нужного нам места уходят рано поутру, можно сказать, затемно, поскольку неспешный путь по краю степи занимает весь световой день и еще чуть-чуть. Меня вынужденное промедление вполне устраивало, однако, как только я собрался окликнуть Натти и предложить отправиться на поиски ночлега, кто-то тихонько, но многозначительно кашлянул у меня за спиной. А потом, видя, что я не тороплюсь оборачиваться, спросил:

— Хотите поскорее попасть в Катралу, эррете?

Я не хотел. Тем более быстрее, чем это совершают все прочие путешественники. Но навязанная мне маска богатого господина вынуждала признать:

— Да.

Процедить сквозь зубы с заметным оттенком недовольства, свойственным человеку, проделавшему долгий и трудный путь, чтобы узнать: назначенная встреча снова откладывается.

— Могу поспособствовать.

Неожиданно? Отчасти. Стараниями Натти и увещеваниями Керра я успешно выделяюсь среди прочих приезжих. Не могу не привлекать внимания как добропорядочных людей, так и тех, кто не прочь разжиться деньгами. К какому лагерю принадлежит заговоривший со мной? Сейчас узнаем. Вот теперь, после небрежного промедления, настало время лениво повернуться и внимательно осмотреть так кстати подвернувшегося помощника.

Невысокий, едва достающий мне до плеча, жилистый, загорелый человечек. По крайней мере, лицо, шея, кисти рук и часть груди, выглядывающей из широкого ворота серо-желтой рубашки, походили своим цветом на печеное яблоко. Голова незнакомца была повязана цветастым платком, изрядно выгоревшим на солнце, штаны топорщились нашитыми по бокам карманами, а сапоги, хоть и не новехонькие, мало походили на обувь того, кто много ходит по земле. Крепкая талия мужчины была обернута чем-то вроде темно-синего шарфа, один из концов которого свисал чуть ли не до середины икр. И висел слишком уж неподвижно для легкой шелковистой ткани.

Меня тоже не оставили без осмотра, причем ничуть не менее тщательного, по окончании которого предложение было повторено с еще большим напором:

— Ну так доставить вас в Катралу, эррете?

Я помедлил с оглашением своего решения, и незнакомец добавил:

— А то до утра ждать придется. А потом целые сутки костями в обозе бренчать.

— Хочешь сказать, что довезешь быстрее?

Он улыбнулся во весь рот, обнажая белоснежные зубы:

— Не извольте сомневаться!

Часть 3.6

Смуглый мужчина особого доверия не внушал. Скорее, походил на проходимца и разбойника, рассчитывающего поживиться добром беспечных путешественников. Но Натти, выглянувший из-за моего плеча, видимо, думал иначе:

— Расчет получишь только на месте, а то знаем мы таких!

Незнакомец кивнул, улыбаясь еще веселее:

— Разве я сказал что-то о деньгах? Пусть эррете сам решит, сколько заплатить, когда въедет в Катралу еще до захода солнца!

Проявленная щедрость выглядела не менее подозрительно, чем все остальное. С другой стороны, фальши в словах мужчины я, как ни старался, уловить так и не смог.

— Хорошо. Только смотри, не жалуйся потом, что получил слишком мало.

Вместо ответа незнакомец поклонился, прижимая правую ладонь к сердцу:

— Идемте, эррете. Лошадки уж заждались!

Распрямив спину, он торопливо отправился к самому краю Обозной площади. Мы двинулись следом, в отличие от незнакомца не особенно ускоряя шаг.

— Не боишься? — спросил Натти, взглядом указывая на повязанную платком макушку.

— Боюсь.

— Тогда зачем согласился?

— А ты зачем встрял с расчетом?

— Всего лишь подыграл.

— Ага, всего лишь...

— Еще можно отказаться.

— Ну уж нет. Откажусь — решат, что и в самом деле испугался. Но я ведь не должен ничего знать о местных опасностях, верно? Чиновник, выписывавший подорожную, и словом не обмолвился, к примеру, о разбойниках. А много ты вообще видел здесь вооруженных людей? Вон, взгляни на обоз, который отправится завтра утром: охранников можно пересчитать по пальцам. Значит, ничего страшного в поездке по степи нет. Что тогда может помешать столичному бездельнику воспользоваться удачно подвернувшимся случаем?

Рыжий хмыкнул:

— Рассуждаешь умно. А не подумал на досуге, насколько умны те, кто за тобой наблюдают? Вдруг решат, что ты неспроста отважился путешествовать без обоза, когда все остальные послушно ждут следующего утра?

— Пусть. Разве у нас есть при себе что-то, что можно украсть?

— Вообще-то есть. Только использовать эти штуки никто, кроме тебя, не сможет.

— Штуки?

Натти на мгновение раскрыл протянутую ко мне ладонь, и солнечные лучи отразились от граней дорожного жетона, отмеченного посередине гербом Веенты.

— Керр постарался?

— Ага, кто же еще.

И когда успел, спрашивается? Насколько я знаю, чтобы закрепить такой жетон за определенным предъявителем, требуются слишком длительные и тщательные приготовления. Разве что...

— Как ему удалось выцарапать их у казначея Сопроводительного крыла?

Рыжий хохотнул, убирая знак, заменяющий деньги, во внутренний карман куртки:

— Вернемся — сам спросишь!

Может, и спрошу. Хотя... Зачем? И так понятно, что золотозвенник прекрасно осведомлен обо всех служебных надобностях и о том, как часто отпущенные на них средства тихонечко лежат в казенных сундуках, потому что не оказались вовремя затребованными. Представляю, как скривился Лаолли, расставаясь с деньгами! Если посчитать всю сумму, накопившуюся за время моей службы, то выходит...

— И ты все их тащишь с собой?!

— Ага.

Хм. Да я и вправду богач. Самый настоящий.

— Только не говори, что потом все это надо будет...

— Прошу прощения, эрте. Можно к вам обратиться?

Оставалось надеяться, что окликнувший меня человек не слышал нашего с Натти разговора, а если слышал, то не понял, о чем идет речь.

— Что вам угодно? — спросил я, посчитав очередного незнакомца достойным ответного обращения, но не остановился, все же показывая, что дела, которыми собираюсь заняться, намного важнее случайного разговора.

— Вы ведь направляетесь в Катралу?

— Возможно.

— Прямо сейчас?

Или слухи здесь расходятся быстрее, чем круги по воде, или он ошивался где-то рядом. Весь вопрос — случайно или нет.

— Что вам угодно?

Повторенный вопрос вызвал на лице молодого человека легкий румянец, под палящим солнцем выглядящий как ожог.

— Мне нужно попасть в Катралу.

— Что же вам мешает? Утром отправляется обоз.

— Я... Не располагаю достаточными средствами.

— Хотите, чтобы я ссудил вам денег?

— Я не нахлебник, эрте.

— Тогда что?

— Возьмите меня с собой.

— У меня уже есть слуга.

— Я окажу вам любую услугу, о какой вы попросите.

Он говорил, по меньшей мере, убежденно, хотя вернее было бы назвать тон его голоса одержимым. И предложение выглядело заманчивым, тем более возница, уже нетерпеливо приплясывающий возле повозки, и вовсе оставил плату за поездку на мое усмотрение. А займешь в Катрале хотя бы одного человека, задолжавшего тебе услугу... Это больше, чем ничего. Намного больше.

Натти, идущий слева, тронул меня за рукав, словно хотел о чем-то предупредить, но, когда я повернул голову, карие глаза рассеянно мигнули, словно рыжий уже передумал.

— Хорошо. Можете отправляться вместе с нами. А об обещании я вам напомню, когда придет время.

Молодой человек поклонился, благодарно, но не подобострастно.

— С нами поедет еще один человек, — сообщил я вознице. — Справятся твои лошадки с

лишним весом?

— Легко! — заверили меня, приподнимая полотняный полог коляски и приглашая занять место.

Я принял любезное приглашение, мимолетно отметив, что лошадей у козел не две, а три. Причем третья была не впряжена, а всего лишь привязана за длинный повод. Запасная? Скорее всего. Вот только для какого случая предназначен такой запас?

На обитых потрескавшейся кожей сиденьях лежали тонкие, но довольно мягкие тюфяки. Правда, они все же не особенно сберегли наши задницы, пока копыта лошадей цокали по городской брусчатке, а вот когда коляска выкатилась на не менее твердую, чем камень, зато ровную степную дорогу, стало намного удобнее. Даже уютнее. Но в сон не потянуло, потому что полог, хоть и защищал путешественников от солнца, пропускал достаточно яркого света, чтобы глаза не желали закрываться.

— И за какой надобностью вы едете в Катралу? — спросил я, бесцеремонно разглядывая навязавшегося попутчика.

— За исполнением желания, — ответил тот, и мне стоило большого труда удержать на лице равнодушное выражение.

— Какого, если не секрет?

— Я хочу защищать людей от... — Он помедлил, словно старался подобрать нужное слово, но, когда закончил фразу, стало понятно, что пауза была вызвана совсем другой нуждой. Необходимостью набраться смелости для откровенного ответа: — От демонов.

Я приподнял бровь, не слишком соображая, в каком тоне следует продолжать беседу после подобного признания, но юноша сам помог мне, горько усмехнувшись:

— Думаете, что я безумен? Как пожелаете.

С этими словами он откинулся на спинку сиденья и плотнее запахнул плащ, в который зябко кутался, несмотря на жару.

Совсем молодой, лет восемнадцати или девятнадцати, не больше, с редкими усиками над верхней губой и полным отсутствием бороды на упрямо выпяченном подбородке. Русые волосы подстрижены коротко, но не слишком ровно, словно не были доверены ножницам цирюльника. Глубоко посаженные глаза не поймешь какого цвета смотрят угрюмо и чуть затравленно. Плащ кое-где залатан, причем заплатки располагаются в местах, вызывающих вопросы о происхождении прорех. Кого же я, на свою голову, взял в попутчики?

Натти убедительно притворился, будто задремал, но пальцы скрещенных на груди рук все же оставались напряжены, даже костяшки чуть побелели. Он явно что-то хотел мне сказать тогда, еще до отъезда. Что-то достаточно важное и касающееся странного юнца. Только не успел. И как его расспросить теперь? Не останавливать же коляску и не уходить подальше в степь?

Лобастая кошачья голова заскользила под вспотевшей ладонью, и я переложил посох в другую руку. Что ж, придется надеяться на словоохотливость незнакомого попутчика.

— Не считите мое удивление оскорбительным, но... Демоны? Это еще кто такие?

Юноша недоверчиво взгляделся в мое лицо, словно ища подвох. Не нашел.

— О них известно только избранным.

— Но вы сказали, что хотите защищать людей. От этих самых демонов. Значит, они опасны?

Он утвердительно кивнул.

— Они убивают?

Юноша мотнул подбородком:

— И убивают тоже, но... Не только. Да и не главное это. Все люди изначально равны перед Богом и Боженкой, а демоны делают так, что кто-то возвышается над другими.

— Возвышается?

— Получает невероятную силу и прочие способности, недоступные обычному человеку. Но ведь это неправильно! — Последнюю фразу он почти выкрикнул, сам испугался громкости своего голоса и продолжил глухим шепотом: — Каждый человек должен уметь только то, чему научится сам. То, чему смог научиться. И если кому-то не дана сила или смелость, то он должен со смирением принимать свою судьбу и не восставать против божьего Провидения!

А ведь в его словах что-то есть. Возможно, спорное, но в некотором роде притягательное. Заманчивое. Когда-то давным-давно так и было, если верить легендам. По крайней мере, в военачальники выходили те, кто умел сражаться лучше прочих. И мастеров всегда ценили по их работе. Сейчас, правда, тоже ценят, и все же...

Перед глазами промелькнул призрак некрасивой девушки, присланной своей хозяйкой, чтобы обеднить мир на одну талантливую и знающую травницу. Ценят, да уж! В первую очередь себя и свои надобности. Или капризы. К тому же у справедливости, о которой упомянул русоволосый, имелась неприглядная обратная сторона.

— А как быть тому, кто обладал и силой, и смелостью, но по стечению обстоятельств или чужой воле лишился и того, и другого?

— Вы говорите о себе? — догадался юноша.

— Пусть так. О себе. И как же мне быть? Смириться?

— Все в мире делается по воле божьей, и только по ней. И если что-то отнимается велением небес, то можно хотя бы помнить о том, чем владел. И помнить, что кто-то и вовсе был лишен подобных даров.

Он старался говорить спокойно, но все равно в каждом слове чувствовался какой-то странный надрыв, словно юноша старается уговорить себя самого. Вот только на что?

— Кто-то и вовсе лишен...

* * *

Тихий шепот растворился в стуке копыт, и, поскольку продолжения разговора не последовало, я волей-неволей начал прислушиваться к звукам снаружи. Надо сказать, таковых было немного: шум лошадиного бега, поскрипывание колес и шелест полотна, спасающего седоков в коляске от солнца. Да и что еще можно услышать в степи? Может быть, картинка окажется увлекательнее?

Я приподнял полог, выглядывая наружу, и изумленно открыл рот, увидев, как возница пересаживается с козел на бегущую рядом лошадь, отвязывает поводья и, ударив пятками по лоснящимся бокам, удаляется от коляски, охаживая бока животного тем самым длинным концом шарфа. Потом всадник резко забрал влево и быстро исчез за полосой высокой, хотя и жухлой травы, а вышколенные упряжные продолжили как ни в чем не бывало бежать дальше.

— Что за...

— А? — приоткрыл один глаз Натти.

— Кажется, у нас неприятности.

Юноша тоже встрепенулся, заметно бледнея:

— Что-то случилось?

Не тратя сил и времени на описание своего недоумения, я перебрался на переднее

сиденье и откинул полог, показывая всем пустующее место возницы.

— Ого! — присвистнул рыжий.

— Ага. Он сбежал.

— Куда? И зачем? — спросил юный борец с демонами.

— Хотел бы я это знать.

— Ну править-то и я сумею, — успокоил Натти, перелезая на козлы. — Да и не нужно ими править, — с некоторым недоумением сообщил он чуть погодя. — Сами дорогу знают.

— Вот только куда эта дорога нас приведет?

Словно в ответ на мой вопрос, раздался пронзительный свист, как мне показалось, прямо из-под копыт лошадей, а в следующее мгновение коляска остановилась, потому что невесть откуда взявшийся, будто выросший из земли человек схватил лошадей под уздцы.

— Приехали! — весело сообщил он, глядя на наши растерянные лица.

Видимо, это слово означало сигнал к действию для остальных разбойников, потому что не успело оно стихнуть, а по обе стороны от коляски широкими дугами уже выстроились разномастно одетые молодцы. Общим в их внешнем виде были, пожалуй, только одинаково отчаянные рожи и кушаки, подозрительно похожие на пояс возницы, только не синего, а черного цвета.

Всего я насчитал дюжину человек, вооруженных длинными кривыми ножами. Правда, ножи эти пока не покидали ножен, что вселяло некоторую надежду. Хотя бы на то, что убивать нас никто просто так не собирается.

— Что нужно? — хмуро спросил Натти.

— А то сами не догадываетесь? — ухмыльнулся тот, кто остановил лошадей, видимо, главный среди разбойников. Изъяснялся он на вполне понятном мне наречии, но гортанно и почти не проговаривая букву «г».

— Не везем с собой денег, — отрезал рыжий.

— Да неужто?

— Хочешь — верь, хочешь — нет.

— А если вздумаю проверить?

Натти пожал плечами:

— Валяй!

Подобное равнодушие чуть остудило пыл разбойника и заставило задуматься. Впрочем, ненадолго.

— Что ж, если денег нет, их надо раздобыть. Придется вам, эррете, посетить наше скромное убежище. Там найдутся бумага и чернила, а вы, конечно, сразу вспомните, кому и куда нужно написать, чтобы выкуп не сильно задержался в пути.

Прозвучавшее предложение было хорошим. Только не для нас. Но если я еще мог понадеяться на помощь со стороны того же Керра или, на худой конец, Нери, то русоволосый юноша оказывался в вовсе безвыходном положении. Впрочем, так мне только казалось. Первые несколько минут.

Он внимательно выслушал речь главаря разбойников, чуть ли не проговаривая про себя каждое слово, потом вопросительно посмотрел на меня:

— Желаете следовать за ними?

Я ответил честно и без долгих раздумий:

— Нет.

Юноша кивнул, сосредоточенно сдвинув брови, поднялся с сиденья и выпрыгнул из

коляски на сухую землю, примяв ломкую траву. Сделал несколько шагов, словно разминая затекшие во время поездки ноги, поерзал плечами под плащом, тяжелыми складками спускающимся на худощавую фигуру.

— Эрте не принимает ваше предложение.

— Предложение? — брезгливо переспросил мужчина, остановивший наших лошадей. — Это приказ. И вам всем придется его выполнить, иначе...

Посулить страшные кары ослушникам он не успел, получив два пальца стали прямо под подбородок. Следом полегло еще пятеро охотников за наживой, каждому из которых метательные ножи вошли либо в глазницу, либо в шею. На ответный залп у оставшихся в живых не нашлось подручных средств, поэтому разбойники просто бросились в атаку на неподвижно стоящего и очень сосредоточенного русоволосого юношу. А Натти, как только уздечки освободились от нахального захвата, хлестнул вожжами по соловым крупам, посылая лошадей вперед и тут же осаживая для разворота так, чтобы коляска благополучно убралась с места, где намечалось сражение.

Длинный плащ сделал свое дело: в первые мгновения боя широкие плотные складки скрыли от глаз нападающих и оружие, и движения рук, что позволило юноше легко справиться еще с одним противником. А потом наш странный попутчик наконец-то показал себя во всей красе.

Он тоже оказался вооружен двумя клинками, разве что чуть длиннее разбойничьих и намного прямее, но владел ими явно искуснее, чем чернопоясники. А самое главное, когда схватка завершилась полным разгромом разбойников, я совершенно искренне трижды хлопнул в ладоши, потому что в успехе русоволосого юноши не было и следа от зелий наподобие тех, которыми меня пичкали в Сопроводительном крыле. Нет, наш попутчик рассчитывал только на собственные силы и умения, и рассчитывал просто замечательно.

— Браво!

Он, не теряя ни капли сосредоточенности, убрал клинки в ножны под полами плаща и только потом повернулся в сторону коляски. Наверное, следовало поблагодарить юношу за помощь и спасение от непредвиденной и малоприятной задержки, но первым с моего языка сорвался вопрос:

— И как с такими поразительными талантами вы ухитряетесь путешествовать без денег? Думаю, многие состоятельные люди с радостью воспользовались бы вашими услугами... определенного рода.

— Я не убийца.

А верится с трудом. Взять хотя бы двенадцать тел, надежно упокоенных в течение нескольких минут.

— За смерть всегда платят хорошие деньги.

— А я хочу получать плату за жизнь. За то, что люди остаются живыми.

Играет в благородство? Похоже на то. Возраст уж точно позволяет. Но если он и вправду желает добиться того, о чем заявляет, пора взрослеть.

— И вы надеетесь исполнить свое желание именно здесь? Неужели во всех прочих краях Дарствия не нашлось подходящего места?

Юноша мрачно посмотрел на меня и без тени улыбки напомнил:

— Там, где не знают о существовании демонов, мне нечего делать.

Натти предупредительно кашлянул так, чтобы сдавленный звук донесся только до меня.

Не стоит возобновлять расспросы, что ли? Но разве равнодушное молчание не будет

выглядеть подозрительнее легкомысленного любопытства? Я не собирался отказываться от продолжения беседы, однако обстоятельства снова приняли решение за меня: из моря высокой травы послышался шелест, перемешанный с глухим стуком множества копыт, и вскоре убитых участников опасного представления заменили вполне живые люди, пусть и в немного меньшем количестве.

Первым на дорогу вылетел конь под нашим возницей, и, надо сказать, смуглая рожа беглого обманщика сейчас мало чем отличалась от лиц мертвецов. В те минуты, когда они еще были живы, конечно: темные глаза горели тем же азартом предвкушения хорошей драки. А вот следом за коротышкой подняла скакуна на дыбы всадница, которой здесь, казалось, было вовсе не место. Даже несмотря на семерых сопровождающих, выглядящих, пожалуй, опаснее, чем давешние разбойники.

Впрочем, в седле женщина не задержалась. Ловко спрыгнула на землю без какой-либо помощи, окинула взглядом поле недавнего боя и крикнула прибывшим с ней мужчинам:

— Обшарьте все вокруг, вдруг кто-то успел сбежать!

Приказ был исполнен молниеносно, и, когда взметенная копытами пыль осела, у коляски из вновь прибывших остались только двое: возница и загадочная дама, командовавшая так, будто родилась с этим умением.

Далеко не юная, скорее, моя ровесница, она напоминала Лодию чернотой волос и особым, редким для столицы оттенком кожи, но и только. Черты лица, не прячущегося от солнца, выглядели немного грубоватыми, и им совсем не помешала бы чуть большая округлость, но то ли здешнее солнце не позволяло накопить жирка, то ли женщина принадлежала к тем счастливицам, что могут не заботиться о стройности своей фигуры. Запястья и пальцы под кружевом манжет просторной рубашки казались невероятно хрупкими, но в свисающих с темно-синего кушака ножнах покоились те же самые кривые ножи, которые, похоже, были излюбленным оружием в здешних местах.

Юбка надулась парусом, расправляя тканые темно-золотые узоры по всей своей ширине, когда незнакомка стремительным шагом направилась к мертвым телам, и веером разметалась по пыльной земле, когда женщина присела над одним из трупов, присматриваясь к лицу убитого.

— Игго! Взгляни-ка на этого!

Возница поспешил подойти и послушно прищуриться.

— Что скажешь? Глаза меня не обманывают?

— Никак нет, эррита! Я его хорошо помню. Он ведь ушел из дома, чтобы стать одним из баль...

Властно поднятая вверх рука оборвала словоизлияния возницы. Женщина поднялась, еще какое-то время постояла над мертвецом, словно о чем-то трудно и напряженно думала, потом повернулась к нам. Вернее, ко мне, потому что Натти и русоволосого юноши ее взгляд даже не коснулся.

— Вам не причинили вреда, эррете?

— Ни малейшего.

— Я рада. И должна принести глубочайшие извинения за то, что вы стали невольным участником... всех этих событий.

По ее словам легко можно было догадаться, что поездка в неурочное время была задумана неспроста, но я предпочел спросить напрямую:

— Какую цель вы преследовали? Поймать разбойников на наживку?

Она кивнула:

— На обозы нападают очень редко, но обоз едет вдвое, если не втрое дольше. А лишний час под солнцем Катралы — не лучшее времяпрепровождение.

Согласен. Мне жара пока не доставляла неприятностей, но лишь благодаря «мокрой глотке». В обычном состоянии я наверняка давно бы уже мучился от жажды и прочих прелестей знойной погоды.

— Там, откуда я родом, тоже заботятся о безопасности путешественников. Но этим занимаются мужчины, а не...

— Я тоже могу себя защитить, эррете, — сказала женщина, проходя мимо меня и гордо вскидывая голову.

На мгновение наши взгляды встретились, и мне вдруг подумалось, что с такими огромными сливово-кариими глазами неважно, резки или мягки прочие черты лица.

— Без сомнения!

Она усмехнулась, встряхивая вьющимися локонами, в которых не было видно ни лент, ни гребней, взлетела в седло, не касаясь громоздких, украшенных эмалевыми рисунками стремян, подобрала поводья, небрежно замечая:

— И я умею быть благодарной.

Гнедой жеребец, на вид слишком крупный и сильный для такой наездницы, послушно замер, ожидая приказа. И тот не заставил себя ждать: высокие каблуки коснулись боков.

— Имение Фьерде к вашим услугам! — Эти слова предназначались мне, а следующие полетели уже в сторону слуги: — Тела пусть заберут. И сложат на ледник сразу же, как привезут в имение. Доказательства могут понадобиться. Скоро.

Она развернула скакуна и с места прыжком послала прямо в травяное море. Возница восторженно проследил взглядом за своей повелительницей, повернулся ко мне и виноватым тоном сообщил:

— Еще несколько минут, эррете! Всего несколько минут!

— А что будет потом?

— О, потом! — Он мечтательно закатил глаза. — Потом я доставлю вас во владения благороднейшей из благородных, эрриты Эвины Фьерде со-Катрала!

Ага, значит, о моих желаниях снова никто не собирается спрашивать? Впрочем, пусть будет благороднейшая из благородных. Не ждать же заката посреди степи.

Узел четвертый

Где-то...

Первой в ночном мраке загорается звезда удивления.

Неужели все это происходит со мной?

Почему все это происходит со мной?

И что, в конце концов, происходит?!

Последние минуты света вспоминаются до невероятности ярко и четко, но понимание не приходит. Отказывается приходить. Да и вообще хоть какое-то правдоподобное объяснение происходящему сторонится меня, благо вокруг одна лишь непроглядная темнота, укрыться в которой легче легкого.

Рядом с удивлением вспыхивает отчаяние, и мрак тут же начинает казаться удушливым.

Мне все это снится? Тогда нужно лишь открыть глаза, и странное наваждение растает. Но как открыть то, чего нет? Я не чувствую ни кусочка собственного тела. Может статься, его больше не существует. Правда, где же тогда уместается все оставшееся?

Свет первых двух звезд тает в пламени третьей. Кроваво-алой, каковой и положено быть звезде гнева.

Этого не может быть, но это есть. Оно вокруг. Внутри меня. Далеко за пределами воображения и поблизости, на расстоянии взгляда. Ему нет названия, да и нуждается ли оно в именах? Вряд ли. Нуждаюсь я. Только никто почему-то не спешит удовлетворить мои нужды.

Вспоминается все: хищный крюк палаческого меча, равнодушный голос дознавателя, чад факелов над головой. Нет только боли, словно ее что-то вычеркнуло из памяти. Но разве злость когда-нибудь принимала в расчет действительность?

Я умираю. Я ведь не могу жить с развороченной грудью.

Никто не может. Но зачем меня убивают? Чтобы заполучить в имперскую казну мои владения? А как же Либбет, законная наследница всего, что осталось? Пусть ей не нужны эти многочисленные дома, леса, уголья и золото, вряд ли девочка просто так расстанется с наследством. Правда, тогда и ее могут попробовать уби...

Гнев смешивается с отчаянием и восходит на черном небосклоне солнцем, неспособным рассеять мрак.

Нет, они не посмеют. Побоятся связываться с «выдохом». Станут выжидать, хитрить, составлять планы. Этого времени хватит, чтобы Либбет разобралась в происходящем и приняла верное решение. Должно хватить. Должно...

Нет, это я должен. Должен был сказать племяннице много разных слов, а теперь могу только бессильно и беспомощно злиться.

На самом краю ночи робко вспыхивает звездочка вины. Ей недостает сил, чтобы приблизиться к остальным, уже слившимся в единое пожарище, и потому она гаснет. Исчезает слишком быстро, чтобы оказаться замеченной.

Вспоминается император с его нелепым предложением отправиться туда, откуда можно и не вернуться. Он всерьез рассчитывает на то, что принц захочет меня выслушать? Хотя бы выслушать, если не послушаться? Или весь тот разговор затевался с иной целью? Но с какой? Наверное, мне следовало склонить голову перед сюзереном, заверить его в своей неизбывной преданности и покорно отправиться платить по государственным долгам. Но

кто поручится, что тогда все сказанное не прозвучало бы прямым приказом?

Нет, он собирался исполнить свое намерение. Любой ценой. Почему под руку попался именно я? Возможно, больше никого не осталось. Из бездельников, ошивающихся при дворе. А все, кто уже занят делами, слишком драгоценны для империи. Драгоценнее принца, исчезнувшего невесть когда, да и вряд ли способного вернуться самостоятельно. И уж куда драгоценнее того, кто предпочитает бежать прочь от ответственности.

А что, если бы я согласился вдохнуть пыльцу с крыльев бабочки? Что произошло бы со мной тогда? Мое тело, целое и невредимое, поместили бы в лучшую имперскую усыпальницу, может быть, даже рядом с его императорским высочеством, и сдували бы с меня каждую пылинку, пока...

Горизонт начинает сереть. Звездочки, словно страшась грядущего рассвета, вспыхивают из последних сил, а потом стараются отодвинуться подальше от постепенно расширяющейся и быстро светящей полосы. Сначала она кажется совсем небольшой, но кто-то неумолимый словно растягивает ее в стороны. Однако прежде, чем становится понятно, что происходит, я оказываюсь в окружении тонкой и теперь уже ослепительно-белой нити. Замкнувшееся кольцо на мгновение замирает, а потом начинает сжиматься, все быстрее и быстрее, на ходу становясь все выше.

Оно движется совершенно бесшумно, но мне почему-то кажется, что я слышу шелест, складывающийся в слова. Бессмысленные или очень важные? Не знаю. Но что-то заставляет прислушиваться внимательнее. Еще чуть-чуть, и удастся их разобрать. Еще чуть-чуть, и...

«Я хочу убраться отсюда живым...»

Мне не нравится смысл этих слов, пусть я и не могу видеть произносящего их. Если кто-то желает выжить, значит, ему что-то угрожает, а угроза — не лучший попутчик. Хотя...

На окружившем меня кольце, прежде одноцветном и гладком, вспыхивает звездчатая вставка, разрывающая белую полосу. За клочком золотистого марева проглядывает прежний мрак, наполненный моими чувствами и более ничем.

Надо вернуться туда, пока не поздно. Выскользнуть из расставленной ловушки. Я хочу убежать, но не знаю, как это сделать, а бестелесный голос звучит все громче.

«Я хочу убраться отсюда живым...»

Убраться, да. Я тоже хочу. И конечно, лучше всего живым. Не могу не согласиться. И как только мысленно повторяю чужие слова, кольцо мгновенно становится по-прежнему цельным.

Белизна, сменившая мрак, надвигается, но не приносит с собой света. Свет приходит потом, когда стена, простирающаяся из бездонной глубины в бескрайнюю высоту, сжимает меня в своих ладонях. Он слепит глаза, но мгновением спустя начинает и греть. Только тогда я понимаю, что в той странной ночи было холодно. Было так зябко, что все тело застыло куском льда и потому не желает двигаться.

Тело?!

Цвета, звуки, ощущения наваливаются все вместе и сразу, заставляя сознание кружиться, и приходится покорно ждать, пока их хоровод остановится, чтобы...

— И что теперь, бальгерито?

Спрашивает женщина. По крайней мере, платье, надетое на ней, с подоткнутым подолом, обнажающим колени и высокие сапожки, не позволяет в этом усомниться. Черноволосая, смуглая, как мореное дерево, насмешливо крутящая в сильных, не чуждых труду пальцах длинный широкий нож. Лезвие не слишком хорошо выведено, но при такой

толщине клинка нет никакой разницы, заточено оружие или нет. Один-единственный удар, пришедшийся в нужное место, — и кость послушно распадется надвое, лишая противника возможности сражаться.

— Где же твой прежний задор?

Она продолжает спрашивать, вот только вряд ли ее интересует ответ. И ее, и троих мужчин, стоящих полукругом за спиной своей предводительницы и готовых атаковать. По виду селяне или что-то в этом роде, если наряжены в холщовые штаны и рубахи. Разноцветные платки, повязанные на лицах, позволяют разглядеть только глаза, впрочем, и этого довольно, чтобы понять: шутить такие люди не собираются. Иначе зачем взяли в руки оружие? Чуть искривленные лезвия старших братьев ножа, которым играет женщина, явно не позволяют вплотную сближаться с противником, но на дистанции должны быть опасными. По крайней мере, для того, кто остался один против четверых.

Один...

Два тела лежат внизу, под ногами. Неподвижные, залитые кровью, уже лениво текущей из резаных ран. Два мертвеца в черных костюмах. Покрой кажется мне отчасти знакомым, но цепь, сбегаящая по камзолу того, кто лежит на спине, выглядит слишком странно, чтобы быть украшением. Слишком грубая ковка, а пряжка, которой последнее звено крепится к груди, зачем-то выкрашена красной краской.

Они тоже были вооружены. При жизни. Очень похожими клинками. Но, видно, владели ими куда менее умело, чем нападающие, если потерпели поражение. Из троих остался только один, облаченный в такой же костюм, отмеченный цепью. Цепью, которая висит примерно на полпути от моих глаз до носков сапог.

Тоже моих?!

Взгляд опускается все ниже, добираясь до рук. Пустых, хотя им надлежало бы держать оружие. Оружие, лежащее сейчас на земле, слишком далеко, чтобы можно было до него добраться одним движением. А к тускло поблескивающему лезвию медленно подползает по витому шнуру истончающаяся алая струйка.

Крови из полуотрубленных пальцев вытекло немного, но рукоять, конечно, сразу же стала скользкой. Слишком скользкой. А на перехват времени, похоже, не было, потому человек и остался один перед четырьмя врагами.

Один...

А как же я?!

Нас же двое, значит, шансы на победу вырастают во столько же раз. Эй, приятель! Не все еще потеряно, слышишь? Я помогу тебе. Сейчас, позволь только...

Кровь стекает из пальцев, на которые я смотрю. Пальцев, находящихся на руке, вырастающей из плеча рядом с моим подбородком. И коряво выкованная цепь глухо звякает именно на моей груди, когда ноги невольно подгибаются и делают шаг назад, чтобы удержать тело от падения на ковер желтоватой травы.

Нас двое?

Боли по-прежнему нет, хотя половина пальцев едва держится на полоске кожи и остатках мышечных волокон. Не чувствую. Ничего не чувствую.

— Прочитал свою мерзопакостную молитву или дать тебе еще минутку на прощание с жизнью?

Женщина явно теряет терпение. И торопится. Чего-то опасается? Наверняка.

— Вас всех... казнят...

Кто это говорит? Ах да, тот, с кем я каким-то странным образом разделяю одно тело. Вот только голос, наперекор смыслу сказанных слов, звучит не так уж и уверенно.

— Ты на нашей казни уж точно присутствовать не будешь!

Женщина переступает с ноги на ногу, изящно, но одновременно сильно, словно танцовщица, и из-под высокого каблука с травы поднимается облачко пыли.

— Вас... всех...

Он не намерен сражаться, это я чувствую. Затравленно повторяет одно и то же, попросту не зная, что делать. Зачем тогда звал? Зачем просил о помощи?

Дрожит мелкой дрожью. Или крупной, но до моих ощущений долетает лишь её эхо. Наверное, это сон. Бывает же такое, что закрываешь глаза и оказываешься там, где никогда не был?

«Я хочу убраться отсюда живым...»

Слова, уже успевшие надоест, назойливыми насекомыми жужжат вокруг. Хочется отмахнуться от них, но в какой-то миг одно, подобравшееся ближе других, выпускает жало и... И я успеваю пожалеть, что так беспечно не оценил по достоинству отсутствие боли в беззвездном мраке.

«Я...»

За первым укусом тут же следует второй.

«Хочу...»

Невидимая игла пронзает меня или то, что от меня осталось после путешествия через ночь. Пробивает насквозь. Но тело труса, попросившего о помощи, остается неподвижным, значит, происходящее реально лишь для меня одного. А следом за иглой тянется нить. Один стежок. Второй. Сшивающий по живому.

Пальцы раненой руки вздрагивают или мне это только кажется?

«Убраться...»

Теперь ощущения становятся похожи на последствия от удара плетью.

«Отсюда...»

Точно. Меня никогда не пороли; но я откуда-то знаю, что, если бы отец вознамерился наказать своего отпрыска, боль оказалась бы точно такой же.

«Живым...»

Конец невидимого бича обвивается вокруг шеи и затягивается. Все ту же и ту же. Он порвал бы кожу и сплющил мышцы, если бы существовал в действительности, но то, что я не чувствую ни прежнего своего тела, ни нынешнего, не мешает мне корчиться от боли.

«Я-хочу-убраться-отсюда-живым!»

Чья-то чужая воля, вторя странной скороговорке, разрывает меня на части. Разбирает на кубики, словно я — не человек, а детская игрушка. Но кто собирается построить из меня дом и зачем?

«Я-хоооу-уууатсааа-аасуууа-жиыыыым...»

Нет, никакого дома не будет. Будет глиняный болванчик, которого вот-вот слепят и отправят в печь для обжига. Беспощадно-алую печь. Кто бы мог подумать, что кровь настолько горяча?

— Я... — Наверное, когда-то давным-давно, в незапамятном детстве, первое слово давалось мне с тем же трудом.

Женщина сдвигает брови. Должно быть, говорю слишком тихо, чтобы меня можно было расслышать. Ну ничего, начало положено, а умения никуда не делись. Остается только их

вспомнить. И применить.

— Отсюда...

— Отсюда? Ты отсюда? Не ври, бальгерито! Ты никогда не вдыхал аромат галагских кедров! Твои псари привезли тебя с унылого порога степей!

Она то ли злится, то ли смеется. Надо мной? Нет, над незадачливым врагом, чья участь уже решена. Смеется, не зная, что врага больше нет.

Я и сам не замечаю, как он уходит, тот человек, в чье тело меня занесло. Еще совсем недавно ощутимая, плотная, но удивительно прозрачная пелена висела вокруг, а теперь от нее остаются одни клочки, тающие быстрее, чем я успеваю почувствовать их присутствие.

Оно походит на новую одежду. Тело. Новую, неразношенную, жмушую во всех возможных местах, стесняющую движения. Но я все равно просовываю пальцы все дальше и дальше, пока перчатка чужой руки не охватывает мою. Плотно-плотно.

— Живым. — Это слово удастся произнести четко и громко. Наконец-то!

Женщина кривит губы:

— Хватит болтовни. Прощай, бальгерито!

Мужчины, получив незамысловатый приказ к действию, начинают выдвигаться из-за спины предводительницы, но я тоже делаю шаг. Широкий, быстрый, почти прыжок, который перемещает меня на одну пядь земли с женщиной.

Одной рукой ловлю напрягшееся запястье, другой сжимаю затрепетавшее горло. Не сильно, так, чтобы эта птичка прожила время, достаточное, чтобы разобраться с тремя другими.

— Ахррр... — Она хрипит, пытаюсь то ли что-то велеть своим сообщникам, то ли о чем-то предупредить, но ее попытки проходят втуне.

Зато у одного из мужчин прорезается голос:

— Отпусти.

Они не спешат нападать, а вот мне надо поторопиться. Почему? Не могу понять. Просто знаю.

— Отпусти!

Даже хочется поблагодарить его за то, что дальше не следует никакого вранья. Конечно, я и так не верю в возможность благополучно убратся прочь, оставив противников живыми, но все же... Хорошо, когда твой враг честен с тобой. И хорошо, когда тебе самому эта честность побоку.

Я не вижу лица женщины, но оно наверняка искажается страхом, отчаянием и болью, когда ее рука, все еще сжимающая нож, наносит удар, ведомая моей. Первый несчастный, не ожидавший подобного подвоха, не успевает что-либо предпринять, а атаковать меня через женское тело не решается. Потому и гибнет, принимая в собственный живот стальное перо. На целую треть. Оставшиеся противники быстро соображают, что к чему, и предводительница быстро обмякает в моих руках, когда длинные клинки, пытаюсь добраться до меня, вспарывают ее плоть.

Что ж, живого щита хватило хотя бы на начало боя, и то хорошо.

Отпускаю свою жертву, перехватываю нож, теперь полностью ставший моим. Левая рука действует очень плохо, совсем непривычно, но пальцы правой и вовсе отказываются смыкаться на тонкой рукояти. Да, орудовать чужим запястьем было куда удобнее...

Они налетают сразу с двух сторон.

Ловлю клинок одного, отмахиваюсь от другого. Кромка ощущений, еще не ставших

моими полностью, доносит до сознания весть о том, что кости предплечья надрублены. Но что мне за дело до боли, если ее нет? А вот второй противник, круглыми глазами глядящий на изуродованную руку, растерянно медлит, наверное ожидая, что я тут же свалюсь.

Разворачиваюсь. Приходится оказаться спиной к другому врагу, но тот не успевает воспользоваться мимолетной удачей, и в следующее мгновение я вновь оказываюсь с ним нос к носу. Смотрю глаза в глаза, видя в его взгляде не поддающееся описанию удивление. Словно только что на поляну, окруженную холмами, снизошло чудо.

Впрочем, удивление не длится ни одной лишней минуты. Гаснет вместе со светом, отличающим глаза всех живых существ, пока они еще живы.

Самое время остановиться, осмотреть поверженные тела, может, чем-то поживиться или что-то разузнать, но вместо этого я ускоряю шаг, торопясь покинуть поле закончившегося боя.

Прохожу узкой тропой между двумя холмами, взбираюсь на следующий. Смотрю во все глаза на расстилающийся у подножия ковер кроваво-красных цветов с крупными лепестками. Спускаюсь. Бреду по пояс в цветочном море. Великолепие красок почти ослепляет, но, как ни пробую принюхаться, аромата, который должен висеть вокруг, который должен заполнять собой весь воздух, не чувствую. А заодно не чувствую, как капля за каплей по руке стекает кровь.

Я просто убираюсь подальше. Живым. Пока еще.

И только когда поляна с мертвецами остается далеко-далеко позади, когда все вроде бы заканчивается, наконец-то задаю себе вопрос, не дающий покоя с самого начала.

Зачем я продолжаю исполнять чужое желание?

Здесь...

Смех, раздавшийся за окном, ворвался в уши навязчивым жужжанием пчелы.

Да сколько же можно?!

Перо, слишком глубоко окунувшееся в чернила, полетело в сторону, рассыпая по сукну стола пятна черных, быстро высыхающих лужиц. Следом отправился скомканный лист дорожкой бумаги, за которую только вчера было отдано пять золотых монет из семейной казны. Воображение и так не желало радовать своего хозяина яркими образами, а под залиvistые трели девичьего смеха и вовсе отказывалось трудиться.

Даннио взерошил волосы, словно это могло помочь заставить голову думать, а потом, увидев свое отражение в полированной глади шкафа, скривился и начал заново приглаживать встопорщившиеся пряди. Негоже выглядеть как пугало. Слуги и те засмеют, хотя их-то давно можно было скрутить в...

Сжавшийся кулак выглядел неубедительно. Точно так же неубедительно, как и долговязый наследник престарелых супругов Элларте. Целиком. Ведь все при нем: и высокий рост, и широкие плечи, и сильные руки, но кому-то другому этого хватило бы с лихвой, чтобы притягивать девичьи взоры, а Даннио, которому до совершеннолетия оставалось подождать лишь пару месяцев, даже со всем прочим богатством не мог похвастаться победами в любовных сражениях.

В чем крылся секрет вечных неудач? Юноша никак не мог понять. Но время шло, и покорные тела домашних служанок начали не то что надоедать, а заставлять стыдиться содеянного. Тем более что вот уже более половины прошедшего года темно-серые глаза одной юной соседки заменили собой весь мир.

Ах, эррита Нийес... Как же она хороша!

Сказать по правде, упомянутая особа мало чем отличалась от своих сверстниц, в изобилии живущих неподалеку от дома Элларте, но влюбленному сердцу казалась, разумеется, самой прекрасной из всех. Юная, пышноволосая, не привыкшая еще чопорно опускать взгляд, как то полагается делать благовоспитанным девицам на выданье, она бередила сердце юноши. И не только сердце. Но если телесные нужды еще можно было удовлетворить, то душевные муки не желали поддаваться излечению. Помогали только стихи, и то... Не сегодня.

С другой стороны, Даннио все же подозревал, почему никак не может добиться успеха. Спасибо стараниям папеньки и маменьки, дай им Боженка долгих лет жизни! Да и как можно обвинять их в желании уберечь единственного наследника от малейших опасностей? К тому же за виноградниками должен быть присмотр, ведь они приносят доход, позволяющий величаво выпрямлять спину при встрече даже с гордячками Фьерде. А войны и прочие глупости — удел тех, у кого за душой нет ни монеты. Собственно, именно так и сказал отец, когда Даннио робко заявил о своем желании послужить Катрале в суровых рядах бальгерии.

Не то чтобы юноше так уж хотелось напяливать на себя мундир, в котором южное солнце кажется еще жарче, чем есть на самом деле. Но у черной ткани было одно совершенно восхитительное преимущество: она вызывала на девичьих щеках яркий румянец. И эррита Нийес наверняка другими глазами взглянула бы на своего поклонника, если бы тот

прошелся по улице с рубиновой звездой на груди...

А смех за стенами дома Элларте становился все громче, и, судя по звонким переливам, смеялись уже не две девицы, а намного больше. Небось его обсуждают, иначе зачем болтают прямо под окнами?

Даннио встал, отодвигая стул так резко, что тот только чудом не опрокинулся.

Надо закрыть ставни. Пусть в комнате сразу станет нечем дышать, это лучше, чем прислушиваться к чужим шуткам, страшась услышать свое собственное имя. Но когда юноша подошел к окну, желание отгородиться от мира несколько поблекло.

Она была там. Она тоже была там! В кружевах шали, плотно укутывающей обтянутые тонкой тканью платья хрупкие плечи. Прекрасная и нежная, как вино, что давят из ягод, растущих в теплой тени самого крутого горного склона.

На какое-то время Даннио и вовсе потерял слух. Какая разница, что слетает с этих упругих розовых губ, если от одних только звуков голоса все тело начинает дрожать сладостной дрожью? Пусть она говорит. Говорит что угодно. Пусть даже объявит, что ненавидит его, только не умолкает!

Но едва юноша приготовился слушать, отдаваясь на волю звуков, все вдруг тревожно стихло. Даннио подался вперед, выглядывая из окна в поисках того, что могло вдруг прервать смешливый девичий разговор, и невольно расширил глаза.

По улице прямо по направлению к стайке девушек шел человек в черном. Владелец красной пряжки, правда не закрепленной на груди, а болтающейся на конце цепи, почему-то оторванной от камзола. Да и шел он как-то странно, словно что-то заставляло его переставлять ноги вопреки желанию тела. На каждом шаге человека пошатывало, а с пальцев правой руки на брусчатку мостовой срывались темные капли.

— Он ранен! — взвизгнула одна из девиц, а эррита Нийес, его прекрасная и нежная возлюбленная, побледнев лицом, но упрямо закусив вспыхнувшую алым губу, бросилась к мужчине в черном.

Бросилась вовремя, потому что на следующем шаге он непременно бы упал, а так опустился на мостовую, поддерживаемый тонкими, но неожиданно сильными девичьими руками, и Даннио чуть не задохнулся от ярости. Она готова прийти на помощь первому встречному, а его, одного из богатейших людей Катралы, не достаивает даже тенью благосклонного взгляда? Да как такое возможно?! Или всему виной этот проклятый черный мундир?

Тем временем и другие девицы осмелели настолько, что окружили лежащее тело и склонились над ним, то ли причитая, то ли обсуждая случившееся. А потом Нийес подняла голову и отчаянно закричала:

— Да помогите же кто-нибудь!

Даннио отступил в глубь комнаты.

Жаль, что не успел вовремя захлопнуть ставни, но всегда можно отговориться тем, что задремал или вовсе был в другом месте дома и не слышал призывов о помощи. Спасать жизнь человеку, в крови которого выпачканы пальцы прекрасной эрриты? Нет. Ни за что. Пусть умрет, и чем скорее, тем лучше.

— Что-тостряслось на улице, хозяин? — спросила просунувшая нос в приоткрытую дверь служанка.

— Ничего.

— А что же там за крики?

— Тебе показалось. Никаких криков нет.

Но словно в насмешку из-за окна снова раздался голос Нийес, благодарящий кого-то, кто все же откликнулся на зов.

— Да как же нету? — Служанка бесцеремонно прошмыгнула к окну мимо Даннио. — Ох, да там мужчине дурно стало! С чего бы вдруг?

— Иди к себе.

— И народу-то сколько набежало... И мокро на камнях, да только не вода это, а...

— Пошла вон!

Окрик подействовал: служанка вздрогнула и попятилась к двери.

— Да я вовсе и не хотела вас тревожить, хозяин... Да я...

— Вон, я сказал!

Девушка покорно склонила голову, отступая в коридор, но про себя улыбнулась. Когда господин пребывал в подобном настроении, следовало ожидать, что вскоре ему потребуются услуги особого рода. Услуги, за которые обычно перепадает пара лишних монет, а значит, нужно всего лишь подождать, не отходя далеко, а то можно упустить свою удачу, ведь мужчине все равно, кому из женской части прислуги заплатить за полученное удовольствие.

Но прошла минута, другая, а хозяин молчал. Не звенел колокольчиком, не кричал, вообще ни звука не доносилось из комнаты, даже на улице все вроде затихло. Служанка не выдержала, снова заглянула внутрь.

Хозяин сидел за столом, хмуро глядя куда-то прямо перед собой и не замечая шелеста юбок. Только когда служанка осмелилась тронуть плечо под шелком камзола, он словно очнулся ото сна, посмотрел на нее бешеными глазами и медленно проговорил:

— Я хочу побыть один. Неужели непонятно? Я хочу побыть один!

В следующее мгновение служанке показалось, что свет небесный мигнул, врываясь в комнату. Синий всполох метнулся прямо к хозяину, осветил все его черточки, превращая и без того не слишком привлекательное лицо в посмертную маску, а потом растаял, будто впитавшись в человеческую плоть быстро и без остатка, как вода впитывается в иссушенную солнцем землю.

Служанка протерла глаза и снова посмотрела на хозяина. Нет, почудилось, И взгляд остался прежним, бешеным, и даже кровь к обычно бледному лицу прилила, да с излишком.

— Я хочу побыть один, — медленно, почти нехотя прозвучали одно за другим уже сказанные ранее слова, и служанка почувствовала, как непонятный, из ниоткуда вдруг появившийся в комнате ураган поднимает ее в воздух и закручивает волчком.

Стены комнаты, дверь, окно, шкафы, стол и прочая утварь закружились перед глазами девушки, двигаясь все быстрее и быстрее, пока не слились в единое целое, а потом взгляд все же смог вновь проясниться. Но только чтобы упереться в плохо проштукатуренный шов кладки соседнего дома — за мгновение до того, как все тело с размаху ударилось о камень и кровавыми ошметками разлетелось в стороны.

И сейчас...

Солнце здесь вставало рано и сразу же начинало припекать, спасала только плотная многослойная кисея занавесок, чьей-то заботливой рукой погрузившая комнату в прозрачные утренние сумерки.

Я откинул тонкое покрывало, но прохлады телу это не принесло, скорее наоборот, кожу, покрытую потом, выступившим в предрассветные часы, защипало, только добавляя огня и без того нагретой плоти. Интересно, как здешние жители спасаются от избытка тепла?

Ответом на незаданный вопрос послужила проскользнувшая в комнату фигура, лишенная какой бы то ни было одежды.

— Помните, я говорила, что умею быть благодарной?

Она присела на край постели, приминяя простыни, провела кончиками пальцев по моему животу, спускаясь все ниже. В другое время и, конечно, в других обстоятельствах, возможно, рядом со мной нашлось бы место стыду, но сейчас он явно был лишним гостем в спальне.

Я потянул эрриту Эвину, благороднейшую из благородных, к себе за тонкую, чуть суховатую, но заманчиво гибкую талию, и женщина словно бы поддалась, уступая моему намерению, но в следующее мгновение уже нависла сверху, всем видом показывая, что здесь и сейчас править будет она. Так же уверенно, как давеча правила гнедым жеребцом. Я ничего не имел против, но, улучив момент, все же перевернул ее на спину и прижал к простыням. Только для того, чтобы вдохнуть аромат, пропитавший ложбинку меж грудей.

Пахло степью. Сухой, жаркой, вспыльчивой, непокорной и властной, как ладони, упершиеся в мою макушку и показавшие, куда следует двигаться дальше...

Когда жар, наполнявший нас изнутри, без остатка выплеснулся наружу и пришло время наслаждаться покоем, Эвина приподнялась на локтях и лениво заявила:

— Ты должен был спросить что-то вроде: «В этом доме так принимают каждого гостя?»
Еще тогда. Сразу.

Я улыбнулся, молчаливо соглашаясь.

— Почему же не спросил?

А в самом деле, почему? Такое поведение куда больше подходило бы человеку, оказавшемуся в далекой стране, среди чужого народа и незнакомых обычаев. А я поступил наоборот. Не как гость, а как... хозяин. Как уроженец столицы, с молоком матери впитавший, что Дарствие от одного края до другого неделимо. И принадлежит тем, кто нашел в себе смелость предъявить на него права.

— Лишний вопрос — лишнее промедление. А мне показалось, что вы... что ты не намерена медлить.

Она с серьезным видом кивнула, посмотрела на меня долгим немигающим взглядом и торжественно объявила:

— Твои родители воспитали достойного сына. Мужчина должен быть тверд как скала и столь же немногословен.

— А женщина?

Эвина склонила голову набок, закрывая половину лица упавшими вниз тяжелыми прядями чуть спутавшихся волос.

— Женщина... Ей надлежит найти среди скал ту, которая выше всех возносится к небесам.

Я протянул руку, желая дотронуться до кожи, так и оставшейся сухой, но пальцы поймали лишь воздух: благороднейшая из благородных уже стояла посреди спальни, потягиваясь всем телом.

— Сейчас подадут завтрак. А принятие пищи слишком важное дело, чтобы поступаться приличиями.

И она упорхнула прочь, оставив приоткрытой дверь, через которую из коридора доносились шаги слуг, в отличие от нас уже давно расставшихся с объятиями жарких постелей.

Что ж, завтрак так завтрак. Одежды, в которой я ввечеру прибыл в имение Фьерде, поблизости не оказалось, видно, прачкам было дано повеление заняться чистотой вещей нежданного гостя. Пришлось облачиться в костюм, похожий на те, в которых щеголяло большинство обитателей имения, разве что полотно рубашки явно было выткано из смеси шелковых нитей, а узкие штаны украшала пестрая вышивка. Сапоги мне, благодарение Богу, оставили мои и вместо цветастого кушака предложили подпоясаться прежним обычным кожаным ремнем, из чего можно было сделать вывод, что длинные разноцветные полосы ткани на талиях — отличительные родовые или артельные знаки. Копался ли кто-то в поясной сумке, разбираться было лень. К тому же, кроме флакона и подорожной, там ничего не могло найтись: дорожные жетоны пребывали отнюдь не в моем распоряжении.

Пока я одевался, расторопная служанка заставила служившую столом широкую скамью всякой снедью, а вот из питья предлагалась только белая и на взгляд довольно густая жидкость, оказавшаяся не чем иным, как кислым молоком. Впрочем, довольно приятным на вкус и даже освежающим глотку. Также в моем распоряжении оказалось много сыра и фруктов, зато лепешек к трапезе почему-то не полагалось.

— Сворачивай ломти сыра и макай в подливу, так тут принято есть, — посоветовал Натти, перешагивая через порог. — Они не сломаются, не бойся.

— Уже успел подкрепиться?

— Да куда там... — рассеянно махнул рукой рыжий, затягивая шнуровку рубашечного ворота. — И проснуться не успел, как...

Судя по расслабленному довольству, сквозившему в каждой черточке его лица, наши утренние занятия мало чем отличались друг от друга.

— Хороша была девица?

— А? Девица? Ах ты об этом... — Он подумал и кивнул. — Хороша! Тебя спрашивать не буду, не дожدهшься.

А жаль. Честно говоря, хотелось чуточку похвастаться.

— Присаживайся. Позавтракаем.

Второй раз предлагать не пришлось: Натти по-хозяйски уселся на край скамьи и запустил руку в тарелку с тонкими сырными ломтями.

— О чем ты хотел вчера мне сказать-то?

— Вчера?

— Ну да. Все за рукав дергал.

— Мм... — Рыжий жадно глотнул молока, и с уголков его рта вниз побежали белые струйки. — Есть кое-что, о чем тебе нужно знать. На всякий случай.

— А именно?

Он дожевывал сыр, прежде чем ответить:

— Тот парень, которого ты согласился подвезти. Он не показался тебе странным?

— Это мягко сказано. Но без его помощи...

— Да-да-да! Помощь — дело святое. Просто... — Натти задумчиво цыкнул зубом. — Иттан его знает. И он знает Иттана.

— Как это?!

— А вот так. Некоторое время назад он приходил к охотнику и напрашивался в ученики. Ну или в помощники, главное, чтобы изничтожить демонов.

Я вспомнил вчерашнее сражение, сопоставил умения русоволосого юноши со стремительностью той же Няны, когда толстушка была моей защитницей, и покачал

головой:

— Он, конечно, талантлив, но не в нужной степени. С демоном не справится.

— Вообще-то демоны бывают разные, — заметил рыжий. — Только дело в другом. С демонами, усилившими человеческое тело, обычный человек не справится никогда. Выстоит лишь тот, кто сам примет в свою плоть нужное количество да-йинов.

Намек на то, что в теле охотника, как в клетке, томится не один десяток демонов, каждый из которых выполняет свою работу? Кто бы сомневался! Но это ведь дело наживное? Или нет?

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Не захотел посвящать парня в охотники? Твое право.

— Я бы и не смог. И никто бы не смог, даже Бож с Боженкой. Потому что этот парень — недокровка. Помнишь, я тебе говорил о них?

— Говорил. Но, признаться, я не ожидал, что они встречаются...

— Сплошь и рядом? Вообще-то нет. Не все да-йины этим злоупотребляют.

— Почему? Из них же получаются самые верные слуги для тех же демонов, если я правильно помню твои слова.

Натти неопределенно мотнул головой:

— Так-то оно так, но...

— Короче, ты и сам толком не знаешь, верно?

— Не знаю. Видишь ли, демоны со мной долго не откровенничают. Да и вообще редко желают перекинуться парой слов.

— И ты никогда не пробовал их расспросить?

— Если хочешь, сам пробуй. Вот первого же да-йина, кто мне попадется, приведу к тебе. На допрос.

А что, было бы любопытно. Даже заманчиво. Только вряд ли обещанное исполнится слишком скоро. Но в любом случае припомню Натти его слова, когда время придет. Непременно.

— Так почему же ты отказал парню? Ну не всунуть в него пару-тройку демонов. И что? Лишний чуткий нос тебе бы точно пригодился!

Натти скривился и потер шею.

— Да, он был бы мне благодарен. К тому же верен... До гроба. И полезен, чего уж греха таить.

— Тогда почему?

Ржаво-карие глаза взглянули на меня исподлобья.

— Потому, что охотник всегда один. Чтобы не возникала необходимость жертвовать чужими жизнями. Свое ремесло я все равно не смог бы ему передать, а всякий раз тратить силы на защиту, когда нужно атаковать... Ты-то должен это понимать.

Да, пожалуй, понимаю. Правда, меня учили немного другому. Именно защите, а уж ради нее можно было проделывать кучу разных странных штук. И до самой атаки дело доходило в самый последний момент. Если доходило вообще.

— Значит, ты хотел предупредить только об этом?

— Ага.

Я еще раз мысленно перебрал все изложенные рыжим факты и сделал вывод:

— Можно было и промолчать.

Натти пожал плечами:

— Я решил, что тебе нужно это знать. Хотя бы про то, что он — недокровка. Потому что, если сказать по правде, здесь...

Он не успел договорить, потому что из глубины дома выкатился и накрыл нас с головой тревожный шум, состоявший из гомона человеческих голосов, лая собак и стука многочисленных каблуков.

— Что-то случилось? — спросил я, хватая за плечо пробежавшего мимо двери смуглого Игго.

— Случилось, эррете! Такое, что нечасто случается!

— Говори яснее!

— Это видеть надо, а не рассказывать! Сами смотрите, если пожелаете... — Он вырвался и умчался куда-то к выходу.

Натти хмуро сдвинул брови:

— Не нравится мне эта беготня. Как-то она некстати.

— Пойдем посмотрим? Было бы странно отсиживаться тут, когда все так взбудоражены.

— Да уж... — Рыжий проводил взглядом еще пару стаяк взволнованно спешащих по коридору слуг и служанок. — Странно было бы. Но куда как более приятно.

* * *

За высоким выбеленным каменным забором имения Фьерде сразу же начинался город, прорезанный сетью улочек, на которых едва могли бы разминуться двое всадников и над которыми дома почти смыкались друг с другом балконами и балкончиками. Правда, чем дальше от гостеприимных владений мы оказывались, тем становилось просторнее, хотя и не настолько, чтобы напомнить размахом столицу. Впрочем, под вечно палящим солнцем не было никакого смысла оставлять открытыми большие площади, даже наоборот, следовало всеми силами располагать строения так, чтобы каждое из них в свое время суток дарило прохожим спасительную прохладу.

Чтобы не заблудиться, пришлось быстрым шагом следовать за людьми, подпоясанными темно-синими кушаками, и, когда место назначения было достигнуто, я чувствовал себя изрядно взмокшим снаружи и странно сухим внутри. А то, что «мокрая глотка» продолжала надежно остужать воздух, проходящий через мое горло, в конце концов произвело на свет утверждение:

— Ты ведь напоил меня этой гадостью не чтобы заставить ехать сюда.

Натти сделал вид, будто не слышал ни единого слова, даже головы не повернул.

Ладно, пусть молчит. Тем более, есть ли смысл подтверждать очевидное? Не будь в меня влито мерзкое зелье, сейчас я глотал бы ртом воздух и никак не мог надыхаться. Но благодарить не стану. Не дождется.

Очередной глухой поворот переулка вывел нас к толпе галдящего народа, где по меньшей мере у половины присутствующих талии были обвиты полосками синей ткани. Остальные же горожане, скопившиеся на крохотной площади, оказались похожими своей одеждой на воронье с выцветшим оперением. Четыре или пять дюжин людей во все глаза смотрели то на дом, выделяющийся среди своих соседей изломанными оконными рамами и ставнями, еле удерживающимися на весу с помощью чудом уцелевших от погрома петель, то на...

Больше всего это походило на кучи мусора, разбросанные по улице в странном порядке, однако при внимательном рассмотрении можно было заметить, что состоят они из окровавленной ткани, разорванного мяса и осколков костей, а значит, совсем недавно были живыми. Были людьми.

Всего я, заглядывая поверх голов зевак, насчитал девять таких куч. И один труп был вполне целым, хотя лежал в луже крови. Труп человека, одетого в запыленный черный костюм. Вокруг этого тела народ не толпился, даже наоборот, словно старался обходить стороной, поэтому я и решил начать осмотр именно оттуда.

Человек умер молодым, а при жизни был, судя по внешности, местным уроженцем, но, похоже, редко бывал на солнце, потому что кожа выглядела не желтоватой, а грязно-серой. Потерял много крови? Все говорит в пользу этой причины смерти. Вот только с ранами как-то... негусто.

Собственно, повреждение плоти, которое и помогло сосудам опустеть, нашлось всего одно, на кисти руки, зато захватывающее вены. На одежде виднелись многочисленные разрезы, но ни один из них не напитался темной жидкостью. Так, всего лишь царапины.

Умерший явно принимал участие в бою, это очевидно. Но почему он не перевязал свою рану? Ведь достаточно было перетянуть руку жгутом, и можно было успешно остаться в живых, а не истечь кровью. Странно все это. Хотя всякое бывает. Он легко мог повредиться умом и не замечать боли, а думать только об одном: добраться до города. Вот и цепочка пятен на камнях мостовой, уходящая по улице куда-то вдаль, говорит о том, что человек целеустремленно шел именно сюда. Наверное, чтобы умереть. Но уж во всяком случае он вряд ли мог быть причастен к смерти тех девятерых несчастных, каким-то образом размолоченных в фарш.

Размолоченных...

Я повернулся к Натти:

— Есть идеи насчет того, что тут случилось?

— Есть, — не стал отпираться рыжий, будучи сейчас лишь чуть румянее мертвеца. — И они мне не нравятся.

Я позвал его отойти за спины зевак, в тень нависающего над улицей балкона.

— Демон?

— Да.

— Уверен?

— Я хоть и не недокровка, но моего чутья здесь хватает. И знаешь, что самое

любопытное? Изначально да-йин сидел вот в нем. — Рыжий указал на труп в черном. — А потом, когда тот испустил дух, успел перебраться в новое тело.

— Успел? Это нужно делать быстро?

— И даже очень. Проще говоря, если рядом с умирающим одержимым не найдется человека, охваченного сильным желанием, демон возвращается туда, откуда пришел. Навсегда. Так что этому несказанно повезло. Если он, конечно, хотел задержаться в нашем мире.

М-да. А вот у многих других с везением в этот день не задалось.

Я окинул взглядом толпу, нашел в ней знакомую черноволосую голову и, решительно раздвигая спины, направился прямо к благороднейшей из благородных.

— Из-за чего волнения?

Эвина обернулась ко мне, и по рассеянности сливово-карих глаз сразу стало понятно, что женщина чем-то всерьез озабочена. Чем-то, требующим немедленного решения.

— А в ваших краях на мертвые тела смотрят спокойно? — попробовала отшутиться она, кусая губу.

— Нет. Только на тех, кто умер своей смертью. А эти люди вряд ли покончили с собой. Даже если бы они бросились вниз с крыши, то не превратились бы в груды мяса. Так что здесь произошло?

— Вам нужен ответ? Зачем? — вскинулась Эвина.

— Затем, что я собираюсь не только некоторое время пребывать в Катрале, но и покинуть ее живым.

Утренние ласки не ставили меня на одну ступень с хозяйкой имения Фьерде, а вот разумный и бесстрастный вопрос — вполне. И женщина оценила то, что я выдержал дистанцию, когда легко мог поступить наоборот.

— Это ийани. Демон, если по-вашему. Он вселился в тело Даннио Элларте этим утром.

Снова разыгрывать из себя неосведомленного простака было мучительно скучно, но ничего другого не оставалось.

— Демон? Что это за тварь?

Эвина смерила меня внимательным взглядом, стараясь понять, насколько я искренен в своем недоумении, но все же ответила:

— Они приходят из-за грани бытия. Когда сами того пожелают. И дарят людям то, чего те сами захотят.

— А чего хотел этот Даннио? Убивать людей одним ударом?

Благороднейшая из благородных дернула подбородком:

— Никто не знает. Но всякий, кто пытался к нему приблизиться, погиб.

— Значит, его нужно уничтожить?

Голова Эвины неопределенно качнулась, ни соглашаясь со сделанным мною выводом, ни противореча ему.

— Он опасен для жителей города, ведь так?

— Да, без сомнения.

— Так чего же все ждут?

— А как, вы думаете, можно справиться с тем, кто никого не подпускает к себе?

— На крайний случай, можно сжечь дом. Или обрушить, — предложил я другое решение, видя, как страдальчески скривилось лицо женщины.

— Обрушить, да... — Она перевела зачарованный взгляд на пустые окна второго этажа.

— И нужно поторопиться, потому что, если он выйдет на улицу, трупов окажется намного больше.

Эвина не ответила, продолжая смотреть на дом, и мне почему-то вдруг почудилось, что она вовсе не желает избавлять город от демона, а, напротив, собирается помогать тому, кто уже стал причиной девяти смертей.

Возможно, так и произошло бы, но зеваки вдруг резко умили свой галдеж и расступились, пропуская группу людей, одетых в точности так же, как тот оставшийся целым мертвец. Только на их камзолах выкрашенные кармином пряжки на длинной цепи были закреплены посреди груди, а не болтались как попало, и у того, кто шел впереди, на черном шелке сверкал самый настоящий крупный рубин.

— Счастлив приветствовать благородную эрриту, — поклонился предводитель черномундирников, выделяя из всей толпы только Эвину Фьерде и глядя лишь на нее одну.

— Не вижу поводов для счастья, эррете, — сухо ответила та.

Они были непохожи друг на друга во всем, в чем только возможно. Черные пряди непослушно колыхались, сбегая вниз по обнаженным плечам, светлые — лежали волосок к волоску, хотя вряд ли их хозяин только что прибежал к услугам гребня. Сливово-карие глаза то и дело вспыхивали огнем, не удерживающимся в пределах сердца, темно-ореховые смотрели холодно и бесстрастно. Женщина, казалось, вся состояла из порывов степного ветра, мужчина был спокоен, как скала. Та самая, что возносится к небесам и, возможно, выше всех прочих. Но если между этими двумя и существовало чувство, то к любви оно не имело отношения.

А еще блондин был молод. Намного моложе благороднейшей из благородных. Но это становилось заметным, только когда мужчина говорил: движение черт не оставляло на коже лица ни единой морщинки.

— Видеть вас — может ли быть иное счастье в этом мире?

Льстит? Непохоже. Скорее, восхищается, причем довольно искренне.

— Только не говорите, что явились сюда лишь посмотреть на меня.

А вот она собеседником вряд ли восторгается, если цедит слова со столь плохо скрываемым презрением.

— Я прибыл по долгу службы.

— Службы, которую сами себе определили.

Последняя фраза прозвучала чем-то вроде обвинения Да, между этими двумя нет даже намека на мир.

— Кто-то должен был взять на себя защиту жителей Катралы.

— Но этому кому-то вовсе не обязательно было называть себя верховным бальгой.

Ага, так вот это кто! Глава той пресловутой бальгерии, которая так не нравится «миротворцам». Будем иметь в виду.

— Оставим в покое прошлое, эррита. Поговорим о настоящем.

Блондин посмотрел в том же направлении, от которого не отрывала взгляд благороднейшая из благородных, и коротко заметил:

— В доме засел ийани.

Времени расспрашивать Натти не было, но бальга, похоже, вел свое происхождение от демона. Или просто был очень хорошо осведомлен, что тоже возможно. И даже обязательно.

— Это мы и так знали, — огрызнулась Эвина. — А вот в город он пришел с помощью вашего же брата!

О, и хозяйка имения Фьерде не чужда особым подробностям происходящего! Она что, тоже недокровка, если так ясно чувствует присутствие демона? Нет, скорее всего, лишь имеет в своем подчинении подходящих ищек. Иначе рыжий меня бы предупредил. Хотя... А не эту ли тайну нашей гостеприимной хозяйки он хотел мне поведать, когда начался весь шум-гам?

— Нашего брата? — Мужчина повел носом, словно принюхиваясь, безошибочно определил место, где за спинами толпы лежало мертвое тело, и направился к нему, ускоряясь на каждом шаге.

Добравшись до мертвеца и рассмотрев его лицо, блондин состроил скорбную гримасу.

— Юный Вито... Жаль. Он подавал много надежд. — Потом бальга щелкнул пальцами, подзывая к себе одного из черномундирников, и указал на пятна кровавого следа, тянувшегося по улице. — Я хочу знать все, что возможно. И поскорее.

Хотя он не повысил голос ни на тон, подручный поклонился, сглатывая слюну, кивнул своим товарищам и быстро засеменял прочь, присматриваясь к цепочке темных пятен на мостовой. Следом на некотором отдалении отправились еще двое, а блондин, словно мигом растеряв интерес к собственному же приказу, вернулся на покинутое было место поблизости от Эвины.

— Имена погибших уже известны?

Женщина зябко повела плечом:

— Говорят, что супруги Элларте тоже среди них. Так утверждает портной, признавший работу своей мастерской в этих... ошметках.

Бальга удовлетворенно кивнул и задал следующий вопрос:

— Больше в доме нет людей?

— Только наследник семьи Элларте. Даннио.

— Хорошо.

Он расслабленно скрестил руки на груди, приготовившись явно наблюдать, а не участвовать в каких-либо действиях. И как вскоре выяснилось, подручным блондина дополнительные приказы не требовались.

Один из черномундирников несколькими ударами кремня высек огонь и подпалил факел, к которому тут же были поднесены плотно скрученные жгуты из сухой травы и лозы. В воздух поднялись струйки белого дыма, но толпе не дали вдохнуть ни глотка: подоженные комки полетели прямо в раскрытые окна и задымили вовсю, уже находясь внутри дома. Проемы ломаных рам заволокло непроглядной белой пеленой, похожей на натянутый занавес, но она провисела нетронутой недолго. Прошла минута, может, две, и белизну запятнали очертания чьей-то фигуры, прохрипевшей:

— Я хочу побыть... хочу побыть... хочу...

* * *

Наверное, это и был виновник происходящего. Он добрался до окна, так и не закончив излагать свое желание, высунулся наружу, желая вдохнуть чистого воздуха, и полетел вниз, на мостовую. Высота была вовсе никакая, однако, приземлившись, тело замерло без движения. Неужели разбился?

Похоже, этот вопрос занимал не только меня: большинство зевак, несмотря на явную угрозу, исходящую от одержимого, сделали шаг вперед, стараясь разглядеть парня получше и расслышать, о чем продолжали шептать его губы.

— Побыть... один... — Вот и все, что он успел сказать, прежде чем устало закрыл глаза, а его грудь продолжала мерно двигаться вверх-вниз, напоминая телодвижения человека,

спящего крепким сном.

Бальга удовлетворенно кивнул самому себе и поднял правую ладонь. Очередной щелчок пальцев вызвал из толпы двух черномундирников, сопровождавших мальчика лет двенадцати, одетого неброско, но опрятно и не походившего на бродяжку или попрошайку ничем, кроме криво изогнутой ноги, превращавшей походку ребенка в нелепое и неуклюжее ковьяние.

— Иди сюда, дитя, — позвал блондин таким голосом, что впору было бы бежать прочь сломя голову.

Мальчик, явно робеющий перед столь высокопоставленным господином, но не смеющий ослушаться, приблизился к бальге, косясь на громил, тенью следовавших за своим подопечным.

— Ты хочешь исцелить свою ногу? — Вопрос прозвучал чуть ласковее предыдущего приказа, если такое определение вообще применимо к сухому, как степной ветер, голосу.

Ребенок судорожно кивнул.

— Хочешь сильно?

— Да, эррете.

— Сильно-сильно? Подумай хорошенько. Ты наконец-то сможешь бегать и прыгать наравне со своими друзьями, и никто больше не посмеет называть тебя колченогим.

В глазах мальчика вспыхнула тоска, перемешанная с отчаянием.

— Я смогу бегать и прыгать...

Бальга склонился над ребенком:

— Ты хочешь, чтобы твоя нога исцелилась?

— Я хочу, чтобы моя нога исцелилась, — замороженно повторил мальчик, глядя в ореховое безразличие глаз.

Блондин взял ребенка за плечо и подвел ближе к лежащему на мостовой одержимому, но поставил спиной, а не лицом к неподвижному телу.

— Думай о том, чего желаешь, и желание исполнится.

Губы мальчика зашевелились в многократном повторении одних и тех же слов, а черномундирник, находящийся вне поля зрения малолетнего калеки, чуть наклонился и отработанным движением кривого клинка перерезал горло наследника семьи Элларте.

Часть 4.4

Такой поворот событий можно было предположить, но я все равно мелко вздрогнул, наблюдая кратковременную агонию умирающего. Эвина подалась вперед, жадно раскрыв глаза, будто хотела до мельчайшей детали запомнить последние мгновения жизни одержимого, а вот все прочие присутствовавшие — зеваки, слуги дома Фьерде и люди с красными пряжками на черных камзолах — остались вполне равнодушными. В бесстрастную черствость душ не верилось, стало быть, нечто подобное происходит в Катрале достаточно часто, чтобы перестать пугать и удивлять. Значит, правдивы и обоснованны были опасения золотозвенника? Значит, охотник и в самом деле ехал в эти края, как на каторгу? Значит...

Тем временем агония прекратилась, и лицо мертвеца пошло мерцающими синими пятнами, постепенно просачивающимися наружу. Вот они стали похожими на сгустки света, вот слились воедино, превращаясь в крупную искру, повисающую над группой людей, из которых, как я понимал, надеяться на исполнение желания мог один лишь ребенок.

Сверкающий синий шарик, метнувшись несколько раз из стороны в сторону, вошел прямо в темноволосый затылок, и лицо мальчика, обращенное как раз в мою сторону, застыло то ли в испуге, то ли в восторге, а потом по шуплomu телу покатались мощные волны судорог.

Конечно, он не смог устоять на ногах, упал, никем не поддерживаемый, забился в корчах на мостовой, наверняка нещадно отбивая себе бока. Черномундирники, впрочем, продолжали смотреть на ребенка, и весьма пристально. Может быть, полагали, что вселение демона может пройти неудачно, и тогда придется лишать жизни еще одного несчастного. Но куда больше, чем внимательная сосредоточенность подручных, меня удивил вид их главаря. Блондин стоял, гордо и сурово выпрямившись, но в каждой пяди его тела отчетливо просматривалось еле сдерживаемое стремление вступить в борьбу. Вернее, броситься в драку за могущество, даруемое демоном. Ореховые глаза бальги горели огнем, напомнившим мне взгляд Сосуда, обретшего волю, но, пожалуй, пугали намного больше.

Судороги, сначала страшные и продолжительные, постепенно сошли на нет, и мальчик наконец затих, глядя в небо широко раскрытыми глазами. Блондин выждал еще некоторое время, потом наклонился и спросил:

— Твое желание исполнилось?

Ребенок не сразу понял, что к нему обращаются, долго вслушивался в эхо отзвучавших слов, а потом, вместо того чтобы отвечать, попытался подняться, опираясь ладонями о брусчатку.

И у него получилось. Не быстро, потому что исцелившемуся наверняка боязно было переносить вес тела на прежде больную ногу, но, когда мальчик все же решился и понял, что теперь телу не надо кривиться ни стоя, ни при ходьбе, отчаянно закивал, как будто вмиг потерял дар речи.

Бальга вздохнул и многозначительно посмотрел на черномундирника, с клинка которого все еще капала кровь одержимого. Кривой нож сверкнул на солнце еще одной белой молнией, и ребенок пронзительно вскрикнул, вновь припадая, но теперь уже на другую, прежде вполне здоровую ногу.

— Твое желание исполнилось, — повторил блондин, делая знак своим подручным, и те,

подхватив мальчика под руки, унесли вновь искалеченного прочь, скрываясь за спинами зевак.

М-да, Цепь одушевления обращается со своими Сосудами куда как бережнее. Можно сказать, холит и лелеет. А в том, что ребенка сделали своего рода Сосудом, сомневаться не приходилось. Желание исполнено, такое, каким было задумано, никаких особых возможностей оно человеческой плоти, кроме исцеления давнего недуга, не дало, да и то прежнее равновесие тут же было восстановлено заботами бальги. И теперь демон надежно заперт в немоющем детском теле, а вокруг — одни только недокровки, которые и рады бы воспользоваться заемной силой, да неспособны. Ни при каких условиях. Загвоздка лишь в том, что, если демона поместили в хранилище, значит, им собираются воспользоваться, и этот очевидный вывод меня не порадовал.

Блондин по кругу обошел труп одержимого и вернулся к Эвине.

— Жаль, что с семьей Элларте приключилось несчастье. И все имущество осталось без присмотра.

— Ну уж это долго не продлится, да, эррете? — процедила благороднейшая из благородных.

Бальга делано виновато развел руками:

— Кто-то должен взять на себя такую заботу... А добропорядочным жителям Катралы не к лицу пятнать себя оскверненным добром.

Эвина ничего не ответила, однако по ее лицу ясно читалось, что и в каких выражениях она думает о смиренной услужливости блондина. Один демон там, другой здесь, и «оскверненных» имений, перешедших в распоряжение верховного бальги, становится все больше. Интересно, сколько чужого добра он уже успел подмять под себя?

Сквозь толпу, пока не собирающуюся расходиться, протиснулся черномундирник, ранее посланный по кровавому следу. Добрался до своего командира и что-то быстро зашептал тому в самое ухо, не позволяя ни любопытным ушам расслышать хотя бы единый звук, ни глазам разобрать торопливые движения губ. Блондин выслушал все с прежним бесстрастным вниманием, разве что светлые брови шевельнулись, чуть приподнимаясь, и перевел взгляд на Эвину.

— События, произошедшие неподалеку от города, требуют моего присутствия. Но я вынужден пригласить и вас проследовать вместе со мной, потому что случившееся имеет отношение к семье Фьерде. О чем я, разумеется, глубочайше сожалею.

Благороднейшая из благородных вздрогнула всем телом, видимо, лучше прочих зевак понимая, о чем идет речь, но отвечать согласием или отказом не спешила. Над улицей повисла тихая пауза, и я помимо воли, подчиняясь то ли порыву ветра, то ли невысказанной просьбе чьей-то души, вошел в предложенные обстоятельства.

Мужчина и женщина. Знающие друг друга, похоже, с самого детства. Оба обладают влиянием, но если она — наследница и законная владелица своих богатств, то он поднимается вверх по трупам. И поднялся уже настолько высоко, что смотрит на эрриту Фьерде как на равную себе. Еще немного, и равенство исчезнет. Растворится в прошлом. А тогда народ, пока еще не выбравший какую-либо сторону, поймет, кому в Катрале принадлежит власть, вся без остатка. Как бы хороша и справедлива ни была Эвина, за спиной бальги — послушные солдаты, не знающие пощады. А главное, не знающие другой жизни, кроме как в зависти перед дарами демонов...

— Я поеду с вами. Если пожелаете, эррита.

Она желала. Сливово-карие глаза вспыхнули благодарностью, не прошедшей незамеченно для блондина. Он сжал губы, и без того не улыбочивые, но спросил по-прежнему равнодушно:

— Кто этот человек?

— Гость моего дома.

В коротком ответе благороднейшей из благородных нашлось все, что только могло там оказаться: гордость, вызов, торжество, страсть.

Не надо было иметь много ума, чтобы понять, о чем хотела заявить Эвина. Блондин, по крайней мере, понял. И брошенный в мою сторону взгляд неприкрыто заявил, что одним врагом у меня уж точно стало больше.

* * *

Карета верховного бальги была втрое больше, чем коляска, на которой меня доставили в имение Фьерде, и, разумеется, двигалась втрое медленнее. Вместо занавесок имелись плотные шторы, опустив которые можно было погрузить пространство внутри в очень темные сумерки, но блондин не стал так делать, наверное, предпочитая смотреть на лицо Эвины, освещенное солнечными лучами, а не огоньками масляных ламп.

Ехали мы в полном молчании, хотя по лицу бальги было заметно, что он не прочь задать множество разных вопросов, причем не только эррите, но и мне. И это, признаться, несколько удивляло. Кто я для него? Всего лишь чужак, снискавший женскую благосклонность. Не обладаю каким-то особым влиянием, если прибыл в Катралу в сопровождении единственного слуги. Не лезу в чужие дела... Не лез до последнего момента то есть. Но на моем месте многие посчитали бы необходимым оказать поддержку даме, даже не самые смелые. Или кто-то из лазутчиков местного властителя все-таки подслушал наш с золотозвенником разговор? Но тогда бы блондин не смотрел на меня так, как будто увидел впервые. Нет, его интерес кроется в чем-то другом. В чем-то непонятном для меня и потому пока что опасном.

Скрипнув всеми четырьмя колесами сразу, карета остановилась. Бальга вышел в услужливо распахнутую кем-то дверцу первым и остановился, ожидая, что далее его примеру последует женщина, но вместо эрриты на жару выбрался я и встал по другую сторону.

Эвина выдержала явно мучительную для блондина паузу, а выходя, оперлась конечно же на мою руку. Ореховые глаза мигнули, однако злобы или иного похожего чувства в них не прибавилось.

— Придется немного пройти пешком. Спуститься между холмами, — сказал бальга и отправился в указанном направлении, уже не обращая внимания, следуем мы за ним или нет.

Походка молодого мужчины была уверенной, упругой и расслабленной ровно в той мере, что позволяет в любое мгновение перейти от отдыха к действиям. Если он и полагался на своих слуг, то отнюдь не во всем, и сам мог, если понадобится, применить оружие. Хотя как раз бальга, в отличие от остальных черномундирников, сейчас вооружен не был.

Узкая, но утоптанная тропинка привела нас на небольшую лужайку, если таковой можно было назвать пустое пространство, окруженное холмами и поросшее короткой жесткой травой, на которой, как на ковре, лежали несколько человек. Лежали неподвижно, кто глядя в небо, кто, наоборот, уткнувшись лицом в землю. Пять мужчин и одна женщина.

— Лейра... сестренка...

Это произнесла Эвина. Одним губами. Другая бы на ее месте бросилась к погибшей родственнице и начала рыдать или делать то, что обычно делают женщины при

столкновении со смертью, но благороднейшая из благородных, видимо, прекрасно понимала, что если уж быть сильной, то сильной всегда. Да и кто бы дал волю своей скорби в присутствии черномундирников, окруживших лужайку плотной цепью?

— Вы узнаете этих людей? — спросил бальга.

— Да, — ответила эррита Фьерде, подняв подбородок.

— Как полагаете, что здесь произошло?

Она посмотрела на блондина так выразительно, что могла бы смутить и камень, но верховный бальга Катралы то ли родился бесчувственным, то ли успешно избавился от своих слабостей еще в колыбели.

Итак, благороднейшей из благородных все еще нужна моя помощь. Может быть, даже больше, чем прежде.

— Если хотите, я могу высказать свои предположения.

— Извольте, — разрешил блондин, пожалуй даже чуточку оживляясь.

Я прошел между лежащими телами. Кровь, вытекавшая из них, похоже, высыхала, едва появляясь на поверхности ран, а потому не успела привлечь мух и падальщиков, хотя побоище явно произошло несколько часов назад.

Все ранения были похожи друг на друга, как капли воды из одного источника. Что было и неудивительно, учитывая оружие, и выпавшее из мертвых рук, и оставшееся в скрюченных судорогой пальцах. К тому же погибшие четко разделялись на два лагеря: двое мужчин носили уже хорошо знакомые мне черные мундиры с алыми пряжками на груди, трое других были одеты наподобие слуг в имении Фьерде, но без ярких кушаков. Вот только женщина, чье лицо смерть исказила до полной несхожести с чертами благороднейшей из благородных, оказалась изранена куда сильнее своих помощников. Такое впечатление, что ее кто-то удерживал, подставляя под удары, потому что живот и грудь превращены в полнейшее месиво.

Кто-то прикрывался сестрой Эвины, как щитом. Но как он смог этого добиться? В распоряжении имелся только один ответ. Демон, появившийся так вовремя для оставшегося без поддержки черномундирника. И так некстати для одной из эррит Фьерде.

— В драке сошлись две стороны.

— Это видно любому, — съязвил бальга.

— Две непримиримые стороны. Не знаю, в чем причины этой вражды, но пленных ни та, ни другая брать не собирались. Эти, — я указал на черномундирников, — умерли первыми. Вернее, раньше всех остальных. Но драка не закончилась, а, наоборот, стала еще жесточеннее. Настолько, что дерущиеся не пожалели уже убитых и вдоволь потоптались по ним. А дрались они с тем, кто умер уже на улице города. И ранен он был до начала настоящей драки. Видите это пятно? Он стоял здесь, истекая кровью. А потом, по всей видимости, бросился в атаку, воспользовавшись женщиной как прикрытием. Ну а то, что ему удалось справиться с тремя противниками...

— ...объясняется уже совсем иными причинами, — закончил вместо меня бальга. — Изначально силы были равны, а значит, сражение началось честно, да и закончилось... Вы согласны со словами своего гостя? Возражений нет?

Эвина молча повернулась спиной к мертвым телам, едва позволяя заметить, что в сливово-карих глазах так и не появилось ни слезинки.

— Не желаете проститься с сестрой, эррита? — спросил блондин, впрочем, не опускаясь до насмешки, а сохраняя прежнюю бесстрастность с небольшой примесью

сожаления.

Ответом стало короткое движение черноволосой головы из стороны в сторону. Только и всего.

— Как пожелаете.

— Доброго дня, эррете, — тихо проговорила благороднейшая из благородных и пошла вверх по тропинке, и, хотя шагала женщина не так и быстро, я догнал ее уже почти на вершине холма. Холма, возвышающегося над лугом, залитым цветочной кровью.

Посреди иссушающей землю жары великолепие ярко-алых махровых лепестков выглядело, по меньшей мере, чудом, только восхищаться желания не возникало. Возникали вопросы, и весьма многочисленные.

— Она была вашей сестрой?

Эвина кивнула. Молча. Я уж было подумал, что в ближайшие минуты не дожусь от женщины ни единого звука, но слова вдруг полились одно за другим, прорвав плотину скорби:

— Лейрита, ну почему? Почему именно ты и сейчас? Хотя... кто, кроме тебя, мог найти в себе смелость скрестить клинки с чернобрюхими? Все сидят по домам, забившись в самые темные углы и засунув языки в... Страшно. Им вдруг стало страшно! А кого здесь бояться? Мальчишку, получившего в наследство шайку бродяг? Шайку отщепенцев, у которых нет ни кола ни двора. Конечно, они готовы творить разбой, только прикажи! Потому что знают: другой жизни им не будет. Ни в Катрале, нигде!

О ком это она? О недокровках, находящихся на службе в бальгерии? Наверняка.

— Ты, только ты оказалась способной бросить вызов... И вот теперь лежишь там. Ждешь, пока твое тело свалят в одну яму с остальными и ночь напролет будут жечь, а мне не позволят даже собрать пепел...

— Вам не разрешат забрать тело сестры?

Благороднейшая из благородных горько усмехнулась;

— Тело? Оно стало прибежищем скверны, как только оказалось вблизи от ийани. Таковы здешние законы, эррете. Здешние справедливые и милосердные законы...

Разумно, хотя вряд ли демоны могут воспользоваться плотью мертвецов. Но как говорится, береженого и Боженка бережет.

— Она лежит там, а я не могу даже подойти к ней. Не могу поцеловать на прощание. Не могу закутать ее в погребальные одежды и оплакать так, как того только может заслуживать любимая сестра и отважная воительница. Не могу... Они не должны видеть мое горе. Оно мое, и только! Оно не станет развлечением для чернобрюхих, пусть боль насмешек было бы легче вытерпеть, чем боль скорби... Но нет. Я не доставлю им такой радости. Мне придется быть сильной, снова и снова, теперь уже только мне одной. Но последний путь моей сестры... Он завершится без меня. Без меня, понимаете?! — Ее голос сорвался на крик, хриплый, как воронье карканье.

— Понимаю.

Я ответил. Не смог промолчать. И пусть единственное слово прозвучало очень тихо, но она услышала. Пришлось продолжить:

— С моими родителями случилась похожая история. Нет, демоны там были ни при чем, слава Богу. Виноватой оказалась всего лишь болезнь, от которой умирали сотни и тысячи... Меня не пустили проститься с ними. Собственно, мне даже не сказали, что произошло. Я узнал позже. Когда от их тел уже не осталось ничего, что можно оплакивать.

Сливово-карие глаза моргнули, сверкнув на солнце алмазами слез, наконец-то нашедших дорогу наружу.

— Так не должно быть... — Она всхлипнула, став похожей на девочку, впервые в жизни столкнувшуюся с бедой. — Так не...

Я протянул руку, и пальцы благороднейшей из благородных легли на мою ладонь. Но лишь для того, чтобы тут же, оттолкнувшись, с новой силой взлететь вверх, к мокрой дорожке на щеке, и смахнуть капли соленой влаги.

— Я благодарна вам, эррете. Мой дом, дом моих детей и дом их детей всегда будет вашим. Но сегодня вам лучше поискать себе другое место для ночлега.

Что-то успело произойти в ее душе за то мимолетное мгновение, когда наши руки соприкасались: от беспомощной скорби не осталось и следа. Эвина подоткнула подол юбки за пояс и решительным шагом направилась через цветочное поле к призракам городских стен, дрожащим в мареве раскаленного воздуха. На сей раз я не стал ее догонять.

Но и не медлил слишком долго, чтобы свежепротопанную тропинку вновь не заполонили цветы.

Натти встретил меня у городских ворот.

— Что там было? — спросил он, когда мы укрылись от солнца, а заодно и от любопытных глаз в изгибе узкого переулка.

— Куча трупов.

— В самом деле?

— Я не шучу.

Рыжий примирительно улыбнулся, словно прося прощения за свою недоверчивость:

— И кто умер?

— Двое черномундирников, трое слуг и сестра нашей любезной хозяйки.

— Сестра Эвины Фьерде?

— Ну да.

— Ого... — протянул Натти.

— Ага. Они что-то не поделили друг с другом, бальгерия и семья благороднейшей из благородных. Вот и подрались, когда встретились. И блондинчик просто недосчитался бы троих своих подручных, если бы в одного из них вдруг не вселился демон. Демон всех остальных и положил. А самое забавное, что Эвина не получит тело своей сестры для похорон. Запрещено законом. Как думаешь, это обстоятельство обрадовало эрриту Фьерде?

Рыжий не ответил, но скорчил гримасу, которой выразил свое впечатление от происходящего намного полнее и ярче, чем словами.

— А еще, напоследок, так сказать, нам отказано в гостеприимстве. Сегодня. И на какое-то время.

— Эррита выгнала гостей на улицу?

— Да.

— Ну дела!

Да, и не слишком радостные. Но гораздо больше, чем необходимость искать крышу над головой, меня тревожило другое:

— Она явно собирается натворить каких-то глупостей.

— Наверняка, — кивнул Натти. — Причем больших. И не хочет втравливать в них тебя. Что ж, благородно с ее стороны. А ты... Надеюсь, не пытался ее отговорить?

Искушение было, каюсь. Но оно возникло и исчезло еще быстрее, чем пальцы Эвины покинули мою ладонь.

— Знать бы, от чего отговаривать... К тому же она взрослая девочка.

— И даже очень, — подтвердил Натти. — Зато взрослые часто совершают ошибки пострашнее, чем дети.

Я недоуменно посмотрел на рыжего:

— Надо было вмешаться? А как же наставления твоего «братца»?

— Он не запрещал вмешиваться.

А ведь верно. Не запрещал. Неужели рассчитывал, что мы примем живейшее участие в делах, нас вовсе не касающихся? Не может быть. К тому же...

— Он говорил, что я не должен притворяться. А мне по большому счету наплевать, что случится с этой эрритой, пусть хоть повесится перед толпой зевак на городской площади!

— Злой ты, — сказал Натти таким тоном, что можно было поверить в искренность прозвучавших слов, если бы ржаво-карие глаза вовсю при этом не смеялись.

Наверное, со стороны так и кажется. Но невозможно объяснить тому, кто ни разу не входил в обстоятельства, что разговор по душам с эрритой Фьерде сейчас был бы бесполезен. Совершенно. Людей, находящихся в подобном расположении духа и переживших схожее потрясение, я уже видел. Вернее сказать, насмотрелся. И любые попытки их вразумить заканчивались ничем.

— Она бы не стала слушать.

— Конечно, не стала бы. Это ее жизнь. Да и когда женщина пускает тебя в свою постель, еще не значит, что одновременно она распахивает перед тобой душу.

А вот такое замечание могло бы заслужить удара по лбу. Или по щеке, если бы передо мной стоял равный противник. Потому что обидно слушать из чужих уст правду, которую сам стараешься не замечать. И самым разумным после такого поворота беседы может быть только резкая смена темы. Например:

— Кстати о постели. Где мы будем ночевать?

* * *

В отличие от столицы, да что там, даже от захолустного Литто, в котором мне довелось побывать, Катрала не наполнилась красочными вывесками, зазывающими горожан промочить горло или провести время в веселой компании. И согласную приютить нас обитель мы нашли совершенно, случайно, скорее даже, она сама нас нашла.

Вернее, он. Пожилой, но все еще черноволосый мужчина, сидевший на ветхом стульчике у неприметной калитки, выходящей на пустынную улицу, окликнул нас, уже порядком измученных бесплодными странствиями под темнеющим небом. Надо сказать, с наступлением темноты людей на улицах прибавилось не шибко, а их мутно-серые и черные одежды потихоньку начали не просто надоедать, а раздражать. Поэтому когда в сумерках возникло светлое пятно, да еще и не оставшееся безучастным к двум заблудившимся прохожим, грех было не прислушаться к хрипловатому:

— Что-то ищете, эррете?

За все время вынужденной прогулки ни один из немногочисленных встреченных нами горожан не изъявил желания поговорить, поэтому проявленное стариком любопытство настораживало. И немного пугало. Правда, не настолько, чтобы молча пройти мимо.

— Ага, — ответил Натти. — Место, где можно было бы наполнить желудки и дать отдохновение усталым ногам.

— И насколько же устали ваши ноги?

Вопрос был задан с чувством, весьма похожим на надежду. К тому же был задан прямо, а значит, требовал столь же прямого ответа:

— На крепкий сон до утра, не меньше.

Мужчина степенно кивнул, поднимаясь со стула:

— Если пожелаете, можете провести ночь в стенах моего дома. Скоро совсем стемнеет, а темнота — не лучшая подруга для благородных эррете. — Он толкнул калитку, повернувшуюся на петлях с едва различимым шелестом, и прошел внутрь, не оборачиваясь, словно был уверен, что мы непременно отправимся следом.

— Что скажешь? — спросил я у рыжего. — Рискнем?

— Особого выбора все равно нет. Можно, конечно, и на какой-нибудь крыше переночевать, не замерзнем. Решай сам.

Крыши в качестве места ночлега меня не привлекали, особенно черепичные, поэтому я предпочел пригнуться перед низковатым калиточным проемом и отправиться туда, куда нас так любезно пригласили.

За глухой каменной кладкой прятался неожиданно широкий двор, вымощенный красочными глиняными плитками, глянцево поблескивающими в лучах заходящего солнца. А в той стороне, где небесный свет не мог перебраться через ограду и уже наступили благословенные сумерки, стоял длинный стол с лавками по обеим сторонам, а рядом хлопотал слуга, примерно такой же старый, как и хозяин.

— Кого это вы привели, эррете? — тревожно продребезжал он, увидев нас.

— Не твоего ума дело, — отмахнулся мужчина. — Лучше поторопись с ужином.

Слуга проворчал себе под нос длинную фразу, одновременно дающую нам с Натти весьма нелестную оценку и исполненную неподдельной заботы о неразумном господине, приглашающие в дом первых встречных, но перечить не стал и бодро посеменил исполнять приказ.

— Присаживайтесь, эррете. Сейчас в доме будет становиться все жарче, зато на двор приходит долгожданная прохлада.

Мы сели за стол, и я, только вытянув ноги, почувствовал, как сильно они натрудились за день.

— Издалека приехали? — спросил хозяин дома, еле вытерпев положенную правилами приличий паузу.

Говорить правду не всегда приятно, зато легко:

— Из столицы.

— И чем живет Веента?

Судя по тому, с каким искренним, почти детским любопытством он это спросил, в этом доме гости бывали нечасто.

Скорее всего, никто вовсе не заходил к старику уже многие годы, поэтому тот и сидел весь день на улице в ожидании хоть какого-нибудь собеседника. Но делиться с южанином своей любовью и ненавистью к родному городу я не собирался.

— Тем же, чем все прочие города. Люди рождаются и умирают. Кому-то удастся отодвинуть одно событие от другого подальше, кому-то нет. Вот и у вас, к примеру, сегодня несколько человек тоже простились с жизнью до срока.

Расчет оказался верным: упоминание о местных событиях заинтересовало старика куда больше, чем жизнь далеких краев.

— А вы знаете, кто именно умер? В этот дом новости приходят, уже успевая стать такими же дряхлыми, как и я.

— Умерла сестра Эвины Фьерде.

— Малышка Лейра? — всплеснул руками хозяин. — Но она была еще так молода! Что же ее сгубило?

Ну не особенно и молода, если приглядеться. Но конечно, и не так стара, чтобы умереть смертью, не вызывающей удивленных вопросов.

— Несколько ударов ножом.

— Ее... убили?

— К несчастью, да.

Старик какое-то время молчал, позволяя расслышать, как где-то в доме звенит и стучит посудой слуга, а потом заметил:

— Это вы правильно сказали, эррете. К несчастью. И не только для семьи Фьерде, а для всех нас... Убийца известен?

— Он был одним из тех, кто носит черные мундиры.

— Неужели она так просто позволила себя... — В голосе моего собеседника проступило неподдельное возмущение.

— Не просто. Но с демоном у нее не было шансов справиться.

Лицо старика замерло безжизненной маской, и, когда губы все же шевельнулись, сеть глубоких морщин, кажется, стала еще обширнее.

— Ийани снова появились в Катрале?

Я почему-то думал, что это известие опечалит собеседника или беспокоит, но в голосе хозяина дома явственно послышалось все, что угодно, кроме огорчения. Наоборот, услышав про пришествие демона, старик словно встрепенулся, скинув долой пяток лет. Впрочем, раздумывать над замеченными странностями было некогда: рассказ нуждался в продолжении.

— По крайней мере один. И он успел еще раз сменить тело и натворить бед, прежде чем был пойман. Блондином, который носит на груди рубиновую брошь.

— Значит, ийани все же попал в руки наследника Навалено... Дурно. Очень дурно, — заключил хозяин дома и умолк, но теперь уже ожидая, пока слуга, вновь появившийся на дворе, закончит накрывать на стол.

Ужин порадовал мясом, правда сдобренным излишне острыми специями, и вином, которое отлично разбавлялось прохладной водой, не теряя вкуса, а даже приобретая еще большую свежесть. Сам старик почти не притрагивался к еде, погруженный в напряженные раздумья, зато от питья, можно сказать, не отрывался. Я не стал его отвлекать, полагая, что нужно прежде всего выказать уважение мастерству повара и только потом возвращаться к беседе. Натти тоже сосредоточенно молчал, спешно уничтожая свою порцию яств, а когда опустошил миски и кружки, откланялся, шепнув мне на ухо, что идет спать, и на дворе, над которым небо становилось все темнее и темнее, остались только два человека.

Вряд ли рыжий так уж хотел закрыть глаза и предаться сну. Скорее, сбежал, предвидя обычное для всех подобных посиделок развитие событий — нудную беседу, составленную в большинстве своем из продолжительных фраз человека, изголодавшегося по общению. А мне надвигавшееся неторопливое действие было вполне привычно, еще со времен Атьена

Ирриги и его пожилых соратников по чиновным делам.

Даже больше: разглагольствования стариков я ценил намного дороже, чем упрямое молчание юнцов. Пусть я отдавал себе отчет в том, что услышу только часть правды, причем отраженной в кривом зеркале, для вхождения в обстоятельства годилось все, даже наглая ложь, лишь бы она прозвучала и долетела до моих ушей. А входить было необходимо, потому что к цели нашего путешествия мы пока не приблизились ни на шаг.

— Простите мне мою рассеянность, эррете, — наконец нарушил тишину хозяин дома. — Принесенные вами известия оказались настолько скорбными, что я поневоле забыл о своих обязанностях перед гостями.

Да, скорбь я заметил. Крохотную такую. Мимолетную.

— Но вас больше беспокоило второе, верно? Не смерть эрриты, а появление демона. Почему? Разве он опасен, особенно сейчас, когда пойман и обезврежен?

— Опасны не демоны. Опасны люди. Но я вижу, вы все равно не понимаете, о чем идет речь? Извольте, объясню. Правда, рассказ будет долгий, а вино... Почти закончилось. Эй, Тиго! Тащи еще один кувшин, бездельник!

— Вам бы хватит уже... — попробовал возразить слуга, но старик остался непреклонен:

— Вина! Оно нам понадобится. Лучше него ничто не промывает мозги.

Кувшин хоть и с многозначительной задержкой, но был водружен на стол, и хозяин дома собственноручно наполнил кружки. Причем не оставив места для воды.

— Попробуйте чистого, эррете. Оно тяжело пойдет, знаю, но того стоит.

Я послушался и поднес кружку ко рту. Правда, памятуя о том, что выпивкой одинаково рьяно норовят угостить и друзья, и враги, глотнул совсем немного, так, пролил пару капель на кончик языка. Густое, маслянистое, с резким горьковатым вкусом, вино и впрямь долго не желало проваливаться в горло, но, когда все же проскользнуло внутрь, мгновенно проложило огненную дорожку через все тело. К самым ногам.

Свою кружку старик опорожнил чуть ли не одним глотком, и выпитое заметно взбодрило радушного хозяина. По крайней мере, глаза стали смотреть намного яснее, чем прежде, и их выражение заставило меня еще внимательнее прислушиваться к каждому следующему произнесенному слову.

— Семья Кавалено прибыла сюда почти сразу же, как Катрала вошла в границы Дарствия. А впрочем, многие в то время приехали. Богатые люди, особенно по сравнению с теми, кто тогда здесь жил. Щедрые люди. Они научили других выращивать винные ягоды, самые сладкие на юге. Выкопали колодцы. Отстроили дома. Создали этот город из степной пустоты. Создали для нас, живших здесь испокон веков, но не видевших прежде ничего подобного. И мы отплатили им любовью. А любовь слепа, как водится. И ей было плевать на то, что людского в хозяевах новорожденного города оказалось намного меньше, чем полагается... — Он остановил свой рассказ, чтобы подлить себе в кружку еще вина, а заодно спросить: — Вы встречались когда-нибудь с демоном, эррете? Да, я вижу, как вы молоды, и все же... Так встречались?

Я кивнул. Но старик, вместо того чтобы удовольствоваться безмолвным ответом, спросил снова:

— И что вы почувствовали в тот миг? Только не лгите!

И не собирался. Но понравится ли ему моя правда?

— Страх.

— Да, страх... — Хозяин дома сжал кружку в сухих, словно вяленых ладонях. — Он

приходит ко многим. Может быть, ко всем. Но кто-то справляется со своим страхом, а кто-то становится его рабом. А еще страх богат на выдумку. И добро бы только помогал воображению измыслить страшнейшие последствия того или иного шага, так еще и вмешивается туда, куда ему дорога должна быть заказана. Страх ведь очень умело порождает в человеке желания. Иногда благородные, иногда омерзительные, но обязательно сильные. А что может быть сильнее желания выжить? Только желание умертвить.

— Значит, Катралу построили демоны?

— О нет, если бы! — с искренним сожалением возразил старик. — Строили как раз люди. Но поначалу они слушали тех, кто мудрее, а потом... Потом настал черед сильных.

Неудивительно. Так обычно и бывает. Повсюду. И демоны тут ни при чем. Просто со временем любой человек набирается опыта. Это по молодости можно робеть перед чужими сединами, а когда сам обзаводишься плешью, начинаешь думать иначе. Да и как твой ровесник может вдруг оказаться втрое умнее тебя самого, если жили вы рядом, видели одно и то же, да и кормились чуть ли не за одним столом? Значит, вовсе он не мудрец, а прикидывается. Ловчит. Играет. А вот с силой не поспоришь, особенно когда сам вдруг начинаешь осознавать, что твои руки уже не так тверды, как прежде.

Часть 4.6

— И кто же оказался сильнее демонов?

— Люди. Они умирали и рождались снова, а демоны... Демоны уходили. Старели, дряхлели и исчезали, возвращаясь туда, откуда появились однажды.

— Так-таки и исчезали? За сегодняшний день один и тот же демон сменил три тела подряд, вовсе никуда не деваясь. Что же мешало тем, основавшим Катралу, остаться в ней... под другой личиной?

Старик приложил кончики пальцев к губам, но не призывая меня понизить голос или вовсе замолчать, а чтобы приглушить собственный смешок:

— Личина, да еще другая... Вот даже вы сразу поняли, что ийани очень трудно извести. Но можно. Ведь если сменного тела не окажется рядом, деться будет некуда.

Приехать на другой конец Дарствия, выстроить собственный город, к тому же населенный благоговееющими перед тобой жителями, и в один прекрасный миг умереть безвозвратно, когда впереди — целая вечность? Звучит глупо. Даже для людей, не говоря уже о демонах.

— Они не позаботились о наследниках?

Старик горестно вздохнул:

— Позаботились, конечно. Но довольно и одной паршивой овцы, чтобы испоганить целое стадо. — Он снова пригубил вино и посмотрел на меня поверх кружки. — Один из ийани оказался недоволен тем путем, который был ему предначертан. И ступил на совсем иную дорогу. А когда прочие демоны поняли, чем им грозит его беспечность, и попытались исправить ошибку... Вот тут-то все и началось! — В глазах старика вспыхнул азарт, приправленный чем-то очень похожим на сожаление. — Он не захотел покориться. Из упрямства, а может, из гордости. Вышел на городскую площадь и предложил любому, кто отважится, примерить на себя могущество демона. Желающие нашлись. Их было много. Так много, что ийани... пошел по рукам, как блудливая девка.

— Хотите сказать...

— В тот день он сменил не один десяток тел. И не одна сотня людей погибла, исполняя желания своих соседей. Они ведь желали разного, но всегда лишь для себя, а не для других. Улицы Катралы покрылись трупами и слезами. Слезами, которые оросили бесплодную прежде почву и породили пламя ненависти.

И все это происходило вдали от мира. Ни одна весточка о случившемся не достигла ушей тех, кто умеет слушать. Никто не узнал о кровавой бойне, оставившей эту южную провинцию на произвол судьбы. Страшной судьбы, если вдуматься.

За демонами началась охота. И выследить их оказалось легче легкого, потому что, живя безопасно и безопасно, они охотно оставляли свое семя в женском чреве... Конечно, не все дети пошли против родителей. Не все. Но многие. И вскоре Катрала лишилась тех, кому была обязана рождением. Лишилась своих первых и единственных богов.

Вот как? Изначально здесь никто не поклонялся двуединому? Занятно. Хотя объяснимо. Зачем преклонять колена перед чем-то невнятным и неосязаемым, когда рядом находится божество вполне живое и готовое предъявить свое могущество в любой миг?

— Откуда же пришла вера?

— Она не могла не прийти. Людям нужно было опереться хоть на что-то, — печально

признал старик. — И путанные молитвы заменили нам искренние голоса горячих сердец.

Я вспомнил черно-серые одеяния горожан и солнечную белизну рубашек слуг в имении Фьерде.

— Но не всем, верно?

Хозяин дома пугливо огляделся по сторонам, однако смелость, внушенная выпитым, оказалась сильнее осторожности.

— Не всем. Пока еще не всем. Но нас так мало... И большинство столь же стары, как и я. Только избранные семьи сохранили еще в памяти своих наследников почтение перед основателями Катралы. Почтение и надежду, что когда-нибудь... — Тут он все же закрыл себе рот рукой, тряхнул головой и поднялся из-за стола. — Доброй ночи, эррете. Мне пора расслабить старые кости, да и вам негоже засиживаться... Доброй ночи!

Старик ушел в дом, по пути останавливаясь чуть ли не на каждом шагу и шепотом то ли кого-то отчитывая, то ли с кем-то споря. Что ж, если бы я выпил столько же, тоже мечтал бы сейчас о постели. Сейчас, когда солнце наконец-то скрылось с небосвода, подарив городу ночную прохладу...

Над моей головой горели звезды. Яркие, крупные, пронзительно-белые. А темный бархат, по которому они были раскиданы причудливым узором, казалось, был натянут лишь чуть выше черепичных кровель. Эдак на ладонь, не больше. И если встать, а еще лучше залезть на стол, то можно будет дотянуться до неба. Но еще проще дотянуться до кружки.

Я выстроил пустые посудыны в бравую шеренгу.

Вот эррита Эвина, благороднейшая из благородных. Она явно принадлежит к лагерю заговорщиков, мечтающих о возвращении власти демонов.

Вот верховный бальга, тщательно и бесстрастно пресекающий любые попытки демона обосноваться в человеческом теле. Если это тело, конечно, уже не находится в полном подчинении у главы бальгерии.

Вот жители Катралы, разделенные по меньшей мере на два лагеря, линия заграждений между которыми рано или поздно сотрется, и тогда брат пойдет войной на брата.

Вот Цепь миротворения, знать ничего не знающая и одержимая лишь своими нуждами...

Многими ли опасностями грозит Дарствию бегство той старухи? Может статься, и вовсе никакими. Пусть она даже найдет себе сторонников и защитников, на это понадобится время. Не день и не два. Особенно если Роханна Мон, или как там ее зовут, задумает вернуться. Во исполнение мести, так сказать. А вот то, что происходит в Катрале, может вспыхнуть смертоносным пламенем в любую минуту.

Я вспомнил сливово-карие глаза Эвины Фьерде, глядящие на алое поле цветов.

Она ведь утопит свою родину в крови, если понадобится. Сестры уже нет в живых, остались одни лишь верные слуги и... Не менее верный враг, ждущий, когда его чернокося противница оступится и даст повод к началу боевых действий.

В самом деле ведь ждет.

Благороднейшая из благородных должна была сорваться еще там, над телом своей сестры. Что ее удержало? Может быть, только мое присутствие. Сильное плечо, на которое ей так хотелось опереться. Больше жизни хотелось. Потому она и отдернула руку, набравшись решимости из остатков сил. Понимала, что следующим движением я прижму ее к своей груди, и скорбь выйдет наружу слезами, а не яростью ненависти. Не знаю, чего Эвина желала и в чем нуждалась больше, в войне или мире, но выбор сделала, использовав

единственный возможный для этого миг.

Она будет драться. Против бальги или против всего мира, неважно. В конце концов, самоуверенный блондин и есть то, что осталось от ее мира. Остальные — лишь фон. Черные мундиры и грязно-серая толпа молчащих зевак. Они-то пойдут за тем, кто докажет свою силу, пусть это будет хоть мужчина, хоть женщина. Призраки воинства, всего лишь призраки. А вот бальга — настоящий. С целью и... желаниями. Могущество демонов ему самому не обрести? Ну и что? Зато все демоны у него под пятой. Все, еще обитающие в Катрале.

Знать бы еще, сколько их. Так, ради любопытства. Хотя и Бож с ними. Гораздо удобнее заниматься подобными размышлениями в смотрительском доме, а не здесь. Я ведь не смогу добраться до беглянки. Не в этих обстоятельствах! И так уже с самого начала все пошло неправильно.

С самого начала я все делал не так.

Согласился стать приманкой для разбойников. Но это еще полбеды. Зачем было тут же принимать следующее предложение без малейшей попытки поторговаться? Решил пойти по легкому пути? Обрадовался, что не придется прилагать лишние силы? Вот и получил сполна. Связался с заведомо менее влиятельной, да что там, попросту опальной стороной! И пусть потом получил пинок под зад, сделанного не воротишь: половина города наверняка знает, что я был с Эвиной Фьерде. И что хуже прочего, это знает враждующая с благороднейшей из благородных сторона.

Бальга явно взял меня на заметку. А теперь к тому же ничто не мешает ему подобраться ко мне поближе. Воспользуется ли он этой возможностью? Я бы воспользовался. Особенно если бы имел какие-то далеко идущие планы насчет чужака. А планы есть, это чувствуется. Блондин смотрел на меня оценивающе. Причем так, как это делают люди, желающие получить выгоду. Я сам его не интересую, а вот то, что можно сотворить с моей помощью, вольной или невольной...

Кто бы мог подумать, что звезды поют? Выводят тихие трели в черном небе. Или это щебечут местные птицы? Почему же раньше ничего не было слышно? А наверное, из-за жары. Она спала, и птахи покинули свои укромные гнезда, чтобы размять крылья и усладить слух тех, кто бодрствует, своей нехитрой песней.

Журчащий свист повторялся снова и снова, то приближаясь, то отдаляясь. И звучал он поверх крыш, как и положено.

Пора все-таки ложиться спать. Голова слишком ясная, но, если закрыть глаза, вдруг получится увидеть сон? И может быть, во сне придет ответ на вопрос: как действовать дальше?

Начать поступать правильно?

Продолжить совершать ошибки?

Где-то...

Нога болит. Сильно. Душераздирающе. Как будто принадлежит мне. А может, так оно и есть?

Нет, не верю. Не хочу верить. То первое тело, хоть и долго оставалось непослушным, в конце концов подчинилось. Или подчинило меня? Не знаю. Неважно. Зато оно понимало мои приказы.

Со вторым вышло хуже. Кажется. Не могу быть уверенным, потому что память отказывается сообщать, что тогда случилось. Помню подступающую темноту посреди белого дня. Помню, как отчаянно рванулся прочь, когда беспросветные щупальца протянулись ко мне. Помню стремительный невесомый полет и удар о прутья новой клетки. А потом все заволочло дымом. Внутри и снаружи. До того самого мгновения, как вернулась боль.

Глаза распахиваются шире. С новым приступом. Рука тянется к перерезанным сухожилиям, но останавливается, на волосок не доходя до вкривь и вкось наложенных бинтов. Останавливается, потому что я вижу ее всю, до кончиков пальцев, и не чувствую отторжения.

Обгрызенные ногти, короткие донельзя, но под которые все же ухитрилась забиться серая пыль. Угловатые кости запястья, тощие фаланги с шишками суставов, загорелая кожа, покрытая сеткой белесых царапин. Гладкая. Упругая. Молодая.

Продолжаю осмотр.

Колени, обтянутые полотном штанов, торчат, как у кузнечика. На ребрах, суматошно прыгающих вверх-вниз, ни одной капли жира. Впрочем, мяса пока еще тоже не накопилось. Рановато. Как-никак моему телу совсем немного лет. Десять или немногим больше. Костяк достаточно крепкий, но когда он сможет налиться силой? Да и сможет ли вообще?

— Это тело уже израсходовано. Надо найти другое. Если сможешь.

Голос звучит из дальнего угла комнаты.

Не помню, как оказался под этими каменными сводами. Наверное, приволокли. Вряд ли взрослым мужчинам стоило большого труда нести тощее мальчишеское тельце. Тем более волоча ногами по земле, о чем ясно говорят свежие грязные пятна с прорехами посередине. Ну да, кто же будет заботиться о целостности и сохранности узника, отправленного в тюрьму? Хотя...

Разве в тюрьмах бывает так светло? Потолок нависает низко, но почти сразу же под ним по всей длине стены, явно выходящей на улицу, пробиты многочисленные окна. Да, через них невозможно вылезти наружу, потому что ячеи кованой решетки слишком малы, но света внутрь проникает, пожалуй, даже сверх меры. Мне приходится прищуриться, чтобы рассмотреть источник голоса, давшего странный, но, похоже, весьма мудрый совет. Сначала кажется, что это всего лишь куча тряпья, сваленная у стены, но потом взгляд проясняется настолько, чтобы разобрать очертания человеческого тела. Правда, оно выглядит как-то неправильно. Словно чего-то не хватает. И когда я понимаю, чего именно, от корней волос на спину начинает спускаться струйка холодного пота.

У человека, сидящего прислонив спину к каменной кладке, нет ни рук, ни ног.

Наверное, я выгляжу испуганным, потому что он старается улыбнуться:

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Лишние слова. Неуместные. Страх во мне нет. Зато разгорается любопытство, и я, припадая на скрюченную болью ногу, подбираюсь ближе к странному незнакомцу, заодно получая возможность получше его рассмотреть.

Человек немолод. Волосы, спутанными сальными космами падающие на плечи, давно уже седые, и только грязь добавляет им серого цвета. Лицо изборождено морщинами, сверху вниз и слева направо. Но не столько возрастными, сколько теми, что волей-неволей возникают, когда приходится слишком часто щуриться, глядя на яркий свет. Свет, кажется, каким-то чудом задержавшийся в чертах калеки.

Точно. Он... светится. Изнутри. словно где-то за плотным занавесом смуглой кожи кто-то зажег свечу. И пусть ее огня не хватает, чтобы пробиться наружу, можно безошибочно определить, что он — там. Внутри. Мерцающий с частотой биения сердца.

— Не бойся, — повторяет человек.

— Не буду, — обещаю я, во все глаза глядя на сияние, наполняющее калеку.

— Ты смотришь так, будто увидел...

— Чудо.

— Чудо? — непонимающе хмурится он.

— Вы... под вашей кожей что-то светится.

— А, вот ты о чем... — Человек устало откидывает голову назад, к стене. — Поверь, для меня ты выглядишь точно так же. Как огонек за стеклами лампы.

Невольно перевожу взгляд на свои руки. Нет, они остаются прежними. Руками ребенка.

— В своем теле ты огня не увидишь. Зачем? Ты ведь и так знаешь, кто ты и где находишься. А вот других товарищей по несчастью определишь сразу.

Товарищей? Несчастье? О чем он говорит?

— Как давно ты покинул пределы империи?

Холодею. Если до сих пор все происходящее казалось дурным сном, вот-вот собирающимся закончиться, то последний вопрос, заданный спокойно и деловито, отрезвляет, как ведро холодной воды, пролитое на голову. Но моя крепость пока не намерена сдаваться.

— О какой еще империи вы говорите?

Он улыбается. Понимающе. словно намекая: знаю-знаю, какие чувства ты сейчас испытываешь, мальчик.

— Позволь представиться. Некогда меня звали Себерро Рен Да-Нали. А как звучит твое имя?

Да-Нали?! Не может быть! Этот род пресекся еще до рождения моего отца. Поговаривали, что последний его отпрыск, исполненный великой скорби, отправился за «врата мечты», чтобы никогда не возвращаться оттуда. И звали этого отпрыска действительно...

— Конран Глен Да-Диан.

Человек слушает, ловя каждый звук. И уважительно кивает:

— Славное имя. Славный род. Да-Дианы всегда верно служили престолу. А вот престол... И что же заставило тебя убежать из родного мира? Разочарование в любви? Упрямство? Обида?

Он разговаривает со мной, как с ребенком. Обманулся заемной внешностью?

— Я отпраздновал свое совершеннолетие уже более семи лет назад.

— Хочешь сказать, что давно уже взрослый? Извини. Так какая же взрослая глупость

привела тебя сюда?

Смеется. Точно, смеется, хотя кончики губ едва-едва приподняты. Зато глаза... Глаза полны света. Не такого яркого, как солнечный, льющийся в окна, но не менее теплого. Глупость? Собираюсь обидеться, даже оскорбиться, но в последний момент понимаю, что незнакомец прав, даже не вникая в детали произошедших со мной событий. Я ведь сглупил. На самом деле. Был бы умнее — все шло бы иначе. Хотя очень может быть, что по той же тропинке.

— Меня казнили.

— Казнили? — Он заинтересованно подается вперед, но тут же снова стучается спиной о стену, потому что обрубок рук и ног не хватает для равновесия. — Как? И за что?

— Вскрыли грудь. Крыльями.

Себерро Рен, если таково его настоящее имя, удивляется. Искренне.

— Эта казнь считалась древней еще в мои времена. И применялась очень редко. Собственно, я думал, что уже не осталось умельцев, способных ее исполнить. А приговаривали к ней... — Он ненадолго замолчал, растерянно глядя на меня. — Ты считаешь Всеединого?

— Второй раз в жизни слышу это имя. Но да, казнили меня именно поэтому. Решили, что я — один из приверженцев какого-то забытого культа.

— Надо же... — Калека шевельнул обрубком правой руки, как будто хотел потереть подбородок несуществующими пальцами. — Значит, в него все еще верят. И многие?

— Лично я знаю только одного из таких верователей.

— Там, где один, там обязательно появится и второй. И третий. И... — Он тяжело вздохнул. — А впрочем, и пусть. Лучше мое тело будет сожжено фанатиками. Я все равно не собираюсь возвращаться.

Возвращаться? А, ну да. Он же — «вдох». И где-то по другую сторону мира его ждет полуживое тело. Его — ждет. А меня? Но если мне путь обратно заказан, то что держит здесь Себерро?

— Почему?

— Что — почему? — непонимающе сдвигает брови калека.

— Вы можете вернуться, но не хотите. Почему?

— Ты и впрямь совсем недавно попал сюда... Это какое тело по счету? Только не говори, что сразу забрался именно в него: работу своего сурового сына я узнал сразу же.

Какого еще сына? Какую работу? Но тел и в самом деле было несколько.

— Третье. И в первых двух я задерживался недолго. Одно умерло от потери крови, второе... Не знаю. Не помню. Наверное, тоже умерло. И я тут же очутился в этом.

— Я так и думал. Новенький. Тогда слушай. — Он ерзает ягодицами, пододвигаясь к стене поближе, чтобы было удобнее на нее опираться. — Каждый, кто уходит за «врата мечты», попадает сюда. Это мир, похожий на наш, но за одним исключением. В нем нет магии. Совсем никакой. Магия приходит вместе с нами, пришельцами. Правда, ее пределы существенно ограничены обстоятельством, часто зависящим от случая. Мы можем здесь находиться, лишь попав в человеческое тело, тело здешнего исконного жителя. А оказаться в теле — только исполнив желание. Самое сильное, что имелось у человека в тот миг.

Желание? Так вот что за слова гудели в моем сознании, когда посреди крошечной темноты вокруг меня стягивалось кольцо света! «Я хочу убраться отсюда живым» — так, кажется, думал и желал тот первый, одетый во все черное трус. Я согласился ему помочь. Вынужденно, но согласился. И когда его желание стало моим, тело... Перешло в мое подчинение. Но тот человек хотел всего лишь убежать, а не избежать смерти и потому истек кровью на городской улице. А мне даже в голову не пришло заняться раной. Почему?

Я задумываюсь, пытаюсь вспомнить каждое мгновений пребывания в чужом теле.

Сначала все мое существо впитывало желание, как морская губка. Потом, проникнув в чужую плоть, занималось исполнением полученного приказа. На свой собственный лад, разумеется. Как умеет. Но цели я достиг: увел просителя с поля боя. И живым, что, видимо, главное. А потом... Потом время его желания закончилось, а моего — так и не наступило. Я был слишком растерян, чтобы чего-то захотеть, и понял, что тело, которое занимаю, находится при смерти, уже слишком поздно. За миг до того, как меня оторвало от земли и швырнуло в беззвездную пустоту.

Помню, тогда ко мне пришел страх. Животный. Всепоглощающий. Неспособный воплотиться ни в словах, ни в образах. Я не хотел возвращаться туда, откуда пришел. Наверное, чувствовал, что возвращаться некуда. И когда новое кольцо света вспыхнуло рядом, не задумываясь нырнул в него.

Возникает только один вопрос. Пока один:

— Но как я мог оказаться в мире, куда можно попасть только через «врата мечты»? Я не вдыхал пыльцу с крыльев бабочки, это совершенно точно.

Себерро улыбнулся, прикрывая глаза длинными и все еще угольно-черными ресницами.

— Ходят слухи, что любая отлетевшая душа, неважно каким образом ее разлучили с

телом, способна оказаться здесь. Все зависит от того, найдет ли она того, кто переполнен желанием, или нет. Если не сумеет сделать это очень быстро, то исчезает. Навсегда.

— Но я не слышал, чтобы «вдохи» умирали во время своего беспомыслия.

— С «вдохами» проще. Их души ведь не полностью отрезаны от тела. Они могут ждать. Правда, чем дольше такие несчастные находятся между мирами, тем больше забывают свою прошлую жизнь. Тебе в этом смысле, похоже, повезло. Ты ведь все помнишь?

Да. До последней мелочи.

И теперь понимаю, почему император избрал такой жестокий способ отправить меня исполнять поручение. Это ведь его рук дело, приговор и казнь. Может быть, и представление, устроенное Герто, имело своей целью только мое путешествие за пределы мира...

Может быть. Если нет, то тогда мне немного жаль моего напарника. У него была мечта. Была цель, наполнявшая его жизнь смыслом. Неужели он тоже казнен, как и я? Но если да, то...

То я могу найти его здесь.

Если ему повезло.

Мое возвращение императору не нужно. Зачем? Чтобы вернулся человек, обладающий не только могуществом, но и знаниями о тайных помыслах властителя Дайи? Знаниями, которые можно извлечь из памяти, если поторопиться... Это слишком опасно. А так нет тела — нет дела, как любят говорить дознаватели. Я не могу вернуться, даже если захочу. Но мне так и не объяснили, почему медлят те, у кого есть все шансы вновь перейти границу миров.

— Вы ушли за «врата» по собственной воле?

— Да, — спокойно признает Себерро.

— А почему не вернетесь? И почему вообще многие... не возвращаются?

— Очень просто. Все очень просто. — Лицо калеки освещается еще ярче. — Не хочу. Здесь... как бы сказать? Веселее.

Я пока ничего веселого не вижу. Кровь, смерть, боль — какая в них радость?

— В этом мире ты словно получаешь новый шанс прожить жизнь. От начала до конца. А потом еще раз и еще, пока не надоест. И поверь, надоест нескоро! Я и вовсе не знаю тех, кто вернулся, устав перерождаться.

— Но насколько я понял, такое «перерождение» подчиняется желанию? Вы же не можете заранее предсказать, каким оно будет?

— Тем интереснее! — искренне заявляет Себерро. — Это же настоящее наслаждение — бороться с чужим желанием, искать в нем лазейки, позволяющие исполнить все в точности, но не более. Ведь когда исполнишь, становишься полновластным владельцем тела. Причем зачастую — тела, обретшего невероятную силу. Силу наподобие той, которой владеют «выдохи».

Качаю головой:

— Все равно до конца не понимаю. Почему не вернуться? Дома ведь ждет вся магия мира.

— И сотни таких же магов, как ты сам! — подхватывает калека. — А здесь... Здесь ты можешь стать каким угодно. До последней минуты не знаешь, что тебе предназначено, и все время нужно быть готовым к сражению. И можешь многократно пройти через все, о чем мечтал. Слава, боль, счастье, скорбь, любовь...

Любовь? А ведь в самом начале он что-то говорил о сыне. Своим сыне.

— У вас было много любви?

— Не так много, чтобы набраться осторожности, — хохочет калека, подрагивая всем телом. — Вот и сейчас то, что ты видишь... Мое не слишком завидное положение — дело рук моего собственного сына.

— Но...

Он немного успокаивается, правда, смешинки в его речи не исчезают полностью. Чувствуется, что Себерро искренне наслаждается происходящим. Возможно, потому, что давным-давно сошел с ума?

— Мы можем и тут заводить детей. Легко. Тело-то остается человеческим. Правда, рождаются... Здесь их называют недокровками. Они всем похожи на обычных людей, только не могут принять в себя выходца из империи. Хотя желаний испытывают много, и очень даже сильных. А еще они хорошо чувствуют присутствие одного из нас. Как собаки. Унюхивают.

Почему-то мне делается не по себе.

— Они опасны?

— Отчасти. Но ты тоже легко сможешь их распознать, когда увидишь. Сам поймешь как. А нас недокровки, конечно, не любят. Правда, нечасто решаются противостоять, тем более открыто.

— Но не в вашем случае.

— Да, не в моем. — Кажется, что сейчас ему следовало бы сделать скорбное лицо, но калека продолжает все тем же беспечным тоном: — Ошибся. Заигрался во власть и не заметил надвигающейся измены. Она подползла как змея и...

Лязгает засов. Узкая дверь открывается, пропуская в залитую светом комнату женщину. Незнакомка довольно высока, излишне худощава, на мой вкус, да еще затянута в черное платье с высоким воротом и длинными рукавами, оставляющими на свободе только пальцы. Но именно этот черный цвет странным образом естественно сочетается с... серым цветом женского лица. Если полубезумный калека словно светится изнутри, то пришлица, кажется, где-то растеряла все краски. Кожа, глаза, волосы отличаются друг от друга оттенками и все равно остаются серыми. Словно неизвестный художник сделал набросок графитовым грифелем, но не стал раскрашивать свое творение, а лишь растушевал линии.

— Все болтаешь? — спрашивает она, равнодушно посмотрев на Себерро.

— Болтаю. Пока вы не отрезали мне язык. Правда, гостей у меня маловато последнее время, — потешается тот.

— Этот тоже долго не задержится.

— Жаль. Я ведь не успел ему еще так много рассказать...

— Своих бредней? Ничего, он переживет.

— Он-то? — ухмыляется Себерро. — Он — да. В отличие от тебя, лапушка.

Вместо ответа женщина подходит ближе и коротким, явно натренированным движением бьет носком ноги в живот калеки.

— Посмотрим, — равнодушно роняет она, глядя, как Себерро сгибается, хрипя задержавшимся в груди смехом. Потом женщина берет меня за шиворот и поднимает на ноги. — Пойдешь со мной. В доме ты будешь под лучшим присмотром, чем здесь.

— И в такой замечательной компании! — подмигивает калека, чье дыхание пока еще болезненно срывается.

Незнакомка переводит взгляд на Себерро, но нового удара не наносит. Наверное, брезгует.

— Будешь прислуживать. Мне. И кому придется.

У нее сильные руки. Или мое тело истощено так, что меня под силу нести даже женщине. Но носить меня на руках никто не собирается: незнакомка лишь держит ворот, не давая упасть. Дверь комнаты с искалеченным узником закрывается за нами, и я едва успеваю услышать его по-прежнему веселое:

— Еще встретимся, Да-Диан!

Женщина поворачивает голову в мою сторону:

— Это твое имя?

Молчу. Но кажется, ей не требуется мое согласие.

— Слишком длинно. Будешь просто Дин.

В коридоре тоже светло, хотя окна и забраны деревянными решетками, явно призванными задерживать солнечные лучи. Но все равно можно рассмотреть резьбу на стенах из белого камня с разноцветными прожилками, похожими на кровеносные сосуды. Здесь прохладно. А вот во дворе, куда мы выходим чуть позже, жара обрушивается на меня с полной силой. Белый свет, нестерпимо яркий, очень похожий на то самое кольцо, окружает меня со всех сторон, а следом приходит темнота. Только в этот раз сознание благополучно гаснет на самом пороге мрака...

Здесь...

Белая мантия не спасала от жары. Да и с чего она могла оказаться прохладнее черных одеяний, если была словно склеена из жестких заглаженных складок, не гнущихся, а в лучшем случае ломающихся с противным сухим хрустом? А ломать складки нельзя, нет. Ни в коем случае. Иначе прачки при кумирне посчитают, что их ежедневные труды не приняты наместником неба на земле благосклонно, и, чего доброго, наложат на себя руки. Не то чтобы их было жалко, но где тогда брать новых? Не самому же вставать за гладильную доску?

Глорис осторожно выскользнул из белоснежных одеяний и водрузил накрахмаленное великолепие на искусно сделанную вешалку, с точностью повторяющую все очертания тонкой мальчишеской фигуры. Впрочем, с тем же успехом фигуру можно было назвать девической. А когда широкая шелковая накидка, опустившаяся на хрупкие плечи, и вовсе скрыла под собой юную плоть со всеми ее непривычными неискушенному взгляду особенностями, никто бы не смог определить, человеку какого пола принадлежит гладкое личико, обрамленное черным шелком коротких прямых волос.

Сам Глорис считал себя мужчиной. С того дня, как мог вспомнить свою жизнь. Даже то, что признаки обоюполости проявились очень рано, еще до того момента, как ребенок вообще может причислить себя к тому или иному полу, не поколебало уверенности прибоженного. Он — мужчина, и точка!

А Катрала была против, ибо не пристало проводнику между человеческими душами и богами причислять себя к какой-то одной стороне мироздания. Потому малыша, надо сказать рожденного в любви, а после и вовсе обласканного всеобщим почитанием, с утра до вечера пичкали наставлениями, заплетающими мозги в уродливую косу.

Но он боролся. Изю всех своих невеликих сил. Целых четыре года он выстоял под гнетом неустанных увещаний, а когда понял, что готов смириться, потому что еще проще — только умереть, пришел спаситель.

Такой же подросток, как и Глорис, лишь немногим старше да отличающийся редкой для южных провинций белобрысой мастью. В его-то мужественности никто никогда не сомневался! А мальчик, улыбающийся раз в год, да и то через силу, казалось, не замечал безграничного могущества своей уверенности. Не замечал настолько, что легко и щедро поделился ею с прибоженным.

Он всегда обращался к Глорису как к равному. Как к мужчине. И этого было довольно, чтобы ребенок, волей судьбы отделенный от мирской жизни для служения небу, навеки отдал свое сердце новому другу. Хотя можно ли было назвать дружбой их непродолжительные встречи, становящиеся все реже и реже по мере того, как подростки выросли? У Иакина появлялось все больше своих забот, родственных и не только, а Глорису все чаще приходилось проводить время в кумирне, принимая истовые молитвы, потому что люди...

Люди теряли покой.

Они удерживали черты своих лиц в напускном смирении, но их души металась из стороны в сторону все отчаяннее. А хуже всего было то, что никто из молящихся не понимал, в чем причина ежечасных терзаний.

Не понимал и Глорис, но сам постепенно тоже поддавался общему волнению. Горожане еще слушали его напутственные слова и даже ухитрились усмирять на время свои страхи и тревоги, внимая звонкому голосу единственного в Катрале прибоженного, но неизбежно должно было наступить время, когда песнопений окажется слишком мало, чтобы справиться с безумием непонятных желаний.

Он близился, этот день. Глорис слышал его крадущиеся шаги в шелесте ветра каждый вечер. И зябко кутался в пестрый шелк накидки, которую не посмел бы надеть на себя за воротами кумирни. Только белое, всегда оно одно. Или... черное.

Тонкие губы брезгливо скривились и тут же привычно прошептали искупительную молитву. Бальгерию нельзя осуждать. Она делает пусть и грязное, но такое нужное дело.

Глорису не позволяли смотреть на изгнание демонов. Иакин и не позволял. Говорил, что это гнусное зрелище. И прибоженный верил, видя, сколько усталой злобы появляется всякий раз в глазах его друга, вернувшегося с очередной успешно завершившейся охоты и пришедшего в кумирню, дабы вознести Божу и Боженке молитву о погубленных душах. А еще Глорис знал, что жители Катралы потихоньку перестают бояться демонов. Да и чего их бояться, если тебя защищает стража в черных мундирах? Но когда он сказал об этом Иакину, тот почему-то не испытал гордости за свои благие деяния. Наоборот, побледнел и ушел. Молча и быстро. Потом прибоженному рассказывали: в тот вечер верховный бальга впервые в жизни пригубил вино, что означало...

Выпивают только слабые, это Глорису внушали с самого детства. И он верил. Но слепая вера пошла вразрез с верой зрячей. Прибоженный ведь видел, что его друг вовсе не слаб. Напротив, он сильнее многих людей, сильнее прежде всего духом, хотя и тело не отставало ни на шаг. Так почему же? Зачем вино? Правда, надо признать, второго такого раза не случилось. И вера, поколебленная было немислимым происшествием, восстановилась, став только незыблемее.

За Иакином Глорис мог отправиться куда угодно. Пусть только позовет.

— Не спишь еще?

Звуки знакомого голоса заставили сердце прибоженного биться вдвое быстрее, чем еще минуту назад.

— Зачем мне сон? Он ведь такой... пустой.

Иакин прыгнул с подоконника, сбросил с плеч куртку и рванул завязки на ворота рубашки.

— Жарко сегодня.

— Как и всегда, — привычно ответил Глорис, уже хлопоча возле столика с разноцветными кувшинчиками.

— Только не намешивай той кислятины, как в прошлый раз, — предупредил бальга, по случаю посещения друга сменивший свой всегдашний черный костюм на неприметную грязно-серую одежду обычного горожанина.

Прибоженный всегда радовался, видя друга в отличных от ночной черноты цветах. Как будто такая смена давала шанс на что-то. Что-то очень важное, но непонятно для кого больше — для самого Иакина или тех, кто его окружает.

— Кислое лучше освежает, — попробовал возразить Глорис, удивляясь собственной смелости.

Бальга не ответил, напряженно вглядываясь в темноту, надвигающуюся на Катралу, и прибоженный счел это молчаливым согласием. Но чтобы лишний раз не будить упрямство друга, все же налил в бокал несколько капель горного меда и поднес приготовленный напиток страждущему, который даже не повернул головы, пока шелковые полы накидки не зашуршали, соприкоснувшись с грубым грязно-серым полотном рубашки.

— О чем ты думаешь?

— Скоро настанет ночь.

Глорис кивнул, всякий раз поражаясь тому, как обычные, даже иногда нелепые слова звучат из уст друга. Так... значительно. Важно. Весомо. Неужели кому-то кажется иначе?

А ведь кажется. Есть по меньшей мере одна эррита, для которой все, что бы ни сказал бальга, — пустой звук. Не желает слушать и не слушает. Да и на молебнах давным-давно уже не бывает. Можно сказать, с детских лет. С тех самых лет, когда юный прибоженный начал свою благословленную небесами службу.

— А потом придет утро.

Иакин замер. Затаил дыхание. А когда повернулся, ореховая глубина глаз показалась Глорису непроглядно темной.

— Утро...

— Светлое-светлое.

Прибоженный сам не понимал, зачем все это говорит. Но чувствовал: надо. Только не молчать. Потому что, если тишина продлится больше нескольких, может быть, бесчисленных, а может, уже кем-то сосчитанных минут, мир треснет и разобьется, как стекло. Как тот многоцветный витраж, разлетевшийся осколками прямо над головой предшественника Глориса.

Наверное, кто-то все же кинул камень или пустил стрелу. Хотя тщательнейшие поиски так ни к чему и не привели, удобнее было верить в чью-то злую волю, нежели в случайность или, того хуже, веление небес. Стекланные капли брызнули во все стороны, но большая их часть конечно же упала прямо на прибоженного, коленопреклоненно стоящего у алтаря и творящего вечерний молебен. Молебен для одного-единственного человека, как ясно помнил Глорис. Всего каких-то десять лет назад горожане еще не слишком жаловали роскошную кумирню, отстроенную на личные средства семьи Кавалено. Еще не уверовали. А может, полагались на прежнюю веру?

— Ты всегда веришь в лучшее? — вдруг спросил бальга. Спросил своим обычным равнодушным тоном, но глаза, в которые прибоженному удалось заглянуть, прежде чем друг снова перевел взгляд за окно, ореховые глаза...

Принадлежи они кому-то другому, Глорис с уверенностью заявил бы, что этот человек страдает. Например, смертельной болезнью. Или неразделенными страстями. Или нетерпением.

Ни первого, ни второго за Иакином прибоженный не знал. Верховный бальга был совершенно здоров, здоровее многих в Катрале, да и сердце его не испытало пока любовного томления. Значит, оставалась только последняя причина.

— Зачем верить? Следующий день всегда лучше предыдущего.

Губы бальги дрогнули в улыбке. Второй за наступивший год, случившейся на глазах у

Глориса.

— Точно лучше?

Сегодня вопросы друга звучали странно. Почти пугающе. Так, что начинали тревожить даже умиротворенную долгим жарким днем душу прибоженного.

— Ты считаешь иначе?

Иакин опустил взгляд, наконец-то заметил бокал и протянул за ним руку. Пригубил душистый напиток, покатал крохотный глоток на языке, а потом разом осушил все. До дна.

— Тебе нравится жить здесь? Никогда не думал о других краях?

Глорис удивленно приподнял тонкие дуги бровей:

— Я не вижу ничего, кроме стен кумирни, и ты это знаешь. Здесь, там... Какая разница? Моя жизнь — в служении Богу и Боженке. Это предначертано судьбой.

Теперь Иакин скривил губы так, что получившаяся гримаса могла бы сойти за усмешку.

— Нет никакой судьбы. Нет. И не было. Мы сами ее делаем, если не отступаем, когда надо атаковать.

Прибоженный невольно подался вперед, ловя ноздрями дыхание, срывающееся с губ бальги.

— Зачем принохиваешься? Думаешь, я пьян?

— Н-нет, я...

Иакин подумал и швырнул бокал за окно. Куда-то на каменные плиты площади.

Треск разбившегося стекла прозвучал коротко и тихо, хотя должен был переполошить округу, как представлялось Глорису. Или это что-то внутри, в глубине груди натянулось вдруг так сильно, что готово было лопнуть в любой миг?

— Судьбы нет. И не будет. Пока ты сам не захочешь ее заполучить.

Слова бальги звучали по-прежнему странно и непонятно, но с каждой минутой их сила, казалось, увеличивалась вдвое, не меньше.

Что значит нет судьбы? А что же тогда исковеркало его плоть, превратив обычного ребенка в неприкосновенный и обреченный на одиночество знак веры? Что водворило его в просторную клетку, не спрашивая желаний и не слушая возражений?

— Случившееся не изменить, — прошептали пересохшие от волнения губы прибоженного.

— И не нужно. Оно уже случилось. Ушло. Пропало. Исчезло.

— Оставив раны на теле и душе.

Иакин поднял голову и посмотрел в небо, наливающееся зловещей чернотой.

— Раны заживают. Со временем. Шрамы тоже будут болеть, но они не убьют тебя, поверь. Они просто будут напоминать тебе о днях твоей слабости и... Приближать дни твоей силы. Они всего лишь кнуты, которые впиваются в тело, чтобы заставить тебя двигаться. Заставить идти вперед.

Глорис подумал, что стоило бы приложить к вискам кусочки льда, и невольно бросил взгляд на серебряную вазу, содержимое которой конечно же давным-давно растаяло и превратилось в воду. Прохладную, но бессильную остудить разгоряченные волнением мысли.

Разве отсюда можно куда-то отправиться? Да еще вперед?

— Для этого не нужна смелость. Ни капли. Достаточно лишь обернуться и посмотреть, что находится у тебя за спиной.

Прибоженный послушно подчинился волшебству уверенных слов. Повернул голову.

Взгляд уперся в дверь покоев, но не задержался, а каким-то странным образом отправился дальше, по коридору, за десять лет исхоженному Глорисом вдоль и поперек. Пролетел вдоль мраморных виноградных лоз, ползущих по стенам, покружился между тоненькими столбиками, подпирающими арки потолочных сводов, выбрался на шестиугольную обрамленную ажурными перилами площадку, коснулся первой ступеньки длинной лестницы и... Замер, наполнившись ужасом.

Внизу простирался молельный зал. Высокий, огромный, способный вместить в себя чуть ли не всех жителей Катралы.

Прибоженный помнил его разным.

В утренних сумерках, жемчужно-серых, туманом проходящих сквозь окна и оседающих на полу, выложенном из лакированных кедровых дощечек, гладких, как стекло, и всегда прохладных, так и манящих пробежаться по ним босиком.

В разгар дня, когда солнечный свет становится невыносимо ярким и глаза не спасает даже густая краска витражей, а золотое божье одеяние и вовсе невыносимо вспыхивает, ослепляя каждого, кто рискнет поднять глаза чуть выше алтаря.

В вечерней тишине, густой и липкой, как пот, еще не смытый с кожи после жаркого дня, в тишине, провожающей шаги последнего служки, задувающего за собой свечи.

Но сейчас, в наступившей ночи, не было ничего, кроме темноты. Ничего, кроме...

Глорис содрогнулся, прогоняя ужасное видение, и еле набрался сил, чтобы ответить:

— За моей спиной бездна.

— А за моей — стена, — сказал бальга. — Я не могу сделать шаг назад, даже если другого выхода не останется. И я не хочу, чтобы назад шагнул ты.

Прибоженный задержал дыхание.

Назад? В эту безжалостную тьму, равнодушно ожидающую жертвоприношения? Она ведь даже не голодна! Да будь в ней хотя бы такое простое и омерзительное, но очень человеческое чувство, как голод, можно было бы смириться.

Можно было бы думать, что каждым спуском вниз по девятости девяти ступеням ты делаешь что-то важное, недоступное никому другому. Но этой бездне все равно кого пожирать. Точно так же десять лет назад она пожрала того прибоженного, что предшествовал Глорису. Наверное, всего лишь скучающе вздохнула, только этого вздоха хватило, чтобы обрушить весь витраж. Чтобы выдавить из рам каждое стеклышко, еще в полете разлетевшееся на несколько частей, острых, как зубы.

Он не успел бы убежать, даже если бы попытался: осколками был усеян весь пол, до самого подножия лестницы. Но молящийся не двинулся с места. Не поднял головы. Так и остался стоять на коленях. А когда стеклянный дождь закончился и служки решились подойти ближе, вместе с ними к сверкающему в солнечных лучах нерукотворному изваянию подобрался и восьмилетний мальчик. Идти по трещащему ковру было трудно и страшно, но стоило того, чтобы увидеть лицо прибоженного, похожее на мозаику из разноцветных стеклянных бусин. Прекраснее в своей жизни мальчик не видел ничего. Он смотрел бы и смотрел, но взрослые почему-то поспешили увести его прочь...

Да, эта бездна пожрала того несчастного. Она самая. И скоро раскроет пасть для куска свежего мяса.

Глорис выдохнул застоявшийся в легких воздух. Выдохнул с сухим кашлем, разодравшим горло, как терка.

— Я не шагнул назад.

Его голос прозвучал еле слышно, дрожа то ли от страха, то ли от неожиданно накатившей решимости. И ладони тоже дрожали. До того мгновения, как бальга сжал их своими, твердыми и горячими.

— Мы пойдем вперед. Вместе. Хочешь?

Прибоженный попытался ответить, но все подходящие слова застряли где-то внутри, и тогда он просто кивнул, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

— Нам нечего бояться впереди. Бояться будут нас.

Он еще раз сжал пальцы Глориса, чуть ли не до хруста, потом отпустил и потянулся за курткой.

— Мне пора идти.

— Да. Иди.

— Я вернусь. Скоро.

Лучшего обещания Глорис не мог желать услышать. А когда бальга перебрался через подоконник, чтобы спуститься по задней стене кумирни, прибоженный снова обернулся и посмотрел на дверь.

Бездна все еще находилась где-то там, не менее опасная, чем раньше, но она была внизу, а лестница вела вверх. Лестница, ступени которой еще не были сложены, но уже вставали перед двумя взглядами: испуганным и измученным нетерпением.

* * *

Иакин не любил много говорить. Вообще не любил, потому что каждое слово приходилось почти вымучивать, но именно в силу этой странности, этого тяжелого труда, невидимого остальным, и получалось так, что слушали верховного бальгу всегда. Что бы он ни произносил. Но что из сказанного, попавшего в чужие уши, долетало до сердец?

Иакин недовольно прикусил губу, вспоминая беседу в кумирне. Почему в самый важный миг, когда нужно было раскрыть душу, он снова рубил слова, как лозу для растопки? Медленно, с оттяжкой. Бесчувственно. Глорис ведь его единственный друг здесь. Единственный, кто не считает его чужим. Но даже с ним...

Бальга сплюнул слюну, еще хранившую вкус напитка, радушно приготовленного прибоженным, и с наслаждением проследил, как плевок растекается по камню мостовой и бесстыдно блестит в отсветах уличных факелов.

Да, он чужой здесь. Всегда был чужим, с самого рождения. Отец постарался.

Отец...

Иакин снова ускорил шаг.

Прошлого нет, как он сам говорил Глорису. Почти уже нет. Впереди только будущее, и оно настанет за пределами этого ненавистного города. Будущее для тех, кто еще не родился. Они вряд ли поблагодарят, может быть, и вовсе не узнают имени своего спасителя, но это и неважно. Достаточно самому знать, что сделал все необходимое. Все, что нужно, чтобы будущее...

Где-то за спиной раздался свист, похожий на птичий. Чуть позже повторился, но уже левее и ближе, а потом прозвучал справа, почти над самой головой. Красивый, чуть насмешливый, немного азартный. Вот только...

В Катрале испокон веку не было певчих птиц. Одни лишь ловчие. А потому верховный бальга перешел с шага на бег.

И сейчас...

Местным жителям вечерняя прохлада наверняка приносила облегчение, а вот мне

сгущающаяся темнота сулила возвращение приступов, так благополучно забытых было в сухой жаре Катралы. Прошлая ночь, проведенная в имении Фьерде, особых хлопот не доставила, да и не могла, поскольку граничила со степными просторами, продуваемыми насквозь. Зато лабиринты городских улиц, защищенные от ветра причудливыми изгибами разновеликих стен, казалось, нарочно собирали всю влагу, выдыхаемую горожанами за день, чтобы насытить ею ночной воздух.

Я поднялся с лавки, собираясь отправиться на поиски постели, которую мне давно уже должны были приготовить, но очередная птичья трель, прощелкавшая и просвистевшая почти над самой моей макушкой, заставила помедлить, прислушаться и... стать свидетелем падения.

Темный ком кубарем скатился со стены прямо на стол, на то место, где я еще совсем недавно расставлял ряды посудной армии. Повернулся кругом, расшвыряв во все стороны миски и кружки, проскользнул дальше, съехал на плитки двора уже где-то за второй лавкой, попробовал было подняться, но снова осел вниз, что-то коротко и разъяренно прошипев. А следом за ним во двор спрыгнула еще одна фигура. В отличие от первой легко удержавшаяся на ногах, подошвами сапог прижавшихся к широким доскам стола.

Низкорослая и подвижная, она показалась мне смутно знакомой, но в плотных сумерках, едва разгоняемых светом единственной масляной лампы у входных дверей, нельзя было различить толком ни черт лица, ни других примет. Зато хорошо были видны ножи.

Уже примелькавшиеся, с длинными изогнутыми лезвиями. И, судя по тому, что они были взяты на изготовку, пощады ждать не приходилось. Ни беглецу, так некстати утратившему способность продолжать свой бег, ни мне.

Время, за которое можно было укрыться в одном из темных углов двора, я упустил, и теперь оставалось только смотреть в напряженную спину преследователя и молиться, чтобы он продолжал делать то, что собирался, а не менял свою цель на ходу. А уж в том, что намечается убийство, сомневаться не приходилось, как и в том, что душа случайного свидетеля отправится на те же небеса, что и душа человека, неловко скрючившегося на ковре узорчатых плиток в нескольких шагах от меня.

Ну что, насмотрелся? Вдоволь. Пора браться за дело. Вернее, за единственное доступное мне оружие.

Лобастая кошачья голова неохотно рассталась с пальцами. Нырнула влево, за ребро ладони, сомкнувшейся вокруг древка, отодвинулась назад, увеличивая плечо рычага, которым я собирался действовать, а наконечник посоха ринулся вниз, заходя за щиколотки находящегося передо мной врага.

Удобнее было бы бить под колени, но тогда противник мог рухнуть на спину, выставляя мне навстречу веер клинков, а так упал лицом вниз, непроизвольно поджимая руки под себя, чтобы уберечь лицо и грудь от соприкосновения со столом. Упал, тут же пружинисто подаваясь всем телом вверх, но навершие посоха уже летело в приподнявшийся затылок. Сверху вниз.

Я бил наотмашь, не заботясь о точности и прочих тонкостях, потому что по движениям незнакомца понял: он намного быстрее меня и привычные приемы здесь не пройдут. Только скорость, если и не слишком хорошо сочетающаяся с силой, то способная хотя бы застать врасплох.

А вот второй удар был выполнен уже намного вывереннее и, скорее всего, сломал моему противнику шею. По крайней мере, тело, вытянувшееся на столе, больше не шевелилось, а

один нож даже выпал из разжавшихся пальцев, звонко известив об этом всю округу. Второй все еще оставался где-то под телом, и, чтобы добраться до него, я снова воспользовался посохом, переворачивая бездыханного врага на спину.

Искривленные судорогой приоткрытые губы остались неподвижными, даже когда кошачья голова наверх легонько нажала на застывшую грудь.

Что ж, похоже, удар оказался достаточно сильным, чтобы перебить позвонки. Да и легкие кости смуглого коротышки, отзывавшегося на имя Игго, были куда лучше предназначены для бешеной скачки по степным просторам да для беготни по крышам, чем для схватки лицом к лицу. А в моем случае — спиной к лицу.

Птичья трель вновь повторилась, но уже намного дальше, чем предыдущая. Ей ответила еще одна, в другой стороне. Невидимые птахи перекликались еще с минуту, удаляясь, пока не стихли окончательно. Тогда и настало время взглянуть на загнанного зверя, так и не доставшегося охотнику.

Пока я осматривал тело своего упокоившегося противника, беглец сумел все-таки встать на ноги, хотя и заметно покосившись на правый бок, как изгородь, из-под одного столба которой выбили опору. Но бежать не собирался. Наверное, отчетливо понимал, что не сможет без должной помощи уйти далеко и быстро. А еще он смотрел на меня, не менее внимательно, чем это делал я сам. В движении я, скорее всего, так и не смог бы его узнать, но сейчас, взглянув в застывшее, напряженное и по-прежнему бесстрастное, несмотря на ночное происшествие, лицо, только недоуменно хмыкнул, хотя естественнее всего было спросить: «И какого Бога вы здесь делаете?»

Не думал, что верховный бальга ходит по ночной Катрале в одиночку, да еще не в своей обычной одежде, а прикидываясь горожанином. Впрочем, маскарад явно не удался, если вспомнить погоню, досрочно завершившуюся лишь благодаря моему вмешательству.

Игго ведь следил за тобой, блондин. И выследил... И загнал в угол. Кто знает, если бы я ушел в дом на несколько минут, да что там, даже на минуту раньше...

Утром город проснулся бы уже под властью совсем другого человека. Или вовсе без всякой власти. Впрочем, еще ведь не все потеряно, да? Допустим, у меня не получится так же чисто и просто, как с коротышкой, но на сей раз противник безоружен, а увесистости посоха с приложенной к нему силой моих рук вполне хватит, чтобы...

— Вы? Здесь?

Он был удивлен. Глубоко внутри. А еще он был растерян, это чувствовалось по голосу, хотя внешне бальга оставался все той же нерушимой скалой. Вполне возможно, он и смерть принял бы столь же бесстрастно, с презрительным спокойствием глядя в глаза своим убийцам.

Значит, вся эта внешняя холодность вовсе не проявление внутренней незыблемости, а что-то совсем другое. И чуть отрывистая, заметно неторопливая речь, поначалу кажущаяся горделивой, исполненной достоинства... Да и откуда это самое достоинство могло взяться в парне, которому едва перевалило за двадцать? Он ведь молод. Очень. Молодости может сопутствовать все, что угодно: наглость, самоуверенность, дерзость, но только не осознанное величие. Только не в обстоятельствах, когда твоя власть, пусть и не маленькая, шатается из стороны в сторону. А я-то купился!

Но только ли я один?

— А как же эррита Фьерде?

Конечно, он не мог не спросить об этом. Сообщник главного врага — и вдруг действует сам по себе! К тому же таким неожиданным образом. Что ж, придется признаться:

— Она попросила покинуть ее дом.

Блондин ненадолго отвел взгляд, словно раздумывая о чем-то, потом снова посмотрел в мою сторону, но уже не на меня самого, а на дело моих рук.

— Он мертв?

— Да.

Белобрысая голова дернулась, коротко кивая. Бальга, покопавшись в складках рубашки, выбившейся из-под куртки во время бега, достал какую-то крохотную вещицу на длинной цепочке и поднес к лицу. Пронзительный свист, ничем не похожий на давешние птичьи трели, разнесся по двору и взлетел в ночное небо. Длинный сигнал. Два коротких. Снова

длинный. И как только последний звук затих, откуда-то из-за соседних домов прозвучали торопливые ответы.

Блондин выдержал паузу, беззвучно шевеля губами, и приказал:

— Извольте открыть калитку. Иначе она перестанет быть целой.

А может быть, всего лишь попросил, если сделать поправку на обманчивую внушительность. Я не стал возражать, тем более что имуществу так любезно приютившего нас с Натти старика грозила опасность. И успел вовремя: едва засов под моими пальцами скользнул в сторону, выходя из скобы замка, калитка распахнулась от сильного рывка, и на дворе стало светло как днем. От доброго десятка факелов над головами людей в непроглядно-черных одеждах.

— Пошлите за паланкином, — процедил бальга сквозь зубы, стараясь перенести как можно больше веса с поврежденной ноги на здоровую.

А я бы на его месте даже присел, благо лавки под боком имеются. Старается держать лицо? Конечно. Просто не знает еще, что не всякую слабость нужно скрывать. Пусть и перед подчиненными.

Тем временем черномундирники окружили стол с мертвецом и меня заодно, а потом, следуя недвусмысленному кивку бальги, кто-то находящийся сзади ловко обхлопал ладонями те места на моей одежде, где могли прятаться потайные карманы, и расстегнул пряжку ремня. На навершии посоха тоже уже лежали чужие пальцы, так что я предпочел сделать вид, будто не замечаю творящегося обыска. Хотя древко не отпустил. Тем временем поясную сумку, разумеется, заранее раскрытую и осмотренную, поднесли блондину, который выудил из нее свиток подорожной.

Чтение заняло больше времени, чем того заслуживали несколько скупых строк, описывающих меня и цели моего приезда в Катралу. Но если раньше я бы решил, что бальга таким образом пытается найти на бумаге следы подделки или еще чего-либо, то теперь терялся в догадках. Может быть, он просто плохо умеет читать? А может, рассчитывает следующий шаг и нуждается в некотором времени для этого?

Наконец подорожная была вновь свернута и отложена в сторону, куда-то между еще стоящими и перевернутыми во время драки кружками, однако изучение содержимого сумки продолжилось: в факельном свете сверкнул гранями флакон с настойкой тысячезрачника. Только тут я почувствовал, что приступ, чуть замешкавшийся на время боевых действий, готовится к решительной атаке.

Надо было нюхнуть еще тогда, в самом начале. Вот уж верно говорят: все нужно делать вовремя!

— Что это такое? — Бальга повертел мою склянку в пальцах.

— Лекарство.

Блондин открыл пробку, принюхался, еле заметно скривился.

— И от чего оно лечит?

— От болей в груди.

— У вас больная грудь?

Внешне бальга оставался по-прежнему равнодушным, но вопрос был задан тоном человека, умеющего не только смотреть, но и видеть. Конечно, после того как я разобрался с Игго, трудно поверить в то, что мою плоть терзают болезни. Какие бы то ни было.

— Да. Она повредилась... по случайности. В которой никто не виноват.

Он все еще не хотел поверить. А зря, потому что комок влаги уже начинал скапливаться

между моими ребрами.

— Лекарь посоветовал мне поехать на юг. Туда, где воздух сухой и горячий. Чтобы боли беспокоили меньше.

Бальга задумчиво посмотрел флакон на свет:

— Чем вы докажете, что это не яд или иное опасное зелье?

Хочешь доказательств? Хорошо. Сейчас получишь. Вот только бы мне самому дожить до их признания...

Я расслабил мышцы насколько смог и сделал глубокий вдох. Медленно втянутый воздух прошел через горло, увлекая за собой наружную влагу, и, когда она добралась до внутренней, костер, сложенный в моем теле стараниями Натти, вспыхнул, выпуская столб влажного дыма. В глазах сразу же потемнело настолько, что даже факел, поднесенный чуть ли не к самому моему лицу, оказался неспособен прогнать накатившую тьму. А поднесли огонь ближе потому, что я забился в судорогах и повис на руках черномундирников, слава Богу не побрезговавших меня поддержать...

Нет ничего приятного в том, что тебя выворачивает наизнанку, когда легкие стараются дотянуться до воздуха. Особенно если одновременно боль мешает слышать, о чем с тобой пытаются говорить. К примеру, вопрос:

— Что с вами?

Или:

— Как вам помочь?

Вместо ответа тяну руку в сторону склянки с зельем. Или туда, где она, согласно моим представлениям, находится. Правда, сейчас мне трудно быть уверенным хоть в чем-либо, кроме тисков чужих пальцев, впившихся в плечи.

Наконец знакомый аромат, привычно отвратительный и такой желанный, добирается до моих ноздрей. Пробую сделать спасительный вдох, но горлышко флакона вновь удаляется, чтобы... Коснуться моих губ.

— Подержите ему голову!

Вот ведь дурак! Так он сейчас вошьет в меня всю настойку. И что мне потом прикажете делать?! Но к счастью, необдуманная попытка бальги помочь удалась лишь наполовину: как только первая капля зелья коснулась моего языка, слизь, собравшаяся в горле, хлынула наружу, и блондин вынужден был отшатнуться. Вместе с флаконом, разумеется.

Я, вниз головой висая на руках черномундирников, в последний раз посмотрел на лужицу, медленно уходящую в щели между плитками двора, душевно попрощался с ней, жаль, ненадолго, и выпрямился.

— Благодарю. Теперь я могу получить свое лекарство обратно?

Бальга кивнул, протягивая склянку.

— Паланкин прибыл! — доложил посыльный, вынырнувший из калитки.

— Заберите тело, — велел блондин.

— И куда же, позвольте спросить, вы его заберете? Мертвеца должна хоронить семья или люди того дома, которому он служил при жизни, — дребезжаще возразил появившийся на пороге старик, которому вино, по всей видимости, так и не смогло подарить крепкий и долгий сон.

— Я дам им такую возможность, — равнодушно согласился блондин, и всем присутствовавшим во дворе сразу же стало ясно, что это обещание вряд ли будет исполнено. — Завтра. А вам лучше вернуться в постель, эррете.

— После того разгрома, что вы учинили?!

Судя по всему, хозяин дома, то ли взбодренный выпивкой, то ли уязвленный тем, что в его владениях командует кто-то другой, не собирался отступать без боя.

— Вам заплатят. За каждую разбитую посудину, — уточнил бальга.

— А сколько будут стоять ваши шаги по плитам моего двора?

Блондин молча повернулся к старику спиной. Впрочем, пыл последнего от этого не убавился.

— Я не звал вас сюда! А ведь еще ваш отец давал клятву на главной площади города, что не переступит порог чужого дома, если на то не будет дозволения его хозяина...

— Или крайней нужды, — спокойно добавил бальга. — Я помню слова этой клятвы лучше, чем вы.

— А вот я не помню, чтобы вы повторили их вслед за отцом!

Я хорошо видел лицо блондина, когда старик вынес ночному гостю гневное обвинение. И честно говоря, даже приготовился к тому, что кожа, облепившая напрягшиеся мышцы, вот-вот порвется. Но все обошлось. Ярость, едва пробившаяся сквозь обычное спокойствие бальги, снова схлынула, забила куда-то внутрь, и прозвучавший ответ оказался еще бесстрастнее, чем мог бы быть:

— За его слова с него и спрошено.

— Спрошено? И кто в городе слышал, как Кроволивец Горге отчитывается за свои преступления? Нет, он безмятежно ушел в мир иной, оплакиваемый любящими детьми. Ушел, спрятавшись за высокими стенами и острыми клинками!

Я не ожидал, что в сухоньком старики отыщется столько памятной злобы. Он почти плевался ядом, выкрикивая каждое слово, называя незнакомые мне имена и упоминая неизвестных событиях. Казалось, был готов и вовсе наброситься на бальгу, вцепиться скрюченными пальцами в его горло. Но только когда иссякнет поток слов:

— А это ведь ваш дед за все в ответе! Ваш! Впервые слышите? Не знаете? Никто не посмел рассказать? Ну конечно... Повывелась в наше время горячая кровь... Высохла в жилах. А я был там, на площади, и видел все вот этими глазами!

— И что же вы видели? — спросил бальга, так и не оборачиваясь к престарелому обвинителю.

— Всего каких-то сорок лет... Безделица ведь? Оказалось, наоборот. Народилось целое поколение, которое и знать не знает, чем жил их город совсем недавно, — посетовал хозяин дома, обращаясь к самому себе. — Не знает, что, когда подходил срок, посреди Катралы собирались самые достойные юноши и девушки, готовые принять на себя тяжкий груз служения... Старейшины родов — основателей города выходили в тот день на площадь, еще не изуродованную божьим прибежищем, и выбирали, кто продолжит их дело. Сорок лет назад и ваш дед должен был выбрать. Должен был... — Взгляд старика затуманился, но не слезами, а воспоминаниями, до сих пор причиняющими боль. — Он посмотрел на море людей, простирающееся у помоста, и вдруг засмеялся. И смеялся долго. Так долго, что пришедшие вместе с ним не на шутку встревожились. А потом Илаим Кавалено наклонился над толпой и спросил: «Ну, кто хочет попробовать первым?»

Бальга слушал надрывный голос рассказчика. Казалось, слушал внимательно. Но лицо блондина не выражало ничего, кроме скуки.

— Я жалею только об одном. Что не набрался тогда смелости ответить... Предложение было щедрым, и его хватило на многих. Но сначала... Сначала все думали, что оно

достанется лишь одному. Как прежде. Как происходило всегда. Самому удачливому. Пробравшемуся к помосту сквозь замершую толпу. Его не выбрали бы никогда, бедняка с окраин, похожего больше на скелет, чем на человека. Не выбрали, если бы выбирали. Но теперь-то выбирал он... Подошел и поднял лицо вверх. Даже ничего не сказал, всего лишь посмотрел. А в следующий миг Илаим Кавалено взрезал себе горло...

Занятная история. Так вот каким образом передавалась власть в этом забытом богами уголке мира? Сначала в людях тщательно взрастили благодарную покорность, а потом одарили великой милостью — быть избранными, чтобы отдать свое тело чужому духу. Наверняка каждый из них был счастлив принять в себя демона и почитал это великой честью. Но одному из пришельцев почему-то вдруг стало скучно, и он...

— Все произошло в мгновение ока. Старое тело рухнуло к ногам толпы, молодое взлетело на помост. Мы не знали имени счастливца, но, когда он повернулся к нам, его губами уже говорил тот, кто только что простился с жизнью. И он спросил: «Кто следующий?..»

Злоба, переполнявшая старика, постепенно иссякала, тратась на рассказ, и последние слова перемежались уже чем-то очень похожим на всхлипы. Он и впрямь жалел о своей трусости. А может быть, чувствовал себя недостойным. С того самого дня.

— Многие закричали: «Я! Возьми меня!» А он улыбнулся, поднял нож, еще покрытый пятнами свежей крови, и снова полоснул по своему горлу... Это безумие длилось, пока вся площадь у помоста не оказалась завалена трупами молодых людей. Еще несколько минут назад прекрасных, полных сил, только-только готовящихся вступить в настоящую жизнь... В тот день наследников лишили многие семьи Катралы. Но не они одни. Те, кто стояли на помосте и с ужасом смотрели на происходящее, в конце концов поняли, что так им не достанется ничего. И начали охоту.

Кровавую охоту, надо полагать. Представляю себе, как они по всему городу гонялись за своим соплеменником, перескакивающим из одного тела в другое... А кстати, как ему удавалось это делать? Как ему удавалось заставлять своих носителей умирать? Ведь они, обретя исполнение желания, вряд ли начинали тут же мечтать о смерти.

— Конечно, его настигли. Нашли по кровавым следам, запятнавшим весь город. Что случилось дальше, никто не знает: горожан не допустили до того, чтобы смотреть на расправу. Но потом все затихло, почти на целый год. Пока у Илаима не нашелся наследник. О том, когда и где он был зачат и выношен, ходили разные слухи, но родственное сходство было признано всеми. В первую очередь слугами дома. А если уж они признали хозяина, что говорить об остальных?

Признали. Слуги. Любопытно. Казалось бы, им вовсе не требовался никто во главе, а тут пришел парнишка, пусть и похожий на покойного хозяина, и его тут же водружают на трон? Глуповато как-то звучит. Но согласно свидетельству Натти, нынешний верховный бальга — недокровка, а речь идет как раз о его отце. От кого рождаются недокровки? Только от демонов, которых их отпрыски ненавидят и... боготворят.

— Катрала была тогда все еще объята горем. Похороны шли чуть ли не каждый день, и мертвые тела все никак не заканчивались... А глаза, залитые слезами, неспособны увидеть истину. Горге Кавалено ничего не стоило разжечь в сердцах безутешных родителей огонь ненависти к тем, по чьему попустительству все и случилось. И когда он объявил войну, его армия не узнала недостатка в солдатах...

Хитрый демон оказался. Знал, что унюхать его могут только недокровки и свои же

соплеменники. Но если над ущербными отпрысками легко властвовать, то другие демоны без боя не сдали бы своих позиций. Какой напрашивается вывод? Уничтожить. Всех, кто мог пошатнуть новообретенный престол.

— Он назвал себя бальгой, слугой божьим. И привел в Катралу тех полумужчин-полуженщин... Построил для них целый дворец. А людям, только что преданным своими богами, так хотелось кому-то верить...

— Вы закончили вспоминать? — спросил блондин, заметно позевывая. Впрочем, час ведь был поздний, могло статься, что бальга зевает от усталости и желания поскорее отправиться в постель.

Старик не ответил, глядя в черное небо глазами, полными слез.

— Вы закончили?

— Он погубил все, чем жил этот город... Все, с чем родилась блистательная Катрала... — прошептал хозяин дома.

— Он стал вашим спасителем, — равнодушно возразил блондин. — Без него вы до сих пор жили бы под пятой ийани и покорно шли бы на заклятие всякий раз, когда кому-то из них требовалось новое тело.

— Их пята была бы во сто крат лучше твоей! — выплюнул старик, собрав последние силы.

— Решили на старости лет побыть вольнодумцем, эррете? — Бальга вздохнул и посмотрел на черепки разбитой в драке посуды. — Пожалуй, нет нужды возмещать этот урон. — Он щелкнул пальцами, указывая в сторону стола одному из своих приспешников. — Пиши!

Тот послушно уселся на лавку, выудил из сумки чернильницу с пером, развернул и расправил перед собой бумажный свиток.

— Ночью пятого дня высокого солнца, в год сорок первый от Исхода ийани, эррете... Как ваше имя?

— Жеге Ноно со-Катрала, — гордо назвал старик.

— Эррете Жеге Ноно со-Катрала отошел в мир иной, истощив свои силы долгой болезнью и прожитыми годами. Все, кто засвидетельствует свою родственную связь с покойным, могут заявить о желании наследовать имущество до истечения десятого дня от нынешней даты.

Писарь нагрел над факелом кусочек восковой смеси, капнул ею на бумагу, а бальга приложил к темной вязкой лужице перстень с массивной печаткой. И тут, в просторах чужой земли, посреди ночи, намного более жаркой, чем иные летние дни в Веенте, я почувствовал знакомое дыхание у себя за плечом.

Прошлая жизнь стояла рядом и чуточку рассеянно наблюдала за происходящим, позевывая почти так же, как это делал блондин, слушая проникновенную историю обреченного старика.

Здесь. Рядом. Снова...

Она вернулась, хотя ее никто не звал. Уж я точно молчал, как если бы набрал в рот воды. Но прошлое вернулось, осязаемое, по-родственному близкое, и словно спросило: «Ну что, наигрался, малыш? Пора возвращаться к работе».

Хозяин дома открыл рот, зачарованно следя за действиями блондина, и, только когда тот махнул рукой и двое черномундирников, взяв старика под мышки, неторопливо направились к входным дверям, старик завопил. Слов в раздавшемся крике было не

разобрать, словно несчастный вмиг потерял дар речи. Да и звучал сам крик недолго: не прошло и минуты, как вновь наступила тишина, ясно намекавшая на то, что эррете Ноно и впрямь отошел. Истощенный бесславно прожитой и еще более бесславно закончившейся жизнью.

«Слуги божьи» вышли из дома не сразу, видимо, прежде обшарили все закутки, чтобы на вопросительный взгляд бальги ответить уверенным:

— Там не было никого, кроме слуги. И он разделил судьбу своего хозяина.

Как это никого? А Натти? Куда он вдруг делся? Неужели сбежал? Вот ведь гад! И когда только успел? Хотя...

Я сосчитал взглядом черномундирников, заполнивших двор. Все ли из них родились от соития демона и человека? Вряд ли. По крайней мере, те, кто выглядят не старше самого бальги, не должны были застать прежних хозяев Катралы в силе. Нет, скорее всего, опасаться стоит только уже совсем взрослых, тех, кто чуть постарше меня. Если только...

Если только они не рождены нарочно для служения семье Кавалено.

Все правильно. Рыжий и не мог поступить иначе. Правда, он оставил меня один на один с дорогой, на которую меня так настойчиво выпихивали из дремотного покоя Блаженного Дола. И все это время, до мига, когда знак власти одного человека решил судьбу другого, я... Ну да, спал.

И видел забавный сон. Такой красочный, такой безобидный...

Все, теперь проснулся. Нет больше мира, где прекрасные женщины дарят свою любовь тем, кому пожелают, а благородные мужчины всегда приходят на помощь слабым и беззащитным. В моем мире каждый живет только за себя. Я не хотел туда возвращаться, но, видно, зелье Натти и Керра оказалось не таким уж и забористым, чтобы сделать меня счастливым надолго.

— Повесьте это на двери! — велел блондин, подразумевая только что подписанную бумагу. — Больше здесь делать нечего.

Ага. Нечего. Но относится ли сделанное замечание ко мне? Вот он, очередной миг выбора. Очередная развилка. Куда шагнуть, в какую сторону? Чужеземца вряд ли станут убивать только для того, чтобы заставить замолчать: в таких делах намного полезнее и надежнее использовать монеты. Потому что смерть может заткнуть рот приезжему, но не тем, кого он оставил дома.

Дома... Которого на эту ночь у меня больше нет.

Я не должен выполнять поручение золотозвенника. Не присягал на верность. Но та клятва, что я произносил когда-то давным-давно перед людьми, чьи лица уже благополучно стерлись из моей памяти, требовала: делай, если можешь.

Могу?

Да.

Значит, делаю.

— Вы лишили меня ночлега, эррете.

Он обернулся и смерил мое лицо немигающим взглядом.

— Звучит так, будто вы требуете замены.

Нужен еще один шаг. Крохотный. Такой, после которого перекресток будет пройден окончательно.

— Я много слышал о гостеприимстве южан.

— И наверное, даже испытывали на себе? — Показалось, что губы бальги дрогнули,

изображая подобие улыбки. — Что ж, я не обладаю достоинствами эрриты Фьерде, которые должны были прийти к вам по вкусу... но, если пожелаете, приму вас в своем доме. И пожалуй, даже попрошу сопровождать меня, чтобы скрасить скуку прогулки.

Он, прихрамывая, вышел со двора, где своего седока уже ждал паланкин с дюжими носильщиками.

— Прошу вас!

Пришлось залезать первым, но это оказалось вполне оправданно: в тесноте у меня было гораздо больше шансов задеть больную ногу блондина, если бы тот не уступил право первенства гостю. Носильщики подняли надсадно заскрипевшее под весом двух тел сооружение сразу же, как бальга подал знак, и, довольно неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, потащили нас в лабиринт улиц ночного города. Смотреть по сторонам было не на что — в пятна света от факелов попадали только каменные кладки стен и... неподвижное лицо блондина.

— Так зачем человек из столицы прибыл в наши края? — спросил он примерно на пятьдесят первом шаркающем шаге двуногих ездовых животных.

Если бы этот вопрос прозвучал намного раньше, отговориться было бы легко. Но, возникший именно сейчас, он требовал особого ответа.

Как говорил новый слуга в доме Соечки? Пока тебя боятся на юге, не тронут. Вот только в моем случае о боязни можно было благополучно забыть. Сначала бальга стал свидетелем того, что моя жизнь время от времени повисает на волоске, а потом ни мгновения не колебался, определяя судьбу старика, так некстати выпившего лишку и вспомнившего молодость. Свершившаяся казнь не должна была произвести на меня впечатление. Она просто состоялась, потому что так решил тот, кто взял на себя принятие решений в Катрале. Будь блондин постарше и поопытнее, он, возможно, не преминул бы воспользоваться случаем, чтобы показать свою власть, а так... Всего лишь ее употребил. Можно даже сказать, в меру. И не стал посягать на мое право уйти восвояси. Кажется, вовсе бы не заметил. Или не решился бы препятствовать спасителю своей жизни. Но поскольку я свое право не использовал, а ступил на новый виток спирали...

У меня есть всего три заповеди.

Не погибнуть. Не показывать свою цель. Не притворяться.

Для следования первой придется лгать, хотя бы сейчас. Для следования второй — тоже. Но как тогда первые две можно совместить с третьей? Остаться самим собой в любую минуту? Невозможно.

Но кто сказал, что такие минуты должны обязательно следовать одна за другой в своем прежнем порядке?

— Чтобы попытаться найти утраченное.

Мой ответ добился поставленной цели мгновенно: лицо бальги из просто равнодушного стало равнодушно-недоуменным.

— Вы что-то потеряли? Или у вас что-то было похищено?

Самое время выяснить, каким собеседником он меня видит: равным себе по возрасту или ушедшим вперед, к старости. Если второе, то беспечно могу нести всякую чушь. Но мне-то нужнее первое.

— Вы когда-нибудь бывали в столице Дарствия?

Он незамедлительно признал:

— Нет, никогда.

— А хотели бы взглянуть на Веенту?

Взгляд блондина чуть помутнел.

Значит, хочет? Хорошо.

— Могу заверить, что Катрала мало чем уступает своей старшей сестричке. Ваш город красив, разве что слишком горяч. И у него есть одно несомненное преимущество перед столицей... По крайней мере, преимущество для меня лично.

— Какое же?

— В Катралу не рвутся чужаки.

Бальга кивнул, но заметил:

— А вы сами? Вы же приехали сюда?

— Да. И признаться, рад этому. Давно не испытывал радости видеть город, живущий по старому укладу.

— Что Вы имеете в виду?

Он не понимал, но пытался понять, и это повышало мои шансы на победу.

— Я родился и вырос в столице. Как и все мои предки, самый древний из которых участвовал еще в возведении первых городских стен. И все годы, что я верой и правдой служил Веенте, я видел, как мой город умирает. Уходят в небытие прежде знаменитые имена, рушатся дома, улицы разрастаются безжалостной паутиной, подгребая под себя все новые и новые земли... И люди уже не могут из нее выпутаться. Ни старожилы, ни те, кто все приезжает и приезжает. Свежая кровь, как про нее говорят. Она нужна, но она пожирает кровь старую. Без остатка. В живых остается только сильный...

Я и сам немного запутался в собственной горечи, зато блондин, хорошо умеющий вникать в простые утверждения, тут же ухватился за последнее:

— Вы потеряли свою силу?

Как мы любим искать слабые места в чужой защите... Страсть как любим. Но в расцвете юности еще не догадываешься, что слабость, которую тебе норовят показать — всего лишь приманка. Насаженная на острый крючок.

— Можно сказать и так. В столице мне было больше нечего делать. Веенте не нужны старые и верные слуги, когда вокруг полно молодых и рьяных.

— Вы не так и стары.

— Пожалуй. Но уже мало на что годен, как вы видели сами.

— Да, я видел, — задумчиво подтвердил бальга.

— Катрала порадовала меня, — повторил я, стараясь подложить под размышления собеседника ковер нужной расцветки. — Здесь чтят древность рода и власть закона, даже если он касается самых близких твоих людей.

Я намекал на эрриту Фьерде, гордо удалившуюся от бездыханного тела своей сестры, но блондин явно уловил что-то свое в сказанных словах, потому что помедлил чуть больше, чем обычно, когда отвечал:

— Закон... Он не всегда был таким, как теперь. Помните, о чем говорил эррете Ноно?

Хороший вопрос. Уместный. И главное, опять выводящий на перекресток выбора.

— Тот старик, которого вы казнили?

Мой голос прозвучал почти так же бесстрастно, как голос моего собеседника. А слова оказались подобраны правильно, потому что взгляд бальги перестал быть равнодушным. Хотя бы на мгновение.

— Казнил. Да. А кто-то другой сказал бы...

— ...что убили.

— Почему же вы сказали иначе?

Я чуть наклонился вперед, словно сберегая свои ответы лишь для ушей блондина, и, по правде говоря, немного волнуясь, потому что следующие слова, что собирался сказать, принадлежали вовсе не мне.

Так говорил мой отец в те времена, когда я еще и слыхом не слыхал о Сопроводительном крыле. Говорил непонятно, но уверенно.

— Я привык исполнять требования закона. И требования того, кто этот закон представляет. Меня так учили, с самого детства. И я знаю, что властитель должен подчиняться закону не менее тщательно, чем последний нищий. Иначе перестанет быть властителем.

Разговор переместился на опасную часть тропы. Туда, где края слишком зыбки и легко можно оступиться. Но здесь мы с бальгой были на равных: он рисковал не меньше.

— А если законов много? Если у каждой семьи есть свой?

— Тогда нужно найти тот, что можно признать общим. Хотя бы для большинства.

— Но все равно останутся те, кто откажется!..

Последний поворот. Теперь главное — не опрокинуть повозку.

— Откажется признавать? Конечно. И у них будет выбор, сражаться или сбежать. Я — сбежал.

— Почему?

— Потому, что не чувствую за собой силы для такого сражения.

— А если... — Блондин тоже подался вперед, так что теперь между нашими лицами смогла бы уместиться только одна ладонь, причем не более широкая, чем у эрриты Фьерде. — А если сила появится?

Чем хороша молодость? Своим азартом, заменяющим трезвый рассудок и прочие качества, приходящие с возрастом. Или не приходящие. А бальга был прежде всего очень молодым человеком, пусть и рано получившим в свои руки власть. Молодым, азартным, увлеченным некой целью, для достижения которой явно требовались помощники. Например, такие, как я.

— Если у вас появится сила, вы будете драться?

— Я буду воевать.

* * *

Если бы я сразу пришел и предложил свои услуги в любом возможном качестве, бальга думал бы дольше. Намного. Потому что не знал бы обо мне самого главного: уязвимых мест. А обладая доказательством того, что мое тело достаточно слабо, чтобы я мог попытаться захватить верх, блондин не колебался. Правда, в ту ночь он не произнес больше ни единого слова, даже не попрощался до утра, когда мы расходились по разным сторонам большого дома. До очень тихого утра.

В имении Фьерде уже в самые ранние часы слышались голоса и звуки, сопровождавшие домашние хлопоты, а здесь царила тишина. Можно было подумать, что все еще длится ночь, если бы сквозь хитросплетенную решетку ставен на пыльные циновки, застилающие каменный пол, не проливались лучи уже довольно высоко стоящего солнца. Я откинул было связанное покрывало, но спустя миг передумал и снова укутался.

В комнате было зябко. Наверное, из-за обилия камня, лишь кое-где прикрытого тканью и соломенными коврами. Вполне возможно, что, если распахнуть окно и впустить внутрь

жаркий воздух, дом нагрелся бы, но, присмотревшись, легко было заметить: задвижки ставен закреплены скобами намертво. Чтобы обитателям комнаты было неповадно греться на солнышке или... следить за тем, что происходит во дворе?

Полюбопытствовать, что ли? Я встал с постели и, накинув покрывало на плечи, подошел к широкому окну.

Разглядеть что-то, когда солнечные лучи бьют прямо в глаза, очень трудно, но мне все же удалось изловчиться и найти нужный угол обзора. Лишь для того, чтобы разочарованно признать: ничего там, внизу, не происходит. Ни малейшего движения. Зато за дверью в коридоре кто-то двигался, и весьма шумно, за что получил заслуженную звонкую затрещину и замечание:

— Прекрати шаркать!

— Но моя нога...

— Давно уже зажила! — непоколебимо заявил женский голос, и спустя мгновение его обладательница, решительно распахнув дверь, появилась на пороге моей комнаты.

Примечательного в этой женщине не было ничего, кроме, пожалуй, неприязни, с которой она бросила на меня первый же взгляд. Правда потом словно одумалась и спросила вполне вежливо:

— Эррете что-нибудь будет угодно?

Черный шелк глухого платья, простирающегося от подбородка до запястий и носков туфель, и цепочка, пусть золотая, но очень простенького плетения, говорили о том, что пришлица либо сама принадлежит к бальгерии, либо верно служит верховному бальге. Поэтому мой ответ прозвучал единственно возможным образом:

— Полагаю, это решит хозяин дома.

Она склонила голову, показав гладко причесанную макушку с прямым пробором:

— Я спрошу. Извольте подождать?

— Конечно.

Юбка прошуршала, задевая порог, когда женщина выходила в коридор, и дверь тут же закрылась, не позволяя рассмотреть того, кто послушно зашаркал следом за своей госпожой. Впрочем, в одиночестве меня оставили ненадолго: не прошло и четверти часа, как дверь распахнулась снова, пропуская в комнату уже двоих пришельцев.

— Вас ожидают к завтраку, — сообщила женщина, а ее спутник, тот самый мальчуган, подвергшийся, как мне представлялось, настоящей пытке с вселением демона и после того, доковылял до кровати и положил на нее смену одежды. Разумеется, черного цвета.

Проходя мимо, новоявленный одержимый искоса посмотрел на меня, но в его глазах не было хищного голода, как у того порченого Сосуда, не было злобы и ненависти, хотя недавние события вполне располагали к появлению того и другого. Самый обычный взгляд. Разве что слишком серьезный для ребенка. Слишком внимательный.

Часть 5.6

Наверное, примерно так же я смотрю на свое окружение, когда собираюсь войти в обстоятельства. Прикидываю. Рассчитываю. Размышляю.

— Я подожду за дверью.

Не хочет смотреть на то, как я одеваюсь? Брезгует, что ли? Все может быть. Если носит такое мрачное платье и не менее мрачное лицо, то вряд ли радуется своей плоти утехами. Почти как Лодия...

Она вспомнилась мне всего во второй раз: после разговора с Нагги, коснувшегося вечерних молитв южан, я больше не думал о женщине, с которой расстался навсегда. Да и сейчас в памяти возник лишь общий облик или, скорее, настроение, навеваемое фигурой моей аленны.

Строгое. Унылое. Тревожное. Враждебное? Да, пожалуй. Каждую минуту, что мы находились рядом, между нами шло какое-то непонятное сражение. Добро бы бились за что-то, так нет, просто окружали себя изгородью щитов и копий, стараясь не допустить друг друга... Вот только куда?

Она и впрямь стояла сразу за дверными створками. Одержимый — тоже. Когда наша процессия двинулась по коридору, облицованному мутно-белым камнем от пола до потолка, мальчуган засеменил довольно ловко, но все же каждое движение явно причиняло ему ощутимую боль, а на штанине под коленом отчетливо просматривались полуподсохшие пятнышки, шаг за шагом освежающие свой цвет. Впрочем, меня куда больше занимал путь, проложенный по просторному и удивительно пустому дому.

Мы не встретили ни одного человека, двигаясь в полнейшей тишине: только наши шаги чуть шелестели по каменным плитам, разметая в стороны пыль, прилетевшую вместе со степным ветром. Кое-где встречались высокие мраморные вазы, предназначенные для цветов или других растений, которыми любят украшать свои дома богатые люди, но и эти сосуды казались опустевшими давным-давно. На мраморных же скамьях, щедро расставленных вдоль стен, тоже скопилась пыль, почти прозрачная, но заметная из-за толщины своего слоя. Наверное, когда-то здесь любили проводить время и хозяева, и слуги, а теперь почему-то все было заброшено. Оставлено на произвол судьбы.

Попетляв по дому, коридор вывел нас во внутренний двор, посреди которого красовалась фонтанная чаша, судя по всему уже забывшая о воде. Оконные проемы в стенах вокруг были плотно закрыты ставнями, и, скорее всего, в тех комнатах никто и не жил, и не бывал, потому что в отличие от решеток отведенной мне спальни здесь не виднелось ни единого отверстия.

Яркий день, чуть ослепивший меня во дворе, вновь сменился серыми сумерками коридора. Свет сюда проникал через какую-то хитрую сеть ходов, потому что, оставаясь солнечным, терял большую часть своей силы, добираясь до места назначения. И конечно, не приносил с собой тепла. Теперь я понимал, почему наряд, предложенный мне, был сшит из плотной, похожей на шерсть ткани: в стылых просторах каменного дома легче легкого было замерзнуть. Превратиться в ледышку посреди вечного лета.

Завтрак накрыли в зале, предназначенной для одновременного пиршества не менее чем сотни человек, а живых душ я насчитал всего лишь четыре. Включая себя и исключая одержимого, которого увели прочь еще перед порогом. В центре, а не во главе, как

полагалось бы, длинного стола находился сам бальга, место по правую руку заняла моя проводница, а по левую, опустив глаза в пол, сидела еще одна девица, сразу привлекавшая мое внимание, в первую очередь покрытой головой.

За все то короткое время, что мне удалось пробывать в Катрале, я ни разу не видел, чтобы местные девушки и женщины носили хоть какой-нибудь головной убор, в лучшем случае накидывали сверху тонкие покрывала, плотные или кружевные, чтобы защититься от солнца. К примеру, такая же накидка украшала плечи сопровождавшей меня женщины, а вот девушка, оказавшаяся почти напротив меня, когда я опустился на стул, ничего подобного не носила. Коротко стриженные белокурые волосы, очень похожие мастью на шевелюру бальги, покрывал чепец. Черный, как и вся остальная одежда.

— Рад приветствовать гостя за своим столом, — сказал блондин, помешивая серебряной ложкой какую-то кашу в тарелке перед собой. — Позвольте представить вам присутствующих. всю мою семью, если можно так сказать. — Он чуть опустил подбородок, начиная с себя: — Иакин Кавалено со-Катрала. Моя... помощница Танна. — Кивок в сторону той, с кого началось мое утро. — И моя сестра Лус. Лус, поздоровайся с гостем.

Девица подняла на меня взгляд, который правильнее всего было бы назвать растерянным. Да, и глаза у них похожи, и прочие черты. Только если лицо блондина выглядит большую часть времени неподвижным, его сестра... Дрожит, что ли? Очень похоже. Мелкой дрожью.

От подобного недуга, вызванного душевным напряжением, столичные лекари советуют перед сном выпивать стакан воды с несколькими каплями настоя из корней ласковицы: рецепт отпечатался в моей памяти уже на третьем или четвертом повторении, но Атьен Ирриги продолжал пересказывать его и страдания своей супруги еще долго. Очень долго. До самого нашего расставания.

— Доброго дня, эррете.

Приветствие прозвучала совсем тихо, как шепот, и после него девица снова опустила взгляд, сосредоточенно уставившись в кончики собственных пальцев, цепляющихся за край стола.

— Пусть кушанья не кажутся вам скудными, — тем временем продолжил бальга. — Перед утренней молитвой ни душа, ни тело не должны быть тяжелыми.

Мы еще и молиться будем? Прямо сейчас?

Блондин заметил мое удивление и пояснил:

— В Катрале принято хотя бы раз в день посещать кумирню. Кто-то предпочитает делать это вечером, когда жара спадает, но истинно верующие приносят свою жертву полностью.

Да уж, если предстоит выход под жаркое солнце, лучше не есть ничего жирного, сладкого, пряного... В общем, ничего по-настоящему вкусного.

Я ковырнул ложкой месиво в своей тарелке. Больше всего оно походило на раздавленные зерна, сваренные в собственном соку. Они чуть поскрипывали на зубах, но есть было можно. Если не думать, что жуешь что-то клейкое и напрочь лишённое вкуса. Запивать кушанье предлагалось чистой водой, не добавлявшей удовольствия от трапезы.

Судя по всему, я был самым голодным из завтракающих, потому что справился со своей порцией первым. Лус почти не притронулась ни к еде, ни к питью, но для ее хрупкой фигуры, наверное, было достаточно и нескольких зерен в день. Танна ела старательно, не отвлекаясь, а вот блондин больше ковырялся в тарелке, чем подносил ложку ко рту, при этом

смотрел куда-то мимо всех нас. Пока не встретился с моим взглядом и не очнулся от своих раздумий.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против черного цвета? В этом доме носят только черное.

— Как и в городе. Я заметил, что только немногие горожане одеты ярко.

— Яркие краски соблазняют душу, — заявил бальга...

— На что соблазняют?

— На гибель, — коротко ответили мне тоном, не позволяющим продолжать расспросы. — Когда вы услышите молебен, все поймете сами. — Он отложил ложку в сторону и встал из-за стола. — Пора отправляться.

Помощница Танна послушно поднялась на ноги, я тоже покинул свое место, одна лишь Лус оставалась сидеть, опустив взгляд.

— К тебе это тоже относится, — сказал блондин, но его словно не услышали. Тогда раздался окрик, похожий на удар хлыста: — Лус!

Девушка встрепенулась, вскочила со стула и начала приглаживать юбки, хотя их складки выглядели так, что вряд ли могли хоть когда-нибудь растрепаться или помяться.

— Лус, мы идем на площадь. — Эти слова прозвучали уже намного тише, словно бальге и самому не слишком-то нравилось повышать голос на собственную сестру.

Белокурая головка в чепце кивнула. Можно было бы сказать, что понятно, если бы взгляд девушки, такой же орехово-карий, как у брата, не подрагивал прежней растерянностью.

— Если не сочтете за труд, присматривайте за ней. Лус немного рассеянна и может потеряться даже в родном доме.

— Как пожелаете, — ответил я.

Мое согласие было встречено напряженным молчанием.

Я точно знал, где и какую ошибку совершил, даже чуть пошалил, выбирая именно это слово, но, сделав невинно-растерянное лицо, вынудил блондина пропустить сквозь зубы:

— Попрошу не упоминать о желаниях в этом доме.

Что ж, вот и я отыскал твое слабое место. Теперь мы равны. Теперь я знаю то, о чем так и не успел расспросить Натти.

Будем знакомы, недокровка.

* * *

Полуденная Катрала оказалась тяжелым испытанием даже для меня, несмотря на добросовестные труды «мокрой глотки». Так получилось, что в предыдущие дни я либо дышал степным воздухом, хоть и горячим, но не прекращающим двигаться, по городу же путешествовал перебежками от одной тени к другой, а шествие немногочисленной семьи Кавалено на молебен должно было совершаться... Гордо. Можно было бы сказать «торжественно», но для процессии из четырех человек такое слово явно не подходило.

С другой стороны, в подобном поведении верховного бальги смысл, несомненно, имелся. Блондин словно заявлял всему миру: «Вот я, иду с открытым лицом и пустыми руками. Я не боюсь тех опасностей, которыми ты можешь мне грозить». Одно дело ночью гнать врага, не готового к сражению, другое — днем напасть на безоружного. Конечно, последнее обстоятельство редко останавливает того, кто намерен убивать, но того, кто хочет показать собственную доблесть, всегда успешно отвращает от мыслей о душегубстве.

На этом простом свойстве человеческой природы, к примеру, основывались ежедневные

прогулки Звеньев разного достоинства по столице. Они ведь никогда не прятались и даже в преддверии боя оставались на передней линии, надеясь лишь на мастерство сопровождаителя. Правда, поводов сомневаться в воспитанниках Сопроводительного крыла, насколько я знал, ни разу не возникало. Но все равно не так просто выйти вперед, полагаясь на что-то, отличное от собственных сил. Почти так же трудно, как поворачиваться к врагу лицом, прекрасно понимая, что сам ты способен только на один удар. А вот станет ли он успешным...

Прохожих нам встретилось мало. Только ближе к площади стали попадаться группки людей, одетых в черно-серое и, судя по мрачным взглядам, собиравшихся совершить некое малоприятное дело. Правда, как только горожане замечали неспешно и почти без хромоты шествующего по улице бальгу, то старались прогнать с лица любое выражение.

Сам блондин вряд ли обращал внимание на услужливо расступающихся перед ним жителей Катралы, и это показалось мне странным. Почему он так себя ведет, скажите на милость? Бальгерия здесь — главная власть, обладающая вполне осязаемой силой. Так зачем же возводить между собой и людьми лишнюю стену? Не разумнее ли было бы перекинуться с кем-нибудь парой слов, кого-то поприветствовать, самому ответить на чужое обращение? И попробовать стащить с лица эту застывшую маску. Даже если мышцы не желают быть подвижными, то глаза... Уж глазам-то можно позволить жить!

На меня, кстати, прохожие смотрели намного чаще, чем на моих спутников. Наверное, те горожане, что видели пленение демона, запомнили мое участие в событиях, причем совсем на другой стороне, рассказали соседям, а теперь те и другие видели полное опровержение случившемуся вчера. И надо сказать, взгляды, которые мне удавалось поймать, были не слишком любезными.

Эрриту Фьерде здесь любят намного больше, чем Иакина Кавалено. Без сомнения Интересно за что? За то, что она не опускает рук в своей борьбе? За то, что остается хранительницей памяти предков? А как же бальга, избавляющий город от угрозы пришествия демонов? Неужели он не заслужил и капли уважения от своих соотечественников?

Узкое горлышко улицы вывело нас на площадь, и солнце, без того казавшееся жестоким, нанесло еще более беспощадный удар по глазам и головам, захотелось даже позавидовать чепцу Лус или кружевной накидке Танны. А ведь предстояло пройти еще не меньше сотни шагов, чтобы добраться до...

В столице Дарствия таких кумирен точно не было. Места бы не нашлось. Да и никто не позволил бы возводить дворец выше дарохранительской обители. А здесь, видно, правил на сей счет не существовало: многоярусные колоннады, не менее чем тремя рядами опоясывающие основное здание, возносили островерхую двухголовую башню над городом: высоко-высоко, под самое выцветшее от жары небо. Между резными колоннами прятались узкие, шириной всего в локоть, окна, и я решил, что внутри нас встретит полумрак, едва разгоняемый светом свечей или масляных ламп — но ошибся. Может быть, жестоко, может быть, счастливо: за высокими дверьми, распахнутыми ровно наполовину, верующих ждал зал, одну из стен которого, ту, что располагалась напротив входа, от пола до потолка занимал огромный витраж.

Сколько песка пошло на выплавку такого количества стекол, трудно было даже представить. Наверное, вычерпали целую пропасть. Но пожалуй, оно того стоило.

Двуединный лик в круговерти солнечно-золотых одежд на фоне густо-синего неба —

безумство складок и величавое спокойствие черт. Больше на рисунке ничего не было. Но большего и не требовалось, потому что, когда я ступил на ту часть пола, куда уже попадали цветные блики, и поднял глаза, почувствовал, как они наполняются слезами сами по себе, и неважно, что плакать хотелось скорее от боли: свое дело витраж делал легко, напористо и безжалостно.

А вот резной или высеченной из камня статуи, обычной для кумирен, где я бывал раньше, здесь не нашлось, и алтарь оказался всего лишь небольшой мраморной площадкой, к которой сходились две лестницы, симметрично огибающие правую и левую стороны зала, словно крылья или чьи-то заботливые объятия.

Лестницы начинались примерно в трех человеческих ростах от пола, отходя от галереи, полупоясом проходящей по стенам кумирни. Две тропы, спускающиеся с неба на землю... Но странник оказался всего один. Он, а вернее он-она, появился наверху левой от входа лестницы, и немногочисленные молеельщики, вошедшие в кумирню вслед за нами, затаили дыхание, превратив тишину зала в благоговейное молчание.

Невысокий, тоненький, как и многие прибоженные, он-она был обязан своей хрупкостью еще и юному возрасту: сомнительно, чтобы до ведения служб допускались дети, а этот выглядел именно ребенком. Черноволосый, темноглазый, с желтоватой кожей, свойственной всем южанам, он-она тем не менее казался здесь чужим, примерно так же, как и белокурый бальга. Но если блондин вызывал в сердцах горожан что-то вроде враждебности, то прибоженный оказался совсем в иной ловушке. Беглый осмотр взглядов, обращенных к спускающейся по лестнице фигуре, показал, что люди, пришедшие на молебен, не считают хранителя кумирни человеком. Кем угодно, но только не существом из плоти и крови.

И все же он улыбался. Чуть рассеянно, чуть отрешенно, но улыбался, глядя на собравшихся перед алтарем. И чувствовалось, что прибоженный рад был бы сбежать по ступенькам, но груз, слишком тяжелый для юных плеч, заставлял выверять каждый шаг, незаметный под длинной белоснежной мантией.

Белый голубь над стаей воронья... Он остановился ровно на середине круглой площадки и поднял ладони, словно приветствуя гостей, а потом опустил руки и сцепил пальцы замком. Неплотным, в отличие от того же бальги, чьи костяшки заметно побелели.

— Божьим промыслом нам дарован день новый, осененный светом небесным. Но тьма всегда рядом, она разжимает свои острые когти лишь утром, а потом только и ждет вечера, чтобы вновь вонзить их в души, если те беззащитны... — Голос звучал звонко, как и положено юности, но так плавно, что казалось, прибоженный поет, а не читает молитву. — Есть только два пути, чтобы отразить нападение. Можно наточить собственные клинки и ответить ударом на удар, но то удел немногих. Удел тех, кто кладет свои жизни на алтарь вечной битвы между тьмой и светом... Они способны лишь уничтожать врага, врезаясь в его ряды, проливая кровь и лишая души спасения. Но за их спинами остаются другие! Остаются те, кто не может быть воинами, потому что война — это дорога к смерти, а люди должны жить, сменяя друг друга поколениями...

Он вряд ли до конца сам понимал, о чем говорит, но проповедовал проникновенно. Пожалуй, даже азартно, если не отчаянно. И казалось, был счастлив видеть перед собой хотя бы одного человека, для которого повторил бы все то же самое не один десяток раз. Просто так. Потому что его слушают.

— Но и каждому мирянину ежечасно грозит опасность потерять свет своей души. Любое слово лжи, любой взгляд, исполненный алчности или вожделения, по искорке уносит пламя того костра, что был разожжен божьим велением при рождении человека. Любой поступок, причиняющий вред тому, кто находится рядом, любое сомнение воруют тепло нашего сердца. Костер постепенно затухает, и тогда жажда вновь обрести огонь внутри себя порождает желания...

Любопытно. В Веенте я такого точно не слышал. Хотя, надо признать, сейчас звучала речь, не лишенная смысла. Если задуматься и припомнить все те разы, что мне приходилось лишать жизни других людей, пусть и заведомых преступников, после содеянного становилось... Не то чтобы дурно или больно, но именно холодно. Словно какой-то сквознячок забирался под одежду, а потом и под кожу, холодя внутренности. Он быстро исчезал, это правда, зато воспоминания уходить не спешили.

— Желания. — Прибоженный сделал скорбную паузу. — Не что иное, как двери, которые мы сами прорубаем навстречу гибели. Они ослабляют нас больше, чем пробоины в доспехах или раны на теле. Объятые желаниями, мы постепенно забываем о людях, окружающих нас, и, когда наконец оглядываемся вокруг, не видя никого, оказываемся целью жестокой охоты... А охотники не дремлют. Они чувствуют прореху в защите души яснее, чем натасканные на дичь псы. И устремляются туда со всей своей силой, во много крат превышающей человеческую...

Кое-где раздались испуганные вздохи особенно впечатленных верующих. Причем не только женские, как можно было ожидать.

Лус, стоящая рядом со мной, опустила взгляд в пол и быстро зашевелила губами. Танна поднесла сцепленные замком пальцы к лицу, что-то шепнув в них. Только бальга стоял неподвижно и смотрел на прибоженного. Не отрываясь. А тот... Смотрел на него?

— Они приходят, как огонь, но, вместо того чтобы разжечь пламя, пожирают костер души до последнего уголька. А как только свет внутри человека затухает совсем, в его сердце спускается ночь. Время демонов.

Последние слова он произнес тихо-тихо, но голос все равно звенел, и получившийся дребезг очень походил на дрожь стекла в оконной раме, перед тем как оно намерено разбиться.

— Они приходят и уходят и все же никогда не кончаются. Они найдут вас даже за самыми высокими заборами и самыми тяжелыми засовами, какие только можно опустить, запирая дверь. Им нет преград... Кроме одной. Ночь всегда отступает перед светом. Так и демоны отводят свой взгляд, ослепленные светом человеческой души. Храните в себе огонь, зажженный божьим Промыслом. Питайте его послушанием и смирением. Помните: тот, кто наносит удар, сам становится беззащитен, пусть и не перед вашим судом. Но суд свершится и будет беспощаден к ослушникам, растратившим свой огонь на пропитание демонов!

По залу прошел шепоток. Это зашевелились губы молящихся, склонивших голову над

собственными сцепленными пальцами. Только бальга стоял прямо, и во взгляде прибоженного, по-прежнему обращенном на блондина, явственно читалось сожаление. Почти жалость. Неужели знает о маленькой тайне местного владыки? Похоже на то. И как же Иакин Кавалено рискнул раскрыть сердце перед служителем веры?

Тем временем молитва стихла, и верующие начали один за другим медленно подходить к алтарю. Каждого из них прибоженный встречал улыбкой и накрывал своими ладонями замки пальцев, протянутые к нему. Накрывал, чуть сжимал, словно благословляя, и кивал, приглашая следующего. Своей очереди дождался и бальга. Впрочем, он задержался у алтаря не дольше, чем все предыдущие молельщики, и это явно не добавило радости взгляду прибоженного. А губы того продолжили улыбаться, приглашая подойти... меня?

Я невольно огляделся по сторонам, но зал уже почти опустел, у дверей оставались только Лус и Танна: первая явно не собиралась двигаться без очередного приказа, вторая ждала возвращения хозяина. Бальга же, заметив мое промедление, вопросительно приподнял бровь. Пускаться в объяснения было поздно, да и неуместно, поэтому я сделал то, что от меня ожидалось: подошел к алтарю.

Вблизи прибоженный показался мне еще моложе, чем издали, а может, таковым его сделало совершенно детское удивление при виде моих рук, спокойно опущенных по бокам. Чувствовалось, что он растерялся, не зная, как поступить с человеком, который в благословении вроде бы и не нуждается.

— Вы не молились вместе со всеми, — наконец пролепетал он, глядя на меня во все глаза.

— Не молился.

— Почему?

Да, совсем еще ребенок. Интересно, сколько лет ему было при посвящении?

— Я приехал сюда из других краев.

В обращенном на меня взгляде читалось, что если хранитель кумирни и знает о существовании мира вне Катралы, то не допускает, что там, за кромкой степей, жизнь идет другим чередом.

— Там небу не возносят молитвы?

— Там больше полагаются на самих себя. Но огонь сердца берегут так же, как и здесь, — добавил я, опасаясь, что все расширяющиеся глаза прибоженного могут лопнуть.

— И никто никогда не ходит в кумирни? — спросил он-она, понижая голос на каждом слове.

— Почему же, ходят люди. По праздникам. Или если в этом есть нужда. Но не каждый день, конечно.

— Не каждый день... — Прибоженный повернулся к бальге. — Не каждый день?

Голос звучал потрясенно. И испуганно. Как будто он-она услышал от меня нечто ужасное, наносящее удар в самое сердце. И блондин тоже это почувствовал, потому что посмотрел на меня с чем-то вроде осуждения. А потом перевел взгляд на прибоженного и ответил, как мне показалось, почти ласково:

— К тебе будут приходить. Всегда. Обещаю.

Он-она кивнул, правда, больше послушно, чем успокоенно, подобрал полы мантии и медленно отправился обратно, вверх по лестнице, переставляя ноги с таким заметным трудом, как будто шел на плаху.

* * *

— Наверное, я зря привел вас сюда, — сказал бальга, когда мы снова ступили на площадь, под лучи жаркого солнца.

— Почему зря?

— Вам не нужно было... сосредоточение.

Это верно подмечено. Я сосредоточен сейчас, как никогда за последние дни. К тому же публичные молитвы меня не привлекают. Скучновато и запутанно. Хотя...

Был миг, когда я поймал себя на мысли, что еще немного, и проникнусь песнью, звучащей с алтаря. Наверное, потому, что после ослепляющего белого света попал под золотой. А высокий двуглавый купол кумирни, который вроде должен был возносить сознание к небу, казалось, сдавливал виски, заставляя кровь биться в такт словам прибоженного.

Да, так и есть. Отец когда-то рассказывал о подобных ухищрениях зодчих. И о том, что Цепью градоустройства не поощряется насильственное воздействие на головы и умы — на него нужно получать высочайшее дозволение. Только сомневаюсь, что здесь кто-то задумывался о разрешении. Просто взяли и построили, чтобы...

— Вы правы. Не нужно. Но проповедь стоила того, чтобы ее слушать.

Бальга согласно кивнул:

— Эти слова... Они прекрасны. Но они только лишь предупреждают.

— А должны были бы приказывать?

В этом месте беседы, где любой другой человек вздрогнул бы, блондин, наоборот, замер, даже остановился. И это меня не слишком порадовало, потому что после кумирни, чьи стены дарили какую-никакую прохладу, солнце, казалось, обжигало сильнее, чем прежде.

— Не все люди ясно видят свой путь, — наконец отчетливо, хоть и очень тихо проговорил бальга.

Справив дела духовные, можно было отправляться обратно, домой, под каменные своды дома Кавалено, но время для беспрепятственного ухода с площади неожиданно истекло: немногочисленные прохожие, вместе с нами приходившие на молебен, лихорадочно расступились, двумя волнами откатившись в стороны и открывая нашим взглядам изящную фигуру эрриты Эвины.

Благороднейшая из благородных стояла у нас на пути, положив руки на синий пояс, словно в нем одном находила поддержку. Сегодня ее юбка была черной как ночь, но это еще больше оттеняло пронзительную белизну рубашки, простой, без всяких кружев и вышивок. Не попытались чем-то украсить свою одежду и слуги имения Фьерде, стоящие позади своей хозяйки, скорее наоборот, избавились от всего, что могло помешать...

Помешать действовать, конечно же.

Лицо эрриты выглядело безмятежно-спокойным, но словно передразнивая застывшие черты бальги, а не отражая то, что на самом деле творилось в душе женщины.

— Очередная молитва достигла небес? — невинно поинтересовалась Эвина.

— Как ей и полагалось, — подтвердил блондин.

— И в ней было упомянуто о прегрешениях, требующих искупления?

— Несомненно.

— И о душах, загубленных чужой волей?

Бальга чуть помедлил, но ответил:

— Человек всегда губит свою душу сам.

Эвина шутиливо погрозила пальцем:

— Ой ли? Но если и так... Значит, хозяин отвечает за своих слуг, ведь они всего лишь исполняют приказы?

Не знаю, что подумал о начавшейся беседе сам Иакин Кавалено, а я, кажется, понимал, куда клонит благороднейшая из благородных. И искренне наслаждался сейчас ее стараниями.

— Хозяин всегда в ответе за тех, кто ему служит, — согласился бальга, хотя в его голосе и прозвучало некоторое напряжение.

— Очень хорошо.

Эвина коротко кивнула, и на камни площади из громоздкого свертка, притащенного откуда-то сзади слугами, выкатилось тело. Разумеется, мертвое. А еще мельком мне знакомое. Именно над ним эррита склонялась тогда, еще при первой нашей встрече в степи. Именно его внимательно разглядывала.

Блондин посмотрел на мертвеца, брошенного под ноги, и снова перевел бесстрастный взгляд на благороднейшую из благородных.

— К чему оно здесь?

Эвина танцующим шагом сделала круг, приближаясь к бальге, но отнюдь не затем, чтобы шептать ему на ухо: голос эрриты прозвучал так громко, чтобы даже задние ряды зевак могли слышать каждое слово.

— Этот человек умер несколько дней назад. Но не своей смертью, нет. Он пал от рук путешественников, осмелившихся дать отпор «степным бродягам».

— Зачем мне знать все это?

— Затем, что... — Благороднейшая из благородных улыбнулась еще невиннее. — Этот человек напал на путешественников. Но он не был «бродягой». Не мог им быть.

— Многие люди жаждут наживы, — осторожно заметил блондин.

— Но немногие при этом находятся на вашей службе.

Это был хороший удар. Продуманный, точный, пробивающий защиту. Захотелось даже крикнуть эррите: «Браво!»

— Рино Гаэно покинул отчий дом, чтобы вступить в ряды бальгерии. Ведь так, эррита?

Из-за спин слуг Эвины выступила немолодая женщина, закутанная в скорбно-черное покрывало поверх платья из небеленого полотна.

— Мой мальчик грезил этой службой, — подтвердила она.

— Мог ли он перейти на сторону разбойников, нападающих на обозы? — уточнила благороднейшая из благородных, чеканя каждое слово.

— Только не Рино! Он ни за что бы не преступил человеческие законы!

— Что вы хотите доказать? — спросил бальга.

— Совсем немного. К примеру, то, что «степные бродяги» взялись не из ниоткуда, и если и удовлетворяют жажду наживы, то не свою, а... — Эвина сделала долгую-долгую паузу, во время которой все слушатели и зрители невольно затаили дыхание. — Вашу!

— Чуть, — спокойно ответил блондин.

— Мертвое тело — тому подтверждение. К тому же... Вы ведь сами и убили его. Очередным вашим приказом.

Левая бровь блондина чуть-чуть приподнялась. Я тоже немного удивился, ведь гибель тех разбойников уж точно не имела к бальге никакого отношения. Но похоже, эррита Фьерде считала иначе. И с блеском доказала свою уверенность:

— Рино Гаэно был убит человеком, в тот же день надевшим черный мундир.

Ну да. Тот бледный недокровка горел желанием сражаться. Но с демонами, а не с людьми. И это всего лишь совпадение...

Или нет?

— Мне ничего не известно о прошлом людей, принесших присягу бальгерии. Оно может быть любым. И оно остается лишь на их совести.

— И вы принимаете каждую присягу?

— Нет, — вынужден был сказать блондин.

— А что же говорит в пользу того или другого человека? Уж не какие-либо особые заслуги?

Бальга промолчал. Наверное, зря, хотя вряд ли кто-то на его месте нашел бы достойный ответ прозвучавшему обвинению.

— К примеру, приказ уничтожить «бродяг», чьи лица и имена могли перестать быть тайной? — предположила Эвина.

Конечно, все ее выводы были выдумкой чистейшей воды. Но выдумкой логичной и разумной. А с подобной ложью всегда очень трудно справиться.

— Можете думать, что вам угодно, эррита.

— Это признание?

— Это разрешение.

Они смотрели друг на друга, внешне спокойные, но за взглядом каждого уже явственно бушевал огонь. Правда, если Эвину это пламя явно только раззадоривало, подсказывая новые и новые обманные финты, то бальга, вряд ли привыкший горячиться, легко мог совершить ошибку. И все же не совершил.

— Хозяин в ответе за своих слуг, — повторил блондин. — С этим вы не стали спорить. В ответе за приказы убить. Значит, и мне есть что спросить с вас.

Благороднейшая из благородных лукаво округлила глаза:

— И чью же жизнь я пожелала получить на завтрак, обед или ужин?

— Мою.

Толпа ахнула. Не испуганно, а скорее азартно, ведь не каждый день две главные силы города сталкиваются между собой, да еще движимые схожими намерениями.

— Это шутка? — Улыбка покуда держалась на лице Эвины, но уже с намного большим трудом, нежели прежде.

— Это правда. Вчера... вечером, когда я шел в свой дом, на меня напали. Слуги вашего дома.

Она и правда растерялась. Наверное, не отдавала никакого приказа вовсе.

— Мои слуги?

— Тело одного из них лежит у меня в погребках. Извольте подождать, пока я велю его доставить сюда?

Эвина пожала плечами. Бальга посмотрел на свою помощницу, и та, понимающе кивнув, отправилась исполнять поручение.

Не менее четверти часа понадобилось бы Танне, чтобы добраться до дома, причем бегом, срезая путь по переулкам, еще какое-то время — чтобы приготовить и нагрузить повозку, поэтому я приготовился стоять на жаре три четверти часа, а то и больше, но женщина вернулась намного раньше. Можно сказать, с полпути. Вернулась растерянной, даже слегка обозленной, шепнула что-то на ухо бальге и отступила назад, глядя на

благороднейшую из благородных с неподдельной ненавистью.

— Какие-то трудности? — спросила эррита Фьерде, видимо чувствуя, что удача вновь повернулась лицом именно к ней.

— Да, — признал блондин. — Тело украдено.

— А было ли оно вообще? — продолжила Эвина, уже заметно окрепшим голосом, и часть зевак поддерживающе залопотала.

— Вы подвергаете сомнению мои слова?

В ответ благороднейшая из благородных только улыбнулась.

— А если найдется человек, которому вы поверите? — спросил блондин.

— Пусть найдется, — беспечно согласилась Эвина.

Бальга чуть повернул голову в мою сторону:

— Что скажете, эррете?

Хорошая подстава. Даже если она всего лишь попытка уберечь собственный тыл. Или заодно проверка того, под чьими знаменами я собираюсь воевать?

— Вчера вечером слуга дома Фьерде по имени Игго охотился за жизнью Иакина Кавалено.

Я постарался добавить в голос нотку вины, но, как оказалось, зря, потому что обжегший мое лицо сливово-карий взгляд полыхнул тем, что очень удачно позволяет не замечать очевидное. Ненавистью.

— Откуда это может быть известно вам? — все же спросила Эвина, цедя каждое слово сквозь зубы.

— Я сам убил Игго.

— Защищая верховного бальгу?

— Защищая безоружного.

Надо было бы добавить «и беспомощного», но эту маленькую правду я оставил при себе. На всякий случай.

Благороднейшая из благородных могла поступить по-всякому. Могла, к примеру, продолжить обвинять, упирая на то, что я чужак и мои слова ничего не стоят. Но тогда непременно нашелся бы человек, который спросил бы, а что тогда чужак делал прежде в доме Фьерде, так любезно туда приглашенный? Может, это была как раз плата за помощь в попытке опорочить власть черномундирников? И кто тогда виновен по-настоящему?

Голова Эвины качнулась, то ли согласно кивая, то ли возражая против чего-то. А потом пальцы, с начала беседы держащиеся за синий пояс, расслабленно повисли, чтобы тут же собраться в щепоти для звонкого двойного щелчка.

Еще раз.

И еще.

Благороднейшая из благородных медленно поднимала руки, а широкие рукава спадали все ниже и ниже, обнажая загорелую кожу. Последний щелчок прозвучал уже где-то рядом с черноволосой макушкой, и после него наступила тишина, напряженная, как натянутая струна. А потом со всех сторон раздались ответные щелчки.

Нельзя сказать, чтобы вся площадь вторила эррите Фьерде, но стрекотали, казалось, пальцы всех, кто стоял рядом с нами. И даже тех, кто не мог видеть и слышать спор, так ничем и не закончившийся.

Черный подол широкой верхней юбки колыхнулся, словно от дуновения ветра, пошел волной, взвился, открывая взглядам нижнюю, алую как кровь. Закрутился все быстрее, следуя движениям Эвины. В какой-то момент красная юбка тоже взметнулась вверх и сразу же опала, но словно оставила часть себя на шее танцующей эрриты.

Кроваво-красный, похожий на перерезанное горло след. Шелковый платок. Еще сутки назад я видел бы в происходящем всего лишь странный красивый танец, но теперь, зная намного больше, понимал: вызов брошен. И не одной благороднейшей из благородных, потому что к щелчкам, оглушающим нас со всех сторон, добавилось и движение.

То тут, то там один за другим вспыхивали тканые пятна крови, вся площадь, казалось, превратилась в цветущее поле, посреди которого Эвина Фьерде приняла то первое решение воевать, а не сдаваться.

Только четверо не поддались злomu азарту танца, рожденного горькой памятью о прошлом. Я попросту не знал, что можно предпринять, да и нужно ли. Танна хищно щурила глаза, не сводя взгляда с благороднейшей из благородных. Лус стояла, как всегда поглощенная созерцанием мостовой. Бальга...

Блондин был спокоен. Но если раньше в его неподвижных чертах замечалось какое-то скрытое усилие, то сейчас они расслабились полностью.

Щелчки стихли как по команде, и в следующий миг все красные платки взмыли в воздух, проливаясь обратно кровавым дождем. Один из них упал на плечо Лус. Та даже не заметила неожиданного обновления своего наряда, а бальга подошел, потянул красную ткань вниз и, когда та отцепилась от черного платья, разжал пальцы.

Платок безропотно стек по воздуху туда, где лежали его многочисленные братья.

Туда, куда в следующее мгновение наступил сапог блондина.

* * *

— Испугались? — спросил Иакин Кавалено, помешивая ложкой очередную кашу.

Я надеялся, что обед окажется более сытным, чем завтрак, но то ли на вечер был назначен еще один молебен, то ли в доме верховного бальги скудной полагалось быть любой трапезе.

— Нет.

В орехово-карих глазах проявилось недоверие.

— Лжете.

Впрочем, произнесено это было слишком бесстрастно, чтобы считаться обвинением: мне предлагали разговор, а не сражение.

— Не лгу. Эррита Фьерде не причинила бы вреда ни мне, ни кому-либо другому.

— А мне показалось, еще немного, и она расцарапает вам лицо, — равнодушно заметил бальга, медленно выливая содержимое ложки обратно в тарелку.

— Как бы то ни было, на площади, перед множеством людей она не стала бы начинать войну первой. Хотя бы потому, что победа над врагом, неспособным оказать сопротивление, не сделала бы ей чести, а похоже, что эррита больше всего гордится именно этим достоинством своего рода.

— Честь... — задумчиво протянул блондин. — И почему все так держатся за эту ничтожную ценность? Ведь без нее жить намного проще. Честь не позволяет слишком многого. Не позволяет достичь того, что тебе...

Он не закончил фразу, но и так было понятно, какое слово должно прозвучать последним.

«Того, что тебе хочется». Именно это ты собирался сказать, парень. Но сам себя оборвал на полуслове, ведь в доме Кавалено запрещено упоминание желаний. Или хотений — их более обыденной формы.

— Вы могли встать на ее сторону.

О, разговор снова вернулся к благороднейшей из благородных, чью армию я уже успешно ослабил на одного бойца.

— Там, на площади.

Да, это был последний шанс. Правда, пришлось бы солгать, а ложь редко приводит к успеху. Да и в любом случае с бальгой я вернее достигну своей цели, чем с эрритой Эвиной, потому что он ловит демонов, а не боготворит. И если хозяйка имения Фьерде в самом деле приютила у себя беглую старуху, я рано или поздно до нее доберусь. Под знаменами блондина. А уж потом...

А что, собственно, делать потом?

— Она не предлагала мне силу.

— Вас остановило только это?

— Не только.

Иакин Кавалено заинтересованно приподнял бровь, ожидая разъяснений.

— Она, наоборот, хотела бы занять немного силы у меня. А я... оказался для этого слишком жадным.

Бальга отпустил ложку в свободное плавание по тарелке.

— Сила у вас будет. Совсем скоро. Уже завтра, если смелость вам не откажет. — Он встал из-за стола. — Мне нужно вернуться к делам. Танна проводит вас в вашу комнату.

Возвращаясь по лабиринту коридоров в каменную спальню, я примерно на половине пути устал молча пялиться в гладко причесанную макушку помощницы верховного бальги и спросил:

— Вы тоже пришли к нему за силой?

Женщина ответила не сразу. Дошла до очередного поворота галереи, остановилась, какое-то время смотрела вперед, потом повернулась, взметнув подолом юбки пыль, и только тогда сказала:

— Сила нужна многим. Но не мне. — Темный взгляд Танны стал вдруг бездонно глубоким, как будто собирался меня утопить. — И не вам.

Казалось, она заглянула куда-то внутрь меня, бесцеремонно расшвыряла в стороны нагромождение всевозможных мыслей и вытащила на свет только одну. Самую важную.

Это было страшно. Но это была всего лишь очередная атака в уже начавшемся бое, и ее можно было либо отразить, либо пропустить, надеясь, что противник в последний миг промахнется.

— Вы пришли за женщиной.

Я еле сдержал удивление. Она что, в самом деле читает мои мысли? Плохо. Тогда Иакин Навалено уже может знать, зачем я оказался в его доме. А еще хуже, если он все знает, но это никоим образом не заботит верховного бальгу. Это значит, что опасность подступила совсем близко и пора собирать собственную армию.

— Все мужчины так или иначе приходят за женщиной, — добавила Танна, и мне захотелось облегченно выдохнуть.

Так вот она о чем... Слава Божу!

— Только в этом доме вы не найдете то, что ищете.

— Неужели?

Я сделал шаг вперед, приблизившись к женщине в черном платье. Потом шагнул еще. И еще, пока носки моих сапог не зарылись под шелковый подол.

— Неужели в этом доме нет женщин?

Она не смутилась. Не отвела взгляд, сверлящий мои глаза. А я дал волю воображению, представив строгую Танну посреди смятых простыней. Простоволосую, растрепанную, с искусанной, а потому ставшей пунцово-красной нижней губой. Представил капельки испарины на коже, хранящей следы прикосновений сильных рук...

Женщина вдруг задержала дыхание, а потом, словно поперхнувшись воздухом, закашлялась, опустив голову.

— Вам дурно?

— Нет. Мне... Все хорошо. — Она поспешила отвернуться. — Пойдемте, мне тоже нужно исполнять свои обязанности.

Танна быстрым шагом продолжила прерванный путь, а я почему-то вспомнил лицо той дурнушки, что была прислана в Блаженный Дол за жизнью лекарки. Чем-то их взгляды были похожи. Временами. Но та прислуживала одержимой, а эта...

Еще одна недокровка? Наверняка. К бальге должны были примкнуть в первую очередь те, кто питал к демонам врожденную ненависть. Но что же она тогда почувствовала, глядя в мои глаза? Я ведь всего лишь хотел вообразить, какой Танна могла бы быть в постели. Всего лишь...

Хотел. Желал. Вот оно что. Недокровки чувствуют присутствие демона, но это, похоже, только одна сторона правды. Желания они тоже чувствуют, и, должно быть, довольно остро.

— Простите, мне нужно идти. Ваша комната там, в самом конце, — пробормотала помощница бальги и упорхнула прочь, пряча пятна румянца на бледных щеках, а я остался стоять посередине коридора, в который выходили немногочисленные плотно прикрытые

двери.

Меня оставили в одиночестве? Странно. Но бродить по дому, пожалуй, не буду, иначе заблужусь в переходах или вызову еще больше подозрений. Просто вернусь к себе, прилягу и попробую вздремнуть, все равно других занятий не предложено, а лишние силы могут потребоваться в любую минуту.

Я медленно двинулся вдоль дверей, слушая шелест собственных шагов, но в него внезапно ворвался посторонний звук, похожий на бульканье воды.

Фонтанчик? Было бы неплохо его найти, потому что обеденная каша все еще царапала горло, а после того как бальга ушел, всем прочим тоже полагалось встать из-за стола, неважно, закончили они трапезу или нет. Правда, на сей раз нас и оставалось всего двое: сестра блондина к обеду почему-то не вышла.

Булькало с правой стороны коридора, из-за двери закрытой, но, к счастью, незапертой и легко поддавшейся толчку. Правда, когда она отворилась, стало ясно, что слух меня обманул: ни о какой воде речи не шло. Разве что только о той, что потихоньку текла из глаз девушки, сидящей на краю постели. Текла бесшумно, в отличие от всхлипов Лус.

— Вас кто-то обидел?

Она подняла взгляд, услышав мой голос:

— Обидел?

— Вы плачете.

Девушка провела кончиками пальцев по щеке, словно желая удостовериться в правдивости моих слов, посмотрела на капельки влаги и кивнула:

— Плачу.

— Вы не обедали. Что-то случилось?

Она моргнула, смахнув несколько слезинок с ресниц, и широко раскрыла глаза.

— Обед. Надо было пойти обедать. Но мне не сказали этого делать...

— Разве для этого нужно ждать приказа? Вы же хозяйка этого дома и можете в любой миг...

— Я не знаю, что мне делать, — ответила она, беспомощно глядя на меня.

Обычно так говорят люди, попавшие в ловушку или другие неприятности, непонятные, необъяснимые и беспощадные. Хотя в случае Лус вряд ли речь шла о чем-то подобном. Да, брат держит ее в строгости, но, насколько я помню Лодию, юг вообще славится странными нравами. Где-то, как говорят, женщинам и вовсе запрещают покидать дом от рождения и до самого замужества. И та, что выросла, не видя возможности жить иначе, не должна была бы...

— Кто скажет, что мне делать? — Ее взгляд впился в мое лицо. — Вы скажете?

— У вас есть брат, эррита. Он заботится о вас.

— Брат... Да, он говорит. Иногда. Но мне не нравится его слушать.

То ли она полудурочная, то ли просто затравленная, одно из двух. И слишком слабая, чтобы бороться за себя. Ей бы пожить немного в поместье благороднейшей из благородных, уж та бы научила девушку, как нужно поступать в этом мире со всеми вещами подряд.

— Больше со мной не говорит никто...

— А как же Танна?

— Брат ей не позволяет.

Почему, интересно? Помощница бальги вряд ли научила бы Лус чему-то дурному. Хотя гордости от нее девушка могла бы набраться, а этого блондин явно не хотел.

И все равно странно. Зачем растить рядом с собой безвольную дурочку, шевелящую руками, ногами и всем остальным только по приказу? Попахивает каким-то скверным замыслом.

— Я не знаю, что мне делать...

И я не знаю, девочка. Но мы оба что-нибудь придумаем. Обязательно. Когда придет время.

Где-то...

Тело Себерро Рена покрыто толстым слоем грязи, и ладно бы подсохшей: было бы легче отскрести. Но нет, капли обильного пота, кажется никогда не переставшего сочиться сквозь поры, превращают все в вязкую кашу. Она поддается настойчивым усилиям тряпки в моих неловко сжатых пальцах, не смеет не поддаться, и все же, едва отлипнув от кожи калеки, норовит соскользнуть обратно, а значит, многое приходится начинать сначала.

Зачем я это делаю?

Потому что мне приказали.

Разве я не мог послушаться приказа?

Мог. Но тогда мне стало бы... совсем скучно.

— Грядут перемены? — подмигивает Себерро Рен, принимающий нежданную заботу о чистоте тела с благосклонной гордостью. С достоинством наследника одного из самых знатных имперских родов. С чувством, которое не исчезло даже следом за отрезанными руками и ногами.

— Перемены?

Калека величав и жалок одновременно, однако жалок вовсе не своей беспомощностью, а горячечным блеском надежды в глазах. словно пес, глядящий на то, как хозяин разделывает баранью тушу, и глотающий слюны в предвкушении пиршества. А в голосе то и дело проскакивает взволнованная хрипотца:

— Он явно что-то задумал.

Наверняка. Только я пока не знаю, кто такой «он» и как далеко могут простираться пределы его раздумий.

— Сегодня мой последний день в этом теле. Может быть, даже последний час...

Взгляд Себерро чуть расплывается, становится рассеянно-мечтательным, и это плохо. Только не сейчас! Мне нужны ответы, может быть, десятки, может быть, всего один. Но главное, мне нужен тот, кто сможет ответить.

— Почему вы так думаете?

— В обычаях Катралы чистить тело и душу перед смертью. Просить прощения или сыпать проклятиями мне ни к чему, я ведь не собираюсь уходить навсегда. А вот обмыться напоследок... Недурно! Очень недурно!

Он радуется, как ребенок. Или как безумец. Значит, сегодня Себерро Рен умрет? Но что-то ведь должно случиться дальше? Или нет?

— А потом? Что будет потом?

Его глаза недовольно моргают, как будто мой вопрос отвлекает калеку от сладостных мечтаний. Впрочем, недовольство не мешает ответить:

— Сынок, похоже, нашел для меня новое пристанище. Надеюсь, оно окажется уютнее, чем то, что досталось тебе. А впрочем, неважно. Любое сгодится, лишь бы...

Он говорит об этом почти равнодушно, как если бы совершал прыжки из тела в тело по пять раз на дню, а я все еще не могу забыть страх, настигший меня в беззвездном мраке. Там, где и бояться-то было нечего. Потому что не было ничего.

— Лишь бы начать игру сначала.

Что еще за игра?

Опускаю тряпку в ведро с уже заметно помутневшей водой. Вонь, наверное, вокруг стоит страшная. Должна стоять. Только мой нос ее не чувствует. Боль есть, а запахов, вкусов, ощущений... Я ведь толком не ощущаю тела. Все еще. Кажется, будто плаваю в просторной кадке, заполненной густым сиропом, и хоть могу дотянуться до ее стенок, но между ними и пальцами остается какая-то странная прокладка. Упругая, готовая принять любую форму, но слишком прочная, чтобы разорваться.

— Скажите, эсса...

Он вздрагивает. Непритворно. И переводит на меня взгляд не просто осмысленный, а острый, словно только что заточенный нож.

— Как давно я не слышал подобного обращения... Успел забыть это необъяснимое тепло, согревающее душу.

Скучает все-таки? Сожалеет о мире, который некогда покинул? Но ни за что не вернется, потому что здесь его ждет бесчисленное количество перерождений и какая-то странная игра.

— Вам все равно, в какое тело попадать?

— Конечно. — Глаза Себерро Рена смотрят на меня невинно и простодушно, почти просветленно. — Из любой плоти можно слепить все, что понадобится. Между этими двуногими куклами нет различий, они послушны и податливы, нужно только... — Он вдруг замолкает, всматриваясь в мое лицо так пристально, будто хочет просверлить в нем дыру, да не одну. И наконец после пугающе долгой паузы заключает: — Я не знаю, можно ли тебе верить.

Мимолетно хочется возмутиться, подняться на ноги, гордо швырнув тряпку в сторону, принять позу оскорбленного вельможи и... Может быть, произнести пламенную речь в защиту собственной честности.

Я же один из вас.

Я свой!

Или... нет?

Неужели некоторые выходцы из империи принимают сторону чужаков? Такая мысль лишь поначалу кажется вздорной и нелепой. Лишь первые несколько минут. А затем на смену ей приходит другая: почему бы и нет? Все возможно. Выгоду можно найти в любом, даже самом неприглядном, месте. Но куда проще и правдоподобнее, а потому и гораздо страшнее выглядит предположение, что мы, перейдя границу жизни или смерти, по-прежнему враждуем друг с другом. Здесь. В мире, существование которого казалось мне бредовой выдумкой.

Война? Что ж, это не самый плохой способ бороться со скукой.

И я равнодушно разрешаю:

— Не верьте.

Теперь наступает моя очередь молчать, в надежде что Себерро Рен, как и все старики, окажется словоохотливым в ущерб разуму.

Он ведь и правда очень стар. Он провел в чужом мире не один десяток, а может, и больше сотни лет. Но особенно важно, что по итогам принятых решений и совершенных поступков оказался там, где мы и встретились: в пустом подвале, лишенный не просто свободы, а возможности передвижения. Значит, что-то когда-то кому-то Себерро сделал не так, как следовало бы. И он прекрасно это понимает. Должен понимать. А понимание частенько рождает на свет одно нелепое, но беспощадное чувство. Чувство вины.

— Меня уже предавали, — нарушает молчание калека.

Допускаю. И конечно, виноваты не куклы. Предавали соотечественники, больше некому, ведь враг предать не может.

— Я всего лишь хотел повеселиться, а они... Устроили на меня охоту.

Ну давай, еще чуть-чуть! Выдавливай из себя историю, хотя бы по капле!

— Здесь нельзя верить никому. — Себерро Рен выпрямляет спину, пытаясь приподняться на обрубках рук. — Никому.

Он повторяет с такой настойчивостью, что приходится пообещать:

— Не буду верить.

— И мне не верь. Я люблю... обманывать, — хихикает калека, но, впрочем, сразу же стирает улыбку с лица. — Хотя тебя обманывать не хочу. У тебя-то обратного пути нет, и солгать тебе — все равно что одержать победу над беспомощным противником. К тому же...

Он щурится, словно желая спрятать от меня взгляд. Значит, если и не собирается врать, всей правды никогда не скажет.

— Мы могли бы действовать вместе. Мне нужны люди, играющие на моей стороне. Все равно нужны, хотя вначале я думал обойтись одними лишь куклами.

— Вначале?

— Да. Сразу после того, как меня затравили.

Медленно и равномерно вожу мокрой тряпкой по взволнованно дрожащему телу. Работу нельзя прекращать. Возможное наказание меня не пугает, но намного хуже будет, если до моей надсмотрщицы дойдет соображение, что слуга занимался совсем не тем, что ему приказали.

— Мы приехали сюда, спасаясь от преследования. Нас было пятеро, пришедших в этот мир почти одновременно, обладающих схожим опытом и, главное, схожими намерениями. Хотя все мы были молоды и азартны, рисковать никто не хотел. Когда-нибудь потом, позже — да, могло дойти дело и до войны. Со старожилами, теми, кто попал сюда намного раньше. Ты бы знал, какие они брюзги! А как трясутся над своим положением! Но конечно, в те дни старички были сильнее, опаснее, и нам ничего не оставалось, как убежать, отступить далеко в тыл, чтобы спокойно и надежно собирать силы для ответного удара...

Что ж, все как всегда: там, где встречаются хотя бы двое людей, недовольных действительностью или мечтающих о большем, сражения не избежать. Но как-то грустно

получать подтверждение тому, что дайянинцы воюют друг с другом. Пусть на чужой земле, непонятно, существующей или нет на самом деле, и все же воюют, а не живут мирно, не пробуют построить новую империю.

Или все-таки пробуют?

— Южные земли подходили нам больше всего, особенной те, над которыми еще не было установлено ничьей власти! Такие, как Катрала. О, ты не представляешь, насколько это было жалкое зрелище! Но мы радовались и ему. А превратить пустырь в цветущий сад оказалось не очень-то и сложно, ведь местным куклам было неведомо, что такое вера... Они попались на удочку сразу же. Хватило нескольких чудес для того, чтобы нас признали здешними богами. Ну или приближенными к богам. Нас слушали затаив дыхание, любой приказ бросались исполнять со всех ног. Славное было время, да...

Он вспоминает не без печали. Значит, есть в его прошлом что-то потерянное, что-то неосязаемое, но оставившее после себя прореху, заштопать которую оказалось нечем.

— А потом меня предали. Мы ведь пришли в Катралу, чтобы подготовиться к войне, но лишь я один помнил об этом, а остальные... Им слишком понравилась беззаботная и спокойная жизнь богов. Они и думать не хотели о том, чтобы набраться сил и отомстить гонителям. Зачем? Ведь тут так хорошо, так тихо и вокруг столько послушных слуг...

А может, они попросту начали жить? Именно жить, как делали это на землях Дайи? Может быть, те четверо, что пришли на юг вместе с Себерро Реном, не вдыхали пыльцу с крыльев бабочки, а лишились своих тел не по доброй воле? И, получив шанс прожить жизнь снова, захотели воспользоваться им по полной?

— Я решил всколыхнуть это болото. И на очередном смотре... — Он спохватывается, вспоминая, что некоторые слова могут быть для меня всего лишь пустым звуком, и поясняет: — Каждые двадцать лет мы меняли свои тела. И отбирали для перехода самых красивых и сильных кукол. Устраивали целое празднество на главной площади, торжественное и пышное. Конечно, сам переход выполнялся не на глазах у всех. Без лишних свидетелей.

Чтобы люди не видели, что им уготовано в будущем? Разумно. Но меня куда больше, чем церемонии, интересует другой вопрос:

— И сколько же раз вы... переходили?

Он усмехается, видя мое удивление:

— Четыре раза. И надо сказать, тела каждый раз были как на подбор!

— А они не сопротивлялись?

— Они желали быть избранными и становились ими. И это желание, исполненное без малейших усилий, выжигало все прочее, оставалась только мелочь, которую легче легкого...

Себерро Рен понижает голос, явно показывая, что все сказанное дальше будет намного важнее предыдущего:

— Я открою тебе один секрет, Да-Диан. В память о заслугах твоих предков перед имперским тронem. Считай это моим подарком на будущее, которое мы, надеюсь, проведем плечо к плечу. Большинство тех, кто сюда попадает, лентяи и глупцы, ищущие развлечений, — и они даже не стараются понять, что и как происходит. А вот я наблюдал. Размышлял. Пробовал. И все оказалось очень просто.

Зачем же ты, последний из рода Да-Нали, стремился в другой мир? Бежал от скорбей, как гласят записи в семейных хрониках? Что-то не верится. Нет, скорее в тебе пылала жажда борьбы, которую ты не мог утолить в границах империи. Тебе бы не дали повоевать дома, поэтому ты ушел. Но разве в гостях позволено делать все что заблагорассудится?

— Мы после перехода похожи на тех же мотыльков: летим на свет желания. Главное, чтобы рядом хоть кто-нибудь хоть чего-нибудь пожелал. И нет никакой разницы, в чем именно заключается желание. Да, тебе нужно будет его исполнить. Тебя заставят. Не знаю, кто или что, только отвертеться все равно не удастся. И не надо! Наоборот, хватайся за желание сразу, как только оно прозвучало в твоей голове. Сразу, понимаешь? Сначала оно похоже на комок глины, почти бесформенный, годный для любой поделки, а вот если промедлить дольше необходимого... — Себерро презрительно цокает языком. — Оно начинает обретать границы, и ты попадаешь в клетку, которую тебе придется осторожно разбирать уже по прутику. В этом нет ничего страшного и невозможного, поверь. Но это так долго! Иной раз может понадобиться полжизни, чтобы удовлетворить какое-нибудь завалившее желание. А все почему? Потому, что однажды оказался нерасторопен! Запомни: бросаться в бой нужно сразу, без колебаний. Вот чего, к примеру, хотел тот мальчишка, в чье тело тебя всунули?

Пробую вспомнить. В сознании всплывает мешанина невнятных образов, среди которых едва удастся ухватить нужный.

— Он хотел вылечить ногу.

— Именно так оно и звучало, его желание? — настойчиво уточняет калека.

«Я хочу, чтобы моя нога исцелилась...»

Да, под конец он думал именно так, тот несчастный ребенок. А что было сначала?

Был бег. Стремительный и неудержимый. Была свобода от вечной боли, сковывающей мышцы. Много всего пронеслось тогда в его голове, но слова... Последние, окончательные слова прозвучали именно так. Наверное, мальчик и хотел бы пожелать что-то иное, да не хватило умения. Не смог собрать свои чувства воедино и воплотить их в желание, потому и ухватился за то, что подсказали. Это ведь были чужие слова. Слишком взрослые.

— Он пожелал исцелить ногу.

— Да! — оживляется Себерро. — Но если бы ты не промедлил, можно было бы подменить единичное многим.

— Многим? — Переспрашиваю о последнем, что слышал, хотя больше всего меня пугает и волнует совсем другое слово.

Подмена?

— Не одну ногу, а обе. И не просто исцелить, а поддерживать здоровыми. Теперь понимаешь?

Еще бы! Исполни я именно такое желание, никаких усилий не хватило бы, чтобы снова искалечить это тело. Любая рана либо не появлялась бы вовсе, либо заживала бы в мгновение ока. Но если это и в самом деле возможно, то...

— Вы тоже так делали, эсса?

Он горделиво кивает:

— Неоднократно. Конечно, нужен опыт. Но еще нужнее умение быстро думать. Желание, оно как водоворот, как воронка: если уж раскрылось для тебя, непременно затянет. Только ведь необязательно спускаться на самое дно. Нужно внимательно смотреть по сторонам, и, едва заметишь удобный для исполнения образ, плыви к нему. Из всех сил! Только тогда ты сможешь быть хозяином, а не слугой.

Заманчивый совет. И пожалуй, стоит к нему прислушаться, потому что тиски боли, в которых меня сжимало последний раз, не доставили ни малейшего удовольствия. Но есть ведь и другие трудности? Должны быть.

— Не слишком ли велик риск? Я же не знаю, чего кто пожелает, пока не окажусь в...

Себерро Рен насмешливо качает головой:

— Узнаешь. Мы можем видеть здешних кукол насквозь. Придет время, и ты все сам поймешь. Когда полностью освоишься в этом теле. Ты же пока не чувствуешь его по-настоящему своим?

Удрученно киваю.

— Ничего, это случится быстрее, чем ты думаешь. Главное, что прежнего хозяина удалось прогнать подальше, — успокаивает меня калека.

Странно звучит — «прогнать». Почему не уничтожить?

— Разве мальчишка не умер? То есть его душа, желание которой я исполнил?

В ответ раздается тяжелый вздох:

— Наш путь к победе прост, но... По нему можно двигаться не только вперед.

— Не понимаю.

Себерро Рен долго молчит, дыша в такт движения тряпки по уже почти дочиста оттертой коже. Слишком долго. А когда продолжает беседу, выглядит далеко не столь оживленным и благодушным, как в самом начале.

— Они не исчезают, когда мы занимаем их место. По крайней мере, не сразу. Топчутся рядом, готовые вернуться в любой миг, если наша хватка вдруг ослабеет.

— А это возможно?

— Да, — коротко отвечает калека.

Мне кажется, что он не склонен пускаться в дальнейшие объяснения, но я ошибаюсь. Наверное, к счастью.

— Среди кукол время от времени находятся те, что умеют охотиться на нас. Умеют ловить. И там уж как повезет: или будут сажать в новое тело на цепь, как пса, или отправят обратно.

— В империю?

— Если тело осталось там, целое и невредимое. А если нет...

Я невольно содрогаюсь, вспоминая бесконечный мрак и кольцо света, которое хотело меня поглотить.

— Их так и называют: охотники на демонов. И если попадешься на глаза одному такому, можешь прощаться со свободой. Или с жизнью.

— А как они это делают? Как вынимают нас из чужих тел?

— Не знаю. И знать не хочу! — зло кривит губы Себерро Рен. — Я не видел еще никого, пережившего встречу с охотником. Даже не слышал о таких счастливицах.

— Но вы же сами что-то сказали о цепи...

— Она мало чем лучше смерти. Тебя заставят исполнить желание, но желание не той куклы, в которую поместят. Понимаешь? Желание придет извне. А потом, когда ты все сделаешь как надо, кукла очнется ото сна и станет распоряжаться результатами твоих трудов.

Все становится запутаннее и запутаннее. Сначала он говорит о том, что нет ничего легче, чем перебраться в новое тело, потом вспоминает, что есть какие-то охотники, а теперь сообщает и вовсе нечто невероятное. Хотя...

Если здешние люди додумались, как уничтожать пришельцев, нам и в самом деле проще воевать со своими. А я-то удивлялся! Теперь становится понятно, почему старожилы не балуют новичков: те приносят с собой очередную угрозу разоблачения. Особенно если

оказываются такими же непоседливыми, как Себерро Рен.

— Тот светловолосый, что подставил мне тело мальчика... Он тоже охотник?

Калека усмехается. Правда, горьковато.

— Нет, он всего лишь подражатель, опасный только для кого-то вроде тебя, потому что знает основное правило: если тело, содержащее в себе демона, умрет там, где не окажется других кукол с желаниями, перемещаться будет некуда и нам придется вернуться в Безземелье. В ту унылую темноту.

В темноту, где лично меня поджидает смертоносный свет.

— Почему же он так не поступил? Зачем оставил меня в живых?

— Ты все еще не понял? — округляет глаза калека. — В этом мире нет природного волшебства. Никакого. Зато мы, едва пересекая границу, становимся волшебниками. Желания ведь могут быть какими угодно! Кукла может захотеть вырастить крылья, стать неуязвимой, научиться читать мысли: любой нелепый каприз, любое сумасшествие здесь воплощаются в реальность. Нами. Так что нас ценят намного дороже золота, запомни! Тот, в чьей голове есть мозги, не убьет демона, если умеет с ним обращаться. А мой сыночек оказался не по годам смышленным...

— Ваш сын?

— Да. — Себерро Рен чуть выдвигает подбородок вперед, словно испытывает неподдельную гордость за своего отпрыска. — Надо было попридержаться себя, но уж больно его мать была хороша... Так хороша, что жалеть не о чем.

Его взгляд мечтательно влажнеет, а я невольно пытаюсь вообразить, какой же должна была быть женщина, стоящая искалеченного тела. Но делаю это недолго, потому что важнее узнать:

— Значит, меня оставили, чтобы...

— ...исполнить чье-то желание. Может быть, особое. А может, то, которое подвернется под руку первым.

— Почему же меня не держат взаперти, как вас?

— А куда ты мог бы деться? В доме одни недокровки, совершенно для тебя бесполезные... Кроме Лус. Но с ней ты вряд ли справишься.

Он произносит незнакомое мне имя с заметным сожалением, как будто говорит о чем-то весьма драгоценном и безвозвратно потерянном.

— А если все же найду подходящую... куклу?

Мне не нравится использовать это слово. Оно слишком надменное. Слишком беспечное. Какие же они куклы, если могут бороться со своим врагом и, главное, могут побеждать?

— Тогда не медли. Можно исполнить и самое глупое желание, да не одно, если есть шанс добраться до чего-то стоящего.

— Но для этого мне придется каждый раз...

— Умирать, — улыбается Себерро Рен. — Поэтому если уж собрался в власть попрыгать, то нужно делать это очень быстро, пока не сросся с телом накрепко. Сколько ты уже в нем находишься?

— Второй день.

Калека подтверждает:

— Будет больно. Тут или сам должен не дрогнуть, или найти кого-то, кто поможет умереть мгновенно. В этом можешь мне верить, сам проверял.

Вот и не знаешь, что делать. То ли ждать, пока тюремщик тобой воспользуется по

своему усмотрению, то ли действовать самому. Но что я могу с таким телом? Сбежать вряд ли удастся, оказать сопротивление — тоже. А найти в этом доме человека с желанием, если верить словам Себерро, невозможно.

Тупик?

Ну и пусть.

Я живу, и это пока самое главное.

Засов скрипит, двигаясь в петлях, и дверь распахивается. В подвал из коридора проникает поток воздуха, обтекающий серую женщину по имени Танна. Воздух холодный, плотный, пропитанный ароматом цветов, хотя я пока не видел ни одной вазы или кадки с...

Аромат?!

Делаю вдох через ноздри. Поглубже. Помедленнее. Едва не задыхаюсь от тяжелого запаха, поднимающегося над ведром с грязной водой.

— Закончил? Теперь оберни его!

Мне на руки падает полотнище, сложенное в несколько раз. Груботканое, шершавое, оно словно теркой проходится по моей коже, и я понимаю: сращивание завершилось. Теперь тело полностью мое. Только непонятно, радоваться этому или огорчаться.

— Обернуть?

— Ну да, как детей пеленают. Только с головой, — недовольно поясняет женщина.

Себерро Рен подмигивает, когда я начинаю новую работу. Подмигивает до последнего мгновения, пока его лицо не скрывается из виду под слоями ткани.

— Теперь пойдём.

Я послушно следую за своей надсмотрщицей, оборачиваясь лишь однажды, чтобы в последний раз посмотреть на калеку, превращенного во что-то вроде тюка.

Если все предположения правильны, то сегодня выходец из империи Дайа получит новое тело. И снова начнет игру, в которой надеется стать победителем. Вот только почему-то не получается ему позавидовать.

Неужели мне настолько страшно умирать?

Да. Жить скучно, а умирать все равно не хочется.

Серая женщина идет по коридору очень быстро, быстрее, чем я могу бежать, поэтому ей все-таки приходится остановиться и зло окликнуть нерасторопного слугу. Однако звук ее голоса не только подстегивает меня, а делает кое-что, скорее всего, не предусмотренное, иначе почему Танна так вздрагивает, когда одна из дверей рядом с ней открывается, и на пороге появляется...

Человек. А согласно убеждениям Себерро Рена — кукла..

Я уже видел его раньше? Да. И будто бы не видел никогда.

Он... светится, но вовсе не так, как калека. Этот свет очень мягок, еле заметен, зато переливается бесконечным множеством красок, делая кожу мужчины похожей на перламутр. Да и сам человек весь цветной, а не серый, как моя надсмотрщица, которая нехотя спрашивает:

— Что вам угодно?

— Сущие пустяки. Услышать ваш голос, к примеру.

Радужный свет становится ярче, и вдруг среди многих оттенков набирает силу один, пурпурный, румяня лицо человека, а мгновением позже цвет словно прорывает границы тела, добирается до меня полупрозрачным облаком, касается моих щек и...

И я раскрываю глаза так широко, как только могу, хотя того, что они сейчас видят, не происходит в действительности. А еще хочется уважительно закивать, если, конечно, цветной мужчина и вправду способен осуществить с серой женщиной то, о чем думает.

— Мне нужно идти, — полушепотом выдыхает она, только не торопится следовать своим же словам, потому что и сама, похоже, греется в лучах...

Желания. Но не того, что возникает между двумя людьми, а совсем другого. Желания такого рода, какое нужно демону, чтобы забраться в чужое тело.

Желания, которое может пригодиться и мне.

Здесь...

Иакин Кавалено никогда и ни в чем не сомневался. Даже в тот день, одним легким движением зачеркнувший детство, сомнений не возникло. Ни на мгновение.

Казалось бы, мальчишка, называющийся наследником человека, которого одна половина Катралы боялась, а другая ненавидела, мальчишка, видевший с рождения только согбенные спины слуг или гордо поднятый подбородок отца, мальчишка, слышавший слово «нет» так редко, что почти забыл о его существовании... Он должен был усомниться, удивиться, прийти в ярость, наконец. Но вместо всего этого лишь послушно кивнул, когда Кроволивец Горге, позвавший своего единственного сына в кабинет и ожидавший там, но не в одиночестве, а положив ладони на плечи тоненькой девочки, сказал:

— Ее тело примет меня, когда придет время.

Сказал, улыбаясь с той самой нежностью, что когда-то наполняла каждый его взгляд, направленный на любимую супругу. Супругу, вот уже много лет почивавшую в усыпальнице рода Кавалено.

Мальчику не раз объясняли, что он и не смог бы послушаться повеления своего отца, каким бы оно ни было, — такова уж участь всех недокровок, особенно при звуке голоса того, кто их породил. Нечего ни стыдиться, ни проклинать, лучше принять предначертанную судьбу как должное. Иакин никогда не собирался делать ни первое, ни второе. Но в тот день решил отказаться и от третьего тоже.

Девочка, заметно млеющая от сильных прикосновений и в эти минуты вряд ли способная что-то видеть затуманенным взглядом, была похожа на свою мать. Похожа настолько сильно, что смогла не только пробудить воспоминания, но и помогла понять истинный смысл обрывков прошлого.

Эррита Имма появилась в Катрале не по своей воле, привезенная кем-то то ли из слуг, то ли из наемников Горге Кавалено, причем привезенная для личного пользования, сразу же

привлекла внимание Кроволивца и ступила на порог нового дома, пройдя по трупу несчастного, отыскавшего в неизвестных краях белокурую красавицу. Она была вовсе не злой и не жестокой, даже наоборот: Иакин помнил мягкое тепло материнских пальцев на своей макушке и тихий покой странно светлых глаз. Но она была женщиной и была влюблена в своего мужа. Влюблена настолько, что не осмелилась перечить его воле и тем самым только лишней раз доказала, что явилась на юг из совсем других земель: оттуда, где женская гордость лишь отражение мужской.

Горге Кавалено был нужен особый наследник, способный стать вместилищем его души. Для всего прочего должен был сгодиться сын, зачатый в первую же, еще добрачную ночь прямо на столе, до которого влюбленные едва успели добраться, путаясь в объятиях и одеждах. Правда, свадьба не заставила себя ждать, и никому даже из недоброжелателей не пришло бы в голову назвать первенца незаконнорожденным. В конце концов, что решает всего один день? А потом еще долго других детей не рождалось. Зато Иакин часто видел свою мать изможденной, измученной, глядящей на супруга затравленно, но по-прежнему влюбленно. Вскоре к ней начали приходить мужчины. Почти каждую ночь. И их было много, мужчин и ночей. Так много, что эррита Имма неуклонно становилась похожей на бледную тень. Пока не растаяла вовсе.

Сын честно оплакивал свою безвременно скончавшуюся мать, но одновременно вместе с ее кончиной в его сердце поселилась спокойная уверенность, сделавшая маленького мальчика удивительно немногословным. Правда, в тот день он едва не онемел навсегда.

Девочка, вставшая на пути беспечального будущего. Зеркальная копия женщины, скончавшейся, потакающая прихотям супруга. Ладони отца на ее плечах походили на крылья, пока еще сложенные, но вот-вот готовые раскрыться и вознести свою ношу на самый верх, туда, где светит яркое солнце и где сбываются мечты...

Иакин не умел сомневаться и в единое мгновение понял: все кончено. Кроволивец Горге приготовил себе настоящую замену, приготовил тщательно, любовно, жертвуя истинно драгоценными вещами, вкладывая в свой труд чувства, и малой толики которых пожалел для единственного сына.

Лус...

Ненависть? Нет, Иакин не испытывал к своей сестре чего-либо подобного. Но, всякий раз взглядом натываясь на точеное личико в облаке коротких светлых локонов, понимал, что не сможет никогда ни простить, ни забыть. Ни Горге, ни ее. И будет только правильно, если дочь последует за отцом.

Да, так будет правильно.

Верховный бальга Катралы отодвинул кисею занавески и, брезгливо щуря глаза, посмотрел на крышу галереи внутреннего двора, по тусклой черепице которой протянулась тень от одной из дозорных башенок. Близился вечер, а с ним и исполнение давно намеченного плана. Если у Танны все уже готово, можно не медля ни минуты...

Иакин с удовлетворением отметил, что пальцы, касающиеся тонкого кружева, остаются настолько неподвижными, насколько это вообще возможно, и плетеный узор колышется, потревоженный лишь дыханием. Впрочем, сейчас и оно казалось лишним посреди покоя огромного кабинета, где стулья, столы и шкафы были расставлены тем особым способом, что легко позволил бы какое-то время держать оборону даже при самом неудачном раскладе сил.

Отец всегда старательно думал о безопасности, этого у него не отнять. Но счастливцев,

получающий почти все на свете без каких-либо стараний, рано или поздно становится слишком самоуверенным. Именно самоуверенность сгубила и Кроволивца Горге, привыкшего считать своего сына таким же слугой, как и все остальные. Таким же послушным и пустоголовым...

Одним ударом рассечь суставы не удалось, пришлось пилить. И как бы Иакину Кавалено ни была в глубине души омерзительна эта кровавая работа, он ни на мгновение не помыслил позвать кого-то на помощь. И потому, что не мог быть уверен ни в ком из обитателей дома, и потому, что, выступая против отца в одиночку, он в одиночку получал всю награду за свое деяние. Позже, когда власть окончательно перешла в руки юного наследника прежнего бальги, помощники нашлись сами. Вернее, помощница.

Танна Тъяри не помнила своих родителей, да и не желала помнить: достаточно было того, что один из них носил в своем теле демона. Это роднило светловолосого мужчину и темнокошую женщину лучше всего другого. Даже лучше чувств, что обычно возникают между людьми. Чувств, которые верховный бальга не испытывал ни к кому на свете просто потому, что не успел их узнать.

— Этот человек опасен.

Она любила войти вот так, неслышно и незаметно, подбирая подол, чтобы платье шелестом не выдало свою хозяйку. Подкрасться, оказавшись на расстоянии не более двух шагов, и что-нибудь проговорить, чаще всего что-нибудь глупое и неуместное. Но сейчас Иакин простил своей верной служанке ее излюбленную вольность. Ведь все это было уже неважно. А вот слова...

— О ком ты говоришь?

Не дождавшись быстрого ответа, верховный бальга недовольно повернулся, но если раньше Танна непременно бы зарделась или побледнела, встречая тяжелый темный взгляд, то в этот раз выдержала его спокойно, словно было что-то другое, куда больше волновавшее женщину, чем гнев господина.

— Этот человек, — повторила она и снова долго молчала, прежде чем добавить: — Вы привели его с собой прошлой ночью.

— Что ты видишь в нем опасного?

— Он человек, — произнесла Танна, перекатывая каждый слог во рту, как камешек.

— Я видел.

Большинство недокровок не считали себя людьми, остро чувствуя собственную ущербность. И зачастую готовы были поставить выше себя ничтожного человека, лишь бы его кровь была чиста, ведь она давала тому шанс стать равным божествам, спустившимся на землю.

Иакин Кавалено был о себе лучшего мнения, но и сам еще во время поездки в паланкине, находясь так близко от чужака, ощущая сонм его желаний всей своей кожей, поймал себя на мысли, что хочет преклонить колена и губами коснуться пыльных сапог. С жителями Катралы было проще, почти все они старательно избегали желаний либо желали одного: спрятаться и скрыться. Даже у эрриты Фьерде желание уничтожить бальгерия было единственным, а вот гость из столицы...

— И он что-то ищет...

— Ищет силу.

Танна качнула головой, будто хотела возразить, но не решилась сделать это вслух.

— Думаешь иначе?

— Ему не нужна сила, я знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Потому что мне сила тоже не нужна.

Женщина шагнула вперед, впрочем так и не осмелившись пересечь невидимую черту, в ее понимании отделявшую верховного бальгу от остального мира. Зато посмотрела так пронзительно, что Иакин невольно сравнил глубину глядящих на него глаз с яростным взором эрриты Эвины. Мысленно, разумеется, чтобы не признавать победу за своей помощницей.

— Что же нужно тебе и... ему?

— Сильный вождь, за которым стоит идти.

— И что же в этом опасного?

— Если тот, кто впереди, вдруг перестанет быть сильным, пусть даже на короткое время...

Танна осеклась, запоздало сообразив, что признается в сомнениях, которые уж точно могут быть опасны, и прежде всего для нее самой, но Иакин смотрел на вещи с иной стороны. Той, на которой не было места женским страхам.

— Не волнуйся об этом.

Опасен чужеземец или нет, не имело значения раньше, да и теперь ничего не решало. А уж когда свершится задуманное, у верховного бальги останется всего лишь один враг. Время. Но без гостя из столицы не обойтись. Если Катралу Иакин знал до омерзения хорошо, то все земли, что простирались дальше, пока оставались загадкой, справиться с которой в одиночку будет сложно.

— Я хотела сказать...

— После. Мы поговорим обо всем после, обещаю.

По щекам женщины стремительно разлился румянец.

Всего одно коротенькое слово, и больше ничего не нужно... Надо же. И значит произнесенное вовсе не то, что она себе вообразила.

Но Иакин не лгал, давая туманное обещание. Он вообще не имел привычки обманывать, потому что с детства усвоил: молчание никогда не бывает правдивым или лживым, а значит, способно прикидываться и тем и другим.

— Ты подготовила сверток?

— Да, эррете.

Она склонила голову, и гладко причесанные волосы глянцево блеснули, оказавшись на пути солнечного луча, пробившегося сквозь неплотно задвинутые занавески.

— Я сейчас спущусь. Жди меня в паланкине.

Женщина еще раз поклонилась и, половину пути до двери пятясь, а другую половину пролетев быстрыми шагами, покинула кабинет. Иакин Кавалено не стал провожать свою помощницу взглядом, вновь уделяя куда больше внимания теням на крыше галереи.

Разговор произойдет. Совсем скоро. Обо всем на свете. И его никому не удастся избежать.

* * *

Глорис не различал дни месяца между собой. Но не потому, что от мига пробуждения до мига, когда закрытые глаза начинали видеть сны, всегда проходило одно и то же количество времени. Нет, просто это самое время изо дня в день текло одинаково. Утренний молебен, дневной молебен, вечерний молебен и краткие часы отдыха между разговорами с

небом — замкнутый круг, из которого невозможно было вырваться.

Нужно было думать о побеге давным-давно, когда совсем юного прибоженного привезли в Катралу. Думать, пока еще жили в памяти смутные образы других краев и других людей, существовавших не одной лишь верой, пока предначертанный путь не превратился из кочковатой тропы в мощенную камнем дорогу. Да, идти стало удобнее и проще. Но впереди почему-то виделся тупик, а не просторы, убегающие за горизонт...

Мысли, текшие с привычной плавностью, вдруг остановились, и Глорис не сразу смог понять, что произошло. А когда понял, голова показалась совершенно пустой. Как главный зал кумирни по окончании последнего за день молебна.

Это слово — горизонт. Откуда оно взялось? Что означает?

Когда-то оно было знакомо и чему-то соответствовало, как и все прочие слова, но куда исчез его смысл? Верно, туда же, куда утекали минуты жизни.

Он знал, что умрет раньше прочих, об этом ему не преминули сообщить сразу же после инициации, дабы вновь допущенный до общения с богами не возомнил себя равным небесным жителям. И Глорис помнил, что это известие его не испугало. Наоборот, показалось вполне уместным. Прибоженный и сейчас не боялся, но...

Тот человек. Чужеземец. Да, он был другим сам по себе, хотя светлыми волосами немного походил на верховного бальгу. Но главное, смотрел по-другому. Смотрел на Глориса не как на сошедшее с небес божество, а как на человека. С уважением, но как на равного. Это было так странно — не ощущать границы, к которой привык за многие годы, просто дух захватывало. Словно еще мгновение назад ты уныло шел по опостылевшему лабиринту, от стены к стене, и вдруг оказался перед зияющим проломом... Он мог вести в бездну или к неприступным высотам, мог скрывать за собой опасность, зато показывал: есть и что-то кроме смыкающихся над твоей головой стен. Есть что-то и за ними.

Глорис мысленно вернулся к разговору с верховным бальгой, разговору о непонятных вещах и заведенному с непонятной целью. Пока голос Иакина звучал в ушах, прибоженный внимал каждому слову, что бы оно ни означало. Но потом, в ночи, окутавшей Катралу, пришли сомнения, оковами повисшие на руках и ногах, и только взгляд чужеземца каким-то странным образом смог их рассеять.

Это как раз удивляло Глориса больше всего остального. Почему незнакомый человек, да еще и приехавший издалека, оказался убедительнее, чем друг детства? Все должно было быть ровно наоборот!

Прибоженный привык верить. Можно сказать, вера была для него способом существования, но сегодня утром словно иссякла, потому что случилось... Ну да, настоящее чудо: дверь, о которой говорил Иакин, все-таки приоткрылась, показав, что выход есть не только в отчаянных мечтах, но и в реальности. И чудо было явлено человеком.

Человеком...

Но если так, значит, и сам Глорис тоже когда-нибудь сможет для кого-то сотворить чудо?

От дерзости собственных мыслей стало одновременно жарко и холодно: струйки пота побежали по спине наперегонки с мурашками.

Мир рушился. На глазах. Еще час назад он выглядел неприступно-незыблемым, а сейчас рассыпался быстрее, чем песчаный замок. Быстрее, чем...

Прибоженный вновь осадил мысль, как непослушного скакуна. Песчаный замок? Это еще что такое? В Катрале не было песка, одна лишь земля, иногда больше похожая на прах.

И из нее никто и никогда ничего не строил. Но если в памяти всплыла пара непонятных слов, значит, мир и вправду больше, чем кажется? Значит, где-то в прошлом были и горизонты, и шелковистый песок, струящийся между пальцами?

Дыхание на мгновение прервалось, а потом нещадно зачастило.

Так вот каков истинный соблазн! О борьбе с ним было легко твердить, пока бороться не приходилось. А что делать теперь, когда где-то глубоко внутри затеплился и с каждым мгновением все сильнее разгорается огонь того, от чего нужно спастись?

Огонь желания. Он оказался совсем не похожим на все представления о нем. Он мучителен, но вместе с тем и безумно приятен. Он словно помогает плоти и духу согреться изнутри, а не снаружи, и кажется, что жара за окнами кумирни беспомощно складывает свое оружие перед незримым пламенем...

Или просто наступает вечер, а вместе с ним час подношений.

Глорис вздохнул и поправил складки своего одеяния, уже не белоснежного, как полагается при проведении молебна, а скромно-пепельного, более подходящего при принятии даров от благодарных молельщиков.

Сколько их будет на сей раз? Чуть более дюжины, как обычно? А лучше бы вовсе никто не пришел. Прибоженный впервые не хотел делать то, к чему его принуждали правила.

Впервые никого не хотел видеть, потому что тогда бы увидели и его. Увидели бы, насколько он смятен и...

Сумерки, постепенно сгущающиеся даже под сводами кумирни, расступились, пропуская знакомую фигуру в черном костюме. Позади виднелась еще одна, но та вместе с чем-то, похожим на сверток, предпочла оставаться в густых тенях.

— Ты ведь нарочно привел его на молебен, да?

Начинать принятие подношений следовало совсем с другой фразы, но Глорис не смог удержаться, хотя тут же пожалел о сказанном, потому что в вырвавшихся на свободу словах оказалось слишком много чувств. И далеко не тех, что должен испытывать прибоженный.

— Нарочно? — Ответный вопрос прозвучал по-настоящему удивленно, как будто Верховный бальга то ли не понял, о чем идет речь, то ли не имел никакой задней мысли, приглашая чужеземца в кумирню.

— Ты хотел, чтобы он подтвердил твои слова. Ты думал, что тебе я не... Не поверю так, как нужно.

Теперь Глорис не спрашивал. А Иакин не спешил отвечать: стоял и смотрел своими темными спокойными глазами. Просто смотрел.

— Ты знал, что я не смогу на что-то решиться. На что-то невозможное. А тот человек показал: выход есть. Много выходов. — Прибоженный старался говорить медленно, придавая каждому слову значение, но дыхание то и дело предательски срывалось, оборачиваясь всхлипами. — И когда я понял, что есть земли, где люди живут иначе, чем здесь, я... Я больше не могу жить, как прежде. Я хочу...

На последнем слове Иакин очнулся от бесстрастного созерцания и поднял правую ладонь:

— Остановись.

— Но почему?

Станный приказ друга, раньше тотчас же исполненный бы, теперь заставил возмутиться, заставил почувствовать ограничение свободы в сотни раз острее, чем прежде.

— У тебя появилось желание. — Верховный бальга, казалось, стал еще спокойнее, чем это возможно. Или сосредоточеннее? Это хорошо.

— Разве? — горько усомнился прибоженный. — Почему же тогда в молитвах всегда повторяется обратное? Почему они говорят: желать — все равно что губить себя собственными руками?

Иакин должен был улыбнуться. Если бы он улыбнулся той самой улыбкой, что совсем недавно посещала его губы, все бы изменилось, Глорис чувствовал это. Все бы вернулось назад, к привычному, хоть и до смерти надоевшему порядку. Вокруг снова выросли бы непроглядные стены, сохраняющие покой, и...

Покою прибоженному больше не хотелось. Но он ждал, что уголки губ верховного бальги вот-вот приподнимутся. Боялся — и все-таки ждал.

— Для тех, кто остается здесь, желания всегда будут запретны. Для тех, кто уходит...

Иакин не улыбнулся. Напротив, сейчас он выглядел серьезнее, чем когда-либо. И увереннее. Можно сказать, уверенности в выражении его лица хватило бы даже не на двоих, а на добрую половину жителей Катралы. Если этим жителям, конечно, вообще когда-либо требовалась уверенность.

— Это правило, которое нельзя нарушать!

— Но можно установить другое. Действующее только для тебя одного.

Глорис почувствовал, что почти задыхается, а бальга, подойдя на расстояние вытянутой руки, продолжил:

— Правила придумывают люди, и это ты должен знать лучше всех нас. Ты же разговариваешь с богами. Как часто они отвечают тебе? Да и вообще, ответили ли хоть раз?

Он произносил кощунственные вещи, и все же он был прав. Прибоженный хотел бы поспорить, он чувствовал, что именно сейчас спор не только уместен, даже необходим, вот только чего-то не хватало. Может быть, сил. Может быть, веры.

Они ведь и правда молчали. Иногда казалось, что ответ вот-вот раздастся или уже раздается, просто звуки далеких голосов не долетают до ушей преданного слуги божьего. Были лишь дуновения теплого воздуха, но кто создавал их?

Не молеельщики ли, послушно повторяющие слова за своим духовным поводырем?

— Ты богохульствуешь...

Иакин насмешливо приподнял левую бровь.

— Ты... — Глорис понимал, что и сам не верит собственным словам. Все, что так долго и упорно вдальбивали ему в голову, оказалось горсткой праха, развеянного случайно залетевшим под своды кумирни свежим ветерком. — Ты...

— Я пришел за тобой, как и обещал.

И тут слова закончились. Совершенно некстати, потому что прибоженному именно сейчас захотелось рассказать обо всем, что он испытал за прошедший день.

Оставалось только молча, одним лишь взглядом попытаться спросить...

«И что дальше?»

— Ты хотел увидеть другие земли? Ты их увидишь. Твое желание исполнится. Но у меня тоже есть желание. Понимаешь?

Глорис кивнул, сглатывая густую, как сироп, слюну.

— Там, куда мы пойдём, будет много разных людей. И не все будут нам рады. Но я не хочу причинять кому-то вред, я хочу... Говорить с ними. Говорить так, чтобы они слушали и слышали меня. Тогда кровь не прольется. Ни капли крови. Слова могут быть сильнее оружия. И они не отнимают жизни.

С этим прибоженный был согласен, хотя что-то в речах верховного бальги

настораживало. Какая-то мелочь, прячущаяся за правильными утверждениями. Но огонь еще не оформившегося желания жег все сильнее, мешая думать.

— Моего голоса может не хватить, чтобы поговорить со всеми. Мне нужна помощь. Помощь друга.

Друга... Он на самом деле произнес это слово?!

Глорис почувствовал, как внутренний жар прорывается наружу, наверняка выступая алым румянцем на щеках. Это было немного стыдно, так прилюдно показывать свое счастье, но о приличиях теперь можно было забыть.

— Мне нужно, чтобы мои слова добирались не до разума, а до самого сердца. Ведь только сердце способно поступать правильно.

— И что я... должен сделать?

— Всего лишь захотеть.

— И только-то?

Верховный бальга приподнял вторую бровь, став похожим на растерянного ребенка. Глорис хотел было объяснить ему, как это легко — захотеть, но вместо этого махнул рукой и мысленно шагнул в марево, предваряющее костер желания.

Языки невидимого пламени обступили прибоженного со всех сторон, только ничуть не обжигая, а ластясь, словно верные псы, сплелись коконом, сжимая своего хозяина в крепких объятиях, сдавили, лишая зрения, слуха, дыхания... Но милостиво не отнимая дар речи. Милостиво позволяя прокричать в тишину кумирни:

— Я хочу нести твои слова в сердца людей!

И сейчас...

Из двух занятий, помогающих скоротать время, — утешения рыдающей девицы и безмятежного сна в тишине и покое, я выбрал сон. Правда, полностью безмятежным он не получился, и опять-таки благодаря женщине. Которой в моей постели на сей раз не было. Благодаря благороднейшей из благородных.

Верховный бальга ничем не показал своей обеспокоенности, а ведь следовало бы, по меньшей мере, задуматься. Не каждый день посреди вроде бы покорного тебе города устраивается безумный танец с кроваво-красными платками, недвусмысленно намекающий на дела давно минувших дней.

Только приезжий мог оставить странное представление без внимания. Только я, если быть точным. Но я-то к этому времени уж услышал печальную историю о сошедшем с ума и устроившем резню демоне. И может быть, именно из-за свежести впечатлений уделил происходящему куда больше внимания, чем должен был?

Нет, ерунда. То, что случилось на площади, в хрониках обычно называют «народными волнениями». Называют, конечно, потом, когда высыхают и чернила под приказами о казнях, и пролитая кровь. Пусть Эвина Фьерде не совсем «народ», а скорее предводительница второго крыла местной знати, у нее есть поддержка, и значительная. На площади танцевали многие, а вот темные камзолы с красными пряжками на груди мне что-то не припоминаются.

Это был вызов. Объявление войны, если угодно. Серьезное, продуманное, непоколебимое. Теперь кто-то из противников должен был сделать первый шаг. Кто-то должен был броситься в атаку. И почему-то мне казалось, что этим первым станет именно верховный бальга. Даже при очевидной недостаточности сил.

Другой на его месте сейчас либо сгорал бы от бессильной злости, либо раздумывал бы о

побеге, либо яростно искал бы оружие, способное сокрушить врагов. А как ведет себя блондин? Он спокоен, бесстрастен, скупен. Что все это может означать?

Первое: раз выходка Эвины не разозлила верховного бальгу, значит, он считает новоявленную опасность детской шалостью.

Второе: бежать он не собирается.

Третье: у него уже есть необходимое оружие.

Каков итог? В какую бы минуту ни разразилась война в Катрале, надежнее оставаться на стороне эрте Кавалено и его приспешников. Даже учитывая, что я здесь чужой для всех, есть небольшая, зато значимая разница между одной и другой противоборствующей стороной.

Благороднейшая из благородных сначала использовала меня и лишь потом сочла необходимым мимолетно отблагодарить, а чуть позже и вовсе забыла о моем существовании, поглощенная собственными тревогами. А ведь тогда она все еще могла бы заручиться поддержкой пусть и чужака, но честно платящего по счетам...

Как поступил бальга? Позволил мне перейти в свой лагерь без всякой предварительно оказанной услуги. Спасение жизни таковой точно не являлось, потому что было случайным и, главное, скорее стоило того, чтобы его скрывать от всех — и от друзей, и от врагов. Лично я бы на месте Иакина приказал избавиться от меня сразу же, как только верные слуги пришли на зов. Избавиться прежде всего потому, что чужеземец стал свидетелем человеческой уязвимости правителя города. Но бальга поступил иначе. Показал, что у каждого из нас своя дорога и они необязательно должны пересечься.

Да, он несомненно собирается меня использовать. С какой целью? Неважно. Пока она существует, меня будут держать рядом, а это именно то, чего я и хотел добиться.

Итог размышлений выглядел успокоительным и разумным, потому следом за ним пришел крепкий сон, лишенный каких бы то ни было сновидений. А когда я открыл глаза, мне даже показалось сначала, что наступило утро: сквозь ажур решетки в комнату проникали яркие лучи света. Вот только, чуть присмотревшись, пришлось удивленно нахмуриться, потому что свет был, но отнюдь не солнечный.

Застегивая камзол, я подошел к окну и за несколько мгновений насчитал несколько десятков маленьких солнц, зажегшихся во внутреннем дворе.

Факелы. А они не вспыхивают сами по себе, только по воле людей, которые...

Я не успел присмотреться внимательнее: позади распахнулась дверь.

— Вас зовут вниз.

Голос Танны чуть подрагивал, но, поскольку я не пытался сейчас смущать ее смелыми фантазиями, причиной волнения явно было что-то другое.

— Что-то случилось?

— Эррете Кавалено хочет говорить.

Хм, если вдуматься, как это звучит, ожидается что-то вроде торжественного выступления. А почему на ночь глядя?

— Не слишком ли поздний час... для разговоров?

Она не ответила, просто повернулась и пошла по коридору, даже не дожидаясь, когда я последую за ней.

Приступ гордости? Я уже замечал за помощницей бальги подобное, но не настолько явное. Похоже на то, будто женщина в одночасье вдруг заполучила некое могущество, возвысившее ее над всеми остальными. Блондин наконец-то снизошел до близости? Верится

с трудом. Значит, случилось что-то куда более значимое. Неужели...

По дороге во двор я старался не думать о дурных предчувствиях. Вообще старался не думать, хотя это могло оказаться опасным, если недокровка столь чутко ловила все мои ощущения. А когда шагнул на брусчатку под шипение горячей смолы, капающей с факелов, понял, что теперь чувства можно больше не скрывать. Хотя бы потому, что при таком скоплении народа рано или поздно начинаешь вести себя как все остальные.

Их было много. Не настолько, чтобы назвать армией, но вполне достаточно, чтобы устроить в городе заварушку. Примерно пять дюжин мужчин в возрасте до сорока лет, облаченные в одинаковые черные костюмы. Вряд ли это была вся бальгерия в сборе, скорее только особо избранные, и в пользу этого предположения говорило выражение лиц собравшихся. Все стоящие во дворе выглядели опытными и умелыми бойцами. Все были сосредоточены, не обменивались даже невинными фразами и уж тем более шуточками, подходящими к случаю. И все были вооружены, конечно же.

Два длинных ножа на каждого — итого более сотни клинков, а это уже неплохо. Можно и повоевать. В том, что грядет война, я уже не сомневался. И если блондин решил ударить по противнику первым, собранных сил может оказаться вполне достаточно. Но окажется ли этот удар неожиданным, вот в чем вопрос.

Они наверняка добирались до дома Кавалено скрытно, прячась по теням и узким переулкам. И все же из пяти дюжин людей, о чьей принадлежности к бальгерии известно всему городу, хотя бы один мог попасться на глаза лазутчикам благороднейшей из благородных. Нет, должен был. Значит, в это же самое время поместье Фьерде наверняка тоже походит на потревоженный улей. Или лишь немного запаздывает в готовности по сравнению с войском бальги, ведь тот успел начать сборы раньше.

Сборы... А кстати, зачем они понадобились? Не проще ли и надежнее было разнести приказы исполнителям? Тогда начало войны уж точно оказалось бы внезапным. Да, я бы, пожалуй, сделал именно так: заранее наказал бы солдатам быть наготове, а потом, выбрав наиболее удобный для нападения момент, отправил бы каждому условный знак. Которым мог бы стать, к примеру, большой огонь. Или что-то другое. Неважно. Нет ничего страшнее ожидания атаки, и, если бы бальга выбрал такую тактику, благороднейшая из благородных и ее люди оказались бы измотаны раньше, чем и вправду начались бы боевые действия.

Он не таится от врагов. Почему? Или самоуверен, или по-настоящему силен. Но чем?

— Время слишком позднее... — безучастно произнес блондин, появляясь наверху лестницы, ведущей с галереи во двор. — Но время не ждет.

Он спустился примерно до середины, так чтобы и находиться близко к своим соратникам, и в то же время являть собой точку притяжения всех взглядов. Он не выглядел ни торжественным, ни грозным, ни решительным: все в чертах бальги оставалось прежним, спокойным и равнодушным.

— Не все из вас были сегодня утром на площади перед кумирней. Но все вы знаете, что там произошло.

Хоть бы чуть-чуть добавил чувства в свои слова! А впрочем, может, так и надо? Может, надо оставаться именно безучастным, чтобы показать свое пренебрежение надвигающейся опасностью? Да, подобное поведение командиров тоже имеет успех. Только реже, чем пламенные речи. Намного реже.

— Эррита Фьерде выступила против меня. Против бальгерии. Против закона. А закон гласит...

Белые крылья просторного одеяния взметнулись над ступенями, и, думаю, каждому из людей, стоящих во дворе, пригрезилось, что за спиной хрупкого юноши, невесть каким чудом оказавшегося посреди ночи в доме Кавалено, высится разноцветный витраж кумирни.

— Закон гласит, что любое преступление должно быть искуплено трижды. Трое держат ответ перед законом. Первым отвечает сам преступивший. Вторым отвечает палач, исполнивший свои обязанности. И третьим всегда отвечает судья, вынесший приговор.

Как зовут этого мальчика? Глорис? А следовало бы именовать гласом божьим. Мне доводилось слышать многих людей, искусно владеющих своей речью, но никто из них не внушал такого благоговения, как скромный прибоженный из захолустного городка.

Его слова не звучали — они текли. Горячей смолой прямо в сердце.

— Никакое деяние не остается без наказания: об этом заботятся боги. Но в доброте своей и щедрости владыки небесные не разделяют преступивших между собой. Все мы дети божьи, и все мы равны перед своими родителями.

Голос журчал ручейком, ловко пробирающимся между камнями извилистого лесного русла. Проникал во все потаенные уголки плоти. Казалось, тек внутри меня вместе с кровью и постепенно становился ее частью, все большей и большей, чтобы в какое-то из мгновений заменить полностью.

— Она будет наказана, эта слабая женщина, возомнившая себя сильной. И будет наказана не за собственную гордыню, а за то, что смутила и сбила с истинного пути других людей. Тем страшнее ее вина. Тем тяжелее ее преступление. И боги однажды сожмут свою длань в кулак, чтобы покарать... Но сколько из заплутавших в чужом обмане сохранят свою жизнь к тому времени?

Он все говорил правильно. Но гораздо важнее было то, что он говорил одновременно со всеми нами и с каждым в отдельности. По крайней мере, мне казалось, что черноволосый юноша стоит напротив, близко-близко, так, что можно поймать его дыхание.

— Когда боги медлят, люди должны сами набираться смелости стать судьями и палачами. Труднее прочих приходится тому, кто отвечает последним, и я говорю вам: она виновна! Я приговариваю женщину по имени Эвина Фьерде к тому, что некогда настигнет каждого из нас. Смерть никогда не отказывается от своей добычи, и мы лишь поможем ей затравить зверя.

Чистый восторг юности, смешанный с седой мудростью опыта. Это уже не человек. Не знаю, кто именно, но Глорис, которого я видел в кумирне, и Глорис, чья речь льется на меня благословенным дождем небесным, не одно и то же. И если его преобразование — дело рук божьих, я...

Готов уверовать. Сейчас и навечно.

— Я не буду лгать: вы станете палачами. Но вы станете и дланями божьими. Вы исполните то, что предначертано свыше. Ее, погрязшую в лживых горестях, уже не спасти. И кто знает, как далеко распространилась зараза, порожденная ее сердцем? Может статься, что все, волей судьбы оказавшиеся рядом с Эвиной Фьерде, ступили на путь греха. Вы узнаете их. Узнаете отступников по тому, как они вас встретят — пустыми руками и чистыми душами или наточенными клинками.

Да, узнать будет легко. Очень. Может быть, кто-то из них сообразит, как спастись от смерти, но, думаю, гордость победит. Она всегда побеждает. И слуги благороднейшей из благородных не опустят оружие, а значит...

Пусть прольется кровь!

— Вы ответите за их гибель. Ответите так, как сможете. А потом буду отвечать я. За всех вместе.

И я верю тебе, судия. Ты ответишь. Возможно, примешь на себя больше, чем понимаешь в эти минуты. Но можешь быть уверен: я не подведу. Не заставлю брать на себя ответ за мои грехи.

— Скоро вы шагнете на тропу, недостойную человека. Я не буду лгать вам, и вы не лгите себе. Нет ничего страшнее греха смертоубийства, особенно когда он складывается с другими грехами, груз которых уже лежит на ваших душах и ваших телах. Слова молитвы помогут очистить души, и это моя забота. Но грех плоти... Он смывается только плотью.

Что еще за грех? Не припомню за собой ничего похожего. Впрочем, судие виднее, а мне остается только внимать.

— Плотью, что была истинно невинна. Плотью, что была рождена для исполнения долга. Плотью, что примет в себя ваши грехи. Плотью, что станет навеки закрытым сосудом...

Одно из слов резануло слух. Все равно что нож брадобрея сорвался с твоей щеки и полоснул по шее.

Сосуд? Нет, только не он. Я не помню, что означает это слово, но я чувствую: оно омерзительно. Оно воняет грехом, но не запертым внутри, а оставшимся где-то снаружи.

— Сосудом, покорно ожидающим наполнения...

Она шла по галерее очень медленно, словно боялась попадать в полосы света между колоннами. Или словно боялась поранить босые ступни. А может, потому, что дрожала от холода, ведь на дворе была ночь, пусть и наполненная факелами, и воздух, касавшийся обнаженной кожи, наверняка казался слишком холодным той, что привыкла к тяжести черного одеяния.

Она остановилась на самом верху. Замерла над ступенями, растерянно глядя куда-то вперед, а значит, поверх наших голов. Куда-то в закрытые решетчатыми ставнями окна второго этажа.

Она не старалась прикрыть свою наготу, наоборот, руки безвольно висели вдоль тела, даже пальцы были расслаблены. А короткие локоны белокурых волос, влажно облепившие голову, будто еще больше подчеркивали незащищенность девушки, которая, казалось, не понимала, что происходит.

Лус Кавалено готова была выполнить приказ. Сейчас она наконец-то знала, что делать, хотя это знание снова стало заемным.

— Но есть грехи, которые нельзя искупить с чьей-то помощью, — продолжил Глорис, и прежний ритм его речи вдруг сбился, зато начал рождаться другой, разительно отличный от предыдущего. — Я мог бы провести тебя через коридоры молитвы, предатель. Я мог бы очистить твое тело любовью и ненавистью. Я мог бы помочь. И все же помогать не стану, потому что искупление всегда должно быть искренним. По собственной воле. И если ты не поймешь, что совершил, любые усилия будут тщетны.

Сейчас прибоженный снова говорил вроде бы со всеми присутствующими, но я больше не чувствовал его внимание на себе. И невольно начал озираться по сторонам, равно как и мои соседи.

— Ты знаешь о своем преступлении. Но видишь ли ты всю его глубину? Узри же!

Последние слова прозвучали почти что громом, и один из черномундирников вдруг

рухнул на колени, утыкаясь лбом в брусчатку.

— У зри же и ужаснись!

Коленопреклоненного сотрясало рыданиями, как лихорадкой. И неудивительно, что мы расступились, стараясь оказаться как можно дальше от человека, только что обвиненного в неизвестном нам, но несомненно страшном преступлении.

— Ты предавал своих собратьев по оружию. Ты прятал свое истинное лицо под маской дружбы и преданности, сам служил врагу. Ты преступил не закон города, а закон людей, появившийся на свет в те времена, когда городов здесь не было и в помине. Чем карается предательство?

Он спрашивал, но не у нас, а у того, кто сжимал сейчас свою голову скрючившимися пальцами.

— Чем карается предательство?

— С... см...

— Я не слышу ответа!

— Смер...

— Я не слышу ответа!

И пусть эти слова относились не ко мне, я невольно произнес, хоть и одними губами, то, что желал услышать божественный судья. И не только я один: те, кто стоял рядом, те, чьи лица я мог видеть, шептали. Все громче и громче. А потом нарастающий гул разорвался криком:

— Смертью!

Крикнул сам обвиненный. Крикнул и поднял голову. По его щекам текли слезы, но глаза... Они могли быть какими угодно: испуганными, озлобленными, ненавидящими — и все же они были счастливыми. Как будто вместе со страшным словом куда-то прочь умчались все страхи и тревоги.

— Смертью.

Он поднялся, пошатываясь. Обвел взглядом наши ряды, словно что-то рассеянно ища, потом медленно двинулся вперед. К стене галереи. А когда между ним и каменной кладкой осталось шагов двенадцать, побежал.

Никто из нас не вздрогнул. Никто не подумал о том, что преступник собирается сбежать, потому что все знали: вершится правосудие.

Он ударился о стену со всего размаху. Ударился корпусом и отчасти головой. Брызнула кровь, но раны пока еще не были смертельными. Тогда он вновь отошел назад и вновь разбежался. Еще раз. И еще. Он бросался на стену до тех пор, пока в последний раз не отшатнулся и ноги не перестали его держать. Но и тогда приговоренный не отступил. Он подполз к стене, встал на колени, ухватился за выступающие из кладки края камней и изо всех оставшихся сил ударился лбом.

Череп раскололся. С противным треском. Нет, мозги не вылетели наружу, да и самоубийца остался стоять на коленях рядом со стеной, но все мы знали: он мертв.

Возмездие пришло.

Преступник наказан.

— Он был худшим среди вас. Единственным, недостойным помощи. А всех прочих я проведу над бездной греха к искуплению. Но прежде чем обратиться к душе, надо заглушить голос плоти.

Лус чуть покачнулась, как будто в речи прибоженного прозвучало что-то важное,

касающееся ее одной, и начала путь вниз по ступеням. Прошла мимо Глориса, мимо своего брата, отрешенно стоящего с полуприкрытыми веками, ступила на камни двора, и я почему-то подумал, что нечто подобное уже происходило. Не со мной, но точно вокруг. Была женщина, и были мужчины, вождевшие ее. Правда, тогда я всего лишь смотрел, а сейчас...

— Сосуд сам выберет первого, кто взломает девственную печать. И вы примете его выбор.

Лус шла между мужчинами, чуть шевеля губами, словно что-то шепча на ходу. И она не смотрела никому в глаза. Совсем никому. А когда приблизилась ко мне, я услышал сдавленное и по-детски испуганное:

— Я не знаю, что мне делать...

Зато я знал. Хотя бы в эту самую минуту.

Узел седьмой

Где-то...

За окном темнеет. За узким, наполовину заложенным камнями проемом — единственным источником света в моей комнате — заканчивается день. День, открывший передо мной сокровищницу знаний. Только блеск золота в ее сундуках не проясняет зрение, а слепит глаза.

Я ничего не могу понять. Стараюсь, мысленно занимая место то одного, то другого участника рассказанных мне историй, но все тщетно.

Зачем бежать из родного мира, чтобы в чужом оставаться все тем же самолюбивым, самоуверенным и жестоким существом? Зачем кровью других устанавливать свою власть за гранью этого странного сна? Может быть, правильнее было бы проснуться там, дома? Проснуться и наконец начать делать то, что считаешь нужным?

За окном темнеет. Скоро наступит ночь, за ней придет утро, а где-то позади этих двоих уже строит неведомые планы новый день. Что он готовит мне? Да и есть ли вообще разница в том, что может случиться?

Меня не станут вечно держать в детском теле, это понятно. Скорее всего, поступят так же, как с Себерро, только найдут подходящее желание и человека, который его пожелает. Куклу. Тогда я либо опять попаду в ловушку, либо вступлю в сражение с чьей-то душой, чтобы победить и... И постараться овладеть новой плотью.

Сражение. Это слово только звучит заманчиво, а на деле обещает новый приступ скуки. Мне ведь уже обо всем рассказали, не так ли? Пусть не открыли всех секретов, но дали понять, в каком направлении надо искать ключи к сундуку победы. А может быть, эсса Рен оказался даже чрезмерно щедрым. В конце концов, сторонники нужны всем. Особенно обязанные жизнью сторонники.

Кто-то любит ночь, кто-то ее боится, мне же все равно, светло или темно перед глазами, потому что я знаю: мрак может сгуститься и посреди самого яркого солнечного дня.

Так было, когда меня известили о Либбет, совершившей ту нелепую глупость. Моя племянница с детства не отличалась глубоким умом, но не должна была вступать во «врата мечты». Зачем? Почему? Я ломал голову над множеством возможных ответов. А после возвращения спрашивать было бесполезно. Наверное, ей тоже стало скучно жить, и она сбежала в... В сон за гранью реальности.

Здесь возможно все, если верить Себерро Рену. Но с другой стороны, если верить ему же, по ту сторону «врат» ничего не меняется. Просто возникает новое поле, уставленное фигурами, а игроки-то те же самые.

Мы.

Вечер, вечер, вечер... Только он один не слушается ничьих просьб и приказов. Только он придет: сегодня — ко мне, завтра — к кому-то другому.

Кто знает, может, меня просто убьют? Все те часы в обществе недокровок я не чувствовал, чтобы во мне хоть кто-то нуждался. Даже как в расходном материале. Держат при себе, чтобы не дать шанс какому-нибудь смельчаку, и только. Или на тот случай, если с моим предшественником что-то не заладится. А едва удостоверятся в успехе, убьют. Да. Наверняка. Но... Это стало бы самым приемлемым выходом.

Я не хочу воевать со своими соплеменниками. И уж тем более не хочу воевать с теми,

кто по праву рождения живет в здешних краях. Да, война способна развеселить дух и разбередить кровь, но лишь случайная, нежданная, непредсказуемая. А осознавать, что тебя ждут годы, состоящие из одних сражений... Скучно.

Стать хозяином какого-нибудь клочка земли? А дальше? Владения хороши для поколений, сменяющих друг друга, но здесь невозможно продолжать свой род, А если все же решишься, получишь в наследники вечно озлобленных или рабски покорных недокровок. Да и нести в себе они будут не твою кровь, а кровь сломанной тобой куклы. Темнота становится все гуще.

Зачем мне здесь жить? Зачем прыгать из тела в тело? Зачем умирать и снова рождаться? Смерть должна происходить лишь однажды, иначе жизнь перестает иметь цену. Туда-сюда, туда-сюда, как маятник... Себерро Рен никогда бы не признался даже самому себе, что стал часовым механизмом. Причем ущербным, ведь, когда завод кончается, приходится начинать все сначала уже среди других шестеренок. Неужели он ни разу не пытался повернуть ключ? Или решил, что проще давить чужую волю, а не помогать ей? Так на него скоро перестанет хватать кукол. Он же разборчив, если будет выбирать сам, возьмет не каждое тело, значит, рано или поздно окажется в тупике. Но пока эсса Рен живет одним мгновением, и ему этого достаточно.

Одним мгновением и для себя одного. Вот и ответ. Только что мешало делать это дома? Присутствие более сильных и могущественных персон рядом? Ну конечно. Не смельчаки проходят за «врата мечты», нет. Трусы, обиженные и обозленные на весь мир. А я не хочу находиться среди таких.

Почти ничего не видно. Но пальцам не нужен свет. Они легко справляются без помощи глаз, разрывая на полосы грубое полотно рубахи.

Я не примкну к твоей армии, Себерро. Не дождешься. Ты говорил, что умирать будет больно? Что ж, потерплю. Я ведь уже знаю, каково это. Это тебе наверняка было трудно в первый раз покинуть тело куклы, ты же пришел в этот мир по пути «вдоха», а я очень хорошо помню лезвие, взрезающее плоть. Мою плоть. Живую. Родную. Любимую.

Ты так долго живешь здесь, эсса Рен, что уже забыл о своей родине. Забыл о славе империи Дайа, славе, складывающейся из доблести и чести ее подданных. Забыл о главной заповеди, существующей с незапамятных времен. Правда, сейчас о ней многие забыли. К примеру, те, что распяли меня на пыточной скамье. Зато я помню. Помню по рассказам отца, хмуро глядящего в глубь бокала, на дне которого осталось всего несколько слез крепленого дарриваса...

Настоящий имперец никогда не поднимет оружие против другого имперца. Даже рискуя жизнью. Когда-то этот закон помог Дайе родиться и вырасти. А исчезая, уведет за собой в небытие и империю.

Я не стану драться с подданными моего императора. Я не стану примыкать к беглым трусам. Просто? Да. И главное, когда две дороги с перекрестка становятся для тебя непроходимыми, ты легко и смело шагаешь на оставшуюся. На свою последнюю дорогу...

Это не мое тело. И оно никогда не станет моим. В лучшем случае перестанет жать под мышками и в талии.

Это всего лишь одежда, ссуженная на время. И где-то в ее складках прячется прежний хозяин, мальчик, который хотел научиться бегать.

Я бы рад вернуть тело тебе, малыш. Но рядом нет того, кто бы умел изгонять демонов. Да и где его искать? Я не выйду за ворота этого дома. Меня попросту не выпустят. А

драться... Извини, не получится. То, что хранится в моей памяти, не применить к твоей плоти, это я давно уже понял. Нужны годы работы, а их в моем распоряжении нет.

Не все полосы получаются одинаковыми, некоторые приходится сплестать вместе, но, думаю, они выдержат. В конце концов, ребенок весит немного. Главное, чтобы прочности веревки хватило для рывка. И еще нужно найти место.

За окном вспыхивает и не гаснет зарница. Еще одна. Новый день настает раньше срока? Быть того не может.

Цепляясь за камни, лезу вверх. Туда, где заканчивается кладка и начинаются деревянные плашки решетки. Хватаюсь за одну из них и чуть не падаю обратно в сопровождении насмешливого треска. Остатки ставен совсем разошлись, надо же... Но рама должна выдержать. Нужно только закрепить веревку.

За окном собираются люди. Много людей. И все они серы, как женщина по имени Танна. Забавно смотреть; свет факелов желтый, белый, красноватый, а люди серые. Впрочем, не все. Вон там среди них тот, разноцветный. Правда, и он сейчас словно приглушил собственные краски, но все же я бы смог отыскать его в толпе. Даже с закрытыми глазами.

Еще один серый на лестнице. Что-то говорит, потом замолкает, и света вдруг становится больше, как будто зажигается еще один факел. Вот только этот свет...

Я помню его. Не могу не помнить, потому что точно так же сиял Себерро Рен в грязном подвале. Только теперь лучистое сияние проистекает из другого, намного более юного тела. Вместе с голосом. Голосом, пробирающим до костей...

Если слов серого человека я толком не мог расслышать, то эти чувствую кожей. И даже тем, что находится под ней. Они зудят, ноют, как свежие царапины, пытаются зарыться в плоть, словно личинки, чтобы там, внутри, окрепнуть, вырасти и...

К горлу подкатывает тошнота, но мой желудок давно уже пуст, и с губ срывается только горькая слизь, а сразу же после вынужденного отхаркивания становится ощутимо легче. Я все еще внимаю каждому слову из уст юноши в странной белой одежде, но теперь звуки голоса обтекают меня, а не пробивают насквозь.

Он говорит, говорит, говорит... Что-то о преступлении и искуплении. И люди, слушающие его, стоят неподвижно, словно боятся пропустить мимо ушей хоть один звук.

А потом появляется она. Хрупкая, почти прозрачная, наполненная жемчужно-белым сиянием.

Пряди светлых волос, на которых огонь факелов оставляет золотистые блики. Словно изможденное долгим воздержанием от еды и питья тело. То ли бесстрастное, то ли безразличное лицо и взгляд, не находящий своей цели. Как все это мне знакомо. Как все это...

Либбет?! Невозможно! Она не могла оставить здесь свою кровь. А даже если и могла... Нет. Это не она и не кто-то из ее потомков, потому что девушка, стоящая наверху лестницы, не недокровка. Правда, и желаний в ней нет, совсем нет, ни одного, самого крохотного, И все же это человек. Возможно, идеальная кукла, которой можно велеть сделать все, что угодно. И сейчас она тоже покорно исполняет чей-то приказ, иначе не пришла бы на двор, полный мужчин, без клочка одежды.

А тело, принявшее в себя демона, все вещает. И если бы меня не затошнило еще раньше, то сейчас уж точно вычистило бы. Вывернуло бы наизнанку, потому что теперь я понимаю, зачем двойник Либбет начинает медленно спускаться по лестнице.

Это ведь твоя идея, Себерро? Или ты еще не до конца завладел новым телом? Впрочем, какая разница? Это чудовищно. То, что будет сотворено твоими усилиями, хуже преступления, упомянутого в пламенной речи. Ты призываешь надругаться над невинной девушкой.

Девушкой, так похожей на...

Я ничего не могу сделать. Любой из этих мужчин убьет меня небрежным ударом кулака. Но может быть, моя смерть что-то изменит? Может быть, заставит одуматься хотя бы одного из них? Хотя бы первого, кто осмелится дотронуться до испуганно дрожащего тела?

Плашки решетчатых ставен поддаются сначала неохотно, потом все легче и легче. Пальцы полны заноз от щепок, только думать о боли некогда. Надо спешить. Надо успеть...

А веревка все же пригодится. Чтобы спуститься с другой стороны окна.

Здесь...

Человеку свойственно время от времени задумываться о будущем хотя бы для того, чтобы немного помечтать о собственных блистательных победах или поражении заклятых врагов. Многие и вовсе начинают каждый свой день с построения планов, правда, обычно все любовно просчитанные тактики не доживают даже до вечера. И лишь для очень редких людей не существует такого слова, как «будущее».

Верховный бальга Катралы перестал думать о завтрашнем дне сразу же, как исполнил свое... нет, конечно же не желание: желания недокровка изгнал из своей души прочь давным-давно. Намерение. Потому что оно удалось лучше, чем можно было мечтать.

Иакин исполнил все в точности, как рассказывал либо недоговаривал отец, а, надо признать, Кроволивец Горге лукавил или помалкивал куда чаще, чем бывал искретен. Но своему сыну, вольно или невольно, он передал очень полезную способность делать выводы. Пусть не слишком глубокие, скорее синоминутные, зато невероятно пригождающиеся в эту самую минуту. Будущий верховный бальга много наблюдал за своим предшественником и сумел разглядеть и осмыслить главные заповеди пленения демонов.

Желание должно быть простым.

Желание должно быть горячим.

И больше всего Иакина Кавалено устраивало то, что оба необходимых условия удачной охоты зависели только от него, от охотника, а не от кого-то другого.

Верховный бальга Катралы привык, что в его присутствии люди слегка робели. Неважно, влиял ли на жителей города кровавый шлейф воспоминаний о деяниях отца или же нынешние заслуги сына, какими бы они ни были. Главное, каждый человек, оказавшийся вблизи от Иакина, больше думал о том, чтобы благополучно убраться восвояси, а подобные мысли — лучшая заготовка для внушенного желания. Вот только «желать за» таких ничтожных людей было омерзительно. Собственно говоря, поэтому наследник Кавалено не считался с горожанами, как с равными себе. И именно поэтому выбрал для исполнения своего намерения того, кто никогда не старался убежать. Выбрал человека, который, наоборот, стремился всегда находиться, рядом. И выбор оказался правильным.

Верховному бальге не нужно было смотреть на Глориса, произносящего свою лучшую и, без сомнения, самую берущую за душу проповедь. Не нужно было смотреть на лица собравшихся во дворе людей и искать в глазах, устремленных на прибоженного, веру и преданность. Иакин не нуждался в подтверждениях, чтобы убедиться: все происходит как задумано.

Поначалу, в самый первый миг, когда перемещение демона состоялось, бальге

показалось, что он совершил ошибку, что надо было настаивать на каком-то другом желании или внушать другие слова. Даже показалось, что все прошло впустую. Особенно когда Глорис посмотрел на него испуганно-растерянным взглядом и спросил:

— И что теперь?

— Теперь мы пойдем отсюда.

— Куда?

— В другое место.

— Но я... Я не могу. Я...

Вот тогда Иакин по-настоящему разозлился. Сколько времени было потрачено на уговоры, и все без толку? Опять начинается старая песня?

— Ты пойдешь со мной. Скажи себе это. Скажи громче и повтори дюжину раз, если до сих пор не понял!

Глориса пошатнуло неожиданным всплеском ярости человека, который никогда ни на кого не повышал голос. Но именно эта встряска заставила прибоженного послушно выполнить приказ. Сказать, обращаясь к самому себе:

— Я пойду с тобой.

А потом темные глаза засияли восторгом, и Иакин понял: получилось.

Теперь он всего лишь стоял рядом и шептал, зная, что каждое слово долетит до слуха Глориса, будет повторено, наполнено новой силой и доставлено туда, куда нет пути разуму и сомнениям. Прямо в человеческую душу.

Теперь он мог приказывать кому угодно, но уверенности все еще не хватало. Поэтому первым испытанием, проверяющим силу свершившегося чуда, должно было стать наказание непокорной гордячки. Эвина Фьерде заслужила свою участь, подняв бунт прямо на городской площади.

Иакин не собирался воевать с благороднейшей из благородных, как ее называла многочисленная челядь. Даже не подумал бы о чем-то подобном, не взвейся над головами вихрь красных платков. Нет, его первоначальное и единственное намерение было совсем иным.

Верховный бальга Катралы собирался спасти мир. От демонов.

Хорошими или плохими оказывались пришельцы, занимающие человеческие тела, Иакину было неважно. Каждый демон, — зло, так искренне полагал тот, кто сам был сыном демона, тот, кто знал об этом больше многих других. Люди должны сами проживать свою жизнь, расходуя лишь то, чем наделялись от рождения, а не пользоваться заемными чудесами. Люди должны быть людьми, а значит, все запятнанное прикосновением демона подлежат...

Если бы кто-то из недокровок, внимавших проповеди Глориса, мог проникнуть в мысли верховного бальги, то со всех ног побежал бы прочь или поднял бы оружие против своего командира, потому что Иакин Кавалено намеревался уничтожить всех. И демонов, и наследников их крови. А потом, как это ни странно, перерезать собственное горло.

Светловолосый молодой человек, только-только вступивший в лучшую пору жизни, долго жить не собирался; но уйти, оставляя мир под властью демонов, попросту не мог. Он не помнил точно тот день и час, когда прозрел и ужаснулся увиденному. Не помнил и немного жалел об этом, поэтому что с радостью отмечал бы столь значимую дату как свое второе рождение. Именно тогда он принял решение поступиться своей судьбой ради судеб всех прочих людей. Именно тогда понял, что жертв будет много, больше, чем хотелось бы,

но недокровки все равно не должны были оставаться в живых.

Иакин Кавалено знал, что демоны придут снова, как приходили и раньше, зато мог изгнать из своего мира уже пришедших, а вновь прибывающих обессилить настолько, насколько это возможно, лишив поддержки недокровок. Он знал на собственном опыте, что отродьям пришельцев редко удается справиться с зовом родителей. Помогает только ненависть, но в ее костер нужно постоянно подбрасывать дрова. Особые дрова — осколки своей же души. Подбрасывать, постепенно превращаясь в тень самого себя.

Верховный бальга не мог оставить наследников, даже если бы захотел, ведь недокровки бесплодны. А поручить кому-то продолжать свое дело...

Нет, так далеко намерения Иакина не заходили. По правде говоря, он не понимал до конца, что нужно делать, как справиться с врагом и как предотвратить новые войны. Он всего лишь надеялся, что мир, очищенный от скверны хотя бы на несколько лет, сам найдет выход из этого лабиринта.

Очищение — вот что занимало мысли верховного бальги, а значит, находило отражение в проникновенных речах Глориса. Очищение духа. Но прежде чистой должна была стать плоть.

Это решение пришло Иакину легко и естественно, не вызывая сомнений. Он не испытывал к Лус никаких особых чувств, ни любви, ни ненависти. Но сестра должна была умереть вместе со всеми.

Женщина, душа которой была почти уничтожена стараниями Кроволивца Горге. Она всегда была безвольной, с самого детства, и годной лишь на то, чтобы ожидать и покорно исполнять чужие приказы. Возможно, если бы один бальга сменил другого раньше, ее еще удалось бы спасти от превращения в пустой сосуд... Возможно. Но теперь было слишком поздно.

Лус была рождена для того, чтобы принять в свое тело мужчину? Что ж, именно так и случится.

И будет принимать, пока не наполнится до краев.

Прошлое часто берedit душу человека воспоминаниями, неважно, дурными или добрыми, но всегда одинаково болезненными, ведь они, чтобы выбраться наружу, прорывают собой тонкую ткань сегодняшнего бытия. Встречаются редкие счастливицы, никогда не вспоминающие даже только что прошедший день, но таковых крайне мало, и они достойны зависти.

Димен Сого, выпади ему такая возможность, непременно позавидовал бы, потому что на него прошлое навалилось с первой же минуты, как над двором в доме Кавалено прозвучали слова вечерней проповеди.

Неудавшийся ученик охотника за демонами, он никогда не встречался лицом к лицу с врагами, которых придумал себе сам. Мельком, стороной, судя больше по чужим рассказам, а не по своим наблюдениям, опираясь на слова матери, с каждым днем становящейся все более и более безумной, Димен воспитывал в себе ненависть к собственноручно созданному призраку. Воспитывал настолько успешно, что годам к тринадцати уже не мог думать ни о чем, кроме борьбы с пришельцами. Правда, для того чтобы бороться, нужны были знания и умения, но и тут как нельзя кстати осиротевшему мальчику повезло: местный землевладелец забрал ребенка в свой дом, потому что его сынишке нужен был наперсник по играм.

Играть Димен прекратил, не начиная, и куда больше времени проводил среди охранников, чем в господских комнатах. Он учился всему, чему только мог, учитывая свой возраст и возможности. Учился убивать. А когда впитал в себя последние доступные навыки, ушел, и никто не посмел встать на пути у человека, в глазах которого горело одноединственное намерение.

И все же становиться одиночкой Димен не собирався, а потому отправился искать того, кто уже воплощал в жизнь его мечту. Охотник за демонами, вот с кем бок о бок хотел сражаться сирота Сого. Уничтожать одержимых, спасая жизни других людей, — чем не

достойное занятие? И Димену казалось, что он обладает для этого всем необходимым. Унюхать демона? Легко, ведь он все-таки недокровка! Уничтожить? Конечно, недаром же он много лет постигал науку сражений. Жизнь казалась простой и понятной, но ровно до того дня, когда ищущий достиг цели своих поисков.

Охотник не стал насмехаться над ним, хотя и мог. Нет, всего лишь показал, насколько быстро может двигаться. И все же это было обидно: узнать, что твои усилия... Не то чтобы бесполезны, но недостаточны. И всегда останутся таковыми, как бы ни старался. Димену следовало прозреть еще тогда, взглянуть на себя трезво и жестко, чтобы перейти на другой путь, возможно куда более полезный для тех же людей, которых сироте так хотелось защищать. Но разве молодость приемлет суровые размышления над самой собой?

Он ушел, надеясь, что выйдет гордым и непобежденным, а потом продолжил поиски. Правда, теперь искал, что называется, лужу помельче. Катрала приглянулась Димену тем, что обещала настоящие сражения с демонами и не требовала быть лучшим из лучших. Но конечно, без обмана не обошлось и тут. Во-первых, демонов в этом южном городе давно уже не появлялось, последних истребили еще с десятков лет назад. А во-вторых...

Второе случилось как раз сегодня.

Во рту пересохло сразу же, как человек в белой одежде появился наверху лестницы, потом почему-то бросило в пот, мерзкий и липкий. А когда раздались первые звуки голоса, все тело пронизала дрожь, одновременно похожая на пришествие лихорадки и любовное томление: последнее Димен испытывал всего пару раз, но запомнил слишком хорошо, чтобы сомневаться сейчас в своих ощущениях.

Он ненавидел и любил человека, свысока вещающего что-то о преступлениях и их искуплении. Был готов слушать его всю свою оставшуюся жизнь и в то же время боролся с желанием закрыть уши ладонями, сжаться в комок и постараться забиться в самую глухую нору.

Димен не знал, что видит перед собой демона в человеческом обличье, зато хорошо понимал: происходит что-то дурное.

А слова проповеди все лились и лились на двор, благодатным дождем орошая открытые гласу одержимого прибоженного души. И в какой-то миг этих капель стало так много, что сирота Сого попросту захлебнулся. А что делает человек, наглотавшийся воды? Правильно, пытается от нее избавиться. Выплюнуть. Выхаркать. Извергнуть из горла прочь.

Димену повезло, что он стоял в самых задних рядах и никто не повернул головы, услышав странные приглушенные звуки за своей спиной. Конечно, едва только сознание покинули предыдущие слова, как на их место поспешили новые, но они упали не на уже подготовленную, а на опустошенную почву и потому отскочили от нее, как сухой горох.

Прибоженный говорил о наказании. А наказывать собирались некую женщину, судя по рассказам очевидцев, осмелившуюся возразить верховному бальге. К тому же собирались наказать не ее одну, а всех, кто окажется рядом. Собирались...

Димен отчетливо понял только одно: скоро прольется кровь. Очень много крови. И она будет принадлежать вовсе не одержимым, а самым обыкновенным людям. Таким, к примеру, как он. А все только потому, что одному-единственному человеку вдруг захотелось отомстить? Нет. Так не должно быть!

Его шатало из стороны в сторону, как после обильного возлияния. Мысли путались, то цепляясь одна за другую, то вновь разбегаясь по разным уголкам сознания. Но где-то далеко-далеко за тем, что видели глаза, и тем, что слышали уши, постепенно крепло нечто, прежде

незнакомое сироте Сого.

Оно не было желанием. Даже наоборот. Желание ведет человека за собой, беря под руку, маня загадочной улыбкой или лукавым взглядом. А то, что охватило Димена, было совсем другим. Оно не спрашивало: «Пойдешь ли ты за мной?» Оно приказывало, да так, что послушаться не смог бы даже самый гордый и непокорный человек. Оно вцепилось в волосы и потащило. Куда-то вперед.

Сирота Сого еле дождался мига, когда внимание всех собравшихся во дворе устремилось к обнаженному телу прекрасной девушки. В другое время он и сам был бы не прочь пройти взглядом по ее хрупким изгибам, но сейчас лишь равнодушно отстранился, ведь все его существо было занято мыслью не менее простой, но намного более важной. Люди не должны умирать просто так. Та женщина ведь никого не убила на площади. Не обнажила оружие. Не вступила в схватку. Пусть ее слова не понравились верховному бальге, но он мужчина, а значит, должен быть снисходителен к женским слабостям, иначе...

Прежний Димен Сого, всегда следующий собственным желаниям и стремлениям, никогда бы не поверил в то, что у человеческой жизни может быть не один хозяин. Нынешний Димен Сого, окончательно потерявший почву под ногами и не видящий ничего перед глазами, шел, ведомый чем-то за гранью желаний и приказов. Шел, не оглядываясь назад, хотя именно в его прошлом и крылся секрет настоящего, секрет, позволивший недокровке устоять перед очарованием демона.

Прошлое очень часто не хочется вспоминать, но это не значит, что оно пребывает в забвении. Человек состоит из одного только прошлого. Все решения он принимает лишь на основании опыта, а что есть опыт, как не тщательные записи в дневнике жизни о прошедших днях?

Димен Сого не знал, что должен быть благодарен своей памяти. Не знал, что вообще должен быть благодарен. Он просто шел вперед. Туда, куда вела его человеческая суть, сотканная из мириад мгновений, промелькнувших с момента рождения.

И сейчас...

Вот она совсем рядом, а вот уже на шаг в стороне.

Короткий всплеск дрожи. Тело, застывшее испуганным камнем. Крошечный, почти детский мизинец в моих пальцах, в самых кончиках.

Божий выбор? Да. Человеческая дерзость? Без сомнения. Каждый в этом дворе хитер, но моя хитрость смелее прочих. Или попросту наглее и бесцеремоннее.

Остренькие лопатки под тонкой, золотистой, кажется, почти прозрачной кожей. Покорно опущенные плечи. Только с волосами непорядок. Цвет не тот. Должен быть черный, густой, чуть тускловатый, как будто локоны напитаны влагой. Влагой, пролившейся с небес. У нас ведь бывает дождливо вёснами.

У нас... Но не здесь.

Черные пряди, змеящиеся по спине. Имя, всплывающее из какой-то мутной глубины. Лодия. Почему она до сих пор со мной? Кто виноват? Любовь? Желание что-то исправить? А была ли вина? Было ли преступление?

Капли соленой испарины на узкой спине. Искушенные в кровь губы. Борозды царапин от ногтей на ладонях, наконец разжавшихся...

Да, так все и было, а значит, я все-таки виновен. И значит, вина должна быть искуплена.

Целая вечность, потраченная на размышления. Целая вечность на то, чтобы отказаться от принятого решения и снова вернуться к нему. Завершенный виток спирали. Взгляд Лус,

устремленный на меня. Взгляд, сквозь пелену которого проступила была надежда. А следом — прежняя темнота. Безвольная и бесстрастная.

Рука, поднятая в указующем жесте. Ее рука.

— Выбор сделан! Взойди же на ложе искупления, чужеземец!

Это голос прибоженного, звенящий торжеством и чем-то еще, похожим на перетянутую струну. Кажется, вот-вот порвется.

Гул недовольства смолкает лишь после того, как молитвенно сложенные ладони прячутся в складках белоснежного одеяния, предваряя новую реку слов:

— Ее вело Провидение божье. Только оно одно могло мудро избрать из всех вас того, кто дальше прочих от небесной благодати. Только оно могло назначить первым из палачей того, кто верует недостаточно истово. Только оно могло подарить право первого шага тому, чья дорога длиннее и труднее вашей... Следуйте же к ложу, избранные.

Взмах рукава, похожего на крыло диковинной птицы. Черные мундиры и лица над ними. Черные. А ведь должной быть иначе. Не знаю, как именно, но только не так.

Проход, ведущий к дверному проему. Проход, окаймленный рядами молчаливых людей, нетерпеливо и все же послушно ожидающих своей очереди. Дорожка свечей на полу. Черда огоньков под ногами. Звезды, ведущие меня к заветному ложу? Путеводные знаки?

Лус — на моих руках, легкая, безропотная, затаившая дыхание. Лишь пальцы сцеплены в замок, такой крепкий, что кожа на костяшках заметно блее.

Мои шаги торопливы, даже слишком. Они недостойны благости, изливающейся с сияющей вершины милости, подаренной мне богами. Терпение почти на исходе, и не у меня одного: позади дышат надсадно и жадно.

Пинок, после которого дверь глухо чавкает, закрываясь. Теперь мое спокойствие снова со мной. Не в полной мере, непохожее на привычное, но хоть какое-то. Оно мне необходимо, ведь сердце уже не стучит, а скачет.

А что дальше?

Босые ноги Лус на холодном полу. Тихий вздох. Узкая, чуть шире обычной скамьи, кровать. Белая ткань поверх ожидающего нас ложа. А лучше бы была черная, сливающаяся с темнотой, висящей под потолком комнаты.

Бледные губы поджаты, во взгляде нет ничего, даже вопроса.

Само послушание. Сама покорность. Мечта любого мужчины, уставшего от сражений. Сокровищница, готовая распахнуть свои двери по первому же велению. По первому же знаку.

Что дальше?

Свечи вокруг искупительного ложа. Шипение расплавленного воска, встречающегося со своими холодными братьями. Треск смеющихся фитилей. Недобрый такой смех. Злорадный. Чему радуетесь, насмешники?

Свет, поднявшийся немногим выше наших коленей. А дальше — ни-ни, как будто воздух вдруг стал тверже камня. Причудливые тени на наших лицах. Тени, насильно обрядившие нас в карнавальные маски.

Мерцание огоньков, пламя факелов, отсветы на полированной тысячами ног брусчатке: ярмарочные гуляния в самом разгаре. Возбужденные голоса. Неровно кольшущиеся тела. Прерывистое дыхание, замирающее в предвкушении представления.

Какого? Все того же. Непорочная девица и кавалер, вдохновленный ее красотой, — история древняя как сам мир. Она забавна и надоедлива, простодушна и жестока, но каждый

раз актеры стараются, как в первый и последний. И сегодня главная роль у меня.

Но какова должна быть следующая реплика? Какая сцена на очереди?

Лус, сидящая на краешке кровати.

Морщины складок, разбежавшиеся по равнине простыни.

Нет, следующие слова написаны не для моих уст.

Пауза. Долгая. Но она может стать еще длиннее, потому что исполнитель из меня никудышный. Я не знаю, что делать дальше, если не слышу приказа, а командир остался где-то там. Во дворе.

Он указал мне путь, и я помню каждое слово. Грехи, с рождения копящиеся в человеке. Искупление, которое иногда смывается лишь пролитой кровью. Я знаю все это. Я готов шагнуть дальше, если бы не странный узел, неподъемной тяжестью сковавший ноги.

Сон, способный сделать возможным любое чудо. Сон, разрешающий самые вольные вольности. Край скалы и мир, простирающийся под ним. Мир, открытый для меня. Подарок. Безраздельное владение. Но широта моего взгляда слишком ничтожна, чтобы охватить все, что смотрит на меня с той, другой стороны. Мешают шоры марева на глазах. Граница зрения дрожит, как воздух над раскаленными камнями печи. Дрожит точно так же, как и я сам, но это не лихорадка. Сердце, силящееся выпрыгнуть из груди. Если бы еще знать, зачем ему вдруг понадобилось меня покидать...

Нет, это не сон. Это явь, такая настоящая, что скулы сводит судорогой. Я ведь нахожусь здесь не просто так, а чтобы что-то исполнить.

Поручение. Важное. По крайней мере, таково оно для меня, а значит, может случиться все, что угодно, прежде чем я достигну цели. Я готов? Да.

Кровь. Насилие. Смерть. Девушка, обреченная на муки. Мужчина, назначенный палачом. Всего лишь клочок ковра с неясным рисунком. Всего лишь мгновение. Я перешагну его, отдайте только приказ.

Марево, густеющее не по минутам, а по вдохам. Слезы на глазах. На наших глазах, только в ее взгляде вопрос, а своего мне не дано увидеть.

Темный взгляд, охваченный беспокойством. Беспокойством за... меня?

Ей следовало бы думать о собственном будущем, хотя оно и незавидно. Волноваться из-за кого-то другого? Ставить чью-то жизнь превыше той, что когда-то наделили тебя самого? Это же так... Глупо. Глупо?!

Это слово и вправду сейчас в моих мыслях? В мыслях человека, потратившего половину прожитых лет на то, чтобы быть тенью других людей, из которых вряд ли нашелся хотя бы один достойный? Или мое прошлое тоже только сон, монотонный и беспросветный?

Не было тысячекратно искоженных улиц Веенты? Не было хитроумных уловок Атьена Ирриги, умеющего отыскать выгоду даже на дне вычерпанного досуха кувшина? Не было беспомощной злости, неспособной вдохнуть в тело прежние силы? Не было...

— Не причиняй ей вред.

Голос. Звонкий. Но это не голос Лус, ее губы по-прежнему неподвижны, как и взгляд. Взгляд, постепенно наполняющийся мелкой удивленной дрожью. И мне бы стоило удивиться, только почему-то не получается.

Как ему удалось бесшумно проскользнуть в дверь, с его-то увечной ногой? А вот надо же, ухитрился. Правда, такому тщедушному тельцу должно было хватить и совсем маленькой щели, чтобы протиснуться внутрь, а предатели-петли промолчали.

— Не причиняй ей вред.

Интересно, куда делась его рубашка? Последний раз, когда мы виделись, мальчишка был одет и выглядел если не смирившимся со своей судьбой, то достаточно спокойным, а сейчас кажется, будто его лихорадит. Кажется, что мы с ним дрожим в одном и том же ритме. А может, только одного меня трясет. Точнехонько в такт звукам детского голоса:

— Не причиняй ей вред.

Я знаю его. Я помню: он чем-то важен. Важнее, чем кажется.

Он ниже ростом, чем я, ниже, чем Лус, и свет почти добирается до его лица. Но даже если бы в одночасье все свечи вдруг потухли, мне не удалось бы никуда скрыться от его взгляда. От двух угольков, пылающих алым пламенем.

Двух угольков?

Всколыхнувшееся марево накрывает глаза ленивой волной. Нет больше комнаты, нет линий и цветов — одна странная круговерть, посреди которой злобно скалится безволосая девчонка, собирающаяся натравить на меня...

Демон. Он — демон. Он должен сидеть под замком.

— Как...

Это еще не реплика, а всего лишь попытка, проваливающаяся в самом начале. Мой вопрос не нужен. Бессмыслен.

Его руки по локоть в крови. В его собственной. Сеть порезов на коже, частью глубоких, частью поверхностных. Пара пальцев, согнутых так, как они вовсе не должны сгибаться.

Если на его пути высились преграды, он ломал их, чтобы прийти сюда. Ломал, не щадя полученного в распоряжение тела. Но ради чего? Или... ради кого?

— Не причиняй ей вред.

Лицо ребенка, перекошенное гримасой то ли боли, то ли отчаяния, то ли решимости, а может, всем вместе и сразу.

— Не причиняй ей вред.

Он упорен в своем решении. Но чего хочет добиться? О чем он говорит, все настойчивее и настойчивее?

Новая волна перед глазами. Более высокая. Более сильная. И куда прозрачнее предыдущей. Взгляд устремляется за ней. Поворачивается. Кажется, что я смотрю куда-то внутрь самого себя, а в следующее мгновение снова встречаю на пути красные уголья. Еще раз. И еще.

Голова кружится. И с каждым кругом в мои уши молотом вбивается снова и снова несколько остающихся неизменными слов:

— Не причиняй ей вред.

Не крик. Почти шепот, словно силы иссякли вместе с кровью, покинувшей пальцы. Но для меня — настоящий гром.

Эхо сердца бьется уже в самых висках. Стремительный бег нарастает до предела, чтобы вдруг оборваться и швырнуть меня к искупительному ложу. Ладони успевают опереться о край, но действуют сами по себе, потому что сейчас мне все равно. Пусть будет падение.

Что угодно, только бы вновь почувствовать незыблемость мира.

Что угодно, только бы вернуться обратно. Вернуться туда, откуда начал.

Пусть это будет означать, что весь путь придется пройти заново, я согласен. Мне не привыкать. Пусть ноги снова двинутся вперед в ритме старого доброго марша. Марша, который с утра и до вечера всегда вел меня по городу и по жизни.

* * *

— Не причиняй ей вред.

— Ты просишь?

Перед глазами белая простыня. Смятая. Влажная от прикосновения моих ладоней, все еще прижатых к ложу и удерживающих меня на весу, потому что ноги пока заметно дрожат.

Надо же, справились. Значит, силы еще есть. Вот только хватит ли их, чтобы дотянуть до завтрашнего утра?

— Или приказываешь?

Молчание. Настороженное, но не враждебное. И на том спасибо. Правда, потом все повторяется снова:

— Не причиняй ей...

— А других слов не знаешь? Тогда будь другом, помолчи минутку, а то голова и так идет кругом.

Я качнулся вперед, наконец-то сел и смог расслабить явно перетрудившиеся руки. Закрыв глаза, прислушиваясь к дыханию.

Ровное. Почти. Сердце все-таки перестало бешено стучать.

— Наваждение прошло?

Он так называет помешательство, охватившее меня с головы до ног?

— Ага. Надеюсь, что прошло.

Хотя чуточку вру: в самом начале мне было хорошо, куда лучше, чем теперь, ведь не приходилось думать. Вообще ни о чем. Полнейшая пустота там, куда хотя бы изредка должна заглядывать такая дама, как воля. Получил приказ — и в бой. Жизнь настоящего солдата, разве она не хороша? Обо всем позаботятся командиры, твое же дело только рубить и колоть. Красота! Когда я жил именно так, тревог и забот точно не знал. А что, если сегодня, всего несколько минут назад, мне выпал шанс все вернуть обратно? Шанс, от которого я почему-то поспешно отказался?

Пламенные речи зажгли огонь в моем сердце, оно подчинило себе тело и разум... Ненадолго, однако. Стоило командирскому гласу стихнуть так не вовремя, началось нечто куда более интересное. Словно кто-то старательно расчистил в моей голове целое поле, а дом возвести забыл. Успел только выкопать глубокую яму, с краев которой тут же начал осыпаться песок, погребаяющий под собой все полученные наставления. Безвозвратно? Кто знает.

Нет, впечатлений слишком много, чтобы начинать их осмысливать прямо сейчас. Когда-нибудь позже. В другой раз. Единственное, стоит убедиться:

— Там на дворе пошалил один из ваших?

Лицо мальчишки брезгливо перекосило, но лукавить он не стал:

— Да.

Что ж, вот я и испытал силу демона на себе. Хороший опыт. Жесткий. Такой, как надо. Плохо, что теперь нужно принимать решение.

— Не причиняй ей вреда.

— Боюсь, именно это придется сделать, чтобы вред не добрался до меня самого.

Немного невинной лжи не помешает. В конце концов, все лгут, чем я хуже?

Видимо, мой ответ показался демону вполне искренним, потому что повторения просьбы не последовало. Зато прозвучало что-то весьма похожее на угрозу:

— Если ты дотронешься до нее, я убью себя. Знаешь, что случится потом?

Если дотронусь? Хм. А если первой это сделает Лус? Вернее, уже сделала: прижалась своей спиной к моей, то ли ища защиты, то ли спасаясь от холода.

— Я здесь не один.

— Только не для меня.

Намек на то, что телом девушки он не собирается воспользоваться? Зачем тогда хочет сохранить его в целости?

— Какое тебе дело до нее?

— Она кое-что для меня значит.

— Ты же демон, что для тебя может значить человек?

Он не ответил. Осекся, едва раскрыв рот. Но даже если бы произнес то, что хотел, легче бы мне от этого не стало.

Нужно что-то решать, и как можно скорее, ведь до утра ждать меня никто не станет: через пару-тройку минут явится очередной претендент на искупление грехов.

Я все еще могу сделать то, зачем пришел в эту комнату. Если, конечно, удастся отмахнуться от демона-недоростка и избежать его покушения на мою душу. Потом вернуться во двор, дожидаться окончания церемонии и... И непременно попасть под очарование новой проповеди, которая призовет меня и моих товарищей по несчастью на подвиги во имя невесты кого и чего.

Правила игры изменились, а новые мне не нравятся. Я готов изображать послушание и преданность, готов даже по собственной воле уверовать в праведность командира, но сегодня верховный бальга Катралы перешел грань чести. Его слуги согласны были пойти за ним и ранее, зачем понадобилось насилие над сознанием? Или он боялся отказа, а вместе с ним открытого неподчинения, или...

Второй вариант намного жизненнее, но тем и омерзительнее.

Иакин Кавалено заранее обрек своих людей на заклятие. Приговорил к смерти, а приговор может быть исполнен в любое мгновение, как явственно показала публичная казнь неизвестного мне предателя. Да, блондин намерен начать войну, но победителей в ней не будет. Вообще никого не останется. И что же делать? Последовать за бальгой в надежде ускользнуть прочь, когда станет слишком жарко?

Слишком мало шансов. Одержимый прибоженный — сильное оружие. Возможно, непобедимое. Хотя это предположение можно проверить.

— Ты слышал проповедь на дворе?

Демон кивнул.

— И что скажешь? Твое сердце она тронула?

Он ответил не сразу, видно, задумался о чем-то своем.

— Да. Но не так, как твое.

— Объясни.

Похоже, он понял, почему я спрашиваю. Понял раньше меня самого.

— В этом теле нас двое. И тот, который... человек, сейчас почти отсутствует. Его плоть откликнулась на слова, но хозяином остался мой разум.

— Значит, твою голову проповедник не свернет на сторону?

Демон криво улыбнулся:

— Да. В отличие от любого, кто войдет в эту комнату после тебя.

Кто-то, выполняющий приказ и не видящий преград на своем пути. Воин без сомнений и колебаний. Смогу я справиться с таким? Может быть. С одним. С двумя. С тремя. А дальше? Тех, кто остался во дворе, многовато для меня одного.

Для одного...

Это безумие. Но это самый лучший способ остаться сегодня в живых.

— Твое предложение еще в силе? То есть угроза.

Он растерянно приподнял брови:

— О чем ты?

Я встал с кровати и подошел к всемогущему, но одновременно бессильному чудотворцу, запертому в клетке измученного детского тела.

— Ты грозился себя убить. Это ведь сработает только со мной, верно? Все прочие охотники до женского тела — недокровки, и им твои слова покажутся чем-то вроде бессмысленной шутки.

Он кивнул:

— Да, у меня только один шанс. Ты.

— Почему не она?

— Не смогу. Ее сознание лишено желаний.

— Так в чем дело? — Я повернулся к кровати, на которой все еще сидела дрожащая от холода и неизвестности девушка. — Лус Кавалено, не хотите чего-нибудь пожелать?

— Не надо. — Его рука с ломаными пальцами коснулась моей.

— Почему?

— Не получится.

Я сам понимал, что другого выхода нет. Но помимо правильности предстоящего выбора в двух шагах от меня стояло и кое-что другое. Стояло и торжествующе скалилось.

Я ведь сейчас на волосок от того, чтобы исполнить свое желание.

Свое.

Заветное? Или просто какое-нибудь? Все что душе угодно?

Если бы! Нет, мне нужно пожелать чего-то, способного помочь выжить. И нельзя ошибиться ни на одно слово.

Какая жестокая насмешка... Заполучить в свое распоряжение величайший дар этого мира — и вместо свободы оказаться вдруг в тесной тюремной камере. Нечестно! Почему всем прочим никто не устанавливает границ? Почему любой полудурочный пастух из Блаженного Дола может действовать по собственному разумению, по сиюминутному наитию, а мне отказано в такой малости? Мы дадим тебе силу сокрушить врагов, но, будь добр, поставь свою подпись под сотней бумаг и принеси сотню клятв, связывающих тебя по рукам и ногам. Чем я заслужил такое наказание?

Может быть, тем, что однажды исполнил не тот приказ? Или промолчал там, где

следовало кричать? Стоял смиренно, когда требовалось броситься в бой? Отнял жизнь, которую нужно было хранить надежнее всех сокровищ мира?

Причин много. Или всего одна. Неважно. И выход тоже один.

Я могу наивно погибнуть или коварно выжить? Да тут и выбирать не из чего!

— Что ж, тогда поработаем вместе... напарник.

Он вздрогнул, услышав это слово, и посмотрел на меня взглядом, совершенно чужим для мальчишеского лица. Взглядом человека, умеющего действовать.

— Только не вздумай обманывать.

— Как?

— Ты должен пожелать того, что сможет ее спасти. И если я пойму, что ты врешь...

— Не продолжай. Я не боюсь. И не вру. Жалко тратить время на вранье.

— Я смогу до тебя добраться, если что, — еще раз на всякий случай пообещал демон, хотя в каждой черточке пленившей его плоти уже плясало азартное нетерпение.

А я надеюсь, что прежде до меня доберется кое-кто другой.

Да, не совсем благородно умалчивать о моем рыжем приятеле, но сражение хорошо начинать лишь тогда, когда твои тылы надежно прикрыты. Охотник за демонами не упустит своей добычи. Он не даст мне натворить бед. В нашу последнюю встречу он позаботится обо всем. Я просто должен до нее дожить.

Демон повернулся ко мне спиной:

— Начинай. Я скажу, когда будет можно.

Одна ладонь на влажных завитках затылка, другая под подбородком. Тонкие косточки, хрупкие...

Итак, чего же пожелать? Силы? Ловкости? Удачи? Отваги? Но ни первая, ни последняя в отдельности не помогут справиться со всеми врагами, что поднимут на меня оружие. Кто-то всегда сможет оказаться сильнее или быстрее, а удачливость не прибавит выносливости: что проку от сотни счастливых случаев, если возможности моего тела закончатся на девяносто девятом?

Я должен справиться со всеми. С любой опасностью! С любой угрозой. Где она обычно живет? В обнаженных клинках или хитроумных планах. Но клинки всегда лежат в чьих-то ладонях, а планы рождаются в головах. Моими противниками все равно станут люди, так или иначе. И я должен...

Уцелеть в поединках?

Хорошая попытка, но слишком туманная. Уцелеть ведь можно, попросту сбежав от войны. Но тогда война отправится за тобой.

Уничтожить противников?

Уже лучше. Смерть — самое надежное обещание покоя, а гора трупов лишь милое к нему приложение. Только что делать, если мне невинно или бездумно возразят, а я приму слова за повод для немедленного убийства? Так можно вырезать всю Катралу подчистую. Пусть город, некогда провозгласивший демонов своими богами, этого заслуживает, я в палачи не нанимался. Мне всего лишь нужно быть уверенным: каждая схватка закончится в мою пользу. А для этого мне нужно...

Побеждать.

Да, именно так.

Я хочу побеждать. Каким образом, не имеет значения. Чем желание короче, тем лучше. И наверное, тем проще для демона.

От меня всегда требовали беспрекословного исполнения приказов, и в этом искусстве я давным-давно достиг совершенства. А теперь всего-то и надо: приказать самому себе.

Это совсем нетрудно.

Это почти приятно.

А главное, мне все-таки удастся почувствовать, что приносит с собой исполненное желание. Хотя бы напоследок.

До скорой встречи, Натти. Надеюсь, я буду одержимым, достойным смерти от твоей руки.

Я хочу.

Побеждать.

Всех своих противников.

— Давай!

Позвонки сместились так легко и быстро, будто ждали только словесного приказа, а мои ладони понадобились, лишь чтобы удержать тело мальчика от падения и осторожно уложить на пол.

Сгусток света, выскользнувший из приоткрытого рта, налился синевой так стремительно и сильно, что по всей комнате пролегли синие тени. Он мерцал и, кажется, потрескивал, как огоньки на верхушках свечей. Но он не сдвинулся с места, честно ожидая, пока я сделаю следующий шаг.

Пламя цвета неба. Какое оно — горячее, как и подобает пламени, или стывшее, как зимний полдень высоко над твоей головой? Сейчас узнаю.

Я протянул руку навстречу сияющему шарик. Тот качнулся, перебрался поближе, завис над моей ладонью.

Странно, ничего не ощущаю. Ни тепла, ни холода. Ну да, ведь это только необходимость, а не душевный порыв. Какие уж тут чувства? Одно тщание и прилежание, завещанное отцом.

Пальцы сомкнулись, но не прошли сквозь синее сияние, потому что оно сжалось намного быстрее и крошечной искоркой растворилось в теле.

Я ожидал чего-то чудесного, необъяснимого, вызывающего восторг, наверное, потому и упустил в первый момент то самое главное изменение. Это ощущение пришло чуть позже, когда контуры перед глазами перестали двоиться и слились воедино. Хотя как могут слиться вместе и создать не вызывающую удивления и вопросов картинку просторная лужайка, заваленная снегом, и плохо освещенная комната дома, находящегося где-то в городе посреди жаркой степи?

Оно было болезненным, это чувство. Но больно было из-за обиды. Из-за оставшегося на краешке губ возмущенного: «Ну почему я никогда не испытывал такого раньше?!»

У меня вряд ли прибавилось силы, да и связки вряд ли вернули себе прежнюю гибкость, не говоря уже о том, что никуда не делся излишний вес, ставший виновником моего увольнения со службы: все мое осталось при мне, что называется.

И в то же время все изменилось.

Я перестал быть один, один перед миром.

Теперь нас было двое, а двое — это почти армия. Для которой может понадобиться много свободного места и отсутствие случайных свидетелей.

Я снял камзол и закутал в него все еще дрожащую и, похоже, переставшую понимать что бы то ни было Лус. Но зато не переставшую быть послушной.

— Держись подальше от меня, девочка. Сейчас я буду делать много такого, чего лучше не видеть твоим глазам.

Я отвел ее к одному из углов комнаты, подальше от двери, и мягко надавил на плечи, заставляя сесть и поворачивая лицом к стене.

— Это закончится быстро, обещаю.

Хрусткий снег под ногами. Горячая кровь, несущаяся по сосудам. Рукояти даб-доров где-то совсем рядом с пальцами... Это не мой мир.

Опływające головки свечей под ногами. Сжавшаяся в комок девушка. Куча противников, каждый из которых наверняка опасен по-своему... И это тоже не мой мир. Пока что.

Я где-то между. Между долгом и волей, между страхом и отвагой. Но в кои-то веки я не один.

— Следующий!

Где-то...

Ее плечи дрожат под моими ладонями, позволяя ощутить биение сердца, того прежнего, стародавнего, еще не знающего коварства «врат мечты», еще наполненного желаниями...

Нет. Не надо врать самому себе: это не мои ладони. И это не Либбет. Но что тогда заставляет меня ошибаться? Что упрямо путает мысли и ощущения? Раньше граница миров была тверда и незыблема. Раньше меня от всех и всего отделяла стена, а на сей раз получается иначе, и впору задуматься, почему так происходит. Поразмыслить, пока коридор еще не гудит от звука шагов серого человека, ищущего искупления своих грехов.

Первое тело, второе, третье. Они разительно отличались друг от друга внешне, но для меня, глядящего изнутри, оказались одним и тем же: тесной клеткой, заставляющей принимать свою форму, а как только крепления ослабевали, прутья рушились прежде, чем я успевал их подхватить. Даже лишившись своего истинного владельца, плоть тех кукол не желала принимать меня как хозяина, противилась изо всех сил.

Может быть, потому, что не понимала смысла происходящего? Уверен, человек в черном мундире, умерший на городской улице, даже не думал, кого случайно приютил. Да и следующий тоже. Что-то подозревать или догадываться о чем-то мог только увечный мальчик, но его куда больше волновала возможность исцеления, а не то, какими средствами оно будет достигнуто. В этот же раз...

Он знает обо мне. Но важнее другое: он многое знает про меня. Как про демона, разумеется. И он на самом деле согласен разделить со мной тело. Он не сопротивляется, не чинит препоны, не пытается прогнать прочь, осознав, что сотворил с самим собой. Решение, принятое обдуманно и спокойно, — не в нем ли кроется секрет происходящего?

Я словно вижу свои руки сквозь его кожу. Да, размеры не совпадают, но это почему-то совсем не мешает. Даже наоборот, мои пальцы оказываются первыми там, куда он хочет дотянуться, направляют, поддерживают, помогают.

Раньше пространство, которое отводилось мне в чужой плоти, было враждебным, вязким и густым, встающим на пути любого намерения, а здесь я... свободен. По-настоящему. Слово получил в пользование свой собственный, пусть небольшой снаружи, но огромный внутри мир. Мир, внешние границы которого я никому не позволю разрушить.

Это похоже на прошлое, на наши с Герто вылазки, но это намного больше. Двое, действующие как один, и каждый вносит свою, равную лепту. Его тело сильное, тяжелое, неспособное двигаться стремительно, но если ему добавить чуточку моих навыков...

А вот и первый из оставшихся. Серый человек с горящим взглядом. И все равно его глаза не приобретают цвет. Ни малейшего оттенка, один только тлеющий пепел.

Конечно, он не понимает, что случилось. Смотрит на нас, думая так напряженно, что кожа на его лбу начинает собираться в складки. Правда, додумывается достаточно быстро и почти правильно, опуская ладони на рукояти длинных ножей.

— Грехи больше не принимаются. Тебе придется справляться с ними самому.

Это говорим мы. Одновременно. Говорим лениво, чуть позевывая, всем видом показывая свою глубокую удовлетворенность.

Серому человеку не нравится то, что он слышит. Но поскольку мы остаемся сидеть неподвижно, да еще сонно щурим глаза, он решает действовать на собственный страх и риск.

Проходит мимо, на достаточном удалении от кровати, чтобы обезопасить себя от возможного нападения. Проходит, чувствуя угрозу, но желание в его плоти все еще слишком сильно, чтобы внимать голосу осторожности.

Всматривается в сумерки, наполняющие комнату, такие же серые, как и он сам. Замечает очертания девичьей фигуры. Что ж, черный камзол, накинутый сверху, выполнил свое предназначение, заманив зверя в ловушку, теперь только и осталось, что ее захлопнуть.

Он наклоняется, тянется к ткани, над которой виднеются светлые локоны. Но и мы не сидим на месте. Уже не сидим.

Тело, в котором я нахожусь, намного тяжелее моего собственного, оставшегося за гранью этого мира, но и эту плоть можно заставить двигаться плавно, не производя ни малейшего шума. Даже больше: разогнать так быстро и так успешно, что на последнем шаге, приближающем нас к противнику, сгиб локтя без дополнительного замаха, вообще без лишних усилий обнимает серого человека за шею и увлекает вместе с собой в танец. Короткий, всего на два шага, по истечении которых бездыханное тело становится совсем послушным.

Простыня взлетает в воздух, оголяя кровать. Мы укладываем мертвеца, заботливо поправляя безвольные руки и ноги, поверх накрываем белой тканью, но прежде, конечно, заимствуем пояс с ножнами.

Местные клинки не сравнить по удобству с даб-дорами, да и ни к чему сравнивать, ведь сталь всегда остается сталью, а если она к тому же довольно прочна и остро наточена... Вот только держать эти рукояти пальцами приходится совсем иначе, чем я привык. Хорошо, что мой напарник надежно умеет это делать.

Девушка в углу тихо охает и все же боится пошевелиться. Мы подходим к ней, присаживаемся рядом, кладем ладонь на подрагивающую спину.

— Все хорошо. Все будет хорошо.

Это не моя ладонь, но эти слова мы делим пополам с человеком, который предложил мне сражаться. Плечом к плечу.

Здесь...

Красный платок лежал на самом краю длинного обеденного стола, уже почти забытого шумные пиршества тех дней, когда в имении Фьерде собирались многочисленные друзья и родственники.

Сиротливый комок ткани, похожий на окровавленное сердце. Сердце, истекающее кровью в груди последней защитницы старых традиций.

Благороднейшая из благородных! Когда-то этот титул, придуманный слугами и ушедший в народ, заставлял Эвину испытывать гордость, а сейчас стал похожим на насмешку. Что толку в благородстве? Оно помешало отомстить за убитую сестру сразу же на месте, над еще теплым телом. Благородные ведь так не поступают, верно? Не вытаскивают из ножен клинок, когда твой противник безоружен. А верховный бальга всегда ходит с пустыми руками, словно заявляя на весь свет: любой, кто покусится на мою жизнь, клеймит себя позором.

Простые люди — другое дело. Игго не побоялся прослыть убийцей, и его бездыханное тело, с таким трудом выкраденное из дома Навалено, будет предано земле с наивысшими почестями, какими хозяин может отплатить своему слуге за верную службу.

Эвина не приказывала охотиться на верховного бальгу. И слова не произнесла. Но каждый, кто видел сухие от горя глаза благороднейшей из благородных, мгновенно

наполнялся желанием наказать ее обидчика. Игго был не один на своей ночной охоте, но именно он оказался к цели ближе всех. И следующим утром Катрала проснулась бы свободной от своего тирана, если бы...

Женщина сжала кулак, вонзая ногти в ладонь.

Этот чужеземец. Он снова путался под ногами. Правда, в отличие от прочих тварей, ползающих по горячей степной земле, заставил споткнуться. Но вина лежала не только на нем одном.

Эвина хорошо помнила сказки, которые мать рассказывала не желающему утихомириться после бурного дня ребенку. Те истории, то одна, то другая, учили: любой поступок рано или поздно обретает свою цену. А повзрослевшая наследница семьи Фьерде добавила бы: каким бы ни был твой первый ход, следующий все равно сделает противник.

Та ловушка была жестокой, надо признать честно. Чужеземец не знал, куда его заведет любезное приглашение, и это чудо, что он и его спутники сумели дать отпор наемникам бальги. А ведь могло случиться так, что в степи нашли бы только коляску с мертвыми телами...

Он ничего не значил для благороднейшей из благородных, и все же она пришла на его ложе. Пришла, ведомая больше чувством вины, хотя желание тоже пряталось где-то рядом.

Эвина прикрыла глаза, вспоминая силу и нежность, так странно встретившиеся друг с другом в одном и том же человеке.

В другое время, в ином месте их история могла бы продолжаться и посейчас. Может, не дольше следующего месяца, но это были бы дни искреннего счастья. Если бы было возможно отринуть прочь злобу и ненависть, если бы возможно было забыть хотя бы ненадолго о прошлом, запустившем свои колючие корни в настоящее!

И все же она не могла заставить себя злиться. Даже воскрешая перед внутренним взором полдnevную площадь, коварный вопрос, прямой ответ и не менее прямой взгляд, спокойный, как натруженный, но все еще крепкий клинок. Вот с каким противником она хотела бы скрестить свое оружие, а не с верховным бальгой, всякий раз умело уходящим от сражения под защиту писаных и неписаных правил!

Все можно было решить еще тогда. Сразу же, как последний платок упал на брусчатку. Правда, это означало бы принять на себя звание очередного «кроволивца», но, может быть, оно стоило бы свободы всего города? И может быть, они бы... вернулись? Эвина не понимала, почему с детства свято верит в непогрешимость и мудрость прежних хозяев Катралы. Но если кого-то другого подобные сомнения подвигли бы на размышления, непременно приведшие к каким-либо выводам, то благороднейшая из благородных считала именно искреннее непонимание подтверждением божественного Провидения. Ведь если знаешь причины и поводы, происходящее никогда не станет для тебя чудом. А на самом деле причина была проста: сердце ребенка, бьющееся в груди взрослой женщины, до сих пор не насытилось чудесами. Не успело.

Родители когда-то пожертвовали собой, чтобы уберечь дочерей от преследования бальгерии. Заключили сделку, со скрипом и недовольством, но пока соблюдавшуюся обеими сторонами. Вот только девочкам пришлось повзрослеть быстрее, чем предписано природой. И старшей оказалась Эвина.

О детстве вспоминалось немного, но и этого хватало, чтобы внушить благороднейшей из благородных, тогда совсем еще юной, слепую веру в праведное могущество демонов, однажды превративших унылое степное поселение в сильный и богатый город. А главное,

деяния бальгерии никак не позволяли усомниться в том, что чистокровные люди намного хуже пришельцев.

Эвина Фьерде не желала воевать. Ее не страшило пролитие крови, но каждое сражение должно было уносить с собой жизни с той и другой стороны, а верные слуги всегда были наперечет. Верховный бальга поступал хитрее: привечал у себя любых бродяг, лишь бы они были отмечены особым происхождением. Да, отпрыски ийани тоже не исчислялись тысячами, но они приходили служить за возможность поквитаться со своими родителями. Набрать же армию тех, кто искренне верил в необходимость возвращения демонов, было куда сложнее. На долю эрриты Фьерде приходился только один надежный способ. Наемники. Вот только число подручных бальги росло быстрее, чем число монет в сундуках благороднейшей из благородных.

И все же война была неизбежна. Эвина чувствовала, что Иакин Навалено не станет ждать дольше необходимого, потому и решила на безумие с красными платками. Пока войска противника не слишком многочисленны и сильны, есть шанс на победу. Ничтожный, трудный, но вполне осязаемый. Хотя если бы в рядах верховного бальги не оказалось вдруг того чужеземца...

Благороднейшая из благородных куснула губу.

Вот и не знаешь, бранить его или благословлять. Ясно одно: он стал последней каплей в чаше на весах выбора. Именно встретив тот уверенный, устремленный к какой-то цели взгляд, Эвина наконец-то осмелела настолько, чтобы бросить вызов.

Что же получается? Она объявила войну, но совсем не тому, кому намеревалась?

По губам эрриты Фьерде невольно скользнула горделивая улыбка.

Пусть. Пусть это будет ее маленьким секретом, не доступным ни для кого. Этот противник достойнее белобрысого выскочки. Он готов биться честно, полагаясь только на свои силы, а не на обманы и уловки. И все, что нужно, — это дождаться последнего донесения. Сведений, подтверждающих, что война началась.

— От Льига что-то слышно? — спросила Эвина, заметив в дверном проеме обеспокоенное личико служанки.

— Ни слова, эррита.

Странно. Он вот-вот должен был вернуться, ее лучший лазутчик в стане врага. За окнами давно стемнело, в такое время люди уже спят или...

— Эррита! Прошу вас, идите сюда! Скорее!

Это звал уже мужской голос. Кто-то из слуг со двора.

Благороднейшая из благородных не стала медлить, только прихватила с собой красный платок, чтобы и ему не было одиноко в заброшенном пиршественном зале.

* * *

Свет факелов успешно разгонял темноту, превращая ночь если не в подобие дня, то хотя бы в его заревое преддверие. Обнаженные лезвия ножей в руках челяди, заполонившей двор, сверкали, словно звезды, но все равно фигура посередине двора казалась беспросветно черной. То ли благодаря своему одеянию, то ли тому дурному предчувствию, что принесла вместе с собой.

Эвина уже видела этого человека, тогда в степи, вместе с чужеземцем. А потом ей донесли, что приезжий вступил в ряды бальгерии, как и все прочие его предшественники. Почему же он сейчас оказался здесь, выставив напоказ красную пряжку на своей груди?

Что тебе нужно?

Новоявленный бальгерито, услышав обращенный к нему вопрос, перевел взгляд в сторону благороднейшей из благородных, и та невольно нахмурилась. В глазах прищельца все дрожало и прыгало, как сотня мячиков. Скорее всего, он вообще ничего не видел перед собой. Но пока еще слышал и мог отвечать.

— Эррита Фьерде? Вы эррита Фьерде?

— Я слушаю тебя.

— Вы... Вам... Он убьет вас.

— О ком ты говоришь?

— Он придет и убьет вас. Они все придут. Им велели убивать, и они не остановятся.

Из правой ноздри черномундирника медленно направилась вниз струйка темной жидкости. Следом показалась еще одна.

— О ком ты говоришь?

— Он придет. Совсем скоро.

— О ком ты говоришь?

Она и сама могла бы догадаться, даже догадалась, но никак не хотела себе в этом признаться. Нужно было, чтобы имя прозвучало, и вовсе не из ее уст — это Эвина Фьерде понимала лучше всего прочего. Последний ход в партии принадлежал не ей, а человеку, стоящему посреди двора.

— О ком ты говоришь?!

— Не стоит задавать ему вопросы, эррита. Он сейчас разговаривает больше сам с собой, чем с вами.

Этот голос раздался сзади, из-за спины, оттуда, где могли находиться только друзья и верные слуги, но он был незнаком Эвине Фьерде. И если бы в его звуках послышалось хоть немного враждебности, следующими словами благороднейшей из благородных стал бы приказ схватить либо уничтожить незваного гостя. Однако говоривший был спокоен, почти равнодушен к происходящему, и потому женщина всего лишь повернулась, чтобы оказаться лицом к лицу с...

Если чужеземец казался Эвине достойным противником, то этот незнакомец одним своим видом рассеивал любое желание сражаться, хотя не держал в руках оружия и не вел себя устрашающе. Единственной странностью его облика могли считаться волосы, трехцветными прядями окаймляющие суровое лицо. Золото, серебро, пламенеющий уголь. И почему-то благороднейшей из благородных было понятно: это вовсе не краска.

— Кто вы? И что делаете в моем доме?

— Если хотите, можете прогнать. Только чуть позже, когда я приведу этого молодца в чувство, — ответил незнакомец, спускаясь по ступеням походкой степного волка.

Он подошел к черномундирнику вплотную, заглянул в безумные глаза, покачал головой, а потом всего лишь положил ладонь на вспотевший лоб и сказал:

— Пора возвращаться.

Бальгерито затрясся, словно дрожь из взгляда наконец-то перебралась в его тело, и вдруг обмяк, ловко подхваченный под руки незнакомцем. Тот положил свою ношу на землю, опустился рядом, какое-то время смотрел на ставшее безмятежным лицо черномундирника и, только дождавшись чего-то ведомого лишь ему одному, звонко щелкнул пальцами.

Часть 8.2

Будто подчиняясь команде, глаза бальгерито открылись вновь, но теперь уже никаких мячиков в них не было. Молодой человек сел, поднес руку к носу, недоуменно взглянул на свои пальцы, испачканные кровью, но куда больше удивления возникло в его взгляде, когда он увидел человека с разноцветными волосами.

— Не может быть!

— Может, — скучаяще возразил незнакомец и без паузы спросил: — Что ты хотел нам рассказать?

— Вам? — Черномундирник растерянно окинул взглядом двор. — Я должен был предупредить эрриту Фьерде о...

Тут он, по всей видимости, что-то вспомнил, потому что, судорожно трепыхаясь, попытался встать на ноги, однако был возвращен обратно легким движением руки.

— Уходите отсюда, скорее!

— Почему я должна уйти? — спросила Эвина.

— Он приведет сюда своих людей и убьет вас!

Чего-то подобного благороднейшая из благородных и ожидала. Но совсем из других уст.

— Почему я должна тебе верить? У меня есть другие доносчики, и они пока...

— Он уже никогда ничего не донесет вам, эррита. Человек по имени Льиг Ревено разбил сегодня вечером свою голову о стену.

— Его убили? Кто? Эта белобрысая падаль приказала?

— Он все сделал сам. Потому что услышал слова проповеди, в которых говорилось о предательстве.

Эвина не поверила собственным ушам. Да, чужие слова могут иметь большую силу, но сила духа ее верного слуги была ничуть не меньшей. И он никогда бы не пошел на поводу у...

— Невозможно!

— Я видел все своими глазами, эррита. И я чувствовал то же самое. Не знаю, как объяснить... То, что говорил нам человек в белой одежде, брало за душу, словно клещами. Я не мог ни о чем думать, только слушать и... Исполнять услышанное.

— Вас чем-то накормили? Опоили? Что-то дали вдохнуть?

Благороднейшая из благородных не цеплялась за простые объяснения, вовсе нет. Существовало множество способов заставить людей действовать нужным образом, и вполне могло статься, что...

— Только слова, эррита. Были только слова.

— И слов иногда более чем достаточно, — подтвердил незнакомец, — если их произносят должным образом подготовленные уста.

— Подготовленные?

— Этот человек и все прочие, в том числе и ваш несчастный слуга, всего лишь встретились с демоном.

— С чего вы взяли?

— Ах да, я же не представился... Забыл. Прошу прощения. — Он насмешливо поклонился. — Иттан со-Логарен. Охотник на демонов.

Эвина никогда не слышала названного имени, зато кое-что знала об упомянутом роде

занятий. В частности, то, что стоящий сейчас перед ней человек — враг тех, кого она хотела вернуть на покинутый престол, единственное существо на свете, которого ийяни по-настоящему боялись. А значит, и ее враг.

— Что привело вас сюда?

— Можете догадаться сами, — улыбнулся тот.

— Здесь давно уже нет демонов!

— Неужели? А кто совсем недавно швырял людей в стену? Или кто-то просто был не в духе?

Благороднейшая из благородных поджала губы. Если этот наглец действительно присутствовал в Катрале уже несколько дней или, в крайнем случае, получал сведения из первых рук, возражать было бессмысленно. И все же она попыталась:

— Почему же вы за ним не охотились? Почему позволили вмешаться бальгерии?

— Если кто-то достойно выполняет мои обязанности, я не против. Но похоже, хозяин этого города имел совсем другие виды на пойманного демона, чем я.

— А что сделали бы вы?

— Отправил бы прочь. Туда, откуда он пришел. И поверьте, без всякой жестокости.

Эвина фыркнула:

— А вы спрашивали, что по этому поводу думают ваши жертвы?

— Представьте, спрашивал. И продолжаю спрашивать. Каждый раз. Правда, не все соглашаются ответить.

Благороднейшая из благородных не ждала победы на этом поле боя. С первого же взгляда на охотника было понятно: обыденным оружием его броню не пробить, а ничего другого в распоряжении эрриты Фьерде не было. Поэтому оставалось только промолчать и выслушать то, что пожелает сказать нежданный гость.

— Им нет дела до нас с вами. Они стоят в стороне, наблюдая или дергая за ниточки. В сущности, они даже неуязвимы. Я могу всего лишь прогнать их. Но не могу помешать им вернуться.

— И сейчас вы тоже пришли... прогонять?

Охотник кивнул:

— Да. Пока не стало слишком поздно.

— А если я... если кто-нибудь не позволит вам это сделать?

В ответ он кротко улыбнулся и предложил:

— Хотите попробовать?

Эвина знала, что не останется без поддержки. Вся челядь, собравшаяся во дворе перед домом, готова была сложить головы в сражении за свою хозяйку. Но это означало бы проиграть войну, так и не добравшись до первого боя.

— Если вам нужен демон, так идите и ловите его.

Прозвучало не очень-то повелительно, не так, как хотела бы того благороднейшая из благородных, но все же достойнее, чем трусливое молчание.

— Непременно поймаю. А что станете делать вы?

— Это имеет значение? — делано удивилась Эвина.

— Вы слышали, что сказал этот человек? На вас собираются напасть. И есть только два пути, ведущих вас дальше: убежать или драться. Какой выберете вы?

Она промолчала. Не потому, что вопрос вынуждал принять решение раньше времени, а по другой причине: бежать благороднейшей из благородных было попросту некуда.

Да и возможно ли сбежать от мерцающего перед глазами призрака сестры? Сестры, которая никогда не выбирала между тем, что показать врагу, клинок или спину. С недавних пор Эвина боялась не смерти и не поражения. Сильнее всего ее бросало в дрожь при мысли, что кто-то когда-нибудь сравнит двух сестер — и вовсе не в пользу оставшейся в живых.

Им всем было легче. Родителям, Лейре. Умереть, не думая о последствиях, — просто. Продолжать жить и расхлебывать эти самые последствия...

Благороднейшая из благородных стиснула красный платок в кулаке.

— Вы были сегодня на площади. Вы слышали вопросы и ответы на них. В этом городе нет больше места миру, нет места согласию. Я и вы слишком долго надеялись на слова, но все впустую. Тот, кто уничтожил наших прежних правителей, захотел сам занять их престол, а ведь он всего лишь человек. Он такой же, как мы. Так позволим ли мы возвыситься тому, чья макушка всегда была вровень с нашими?

Челядь молчала. Она не привыкла возражать хозяйке, а сейчас и вовсе понимала: время слов закончилось.

— Он не пожелал выйти на честный бой. Он совершил святотатство, которое невозможно искупить ничем, кроме смерти: пленил ийани и заставил служить себе. Он надругался над нашими богами! Те двое — чужие в Катрале, рассказы о них принесли сюда нарочно, чтобы мы забыли настоящих богов. И мы начали забывать... Многие из нас. Но я хочу и буду помнить, до последнего вздоха. А вы?

Короткое мгновение тишины, наступившей вслед за вопросом, рассеял громкий хлопок, за ним еще один. Десяток. Сотня. Но это были не те хлопки, что выражают признание ярмарочным актерам за славное представление. Бой барабанов или поступь тяжелой пехоты — вот что сейчас звучало над двором. Звучало все сильнее, и Эвина Фьерде чувствовала, что ее сердце начинает биться в такт хлопкам.

Это было не неприятно, даже наоборот, волнительно и заманчиво. Только тот, что стоял рядом, неодобрительно качнул головой:

— Наверное, вы не можете поступить иначе. Но зачем торопить события?

Благороднейшая из благородных повернулась к охотнику:

— Что бы вы ни сказали, я не стану думать иначе, чем думала прежде.

— Понимаю.

Больше он не стал тратить слова на Эвину, а обратился к черномундирнику, уже кое-как поднявшемуся на ноги:

— Ты видел всех, кто слушал проповедь демона?

— Каждое лицо.

— А не было ли среди них того человека, вместе с которым ты приехал в Катралу?

— Он стоял в первых рядах.

Если бы Эвина Фьерде смотрела в эту минуту на охотника, то могла бы поклясться, что тот выругался. Витиевато и притом совершенно беззвучно. Но военачальница, готовящая армию к сражению, уже возвращалась в дом, чтобы проститься с прежней жизнью.

И попросить у умерших прощения за то, что так долго находилась в плену осторожности.

И сейчас...

— Ты хорошо знаешь дом?

Светловолосая голова кивнула, все еще не решаясь повернуться ко мне.

— Здесь есть укромные места, чтобы надежно спрятаться?

Новый кивок. Уверенно-увердительный.

— Сейчас я пойду наружу, а ты найдешь себе убежище. Такое, о котором никто не будет знать.

— И вы тоже? — спросила она тихо-тихо, разговаривая скорее со складками воротника, а не со мной, словно боялась встретиться взглядом.

— И я тоже. Я — прежде всего. У тебя будет не много времени, но ты успеешь. Должна успеть. Просто иди и спрячься.

Вряд ли девушке что-то грозило в ближайшие минуты, но следовало убрать ее подальше. Для моего спокойствия. Или для спокойствия того, кто сейчас делил со мной тело?

Я чувствовал его присутствие яснее, чем собственную дрожь.

Я никогда раньше не чувствовал ничего подобного.

Это очень сильно походило на сумасшествие, такое, каким его обычно представляют по чужим рассказам: ощущения, основательно раздвоившиеся, но в то же время сцепленные друге другом прочнее и надежнее, чем звенья цепи.

Два мира то равномерно, то хаотично колыхались перед глазами. Казалось бы, я непременно должен был сбиться с шага, запутаться, утонуть в обилии впечатлений, но все происходило ровно наоборот, словно чья-то уверенная рука успевала раз за разом отодвигать в сторону занавеси, бесчисленными полотнищами закрывавшие от меня мой теперешний путь.

Я больше не был человеком.

А может, только теперь им стал?

Дорожка свечей вывела меня во двор, туда, где все началось. Я шел медленно, наслаждаясь двойственностью моего нового мира, дыша морозным воздухом и борясь с желанием расстегнуть душный ворот рубашки еще больше.

Только нынешней ночью мне стали понятны отчаянные безумцы, заключающие сделку с демонами. От такого ведь не отказываются. Раздвинуть границы бытия — что может быть волшебнее? Ощутить полноту своего существования, пусть отчасти заемную и все же невозможно заманчивую, — разве есть на свете вещь, стоящая дороже?

Но что-то, что-то оставшееся от того прежнего Ханнера Мори со-Веента, помнившее необходимость подчинения, не всегда возникающую из полученного приказа...

Что-то шептало мне: хоть мир и стал больше, он закончится намного быстрее, чем прежний. Чем тот мир, который я только-только начал постигать.

Болезненное ощущение гибели. Оно тоже двоилось, ведь ни демон, ни я не собирались жить вечно. Но это ни в коем случае не значило, что мы готовы были позволить убить себя раньше времени.

— Ты долго там пробыл, — по обыкновению равнодушно, может, лишь слегка недовольно отметил верховный бальга.

Следовало бы насторожиться, поймав слухом слово «долго», но меня вдруг приводит в ледяную ярость совсем другое.

Долго, значит? Хорошо. Согласен. Но почему «там», почему не «с ней»? Он говорит о месте, а не о действующих лицах. Неужели собственная сестра никогда ничего для него не значила? Выходит, да. Но точно так же выходит, что и второй участник представления — не более чем кукла. А что, он вполне прав: я же впустил в себя демона. И не жалею об этом.

— Наверное, грехов оказалось слишком много.

— Но теперь они все искуплены?

Рукояти ножей ощутимо нагрелись в пальцах, да и лезвия, прижатые к бокам, спрятанные от случайных взглядов под широкими рукавами рубашки, мало-помалу впитывали в себя тепло тела. Пока что только моего.

— Да. Я чист, как летнее небо.

— И готов к очищению души?

Ну конечно! Зачем ему волноваться о возможном ослушании? У нет же есть средство в любой миг вернуть человеческий разум обратно в пучину чужой воли.

— Я не тороплюсь. Могу подождать, пока остальные справятся со своими грехами.

Можно было еще немного поиграть с этой чернобокой мышкой, но ни я, ни мой новый напарник почему-то не хотели оттягивать неизбежную развязку. Должна пролиться кровь? Так зачем же медлить? И я вздрогнул от предвкушения боя, когда бальга, почувствовавший неладное, заставил прозвучать над двором голос прибоженного:

— Из всех грехов, выпадающих человеку испытанием, самый простой, но самый трудный в преодолении — ложь. Она просится на язык, ластясь как кошка, она обещает легкую победу во всех сражениях... Вижу, такое испытание выпало и на твою долю.

Наверное, я должен был упасть на колени и начать биться головой о каменные плиты. Не знаю. Но в любом случае не слушать, спокойно глядя на проповедника. Правда, тот ничуть не смутился и продолжил:

— Но грех — это всего лишь враг, такой же, как и все прочие. Можно отступить, поддавшись на уговоры. Можно дать отпор. Как поступает солдат?

— Солдат исполняет приказы.

— Верно, — кивнула темноволосая голова, как мне показалось, вполне удовлетворенно. — И когда я прикажу тебе ответить...

Его слова больше не трогали мою душу, хотя оставались правильными, проникновенными и даже мудрыми. Они наверняка достигали сердец всех, кто сейчас находился во дворе, но для меня звучали пустым эхом, заблудившимся среди высоких стен.

— А может быть, сначала задашь вопрос?

Больше подтверждений моего отступничества не потребовалось: прибоженный замолчал, застывая как статуя и отдавая право голоса тому, кто раньше никогда не нуждался в посреднике между собой и подчиненными.

— Что-то случилось. Что-то произошло там. Между вами.

Он все еще не спрашивал, а высказывал собственные предположения. Близкие к истине, но невозможно далекие от меня.

— Можно и так сказать.

Бальга прищурил глаза, вглядываясь в мое лицо, и с каждым мгновением этот пристальный взгляд становился ощутимо тяжелее: если бы он вдруг чудесным образом превратился в цепь, то я точно не смог бы сдвинуться с места.

— Как тебе удалось? — наконец снизошел до вопроса Иакин Кавалено, впрочем произнося слова своим обычным равнодушным тоном, словно ничуть не удивился увиденному.

Понял, какого постояльца приютило мое тело? Итак, теперь мы оба знаем друг о друге все. Беда только в том, что это означает: разговаривать нам больше не о чем. Но меня все-таки спросили, стало быть, надо ответить.

— Наверное, кто-то из них поспособствовал, — улыбнулся я, взглядом указывая в темные небеса.

Блондин, прежде так настойчиво насаждавший среди горожан поклонение небожителям, скривился:

— Больше они тебе не помогут.

Ну вот и выяснилась цена его вере! Жаль. Для меня Бож и Боженка тоже всего лишь слова, но я никогда не пытался ничего решать за тех, кто смотрит на нас с недоступной высоты.

— А мне больше и не надо.

Верховный бальга повернулся и поднялся на ступеньку вверх, словно показывая, что с его стороны разговор окончен.

Понятный ход. Наверное, даже единственно возможный. Правда, теперь уже бесполезный.

Белые крылья мантии взвились над простертыми вперед руками прибоженного:

— Ему была дарована возможность искупить свои грехи, но явлено последнее испытание: соблазн овладеть силой демона. Благодарите богов, что вы по праву рождения защищены от этой напасти! Благодарите и... исполняйте то, что вам предназначено. Его тело погублено, но душу... Душу еще можно спасти. Так сделайте все, чтобы она смогла выбраться на волю!

Вот оно. Началось, долгожданное.

Живой коридор оцетинился клинками. А я на мгновение прикрыл глаза, чтобы увидеть не то, что обычно кроется под опущенными веками, а сверкающий на солнце снег.

Шаг. Второй. Третий. Разные по длине, качающие меня из стороны в сторону, как пьяного, но неуклонно продвигающие вперед. Главное, не останавливаться.

Черномундирники то тычут в меня своими ножами, то стараются полоснуть хотя бы по коже, лишь бы удалось пустить кровь. И каждый раз пугаются, когда я, вместо того чтобы отпрянуть, делаю шаг навстречу, туда, где блестят острые лезвия, почти касаюсь их, почти обнимаю...

Это всего лишь шипы, защищающие бутоны. Всего лишь беспорядочно торчащие, не имеющие собственной головы колючки, которые легко раздвинуть и проскользнуть между, прямо к мясистой плоти цветка, никак не набирающегося сил раскрыть лепестки, узника, молящего о помощи со стороны. А я не могу отказать просящим.

Взмах — короткий, вжимающий клинок в тело, и бутон лопается, распускаясь кровавой розой.

Слева. Справа. Впереди. В полушаге сзади. Нуждающихся много, но на каждого приходится лишь по одному удару. Каждому — равное воздаяние, только так будет честно и правильно...

Их клинки взрезают воздух вокруг меня, мелькают так часто, что кажется: все пространство изрублено на беспорядочно мечущиеся куски. Но это не мешает моему танцу продолжаться.

Они могли бы остаться в живых. Я мог бы их не убивать. Все, что требовалось, — не становиться моими противниками. Отойти в сторону. Вообще уйти прочь, потому что исход любого боя сейчас предreshен в пользу победителя.

В мою пользу.

Часть 8.3

Кому-то из черномундирников везет, и густо-алые розы раскрываются не на груди, а на других частях тела, лишая возможности двигаться, зато оставляя надежду на жизнь. Мне хочется закончить все поскорее и одновременно тянет помедлить, чтобы насладиться так неожиданно дарованной властью. Властью над собственным телом. Но ручей противников иссякает быстрее, чем я успеваю утолить свою жажду. Остаются лишь двое: белая и черная птицы, замершие на своих насестах. И вряд ли кто-то из них двоих намерен драться.

Я поднимаюсь по лестнице туда, куда свет факелов добирается уже с трудом, но фигура, с каждым шагом приближающаяся ко мне, словно светится сама, изнутри, причем все ярче и ярче, погружая своего соседа в крошечную темноту. А потом и вовсе вспыхивает как маленькое солнце. Вспыхивает так, что хочется зажмуриться.

— Ты отменно справился со своей задачей, Да-Диан. Осталось последнее усилие, совсем крохотное, и это тело станет полностью твоим.

О чем он говорит? Обращается явно не ко мне, а к кому-то другому. К кому-то, спрятанному внутри. Но тот почему-то не спешит отвечать, хотя я чувствую, как он напрягается, слушая.

— Видишь, как все просто? Даже самая непослушная кукла не может устоять перед нами.

Эти слова слетают с уст прибоженного, но голос словно принадлежит не ему, а человеку намного старше.

Да и человеку ли?

— И ты сделал хороший выбор, поздравляю! Славное тело, сильное. Тело воина. Надеюсь, и желание было достойным?

Демон внутри меня молчит, то ли испуганно, то ли растерянно. А может быть, готовится к тому самому последнему шагу, к последней атаке, после которой меня уже не станет? Он ведь обещал в случае чего добраться до меня, верно? Возможно, такой случай как раз наступает.

— Не тушуйся, мой мальчик! Даже если не все получилось, как ты хотел, мы исправим это. Вместе.

Он протягивает мне руку. Раскрытую ладонь. Протягивает, как... друг. И моя рука вдруг медленно начинает подниматься навстречу, все еще сжимая в пальцах рукоять ножа, но я чувствую, как хватка миг за мигом ослабевает.

Нет, только не это! Мне нужны противники, а не друзья! Я ничего не смогу сделать, если тот, кто стоит передо мной, примет мою сторону. Я ничего не...

Неужели на этом все и закончится?

— Ты убил его, — глухо звучит из-за спины прибоженного.

Это бальга решил вступить в разговор. Но он снова не спрашивает, а лишь бесстрастно подводит черту под произошедшим.

— А ты надеялся сделать меня своим слугой? — улыбается демон в белой мантии. — Попытка была чудесная. Достойная моего истинного сына. Но я все-таки умнее, чем ты думал. Странно, правда?

Я должен был бы убить обоих, убить без раздумий и промедлений, но вместо этого стою на месте, слушая нелепый разговор. А почему? Потому, что ни один из них не является моим

противником. Демон предлагает чуть ли не дружбу, бальга, потерявший свою армию, не торопится отдавать новый приказ, можно сказать, вообще не замечает моего присутствия.

Вот он, край моего мира. Впереди лишь глухая стена, через которую невозможно перебраться. Теперь или кто-то соблаговолит открыть мне новую дверь, или...

— Но ты все еще повторяешь мои слова.

— Почему бы и нет? — Бывший прибоженный злорадно скалится, но смотрит на меня, а не на верховного бальгу. — В них есть смысл. Ты намерен истребить всех демонов в этом мире? Я не против. При условии, что останусь единственным. Даже могу поклясться не особо докучать тебе. Дам слово, что дождусь твоей смерти от старости и только потом начну новые завоевания. Как смотришь на это? А сейчас, конечно, помогу. Пока наши пути идут в одном направлении, разве ты не видишь?

Он все-таки шевельнулся, демон внутри меня. Когда прозвучало слово «единственный». Словно очнулся от дремоты. Словно, несмотря на все уверения, волшебный голос прибоженного все-таки чуточку действовал и на него. Но простого пробуждения все равно было недостаточно.

— Ты хочешь истребить своих сородичей.

— Да. Всех до единого.

— Ты ненавидишь их.

— Просто я сильнее. Ты тоже сильнее людей, живущих в этом несносном городе. Как ты поступаешь? Вершишь свою волю, потому что только она имеет право быть воплощенной. И я действую точно так же.

— Они придут снова.

— Конечно! — Кажется, что демон искренне рад. — Придут, куда ж они денутся? И я буду их встречать. Сначала вместе с тобой, потом без тебя... Встречать и отправлять обратно.

— Их злость будет расти.

— И это прекрасно! Что может быть лучше обозленного противника? Он настойчив и упорен, но одновременно недалновиден, а значит, схватка будет недолгой. Яркой, наполненной страстями и молниеносной. Я соскучился по таким сражениям. А ты?

Он обращается ко мне. Снова. Почему? Сам же только что говорил, что намерен остаться в одиночестве. Да еще и подмигивает. Намекает, что все сказанное служит только для отвода глаз? Похоже. Но демон внутри меня больше не слушает голос, летящий над площадью.

И я не слушаю. Я мучительно ищу возможность сделать создание в белой мантии своим противником, чтобы... Уничтожить.

— Да, наше войско поуменилось. Жаль, но ничего не поделаешь, будем набирать новое. И опираться будем, пожалуй, на людей: с той силой, что ты мне подарил, нетрудно любого заставить действовать в наших интересах. Для начала поставим под свое знамя Катралу, а потом двинемся дальше, до самой...

По горлу прибоженного вдруг пролегла тонкая полоска, казалось сотканная из отсветов факелов. Только несколько мгновений спустя я понял, что это такое: цепочка, та самая, что спускалась с плеча верховного бальги к алому камню на груди. Не слишком длинная, она все же оказалась достаточной, чтобы обвиться вокруг шеи демона и врезаться в кожу.

— Ахрх...

Оружия блондин с собой не носил никогда, и, наверное, это расслабило демона.

Помогло забыть, что убивать можно даже голыми руками, были бы случай и желание.

— Что ты... стоишь... Помоги!..

Он смотрел на меня, правда, не умоляюще, как полагалось бы, а словно приказывая. Но он не был моим командиром.

— Увы, это не мой, а твой противник.

Это сказал не я. Сказал он, впервые добравшись до поверхности.

Прибоженный хрипел недолго: с минуту, не более. А потом бальга ослабил натяжение удавки, и тело, лишившееся жизни, покатилося по ступенькам вниз.

Мы оба проводили взглядом ворох белой ткани, в путах которого обиженно вспыхнула и погасла крохотная синяя искра. Оба, не трое: демон не пожелал смотреть, отвернулся. А может, закрыл глаза.

— Убьешь меня?

Блондин, пожалуй, впервые спросил по-настоящему, говоря не о том, что должно произойти или произошло, а о том, чего он не знает. Правда, ответить я не успел.

— Не сможешь. Мог бы — убил бы сразу, как поднялся сюда. Значит, такова цена твоей сделки?

Да, и она казалась мне достойной. Наверное, надо было пожелать чего-то другого. Чего-то намного большего, чем победы, и намного более простого. Но сейчас об этом уже поздно думать, да и... не придумывается ничего, кроме вопроса:

— Ты правда хотел истребить всех демонов?

Бальга бесстрастно кивнул:

— И не только. Все их семя. Всех недокровок, что они успели наплодить.

— Благое намерение.

— Закончившееся ничем.

Если можно так сказать. Все-таки недокровки Катралы в большинстве своем истреблены. Да и демоны... Остался только один. Тот, что во мне.

— Ты собирался действовать в одиночку. Почему? В мире есть много людей, желающих того же, что и ты. Много тех, кто уже действует.

Блондин мрачно посмотрел на меня:

— Пресловутые Цепи? Да, я слышал о них. В своей борьбе они пользуются силой демонов.

— Как и ты.

— Как и я, — согласился он. — Но я проиграл. А значит, и они проиграют.

Верховный бальга Катралы не собирался драться, а потому мне оставалось только беспомощно смотреть, как он спускается по лестнице во двор.

— Я тоже хотел положиться на чужую силу. Силу врага. Я думал, что смогу заставить ее служить во благо... Ерунда. Злом не вымостишь дорогу к добру, теперь мне это хорошо известно. Теперь я не повторю...

— Не трогай его! — раздался крик с галереи.

Она стояла там, женщина, с лица которой ушли все краски. Стояла, не отрывая взгляд от Иакина Кавалено, но разговаривая со мной.

— Забери эту старую каргу, только отпусти его!

— Танна...

Бальга хотел что-то сказать, но я его перебил:

— Забрать кого?

— Старуху, которую я притащила из столицы. Такую же ийани, как и ты.

Старуха из столицы? Уж не о моей ли беглянке идет речь?

— Я скажу тебе, где ее искать, только...

— Танна, убирайся.

Он произнес это слишком тихо, чтобы звуки голоса долетели до галереи второго этажа, но женщина все же услышала. И возразила:

— Я не уйду без тебя!

По лицу блондина прошла волна дрожи, на мгновение исказившая все черты чем-то весьма напоминавшим отчаяние..

— Убирайся прочь.

— Она пригодится тебе. Она знает имена всех демонов, живущих в этом мире!

Подумаешь, сокровище! Что толку в именах, если довольно выпустить свору недокровок, чтобы выследить всех пришельцев? Что толку...

Она знает. Значит, она должна знать и Его имя. Значит, она нужна мне.

И мне нужна. Была нужна уж точно. Я даже поиски начал с правильного конца. Правда, и подумать не мог, что демон окажется соратником, а не зверем, которого будут загонять.

Она нужна нам обоим?

— Возьми ее и уходи! Ты можешь это обещать?

— Танна! — Вот теперь его голос воистину прогремел над двором. — Убирайся отсюда! Убирайся прочь вместе со всеми своими глупостями!

Женщина отпрянула от парапета галереи. Слилась с густыми тенями. Исчезла. А я опять остался стоять на месте, потому что противников под рукой все еще не находилось.

— Я и так уйду, — сказал бальга. — Ты не станешь мне мешать. Не знаю почему, но не станешь.

Да. Таковы пределы моего мира. Пределы, которые...

По границе зрения прошла уже знакомая волна, одна из тех, что недавно кружили мою голову. Но если все предыдущие растворялись в песке неведомого берега, уходили куда-то вдаль, то эта, родившаяся где-то глубоко внутри, ударила о стенки сознания и поспешила обратно, чтобы вернуться, набравшись сил.

Удары следовали один за другим, не давая времени на передышку, словно какая-то невидимая птаха силилась разбить скорлупу своего временного прибежища. Словно...

Это он пробивался наружу. Демон. Он не мог больше ждать, в отличие от меня, обреченного на ожидание.

Границы миров приближались друг к другу. Я уже чувствовал холод зимнего полдня повсюду вокруг себя, а кровь, наоборот, текла по сосудам как расплавленное железо, сжигая на своем пути все ощущения. И как только она доберется до моего сердца...

Наверное, такова участь всех, кто решился делить свое тело с демоном: рано или поздно гостю становится тесно в хозяйском доме, и он пытается сам стать хозяином. И насколько я помню, еще ни одному человеку не удалось победить в этой борьбе. Насколько я помню...

Но побеждать — это же мое желание. Желание, подлежащее исполнению независимо от противника.

Я не уступлю тебе, слышишь? Или мы пойдем дальше вместе, или...

Новый удар.

Даже не надейся!

Представить борьбу внутри собственного тела и сознания? Проще сразу сойти с ума.

Сойти...

Отойти.

В сторону.

Сначала это была тонкая, полупрозрачная, как кисея, занавеска. Потом, когда я смог отодвинуться чуть подальше, ей на смену пришел ковер, плотнотканый, такой, каким завешивают каменные стены, чтобы не пускать домой холод. И только потом начала расти она.

Ограда.

Я строил ее из чего только мог: из обрывков воспоминаний, из ошметков чувств, из призрачных образов, до которых мог дотянуться.

Родители. Лучистый взгляд матери, спокойные наставления отца. Пепелище сожженного дома. Ладонь, похлопавшая меня по плечу и отправившая обратно, в Сопроводительное крыло...

Лодия. Послушная, но непокорная, страстная, но горящая не для меня. Струны лютни, стонущие под пальцами. Непрозрачавшее «прощай»...

Атьен Ирриги. Пространные речи, лукавые взгляды, обещание будущего и слишком жестокий экзамен. Ту задачу не смог бы правильно решить никто на моем месте, потому что она не имела решения вовсе...

Керр, никогда не щеголяющий золотом своего Звена. Человек, умеющий играть чужими судьбами, но и сам не отказывающейся от игры, если таковую предложат. Он пытался что-то вложить в меня. Преуспел ли?..

Киф. Я помню его страдальческий взгляд, помню до сих пор так же ясно, как будто вновь и вновь вижу перед собой. Я не исполнил его единственную просьбу, не сделал то, что было мне по силам. Поскупился...

Ньяна. Добрая моя Ньяна! Не понимающая, что происходит, и все же не уходящая с линии атаки, потому что когда-то кому-то дала слово быть там, где понадобится. Своевольная, но ни разу не возразившая приказу — почему я не успел научиться у тебя хотя бы этому?..

Натти, он же Иттан. Беспечный и озабоченный всем на свете. Тратящий время на ерунду и успевающий все самое важное. Я не могу оценить твои поступки, не могу назвать их ни добром, ни злом. Ты где-то в стороне от всего этого, верно? Где-то там, куда так отчаянно хочу попасть и я...

Нери. Рыжеволосая лисичка. Вздорная девчонка, которую сначала заставили повзрослеть, а потом она и сама поняла все прелести взрослой жизни. Поняла и пользовалась вовсю, пока не добралась до уготованного ей края, до границы своего старого мира, где ее ждет...

Осень.

Я обещал вернуться к осени.

Я обещал выдать лисичку замуж.

Я...

Пухлые губы, задрожавшие от бессильной ярости. Зеленый взгляд, в котором смешались мольба и отчаяние. Она всего лишь девушка. Но она...

Яркая.

Чувствующая.

Живая.

Или я оказался сильнее, или он сдался, одно из двух. Но кому нужны причины, когда в руки приходит победа? Если бы еще можно было ощутить хоть что-то помимо смертельной усталости! Радость. Удовлетворение. Азарт, в конце концов. Где они? Есть только двор, освещенный факелами, и человек, постепенно уходящий все дальше и дальше.

— Не торопись...

* * *

— Не торопись!

Наши голоса слились в один, но второй, принадлежащий благороднейшей из благородных, прозвучал куда как звонче.

Должно быть, кто-то из ее людей перебрался через стену и открыл ворота. Как бы то ни было, мертвая пустота двора вновь оказалась заполнена, и теперь уже вовсе не черномундирными бальгерито. А впереди всех, конечно, шла она, эррита Эвина Фьерде, прекрасная и величественная.

— Тебе предстоит ответить.

— За что? — недоуменно спросил блондин. — Все они были моими людьми. Все они исполняли мой приказ.

— Пусть так, — качнулась черноволосая голова. — Но на твоей совести есть и другие грехи. Ты хотел уничтожить то, что составляет душу этого города.

— Демонов? — фыркнул бальга.

— Нашу веру в них, — совершенно серьезно ответила благороднейшая из благородных. — Твой отец начал это, ты продолжил.

— Вам предложили верить в...

— В чужих богов? Что они сделали для нас? Разогнали по домам, заставив подозревать и бояться соседей? Ийани, некогда пришедшие сюда, возвели этот город и подарили нам надежду.

— Они убивали вас.

— Это никогда не было убийством. Мы принимали их силу, чтобы дальше служить своему народу!

— Он бы с тобой поспорил, если бы был жив. — Бальга указал на тело, погребенное под ворохом белой ткани. — Он бы рассказал тебе, сколько времени нужно демону, чтобы занять человеческое тело. Занять полностью, понимаешь? Вы умирали сразу же, как пускали их в себя. А они жили. Жили, высматривая себе новое тело.

Он говорил правду, но Эвина вряд ли это осознавала. Или такая правда ничуть не казалась ей ужасной.

— Или спроси у него. — Иакин Кавалено повернулся ко мне. — Да, спроси у него! Может быть, он ответит, если, конечно, демон еще не успел убить в нем человека!

Взгляд эрриты Фьерде мучительно вздрогнул и тут же вспыхнул, обжигая мое лицо невероятной смесью удивления и счастья.

— Вы... В вас находится ийани?

Что я мог ответить? Только признать:

— Да.

Она бросилась ко мне, упала на колени и начала покрывать поцелуями мои пальцы, так пока и не расставшиеся с рукоятями ножей.

— Эррита...

— Молчите! — Благороднейшая из благородных подняла лицо, мокрое от пролившихся слез и одновременно сияющее, будто каждая капля соленой влаги на щеках обернулась драгоценным камнем. — Молчите, прошу вас... Не надо слов. Сейчас — не надо.

Я должен был бы поднять ее. Или оттолкнуть. Или благосклонно принять жертву. Путей, ведущих вперед, было много, только право выбора мне больше не принадлежало. Вместе с Эвиной Фьерде передо мной склонилась вся Катрала. Но вся шутка состояла в том, что меня здесь не было.

Клетка, в которой бесновался демон, отняла все, чем я владел, все, что составляло меня. Чувства, мысли, воспоминания... Я сам вырвал их из своей сущности, стремясь победить.

Что ж, Ханнер Мори со-Веента победил. Правда, ценой собственной жизни. Ценой самого себя. А кто остался?

Человек. Просто человек, получивший исполнение желания.

Пустое место. И пожалуй, было бы справедливо, если бы его занял демон.

Я чувствую себя мертвецом. Нет ничего позади и нет ничего впереди: прошлого не осталось, все ушло на строительство темницы для демона, а будущее... Его кто-то будет придумывать за меня, потому что мне самому оно не нужно.

Будущее, многократно нарисованное моим воображением, сбылось, да так, что даже фантазия признала свое поражение перед реальностью. А дальше я не загадывал. Не планировал. Не представлял. Наверное, надо было. Наверное, если бы у меня в запасе оставалось хоть немного сумасшедших картинок грядущих дней, все стало бы намного проще. Впрочем...

Есть те, кто всегда готов придумать мое будущее. Будущее наполовину человека, наполовину демона.

— Я уже не смела просить... — шептала благороднейшая из благородных костяшкам моих пальцев. — Я не смела даже думать, что наши боги вернутся. И они выбрали лучшее из возможных воплощений...

Она последний раз подарила поцелуй моим рукам, поднялась и повернулась к людям, во все глаза глядящим на свою предводительницу.

— Эта ночь будет вписана в историю Катралы как второе рождение города. Ночь, вернувшая нам нашего бога. Одного из многих. Мы пойдем за ним к славе и...

— Он же демон!

Это крикнул кто-то из задних рядов, но если хотел остаться неузнанным, то надеялся напрасно: слуги Эвины тут же поспешно расступились, желая и рассмотреть святотатца, и показать его нам.

Бледное лицо над черным мундиром. Знакомое. Я должен знать этого человека, но никак не могу припомнить, где и зачем мы встречались. Нетвердо стоящий на ногах, словно изможденный совсем недавно преодоленным недугом, но не потерявший присутствия духа. А во взгляде светится отчаяние. Шальное. Безумное.

— Он демон!

— Да, — спокойно подтвердила благороднейшая из благородных. — Он преемник прежних богов и наш нынешний бог.

— Он демон...

— Этот город обязан ийани своим рождением и процветанием. Для нас нет счастья больше, чем служить нашим богам.

— Вы говорите за всех? За каждого из тех, кто стоит здесь? За каждого, кто сейчас в своей постели мучается бессонницей?

— Я говорю за всех. Но если ты спросишь... Спроси у них сам.

Молодой человек качнулся из стороны в сторону еще сильнее, чем раньше.

— Вы... Вы все тут... Вы сошли с ума!

— А мне думается, безумен только один из нас.

— Вы не понимаете...

— Не мешай. Нас ждет много дел, — сказала Эвина, вновь поворачиваясь ко мне. — Каково будет ваше первое повеление?

Я молчал, глядя в сливовую глубину влюбленных глаз. Даже тогда, в то нелепое, но прекрасное утро, она не смотрела на меня так. В то утро...

Часть воспоминаний все еще оставалась со мной, но это открытие не радовало. По одной простой причине: меня самого в них по-прежнему не чувствовалось. Какая-то цель и послушное следование приказам — вот что услужливо сохранила память. Наверное, поручение было важным, другое я не стал бы выполнять. Но кому оно понадобилось? Не мне уж точно.

— Ваше первое повеление? — повторила Эвина, настойчиво вглядываясь в мое лицо.

— Опомнитесь, люди! — вновь взорвался криком человек в черном мундире. — Это же демон! Ему нет никакого дела до вас и ваших жизней! Если он велит вам умереть, вы что, послушаетесь?

Благороднейшая из благородных недовольно скривилась:

— Угломоните его.

У эрриты Фьерде были хорошие слуги. Расторопные, умелые. Но отчаянный обличитель прошел сквозь их ряды, как нож через подтаявшее масло, в мгновение ока оказавшись рядом с нами.

— Демоны заслуживают только одного! — выкрикнул он, срывая голос. — Смерти!

В руках молодого бальгерито сверкнули клинки. Не менее длинные, чем те, что до сих пор держал я, только прямые, а не изогнутые. И недвусмысленный вызов предназначался... Мне. Потому что ни в ком из окружающих меня людей черномундирник не видел достойного противника. Противника? Ну наконец-то!

Я шагнул вбок, потом вперед, огибая Эвину и оставляя ее позади себя. Не для защиты, о нет. Чтобы не мешала. Не путалась под ногами. Сражение — это хорошо. Это просто и понятно. Особенно когда твою спину прикрывает...

Следующий шаг так и не состоялся. Вместо дальнейшего движения тело оцепенело. Вместо азарта сражения пришел страх.

Как можно было забыть? Я же собственноручно посадил своего замечательного помощника в клетку! Что теперь? Сражаться одному? Но тело, едва сдвинувшееся с места, вдруг оказалось ужасающе неповоротливым.

Я не справлюсь с этим безумцем. Один не справлюсь. Мне нужна помощь, с какой бы стороны она ни пришла. Я не хочу открывать клетку настезь, но, может быть, где-то между

прутьями найдется достаточный промежуток, чтобы просунуть руку? Чтобы коснуться друг друга хотя бы кончиками пальцев?..

* * *

Его хватка не успела ослабеть за время недолгого заточения. Скорее, окрепла еще больше. Окрепла так, что ее с лихвой хватило для разрушения.

Он дернул меня к себе, дернул с невероятной силой или ненавистью, неважно. Я впечатался всем растерянным сознанием в стены, которые сам же и возводил. Смял, раздавил, расплющил, выбил прутья из креплений, открыл... Нет, не так. Освободил. Освободил ему путь.

Демон не медлил ни мгновения, во второй раз заполняя меня с ног до головы своей сущностью. И вновь под ногами хрустел колкий снег, а облачко пара, выдохнутое ноздрями, заставило дрожать очертания моего мира.

Наверное, пленником было в пору называть меня, но почему-то не возникало желания протестовать против случившегося. Напротив, среди нахлынувших ощущений преобладало спокойствие телеги, чьи колеса нашли свои колеи.

В конце концов, каково было мое желание? Побеждать. А с демоном я буду одерживать верх в любом бою. Если ему дана власть сделать мое тело совершенным оружием, зачем с этим спорить? Зачем бороться за самостоятельность? Я ведь уже был один, и довольно долго. Почти всю жизнь. И сейчас, когда судьба или воля богов подарила мне возможность стать настоящей половиной кого-то намного большего, чем человек...

Я приму этот дар, даже если мне суждено захлебнуться в волнах другого мира. Шаг. Второй. Третий.

Человек в черном мундире уже совсем рядом. Я не собираюсь скрещивать с ним клинки. Зачем? Только тратить время зря. Еще два шага, и я достигну намеченной цели, той единственно возможной и единственно правильной — за его спиной, а потом останется всего лишь нежно провести лезвием по натянутой коже...

— Довольно.

Он возник между нами, руша ритм танца. Клином вонзился в так тщательно рассчитанную цепочку шагов. Высокий, гибкий, со странно разноцветными волосами. Знакомый? Да. Несомненно. И как только я решил это для себя, откуда-то из водоворота памяти начало всплывать имя. Натти.

Впрочем, оно тут же повернулось другим боком, подталкивая прочесть себя иначе: Иттан. Иттан со-Логарен, охотник на демонов. Охотник?!

— Пора прощаться.

Он говорил, а я никак не мог понять с кем. Со мной? С демоном? И кто должен ответить? Но губы словно сами собой шевельнулись в удивленном вопросе:

— Пора?

Он утвердительно кивнул, поясняя:

— Ты же понимаешь, что я не могу оставить тебя... таким?

Наверное, я должен был понимать, но вторая половина меня, занятая новым жильцом, не хотела быть послушной. Демон решительно шагнул вперед, плечом отодвигая меня в дальний темный и пыльный угол. Я не особенно сопротивлялся, но, перед тем как уйти в тень, спросил, то ли надеясь получить нужный ответ, то ли пытаюсь предостеречь:

— Ты знаешь, какое желание было исполнено?

Разноцветные волосы взметнулись и вновь упали на плечи.

— Догадываюсь. Но не откажусь, если ты скажешь сам. Так будет легче.

— Легче кому?

— Всем нам.

Да, наверное. Правда, мне и сейчас не тяжело. Мне покойно и немного сонно. В самом деле тянет вздремнуть. Может, стоит ненадолго закрыть глаза? Обязательно закрою. Только договору то, что собирался:

— Я пожелал...

Он попытался мне помешать. Ухватился за язык, сжал челюсти так, чтобы я не мог их раздвинуть. Неужели ему страшно? Нет, тогда я бы тоже боялся умирать, а все происходило ровно наоборот. Было немного жаль расставаться с только что обретенным могуществом, это да. И было ощущение, что мы не успели. Не успеваем что-то сделать или доделать, и от этого становится... Обидно.

— Побеждать...

Ну зачем ты упираешься? От охотника нет спасения, это я тебе говорю. Прости, что не сказал раньше, еще в те минуты, когда заключал с тобой союз. И прости, что не замолчу, пока не произнесу последнее слово.

— Всех своих...

Демон толкнул мое сознание назад, ударил, вынуждая сжаться в комок, но там, где я ожидал встретить непреодолимую преграду, вместо камня вязкой стеной повисло что-то очень похожее на паутину. Она приняла меня в свои объятия, но не остановилась на полпути: нырнула под кожу, пустила ростки внутри черепа, обвилась вокруг каждой мысли, постепенно пробираясь все глубже и глубже.

А еще все это было похоже на море — спокойное, величавое, не обращающее внимания на маленькую лодку, по дощечке разваливающуюся на куски. Я тонул, глотал воду, с частотой биения сердца накрывающую меня то одной, то другой волной, почти дышал ею и никак не мог наддышаться.

Две лозы, оплетшиеся вокруг друг друга. Два сознания, выплеснутые из плоти навстречу друг другу. Где мое? Где чужое? Не разобраться. Да и нужно ли это делать? Хватило бы только сил договорить:

— Противников...

Оно стало последним, это слово, истинно принадлежавшее мне: новая волна, прикатившаяся от невидимого горизонта, надавила на мой затылок, потянула вниз, заставляя выдохнуть остатки воздуха, чтобы на следующем вдохе наполнить меня чужой сущностью и окончательно утопить в ней.

У него были собственные желания и намерения, я чувствовал. Они громоздились вокруг меня стволами причудливо изогнутых деревьев. Они прорастали сквозь меня травой. Они были повсюду, вовне и внутри, но они так и не стали моими: я мог только смотреть на их беспокойные узоры. А еще мог слушать. Нет, вру. Я, как ни старался, не мог спрятаться от эха слов, слетавших с губ, некогда мне послушных.

— Не мешай мне. Я уйду сам, но не раньше, чем сделаю то, ради чего оказался здесь.

Как странно. Оказался? Не «пришел»? Говорит так, как будто это произошло не по его воле. Как будто где-то над демонами есть высшая власть.

— Я правда уйду. И не причиню вреда никому из людей.

Вроде бы повторил то же самое, но послесловие... Оно невыполнимо. Вред ведь уже причинен. Я поврежден, и этого вполне достаточно для охотника.

— Ты первый так говоришь. Но я не могу тебе верить.

Неужели первый? Хотя, если вспомнить одержимого прибоженного, сомнений не возникает. Мы для них ничего не значим, как и они для нас. Люди — всего лишь тело, принимающее в себя гостя. Демон — всего лишь средство для исполнения желания.

Наверное, так было с начала времен. Наверное, иначе и быть не могло. То, что незнакомо, всегда враждебно именно потому, что мы его не знаем. То, что враждебно, нужно уничтожить, пока оно не уничтожило тебя. Я так жил, и не я один. Самое главное, жил, пока не решил узнать причину прежде, чем нанести удар.

— Тогда просто не мешай. Мне надо спешить.

Он не врет. Что-то гложет его, какое-то отчаянное намерение, последняя соломинка, что помогает удерживаться на плаву.

— Извини, но я не могу позволить тебе уйти.

— Я могу победить тебя. Могу победить любого. Таково исполненное желание.

Ему больно. И мне, наверное, должно быть больно, но тело уже целиком отошло к демону, а мысли, оторванные от плоти, ничего не чувствуют. И все же откуда могла взяться боль? Почему голос дрожит, как в лихорадке?

— Наверное, можешь. Но ты выбрал неправильное тело.

— Выбирал не я. Выбирал он.

О да, тут все верно. Если бы я не решился, все закончилось бы, не начавшись. Демон всего лишь храбрился, угрожая мне. Если бы он мог ворваться в мое тело самостоятельно, не состоялось бы никакого разговора. Ни словечка не было бы промолвлено.

— И желание было искренним?

— Да.

И я тоже мог бы это подтвердить. Если бы меня спросили.

— Горячим?

— Да.

Не столь жарким, как летнее солнце, но я старался.

— Заветным?

А теперь наступила тишина. Ведь мое желание было каким угодно, но только не моим по-настоящему.

— Заветным? — повторил свой вопрос охотник.

Вместо ответа, теперь уже бесполезного и бессмысленного, демон вновь двинулся вперед. Игтан не стал преграждать ему дорогу, но и молчать не стал:

— Ты пожелал побеждать всех своих противников? Отлично. Просто замечательно. Так начни с первого и самого главного!

А вот эти слова предназначаются уже для меня. Я чувствую. Я понимаю сказанное остатками сознания, еще сохранившими видимость свободы. Но кто мой главный противник? Конечно, демон. И я уже однажды победил его, заплатив немалую цену. Мне удалось загнать противника в клетку, только вот незадача: новую просто не из чего строить.

— Начни с главного противника!

Я бы рад. Честно. Но меня почти не осталось. Мне не жалко истратить все до последней крошки, но тогда я закончусь раньше, чем демон будет пленен, а значит, никакой победы не состоится.

— Начни с себя!

Он произнес это резко. Стремительно. Больно.

Больно?! Разве внутри меня что-то еще может болеть? Или просто три коротких слова всколыхнули дремотную рябь моих мыслей?

Что он сказал? Начать с себя? Но разве я враг самому себе?

— Ну же, сражайся!

Было бы с кем...

Кого из тех, кем я был, еще можно вспомнить? Кто мой последний противник?

Ханнер, сквозь зубы процедивший: «Как прикажете»?

Ханнер, целиком и полностью подчинившийся чужим надобностям?

Ханнер, упершийся в тупик на единственной дороге, которая казалась правильной?

Они точно не заслуживают победы. И пожалуй, они мешают мне. Держат за руки и ноги, тянут каждый в свою сторону. У меня нет лучшего выбора? Пусть. Но и эти образины — не выбор.

Что надо сделать? Раздробить им черепа? Разорвать грудь острой сталью? Сжечь дотла? Хорошо. Пусть будет так.

Гори оно все огнем!

И пламя пришло. На самом деле. Я не ожидал, что оно окажется настоящим, жадным и безжалостным. Мне даже захотелось убежать, когда красно-золотые языки лизнули края болота сознания. Захотелось... В первое мгновение. Не знаю, какое чудо удержало меня от постыдного бегства, зато точно помню, что он повторял и повторял как заведенный:

— Сражайся!

В своей последней схватке я не мог выжить. И не должен был выживать. Но когда до конца жизни оставался последний вздох, пламя вдруг схлынуло, открывая взгляду пустое пепелище, а мне почему-то показалось, что передо мной поле. Плодородное. Способное дать хороший урожай, нашлось бы хоть одно семечко... Жаль, что мои закрома пусты. Или в них все же что-то завалилось?

Да. Что-то есть. Я уже почти нащупал его. Крохотное, с острыми гранями, чужое, непонятное. Вызывающее вопросы. По крайней мере, один, но именно тот, на который мне бы хотелось... Нет, было бы интересно получить ответ.

— Ты молодец. Правда.

О ком это говорит охотник? Обо мне? Ерунда. Меня больше нет. Кончился. Весь, целиком. И наверное, не хочу начинаться заново. Ведь это так больно — рождаться на свет, иначе почему дети всегда кричат, покидая материнское чрево?

— У тебя получилось.

Что? Не помню. Разве я вообще что-то делал?

— Теперь за дело возьмусь я. Спасибо.

Дело? Да, какое-то дело точно было. И его надо доделать, или... Или все это было зря? Дело-дело-дело... Да вот же оно, на самом краю моего выжженного мира! Стоит лишь протянуть руку и сжать пальцы. Стоит лишь протянуть руку...

Мысли стали вязкими, совсем как сироп. Бессвязными, пустыми и надоедливymi. Мои мысли. Но есть что-то кроме них. Кроме меня. Что-то, о чем невозможно не думать. Бремя, от которого следует избавиться.

— Та беглянка... Она у подручной блондина. Иди за ней, пока не поздно...

Не знаю, шевелятся ли мои губы, не знаю, раздастся ли хоть один звук, но меня слышат. Слышат и сообщают:

— Мне нужен след.

Его слова опять похожи на нож. Бесстрастные, настойчивые, почти жестокие.

— Галерея... Там она стояла, прежде чем уйти. Там...

Кажется, я показываю рукой туда, куда нужно. Или нет: все равно в надвигающейся крошечной темноте ничего невозможно разглядеть. Ничего, кроме призрачно-синего огонька.

Где-то...

Он не человек. Или не такой человек, как все прочие, встретившиеся мне в этом мире. И уж точно не такой, как те, что приняли в своем теле моих соплеменников.

Он черен как ночь. Как та темнота, из которой я едва вырвался в тот первый раз. Я не могу разглядеть его лицо, даже движения словно увязают в беспросветном мраке, окутывающем высокую фигуру. Зато если бы имперцы вдруг вознамерились придумать себе богов, как делают полудикие народы на окраинах Дайи, это существо могло бы претендовать на роль бога смерти. Нет, даже не так: бога забвения.

Должно быть, он и есть пресловутый охотник на демонов. Помню, как перекашивало лицо Себерро, рассказывавшего мне об опасности моего нового мира. Всего одна, но какая! Признаться, я не поверил ему до конца, потому что против веры выступало именно столь долгое пребывание эссы Рена за «вратами мечты». А ведь надо было всего лишь предположить, что он, какое-то время тихо и безвылазно сидевший вдалеке от здешней столицы, попросту не вызывал ни у кого интереса. В том числе и у охотника. Если бы я поверил сразу, я...

Ничего не изменилось бы. Да и после сражения с человеком, в тело которого я попал, мне уже не было страшно. Не могло стать. По рассказам, захват куклы представлялся несколько иным времяпрепровождением, чем отчаянные попытки вдохнуть побольше воздуха перед тем, как тебя накроет лавиной чужой воли.

Он растоптал меня в пыль. Не знаю, что ему помогало, может быть, какие-то тайные сведения об обращении с демонами? В любом случае я оказался бессилён. И принял поражение, потому что противник превзошел меня по всем статьям. Я смирился, хотя как раз в этот самый миг обрел толику смысла моего существования в мире кукол.

Есть кто-то, знающий имена всех демонов, живущих здесь, — разве не чудо? Какая-то женщина, о которой шла речь. Она может назвать то имя, что нужно мне. И еще одно, если повезет... Если ему повезло так же, как мне. Я должен был попробовать до нее добраться!

И попробовал. Попытка провалилась? Бывает. Но держать зло на победителя... Глупо. Особенно когда он вдруг снова просит о помощи.

— У тебя есть что еще сказать?

Нет. Слова иссякли. Да их и с самого начала было немного. Любая причина, по которой я должен остаться в живых, явно противоречит планам охотника.

— Тогда разговор окончен.

Я ожидаю атаки, чего-то вроде сокрушающего удара, но ничего подобного не происходит. Целое мгновение в мире вокруг меня царит спокойствие. А потом темнота, стусившаяся в теле охотника, словно распаивается мне навстречу, и все предыдущие странные действия странного человека становятся кристально ясными.

Я ведь один в теле куклы. Совсем один. Но если раньше такое положение могло показаться заманчивым, сулило полную свободу и прочие прелести, то на деле оказалось ровно наоборот.

Вот почему все те тела, где мне удалось побывать, так быстро разрушались! Они начинали путь к смерти, как только лишались истинного хозяина. Нужно было удерживать изо всех сил хоть парня в черном мундире, хоть мальчишку. Уговаривать не уходить.

Умолять. Падать на колени. Себерро Рен не упоминал о таком развитии событий. Впрочем, если он и его приятели долгое время готовили смену своим куклам, убеждали в завидной доле быть избранными, никаких сражений и не происходило: когда наступал срок, все совершалось по обоюдному согласию. Должно быть, душа куклы все равно угасала, только происходило это немного медленнее, чем со мной.

А еще эсса Да-Нали не говорил, что, оставаясь одиноким в чужом теле, лишаешься связи с миром. Повисаешь в пространстве, как во время прыжка, но не можешь приземлиться и вновь почувствовать незыблемую твердь под ногами.

Я ничего не вешу, любой порыв ветра... Да что там ветер! Любое движение воздуха может сорвать меня с места и отправить в разверстую пасть темноты.

Что ж, сам виноват. Не надо было пытаться мстить. Не надо было сражаться снова. Но откуда же я мог знать, что он вдруг так легко сдастся? Откуда я мог знать, что он вдруг захочет сложить свое оружие и раскроется навстречу удару?

А может, все было рассчитано заранее: умысел нельзя исключать. Может быть, он знал, что охотник с минуты на минуту придет за демоном, и сделал все, чтобы лишить меня последней защиты. Тогда честь ему и хвала, такому дальновидному! Задумано и исполнено отлично. Даже вызывает восхищение. Искреннее.

Темнота перед глазами становится все глубже, все сочнее. Не надвигается на меня, скорее, ждет. Чего? Моего волеизъявления? Я не хочу туда. Честно, не хочу. Еще несколько мгновений, ладно? Я ведь не вернусь больше. Этот мир — мой единственный шанс на жизнь. Жаль только, что жить здесь мне тоже не очень-то хочется.

Любопытно, что чувствовал Себерро, выгнанный прочь из тела? Хотелось бы услышать, какими словами он поносит меня сейчас... Уж он непременно притащится снова. Найдет способ. Жаль, больше не встретимся. Ни здесь, ни там.

Страха нет. Наверное, с ним было бы проще. Но вокруг один лишь покой, чарам которого я не могу не поддаться. То, что ощущаю... Кажется, именно оно называется умиротворением. Хочется закрыть глаза, глубоко вдохнуть, свернуться клубком, как дракон на башне, и задремать под шепот проносившихся мимо дней.

Мне ведь что-то обязательно будет сниться, да?

Тогда пора в постель.

Сознание сжимается. Покидает закоулки чужого тела сначала неохотно, а потом все стремительнее. Спасибо этому дому, как говорится, пойдём к... Хотя правильнее было бы назвать место, ожидающее меня, усыпальницей. Вроде той, где коротают время «вдохи».

Я уже прошел через одни темные ворота, направляясь сюда, теперь их близнец приглашает проделать обратный путь. Собственно, выбора нет. Я больше не принадлежу ни себе, ни кому-то в этом мире. Я — сухой лист и, куда подует, туда полечу, дожидаться бы только ветра, а он почему-то не спешит меня подхватить...

Лица, взгляды, фигуры — все постепенно исчезает из моего поля зрения, потому что зрение тоже исчезает. Зачем оно бесплотному призраку? Должно быть, я становлюсь сейчас похожим на тот сгусток синего света, что погас в складках белой мантии. Наверное, это красиво выглядит. Загадочно. Волшебно. Как и полагается чему-то необъяснимому.

Мир вокруг приходит в движение. Наконец-то! То ли струи невидимой реки, то ли крылья ночного ветра обволакивают меня, обнимают, увлекают за собой в самое сердце распахнутой темноты. Еще немного, и я пройду сквозь ворота, последние в моей жизни. Жаль, что они настолько невзрачны: темно, пусто, и все. Но может быть, так и надо? Никаких

надежд, никаких фантазий. Чудес ведь не бывает. Один только точный расчет, иногда упрямство, иногда чувство вины — вот что вершит судьбами мира и человеческими судьбами...

Темнота смотрит на меня, должно быть улыбаясь, а может, равнодушно пожимая плечами. Где-то там, позади, еще теплится свет, бледный, слабый, еле живой. Ему не справиться с беззвездным мраком, не рассеять даже пядь ночи, что готова принять меня в свои объятия.

Но он и не собирается это делать, а всего лишь протягивает руку, пальцы которой хотя и сотканы из бесплотных крошечных искр, но умеют крепко держать свою добычу.

Здесь...

Танна чувствовала себя обманутой. С самого начала представления во дворе, когда этот утонченный служитель богов начал свою проповедь, женщина непрерывно кусала губу, не веря каждому услышанному слову.

Когда тело прежнего верховного бальги испустило дух, а вместе с ним синий огонек, дальнейшее представлялось совершенно иным. Танна полагала, что надо начинать готовиться к отъезду, ведь больше в Катрале делать нечего: единственный демон надежно упрятан в беспомощное тело, а других осквернителей плоти и душ вокруг и в помине не было. Но Иакин Кавалено почему-то не спешил уезжать. Напротив, он, вернувшись в дом, долго сидел в своем кабинете, закрывшись вместе с тем пакостным прибоженным и не позволяя никому более быть свидетелем их беседы. Даже ей, которая...

Танна чувствовала себя преданной. Ощущала себя орудием, исполнившим свое предназначение и отставленным в сторону. Может быть, до следующего подходящего случая, а может, и вовсе за дальнейшей ненужностью. Она слушала пламенную речь Глориса, но весь этот огонь пролетал мимо, не опалая и краев сознания, потому что в глубине ее собственной души клокотала обида, надежно гасящая любые посторонние искры.

Значит, все это время он думал только о ней, только об этой зазнавшейся эррите? Потому сейчас хочет натравить своих верных псов на трусиху, вечно прячущуюся за спинами слуг? Но Эвина Фьерде никогда не была тем врагом, которого следует опасаться. И тем более, по скромному мнению Танны, благороднейшая из благородных не была тем человеком, на коего следует тратить время, когда перед тобой открывается огромный мир.

Возможно, ее надо было наказать, но лишь в том случае, если оставаться в Катрале. А намного лучше было бы уйти, предоставив эррите здесь полную свободу действий. О, она с радостью ухватилась бы за такой подарок! И не стала бы помышлять о большем, что самое главное. А потом, закончив дела в других краях, можно было бы вернуться и поставить на колени город, едва-едва воспрянувший духом...

О да, вот что стало бы замечательной мстью! А не напрасная трата времени, которую выбрал верховный бальга. Танна пряталась в тени галереи, не спуская взгляда с Иакина Кавалено, и глотала обиду. По капле, потому что той было слишком много и за один раз можно было бы попросту захлебнуться. А когда вдруг началась страшная бойня, почувствовала что-то вроде удовлетворения. Даже захотелось подойти поближе, чтобы спросить: «Ну что, ты этого хотел добиться?»

И все же ненависть и злость оказались слишком слабы перед страхом потерять единственного человека, подарившего ей призрак чувства. Танна не смогла промолчать, ведомая отчаянным желанием спасти жизнь своего несостоявшегося возлюбленного. Ведь если бы ей это удалось, вполне возможно...

А он велел убираться. Прочь. Вместе со всеми ее глупостями. И повторил свои слова ровно столько раз, сколько было необходимо, чтобы понять: это приказ, не подлежащий обсуждению. Более того, это последняя воля умирающего, врученная для воплощения самому достойному из наследников.

По городу Танна летела как на крыльях, впрочем не забывая прятаться в густой тени, подальше от факелов и припозднившихся прохожих.

Он все-таки доверял ей! Доверял до последней минуты! От осознания такой сладостной новости хотелось танцевать посреди главной площади, а не бежать сломя голову, сворачивая из одного переулка в другой. Оказанная честь была поистине велика, и многие на месте Танны струсили бы, смалодушничали, спасая только свою собственную жизнь, а она...

О, она справится со всеми трудностями! Нужно только улучшить момент, чтобы безопасно выбраться из города вместе с пленницей. Впрочем, сейчас, когда бальгерия разгромлена, охранять границы будет некому. Наверное, Катрала и вовсе вскоре начнет праздновать гибель черномундирников, а веселящиеся люди неосмотрительны и благодушны.

На тихий стук дверного кольца открыла Сона, одна из последних отпрысков любвеобильного Кроволивца Горге, невзрачная и безвольная девица, годная лишь на то, чтобы присматривать за старым домом и его жителями. Когда-то тут сияли огни, гремела музыка и буйствовали пиры... Когда-то во времена владычества демонов. Потом единовластным хозяином всего имущества прежних хозяев Катралы стал верховный бальга, не любивший шум и веселье.

Вот и эта часть города, лишившаяся своего сердца, опустела, стала унылой и заброшенной — такой, где очень удобно прятать от чужих глаз любые сокровища.

— Вы так поздно, госпожа... Что-то случилось?

— Ничего. Иди спать, милая. У меня есть кое-какие дела.

Девушка послушно вернулась в свою комнату, а Танна направилась вверх по лестнице, намеренно сдерживая шаг, чтобы хоть немного успокоить дыхание, ведь тюремщику не пристало появляться перед пленником в растрепанных чувствах.

Ступенька.

Вторая.

В доме спрятано некоторое количество золота. Его бы не хватило на долгую безбедную жизнь, но главное сейчас — найти подходящих людей, за не слишком большую плату достигающих любой цели. Как только удастся собрать такую команду, о деньгах можно будет больше не беспокоиться, достаточно лишь подобраться поближе к очередному демону и немного пригрозить. Сначала разоблачением. Потом смертью.

Еще ступенька.

Это будет длинный путь, возможно, ни разу не удастся остановиться и передохнуть, но Танна не думала сейчас о будущем. Есть цель, есть средство ее достижения и есть последняя воля того, дороже которого для женщины не было на свете. Разве нужно что-то еще?

Еще шаг.

Помощница бальги не отдавала себе отчет в том, что уже почти забыла всю прошлую жизнь, ослепленная светом грядущей. Где-то далеко позади остался даже Иакин Навалено, мгновенно превратившийся из живого человека в некий символ, в знамя, развевающееся сейчас над головой Танны.

Она впервые была свободна. И впервые была сильна как никогда раньше.

Шаг.

Сердце постепенно успокаивалось, замедляло свое биение. Оставалось только вернуть лицу привычное бесстрастное выражение, отодвинуть засов, толкнуть дверь и насладиться страхом престарелой пленницы...

Всего один шаг.

— А вы замечательно быстроноги, эррита.

Он стоял чуть в стороне от лестницы, там, где тени были настолько густыми, чтобы скрывать очертания фигуры. И кем бы он ни был, ничего хорошего Танна не ожидала.

— Что вам угодно?

— Узнать, куда вы направляетесь.

— Я живу в этом доме.

— А прислуживаете на другом конце города? Что-то не верится.

Он шагнул вперед, к свету. Незнакомый, со странно раскрашенными волосами, закутанный в просторный плащ. Опасный? Наверняка. Но Танна могла за себя постоять и собиралась это сделать.

— Уходите, или я позову стражу.

— А она здесь имеется? — искренне удивился незнакомец. — Не заметил.

Первая попытка, самая простая, не удалась. Что обычно делают дальше? Оскорбленно гонят прочь.

— Извольте уйти.

— Непременно так и сделаю. Но не хотелось бы уходить в одиночестве.

— Что вам угодно? — Танна с наигранным волнением левой рукой теребила цепочку на груди, тогда как пальцы правой нащупывали кинжал в складках юбки.

— Я уйду отсюда только с женщиной. Роханна Мон со-Несс. Слышали это имя?

Кто он? И откуда знает о пленнице? Его не было на дворе, он не мог подслушивать... Значит, идет по другому следу. Один из демонов? Но чутье, которым Танна так гордилась, пока что испуганно путалось в ощущениях. А если не демон, то...

— Зачем она вам?

Можно было поиграть, притвориться несведущей, но это означало бы растянуть время до опасного предела. Время, и так утекающее сквозь пальцы.

— Я отведу ее туда, где ей самое место.

Туманный ответ. Впрочем, подтверждающий уверенность незнакомца в собственных силах.

— И больше вы ничего не сделаете?

Он улыбнулся, оглядывая ее с головы до ног:

— С вами? А к чему мне это? Вы не в моем вкусе, эррита, уж извините.

Всполошившееся было сердце вновь успокоилось. Незнакомец не видит в женщине достойного противника? Лучше не придумашь.

— Она здесь. Та, кого вы ищете. — Танна отодвинула засов, жалобно проскрипевший в петлях.

— Благодарю за помощь.

Он распахнул дверь, взгляделся в сумерки, едва разгоняемые светом единственной свечи, потом сделал шаг вперед.

Женщина ждала этого движения, чтобы точно определить, где под складками плаща находится тело, и ударить. Но вместо того чтобы вязко войти в плоть, кинжал зазвенел,

встречаясь с камнем стены.

Танна промахнулась. И вовсе не потому, что незнакомец оказался слишком быстр, быстрее, чем любой человек на свете. За мгновение до удара чутье все-таки выполнило свою обязанность, распознало, кто скрывается под странной личиной, вот только ощущений, которые навалились на свою хозяйку и повелительницу, было слишком много. Больше, чем можно вынести.

Он говорил об одиночестве, но он был не один. Его были сотни. Может быть, тысячи. Мириады иссиня-черных огней, бьющихся в горне человеческого тела и слепящих глаза. Но если бы только зрение в тот миг отказало Танне...

Они стонали. Выли. Кричали. Захлебывались рыданиями и сыпали бессловесными проклятиями. Никто из них, пленников этого тела, не был молчуном, и женщина, выронив кинжал, зажала уши ладонями и закрыла глаза.

Тщетно.

Часть 9.2

Свет, имя которому тьма, проходил и сквозь закрытые веки, а плоть не могла стать преградой на пути звуков, рождающихся и умирающих в границах сознания.

Танна опустилась на колени, вжимаясь спиной в стену, словно ища укрытия. По бледному лицу потекла кровь: из ноздрей, из уголков глаз, из прокушенных губ, но женщина уже не чувствовала того, что происходит снаружи, затаенная в пучину бесплотных чувств.

А потом все схлынуло. Разом. Оставив после себя блаженную пустую тишину. Тишину посмертного покоя.

* * *

Она видела все, что происходит, и отчасти даже чувствовала. Хорошо, что только отчасти, а вот другой, бесцеремонной недокровке, явно не повезло, не зря же ее так скрючило.

Роханна Мон не ждала гостей поздней ночью и, когда услышала голоса за дверью, немного удивилась. И немного порадовалась, что так и не легла в постель, предпочтя провести время с бокалом вина, столь любезно предоставленного ей тюремщиками. Вот и сейчас, сохраняя величественную позу, она всего лишь приподняла бровь, глядя на человека, вошедшего в комнату, а ведь могла бы глупо таращиться из вороха покрывал, встречая свою смерть...

Картинка, возникшая в воображении, заставила Роханну улыбнуться, обращаясь к незнакомцу:

— Позвольте допить? Осталось совсем немного.

Она никогда не подходила близко к охотникам и, конечно, не подпускала их к себе, но сразу поняла, кто почтил ее визитом. Описания свидетелей оказались довольно точными, особенно в отношении разноцветных волос, к тому же демон, делящий с ней тело, можно сказать, затаил дыхание, сделал вид, будто его тут вовсе нет.

— Как пожелаете.

Вошедший посмотрел на недокровку, безжизненно привалившуюся к стене, и, кажется, вздохнул, но не стал задерживаться у тела — двинулся дальше. К столу, на котором громоздилась горка резаной бумаги.

— Что это?

— Имена, — коротко ответила Роханна, делая глоток. — Названия мест.

— Зачем они нужны?

— Человек, который привез меня сюда, желал их заполучить.

— Это настолько ценные сведения, чтобы рисковать жизнью и жертвовать порталом?

— Он считал, что да.

— Вы считаете иначе?

Роханна задумчиво посмотрела через бокал на пламя свечи.

— Мне тоже когда-то казалось, что эти имена — мое главное богатство. Вот только щедрых покупателей на него так и не нашлось.

Охотник продолжил перебирать куски бумаги, скользя взглядом по размашистым надписям, и вдруг остановился, вглядываясь в одно из имен.

— Оно принадлежит... Принадлежало демону. Так?

Эрте Мон лишь пожала плечами, улыбаясь.

— Значит, все эти имена...

— Мне было велено написать их. Имена всех демонов, о которых мне известно. Имена всех, кто приходил в этот мир хотя бы однажды.

— Откуда они известны вам?

— Я встречала их обладателей. Когда-то они сами назначали встречу, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение, потом стали присылать слуг... Молодежь не слишком-то ценит стариков, даже таких, как я.

— Ваше желание?

Он спросил отрывисто, будто его дыхание сбилось то ли от волнения, то ли от иного чувства, прежде ни разу не испытанного.

— Спрашиваете, чтобы надежнее расправиться со мной? Мне рассказывали о ваших уловках. Пока не узнаете точно, в чем оно состояло, не сможете прогнать демона, ведь так? Но я не буду упорствовать. Итак, мое желание...

Роханна поставила опустевший бокал на стол, поднялась с кресла и, гордо подняв подбородок, произнесла:

— Я хотела жить вечно.

Она ожидала, что в следующий же миг рухнет на пол, распрощавшись и с жизнью, и с демоном, который поддерживал ее все эти века, но ничего не произошло. Охотник просто стоял и смотрел, причем не столько на нее, сколько на бумажные карточки. Исписанные с двух сторон и девственно-чистые.

— Вы не закончили свой труд.

— Да, — согласилась Роханна. — Не хватило времени.

— Оно у вас будет, — пообещал охотник.

— Время?

— Сколько захотите.

Теперь настал ее черед удивляться:

— Вы не убьете... не изгоните моего демона?

Разноцветные пряди качнулись из стороны в сторону.

— Нет. Он способен принести пользу. Так что вы будете жить и дальше.

Эрте Мон усмехнулась:

— Как вы все похожи друг на друга! Каждый ищет выгоду. Но, знаете, меня не напугать ни смертью, ни страданиями. Я слишком стара, чтобы склоняться перед угрозами.

— И все-таки однажды уже склонились, — напомнил охотник.

— Мне обещали не только смерть, но и награду. В случае согласия.

— А я не буду обещать. Просто спрошу: вы принимаете мое предложение?

— Руки и сердца? — лукаво приподняла бровь Роханна.

— Титула. Не знаю, как в здешних краях именуют самую высокопоставленную персону, но уверяю: вы будете стоять намного выше.

Он не шутил. Может быть, вовсе не умел шутить. По крайней мере, произнося эту несусветную чушь, он смотрел на собеседницу с такой проникновенной серьезностью, что становилось не по себе.

— О чем вы говорите? — переспросила эрте Мон, чувствуя, как теперь уже ее голос предательски срывается.

— Ваш демон слишком ценен, чтобы его прогонять. И вы слишком ценны, поскольку сумели сохранить душу в неприкосновенности. Никто не станет вас убивать, поверьте. Ни я,

ни те, кто хочет поймать беглянку. И возможно, в столице вам будут предоставлены ничуть не худшие покои и охрана, но...

— Но? — Роханна больше не могла сдерживать нетерпение.

— Здесь вы получите почести, которых вполне заслуживаете. Нужно всего лишь преодолеть несколько ступеней, чтобы подняться на престол. Если, конечно, вы соблаговолите опереться на мою руку.

* * *

Тела убирали долго. Каждого убитого заворачивали в полотно и по очереди уносили в холод подвала, проходя мимо Эвины, безучастно созерцавшей происходящее. Где-то внизу, недалеко от ее ног, лежало еще одно тело, в отличие от прочих черно-белое и не испачканное кровью, но столь же бездыханное, как и все остальные. Лежала мечта, умершая за мгновение до того, как могла бы осуществиться.

Можно было злиться и ненавидеть, но только себя. Она же сама сказала ему: идите и ловите. Сказала при всех, словно давая разрешение. Вот он и пришел, и поймал...

Хотелось пустить слезы на свободу, но чем больше мертвых тел проплывало рядом, тем суше становились уголки глаз. Победа достигнута, причем без малейшего усилия. Главный враг оставлен в живых, чтобы быть обвиненным и осужденным перед всем городом. Казалось бы, нужно праздновать. Так почему тогда в горле стоит комок, более приличествующий проявлению скорби?

Эвина не сомневалась, что удержит власть над Катралой в своих руках, но не видела смысла становиться правительницей. В конце концов, она была рождена для того, чтобы служить истинным хозяевам, и не могла помыслить о том, чтобы однажды занять их место. Даже для того, чтобы сохранить престол в неприкосновенности. У нее уже есть свое королевство, пусть небольшое, но с подданными, вернее которых не сыскать.

Они без слов понимали, что надлежит делать. Взяли под стражу Иакина Кавалено. Позаботились о погибших. Сохраняли молчание, потому что видели: их предводительница не желает сейчас ни говорить, ни слушать что-либо.

Преданные, славные слуги. Они не могли догадаться лишь об одном. О том, что благороднейшая из благородных сама всего лишь служанка, мучительно ищущая своего господина...

Он словно нарочно был оставлен последним, наверное, чтобы не тревожить эрриту лишней раз. Но двор должен был быть очищен от следов сражения, а потому двое слуг склонились в конце концов и над черно-белым телом. Склонились и тут же отпрянули.

— Он еще жив!

— Жив?!

Эвине сначала показалось, что вопрос отразился от стен и эхом вернулся в ее уши, но короткое слово и вправду прозвучало одновременно из уст двух людей.

Охотник, так неожиданно исчезнувший, вернулся, к тому же не один, а сопровождая какую-то старую, однако держащуюся с немалым достоинством женщину. Впрочем, сейчас он забыл о своей спутнице, метнувшись через двор и оказавшись рядом с телом чужеземца, чья грудь и впрямь еле заметно поднималась и опускалась.

— Жив!

На смену вопросу пришло утверждение, только эррита Фьерде не почувствовала ни радости, ни облегчения. Все потеряло смысл в тот миг, когда последнего демона изгнали из Катралы. Наверное, кто-то из ийани вернется сюда, по крайней мере, она будет молить

небеса об этом. Но когда случится долгожданное чудо? При ее жизни или намного позже?

Стоит надеть траур, благо этому есть достойный повод. И никто из горожан не узнает, что на самом деле благороднейшая из благородных скорбит по себе. По своей бессмысленной участи.

— Перенесите его в дом! — велел охотник, и слуги эрриты Фьерде почему-то мгновенно послушались чужого приказа.

Эвина хотела было холодно заметить, что негоже распоряжаться тем, что тебе не принадлежит, но почувствовала, как кто-то робко трогает ее за рукав.

— Эррита...

Младший брат Льига. Такой же недокровка, как и лучший лазутчик благороднейшей из благородных, нашедший свою смерть в стенах этого двора. Его тело конечно же унесли первым, потому что оно заслуживало самых высоких почестей, а значит, ребенок не видел... Да, не видел. К счастью. Но того, кто пустил его сюда, следует выпороть. Нещадно!

— Эррита...

Она ласково обняла ребенка за плечи:

— Что такое? Что ты хочешь мне сказать?

Эвина ожидала услышать множество ерунды, от жалоб на то, что сон не идет, до затейливых детских капризов, но мальчик поднял руку, указывая на старуху, все еще стоящую неподалеку от ворот, и прошептал:

— Та бабушка... Она... Она светится!

Эррита Фьерде качнула головой, собираясь возразить, сказать, что ему все только кажется, что это отсветы факелов играют со зрением дурную шутку, что...

Поблизости от женщины не было ни одного источника огня. Ни язычка пламени. Собственно, сейчас она и вовсе почти сливалась с сумерками — так говорили Эвине глаза. Но глаза ребенка смотрели куда глубже.

— Светится как солнышко!

Благороднейшая из благородных глубоко вдохнула сухой ночной воздух и снова посмотрела на мальчика:

— Ты уверен?

— Не терзайте ребенка вопросами, эррита. — Вездесущий охотник снова стоял рядом, кажется, немного растерянный, но одновременно довольный. — В этой женщине живет демон, если вы это хотите знать.

Эвина почувствовала только, что земля выворачивается у нее из-под ног, а следующее осознанное мгновение своей жизни встретила уже на руках человека с разноцветными волосами. Который, впрочем, тут же поспешил бережно поставить благороднейшую из благородных обратно на каменные плиты двора.

— Не стоит так волноваться. Вам еще понадобятся силы. Много сил.

— Ее вы... тоже убьете?

— Только если Катрала откажется принимать ее у себя. Но город ведь не откажется? Как вы думаете?

Слезы все-таки потекли. Их следовало бы смахнуть, но эрриту Фьерде в эту минуту занимали совсем другие мысли, нежели забота о благопристойности внешнего вида. Всего несколько шагов отделяли ее от воплощения мечты, нового, нежданного, непохожего на прежнее. Несколько шагов наконец-то открывшегося пути.

А если бы она не могла ходить, то теперь и поползла бы. Пусть даже на одних зубах.

И сейчас...

— Хочешь пить?

В горле сухо. От слишком частых и отчаянных попыток вдохнуть.

— Да.

Но сможет ли вода утолить эту жажду? Сомневаюсь.

— Наверное.

Конечно, несколько глотков не помешает.

— Очень.

Только любой из них может стать последним. Перед очередным бесцеремонным и не зависящим от моего желания возвращением к жизни.

— Но не буду.

— Боишься, что выйдет так же, как с дыханием?

— Ага.

Повторения того горького опыта и в самом деле не хотелось. Зачем? Одного раза вполне достаточно. Не было ничего приятного в том, чтобы, вернувшись в сознание из продолжительного путешествия по темноте, начать делать вдох и остановиться на полпути, потому что тебе вдруг начинает казаться: ничего не получится. В прямом смысле.

Хорошо, Натти во время моего пробуждения был рядом и позаботился обо всем. В своей манере, разумеется, изрядно помяв мне грудь. А может быть, как раз плохо. В любом случае приступы страха, а вернее, изматывающей неуверенности повторялись до тех пор, пока я научился не думать о том, что вообще дышу. И тем более как именно это делаю.

С остальным дела обстояли примерно так же. Например, глаза так и оставались закрытыми: боялся, что ничего не увижу. Темнота, висящая под веками, тоже не доставляла удовольствия, но была хотя бы вполне привычной. В конце концов, она сопровождала меня уже давно и столь же давно перестала казаться опасной. Особенно когда стало понятно, что под беззвездным небом есть кто-то еще кроме меня.

— Можно попробовать тебя усыпить.

Да, такое решение приходило и в мою пустую голову.

Сон... Звучит заманчиво. Правда, в нем не будет сновидений, потому что мне не о чем грезить. Не о чем вспоминать. Лица, имена, события сновали по моей памяти, но никак не хотели остановить свое движение, чтобы дать себя рассмотреть. Они проходили мимо, возвращались, водили хороводы и все же находились где-то в другом мире. Не в моем.

Листья, облетевшие с дерева и шуршащие под ногами. Они что-то шепчут друг другу, и, кажется, достаточно лишь прислушаться... Но с садовником им не о чем говорить.

— И поить во сне?

— Может получиться.

Конечно. Для него ведь нет ничего невыполнимого. А я не могу даже пошевелиться, потому что на каждую мысль о движении возникают сотни вопросов, заставляющих голову гудеть.

А если не удастся? А если мышцы не выдержат? А если связки вдруг порвутся? А если... Невыносимо. Мучительно. Бесполезно и бессмысленно.

— Добей меня, а?

— Не дождешься.

— Я не могу так жить.

Не знаю, что он подумал о моей просьбе, хотя я старался быть серьезным. Наверное,

даже чересчур, потому что Натти спросил:

— Помнишь, к тебе тоже однажды обращались с подобной просьбой?

Хочет меня запутать? Заставить передумать? Зря. Даже если какие-то похожие обстоятельства когда-то возникали, человек, оказавшийся в них, не был таким, как я сейчас. Не был мной. А чужое прошлое не имеет значения для моего будущего. Не может иметь. Хотя любопытство просто так не сдается.

— И что я сделал?

— Вспоминай.

Я бы с радостью. Но если раньше страницы памяти услужливо переворачивались по первому требованию, то сейчас склеились друг с другом, и вряд ли тут поможет капелька слюны на кончиках пальцев.

Было, не было, делал, бездействовал... Ни одна струнка души не отзывается. Я обрек кого-то на жизнь? Пусть так.

— Если получится вспомнить, непременно тебе сообщу. Но давай вернемся в сегодняшний день. Зачем сохранять такую жизнь?

— Затем, что она у тебя все еще есть.

Его голос прозвучал немного странно, будто слегка виновато. А чувство вины возникает лишь в том единственном случае, когда...

Что ценного может быть в жизни? Я помню мертвые тела у своих ног. Я помню, что убивал. Много. Мы играли в очень простую и очень старую игру: убей или будь убитым. Я выиграл. Но ставки, что мы делали, стоили одинаково, и последняя легла на кон, когда на поле осталось всего двое игроков.

— Я ведь должен был умереть, да?

Натти промолчал, а зря. Ответ был очевиден. И лучше было бы, чтобы он прозвучал.

Воспоминания по-прежнему плескались в моей голове, как волны моря, потревоженного приближающейся бурей, но никак не желали добраться до берега сознания. Чувствовалось только одно: смерть, которая должна была прийти и которая почему-то передумала, меня не пугала. Ни тогда, ни теперь. Должно быть, я готовился к ней. Может, даже сам рассчитал все и осуществил. Наверное, по очень веской причине. Да, я вполне мог это сделать. Кто же из нас тогда промахнулся?

— Что-то пошло не так?

Он снова выдержал долгую паузу, прежде чем пробурчать:

— Да.

— И что же?

— Он все еще здесь.

— Он?

— Демон.

Снег под ногами. Тело, послушное даже не мимолетной мысли, а ее надвигающейся тени. Сражение не на жизнь, а на... Нет, именно на жизнь.

Демон. Враг рода человеческого, пришедший в наш мир, чтобы разделить народы, чтобы поднять войной сына на отца и отца на сына? Друг, направлявший мою руку в бою? Неважно. Если он лишний здесь, он должен уйти.

— Прогони его.

— Не могу!

Последние слова он почти выкрикнул, с самым настоящим отчаянием.

— Почему?

— Потому, что в последний момент ты все испортил!

Часть 9.3

Вот это новость. Значит, промах все-таки мой. Обидно слышать.

— Ну да, конечно. Итак, я один во всем виноват?

— Не веришь? — Я почувствовал, как он наклоняется надо мной. — Не веришь?

Хорошо, слушай. Разделить демона и человека можно без потерь, только пока желание еще не исполнено до конца. Если действовать быстро, сразу же после посева. Чем больше проходит времени, тем глубже проникновение. А вы двое вообще были похожи на большой причудливый узел. Переплелись, что называется, намертво.

— То есть нас нельзя было разделить?

— Чтобы хоть кто-то один остался жив? — Натти хмыкнул, впрочем, весьма невесело. — Нет. И когда я это понял, я...

«Начни с себя. Сражайся!» Эти слова еще звучали эхом, заставляя мое тело еле заметно дребезжать.

— Приказал мне покончить с собой. Помню.

Он согласился, хотя не слишком охотно:

— Угу. Приказал.

— Потому что был уверен: я исполню приказ в точности?

— Сам знаешь.

Наверное, знаю. Наверное, помню. Больно осознавать, что человеку, сейчас разговаривающему со мной, известно обо мне так много. Должно быть, я всегда был открытой книгой. Вот только хорошо это или плохо? Попробовать понять? Или не стоит?

— Значит, я себя убил. А что случилось потом?

— Могу только догадываться. Мне казалось, что демон изгнан.

— Ты не знал этого наверняка?

— Ну-у-у... Я знал, что демон не пробрался ни в какое другое тело. И в твоём вроде бы тоже ничего не оставалось.

Замечательно. Охотник на демонов, человек, в присутствии которого сомнения, затаив дыхание, прячутся по углам, не уверен в самом себе?

— Теряешь сноровку?

Он не отвечал долго, но все же признал:

— Это возможно.

Еще одна чудесная новость. Есть Дарствие, из века в век подвергающееся пришествию демонов. Есть Цепи, ведущие слежку за невидимыми врагами. И есть всего один человек, умеющий выгонять незваных гостей из дома. С переменным успехом, к сожалению, но и это неплохо: пока привратник бодр и силен, постояльцам нечего опасаться. Пока.

— Добей, а?

— Выполнение подобной просьбы стало бы крайне неосмотрительным поступком, — произнес женский голос, обладательница которого находилась чуть поодаль от меня. Скажем, у дверей комнаты.

— У нас гости? — спросил я, но Натти почему-то не поддержал шутку. Вообще ничего не сказал, отодвигаясь прочь и, судя по всему, вставая с постели.

— Я намерена быть здесь хозяйкой, — сообщила женщина. — Во имя всеобщего блага.

Она подошла ближе, принося с собой тонкий цветочный аромат, которым почему-то

совсем не хотелось дышать. Но сделать вдох все-таки пришлось, хоть и не по своей воле: жесткие пальцы сжали мои ноздри, заставляя широко открыть рот навстречу другому рту, наполненному чем-то вроде ледяной воды, от соприкосновения с которой все ощущения вздрогнули и...

Умерли.

— Вы сможете ему помочь?

Натти спрашивал, однако в его голосе не слышалось никаких чувств, словно вопрос был просто данью правилам ведения беседы. Впрочем, ответ прозвучал примерно в том же тоне:

— Я прибыла сюда не оказывать помощь. Но если речь зашла об этом... Помогать нужно вам, а не ему. Он всего лишь труп.

Последовало возражение, правда не слишком настойчивое:

— Он еще жив.

— Да. Если такое состояние можно назвать жизнью. Вы сами убили этого человека. Помните?

Кем бы ни была участвующая в разговоре женщина, она, похоже, имела право и возможность действовать по собственному усмотрению. Невзирая ни на чьи заслуги или особые таланты. Хотя...

Я ведь ничего не знал об охотнике на демонов, пока не повстречался с ним лицом к лицу. Не знал даже, что демоны вообще существуют. Значит, и многие жители Дарствия оставались в неведении касательно опасности исполнения желаний. Зато Цепи известны повсюду и повсюду если не уважаемы, то нагоняют страх. За спиной этой женщины чувствуется внушительная поддержка, но разве Натти в свою очередь не связан с...

— Я должен был так поступить.

Нет, он ее точно не боится. И не собирается оправдываться или просить. Но почему тогда не переходит в свое привычное наступление?

— Конечно. Только ваши методы... — Последовала презрительная пауза. — Давно устарели.

— Они действуют. — О, еще бы! Самый надежный способ избавиться от демона — это уничтожить его пристанище, не так ли?

— Убивать приходится не всегда.

— И когда последний раз вам повезло оставить одержимого в живых?

Кажется, женщина откровенно забавлялась этим разговором. А Натти не стал отвечать, хотя как раз молчание выглядело похожим на вынужденное признание.

— Ваши сельские дедовские методы... — продолжила смаковать свое превосходство властная незнакомка. — С тех пор наука управления демонами ушла далеко вперед. Но вас, видимо, не познакомили с открытиями и достижениями наших мастеров?

— Зато я близко знаком с тем, кто испытывал эти достижения собственным телом.

Последовала новая пауза, слегка недоуменная, но довольно быстро закончившаяся скучающим:

— О нем говорите, не так ли? — Ее пальцы коснулись моего живота. Холодные. Скользкие. Лягушечьи. — Он ведь служил сопроводителем? Да, точно. И если верить послужному списку, был совсем неплох... Для сопроводителя, конечно.

— Разве они бывают плохими?

— С нашими заботами? — Она усмехнулась. — Никогда. Собственно, ради такого подтверждения и затевались все исследования. Трудно воспитать достаточное количество

достойных исполнителей из того сора, что обычно попадает в невод вербовщиков. А солдаты нужны всегда, и чем дальше, тем больше... Вы видели последний Сев? Он оказался чуть ли не обильнее, чем предыдущий. Хорошо, что мы знали, как поступать... Теперь уже знали. А главное, у нас было при себе все необходимое, чтобы изъять демонов почти сразу же по их прибытии.

— Куча Сосудов? — уточнил охотник.

— Они тоже безнадежно устарели. К тому же каждому Сосуду нужен хозяин, а это всегда рассредотачивало наши силы и ослабляло нас... Но теперь старым традициям приходит конец. Уже пришел. Еще немного, и ловить демонов сможет любой человек, обученный всего лишь несколькими простыми действиями.

— У вас богатое воображение.

— Увы, оно намного беднее истинных возможностей, дарованных нам пришельцами из другого мира, — одновременно скромно и торжественно сообщила женщина. — На что клюют демоны?

— На желание.

— Да, такую ненадежную приманку... Она ведь ненадежна, и вы знаете это лучше других. Вечно прячется, растекаясь по закоулкам нашей души. Но если вытащить ее наружу... Когда-то вы посвятили свою жизнь охоте. А сколько времени и демонов вам понадобилось для учебы? Не хотите отвечать? Не надо. Легко могу предположить. Я изучала архивные бумаги, в которых описывалось ваше убогое искусство и способы обучения. Не понимаю только одного: как вам в голову пришло стать охотником? Или ваш учитель не рассказал заранее, через что придется пройти?

— Рассказал, — признал охотник.

— И вы все равно согласились?

— Кто-то должен был это сделать.

— Кто-то... — вздохнула женщина. — Вот так, неопределенно, с надеждой на то, что найдется очередной воодушевленный простак. А если бы не нашелся? А следующий после вас? Он появится?

— Когда придет время, — твердо ответил Натти.

— Могу поспорить, выбор у вас небогат. Это будет либо восторженный дурачок, либо хитрец, ищущий выгоду, а вам ведь нужно совсем другое... Но как раз такие «другие» люди живут и знать не знают, кто такой охотник на демонов, зачем он нужен.

— В отсутствии сведений есть и ваша заслуга. Заслуга Цепей.

— А что мы могли еще сделать? Как иначе можно было успокоить народ, кроме как опустить завесу молчания? Или вам было бы приятнее каждую ночь Сева видеть, как сотни людей дерутся друг с другом за обладание синей звездочкой?

— Можно было рассказать им об опасности.

— Которая ничтожна перед возможным могуществом! — В голосе женщины послышалось что-то вроде тщательно скрываемой зависти. — Вы верите в людей. Я — нет.

— Это ваша беда, — печально, как мне показалось, заметил охотник.

— Это мое преимущество! И перед вами в том числе. Я не живу верой в чудеса. Я творю их!

Какое-то время слов не было слышно, одни лишь тихие шаги и шуршание ткани. Потом раздался тихий хрустальный звон.

— Взгляните сюда. Видите эту жидкость? Она ничего не напоминает вам?

— Цвет очень похож.

— И не только он. Все те же свойства, даже лучше. Эссенция демона. Истинное действующее вещество. Понадобилось много опытов, чтобы получить его. Много лет...

— И много жертв, — предположил Натти.

— Жертвы есть и будут всегда, — ничуть не смутившись, подтвердила женщина. — Но мои, в отличие от ваших, погибли не впустую. Да, нам долго не удавалось выделить саму суть исполнения желаний. И знаете почему? Потому, что мы думали так же, как и вы. Думали, что все происходит в таком месте, которое нельзя ни увидеть, ни пощупать. В душе, как ее обычно называют. Но на самом деле изменяется плоть! Достаточно было лишь пристально понаблюдать, чтобы выявить эти изменения. А потом оставалось только научиться изымать причину происходящего и хранить ее для последующего использования.

— Так и появилось Сопроводительное крыло?

— Оно уже существовало ко времени первых испытаний. Но да, оно было самым удобным полем для получения всходов. Солдаты, исполняющие приказ... Они послужили нам верой и правдой.

— Туда ведь отбирали не каждого.

— Разумеется. Образцы для начальных испытаний всегда должны быть предельно похожи друг на друга, иначе результаты невозможно обобщить.

— А вы не боялись, что, получив ваши особые зелья, кто-то захочет использовать их по своему усмотрению? Это же так заманчиво.

Женщина фыркнула:

— И кто из нас не верит в людей? Да, опасения были. Но для того на первых порах и вводилась постоянная муштра, чтобы в головах сопровождаемых не возникало никакой дурной мысли.

— А потом?

— Потом стало ясно, что бояться нечего. Средства, несущие в себе следы демонического присутствия, влияли не только на тело. Еще и на кое-что другое. — Она помолчала, словно раздумывая, продолжать или нет, но желание утвердить свое превосходство победило осторожность. — Они подавляли волю. При достаточно долгом применении. Впрочем, такое свойство было только на руку и нам, и нанимателям сопровождаемых.

— Что же хорошего в безвольной кукле?

— Ну не настолько безвольной, как вам кажется, — возразила женщина. — Постепенно были определены граничные количества зелий и предельное время их действия. Но конечно, наблюдались и побочные последствия, куда же без них.

— Кто-то из сопровождаемых заканчивал службу досрочно?

— Бывало и так. Особо рьяные, нарушавшие правила. Правда, последний такой случай произошел давным-давно.

— В Чумную весну, не так ли?

— Вы много знаете... — чуть угрожающе протянула женщина.

— Но не того, что действительно бывает необходимым, — пробормотал Натти.

— Тот безумец возомнил себя всемогущим. Думал, что справится со всем самостоятельно.

— Думал не без помощи ваших зелий.

— Я не отрицаю вину Цепи одушевления, если хотите поймать меня на слове. Но после

той неосторожности подобное больше не повторялось. А теперь и не повторится никогда.

— Откуда такая уверенность?

— Посмотрите на содержимое этого флакона. В нем не зелье. В нем сама суть демона. Очищенная от всего постороннего, что могло попасть сюда из другого мира. Средство для исполнения желания, причем не одного.

— Невозможно.

Голос Натти не прозвучал ни громче, ни тише, казалось, все оставалось прежним, и тем не менее чувствовалось: этот человек знает, что говорит. Вот только его собеседница, похоже, обладала совсем иными знаниями.

— Испытания уже проведены, — равнодушно, с еле уловимой долей злорадства сообщила женщина. — И они закончились успехом. Эссенция позволяет любому человеку, независимо от врожденных и приобретенных качеств, стать быстрым, сильным, ловким. Каким угодно.

— И послушным? — не смог не съязвить Натти.

— Вопреки вашему недоверию, да.

— И никто из подопытных не попробовал пожелать чего-то своего? Чего-то для себя?

— Видите ли... — Она снова прошлась по комнате, шурша полами одежды. — Все зависит от условий применения: даже смертельным ядом можно лечить болезни. Люди, которые принимали эссенцию, не подозревали о существовании демонов и ничего не знали об исполнении желаний. Удобно, не правда ли? Неведение, так вам не нравящееся, сослужило нам добрую службу. Конечно, мы брали людей не с улицы. Это были те же солдаты, привыкшие исполнять приказы. Солдаты, не сомневающиеся в словах своего командира.

— Их число не бесконечно.

— Как и количество эссенций, полученных нами. Разумеется, наделены особыми возможностями будут не все, а только самые достойные исполнители. Пока что. Пока мы не найдем способ пополнить наши запасы.

— А для этого нужны демоны, — задумчиво подытожил охотник.

— Да, — согласилась женщина. — Поэтому я поспешила прибыть сюда. Нельзя упускать ни одного, ставшего известным.

— Вы сможете его... изъять?

— Без сомнения.

— А что станет с...

— С тем, кого вы не смогли добить? — уточнила она. — Все зависит от условий, помните?

— Он выживет?

— Я не могу обещать ни этого, ни обратного. Демон будет изъят, если вам это важно знать.

— И посажен в склянку?

Женщина снова усмехнулась:

— Похоже, вы не поняли главного... Что ж, вам простительно. Объясню еще раз. Эссенция, которую мы выделяем из тела одержимого, сохраняет в себе всю силу демона, но она лишена враждебной воли. Полностью. Это как сок, выжатый из ягод. Как отвар трав. Много пользы и никакой опасности.

— Ягоды могут быть волчьими, а травы — ядовитыми.

— На выбор знахаря. Понимаю, что вы хотите сказать, но вы ошибаетесь в главном. Доступные мне орудия преобразуют демона из опасного врага в совершенно безвредное вещество. Да, его можно будет применить по-всякому, не спору. Но за таким применением легко проследить. Легче, чем за людьми в ночь Сева.

— Вы многого достигли, — признал Натти.

— Хотите меня похвалить?

— Если вам это нужно.

— Похвала всегда приятна, особенно заслуженная. Но не я одна ее заслужила. Так должно было случиться, рано или поздно. Это просто течение времени. Что-то устаревает, что-то приходит на замену. Вы же, в конце концов, прекращаете латать старую одежду и надеваете новую, не так ли?

— Но старые вещи очень часто бывает жаль выбрасывать.

— Жалость! От этого чувства следует избавляться сразу же, как начинаешь ощущать его присутствие в себе.

— Вы думаете?

— Я уверена. Если бы мои наставники и наставники их наставников жалели о том, что делают, люди были бы обречены раз за разом впускать в себя демонов и не надеяться на спасение.

— А вы собираетесь их спасти? — усомнился Натти.

— Не знаю, что вы усвоили из нашего разговора, но повторю еще раз, — сухо сказала женщина. — Мы получили в свое распоряжение средство, способное стреножить демона и обратить его возможности на пользу людям. Теперь осталось только добраться до каждого из пришельцев и...

— Пленить всех? Но придут новые.

— Рано или поздно они закончатся: преобразование в эссенцию не позволяет демону вернуться. Что толку в ваших методах изгнания? Они только давали небольшую передышку, а потом все повторялось снова. Мы же расправляемся с демонами раз и навсегда.

— Bravo! — Послышались хлопки ладоней.

— Смеетесь надо мной? Зря. Знаете, чего я хотела бы сейчас больше всего на свете? Испробовать силу вытяжки на вас. В вас ведь живет великое множество демонов... — Ее голос зазвучал почти влюбленно.

— Почему же не пробуете?

— Я не сумасшедшая. Здесь перевес на вашей стороне. Но только здесь. За пределами Катралы я найду способ исполнить свое желание. Вас больше некому защитить, а Цепи теперь не нуждаются в вашей помощи.

— Не торопитесь с выводами?

— Вы позвали меня сюда, чтобы исправить вашу ошибку. Хоть каким-либо образом. Но уже одно то, что вы ее совершили...

Ненадолго повисло угрожающее молчание.

— Предупреждаете? А не боитесь, что я все-таки могу испугаться и наделать не просто ошибок, а глупостей? — предположил охотник.

— Пока я не закончу это дело, вы и пальцем меня не тронете. А к тому времени, как закончу, у меня появится поддержка.

— Не в этом городе.

— Да. Не в городе. За его стенами. Вы ведь сами выпросили позволения у местных

властей, чтобы пустить в Катралу Цепи.

— Только одно Звено.

Она рассмеялась:

— Одно цепляется за другое, и так без конца! Но вы правы: я предупредила вас. Бегите, пока еще можете это сделать.

— А вот мне всегда было интереснее делать невозможное.

Наверное, разговор был многозначительным. Наверное, он был неспроста затеян рядом с моим неподвижным телом. Наверное, по крайней мере одному из беседующих было не все равно, слышу я каждое слово или нет.

А вот мне было все равно.

Неподалеку что-то вздыхало, как кузнечные мехи, только делало это намного тише, и с каждым таким вздохом мои легкие наполнялись воздухом и опорожнялись. Не нужно было думать даже о дыхании. Правда, когда это выяснилось, стало понятно и другое: думать мне вообще не о чем.

Два голоса надо мной раскрывали тайны, которые стоили многого. Когда-то. Но не теперь и не для меня, потому что произнесенные слова пролетали мимо моих ушей, как сквозняк. Я должен был их знать. Наверняка знал, и, возможно, они что-то значили в моей жизни, но чувства продолжали упорно молчать.

— Извольте уйти.

— Я мешаю вам?

— Не хочу раскрывать еще больше секретов. Приберегу для следующей встречи. И уже на моих условиях. — Она не смогла удержаться, чтобы не выделить тоном слово «моих».

— Как пожелаете.

Разговор закончился, но тишины не наступило: какое-то время женщина сновала по комнате, звеня, шурша и тревожа мое тело. Больше всего эти прикосновения походили на укусы пиявок, присасывающихся к коже. Правда, природные кровопийцы всегда маскируют свои действия особым ядом, рассеивающим боль, а сейчас все ощущения оставались при мне. Точно такими же, какими вернулись после недолгого сна.

Сначала ничего не происходило, ни внутри, ни снаружи. Я чувствовал только подрагивание вонзившихся в кожу жал. Мелкое-мелкое, оно неотвратимо усиливалось, волнами накатывая на меня, и казалось, моя плоть постепенно начинает дрожать в ответ. А когда дрожь стала болезненно частой и глубокой, все вдруг оборвалось затишьем.

Но буря, как водится, не заставила себя долго ждать.

Где-то под ребрами, может быть на самой границе грудной клетки, возникло странное местечко, которое тут же начало втягивать в себя все, что находилось рядом.

Словно водоворот бездонного омута.

Словно ворот парама, наматывающий на себя канат.

Вот только было ли во мне чему двигаться? А усилие, поначалу казавшееся шуточным, нарастало с каждым вдохом, натягивая внутри моего тела невидимую струну, словно пытаюсь... вытащить. Что-то. Но что? Или кого?

Демона. Ну конечно. Женщина ведь говорила об изъятии. Тогда стоит дождаться окончания ее действий. Просто спокойно понаблюдать за тем, как...

А ведь я сам не позволил ему уйти, когда это стало возможным в первый раз. Не отпустил синюю искру, медленно уплывающую в темноту. Почему я так поступил? Хотел спасти его от изгнания? Нет. Ерунда. Таков удел всех демонов, а каждый из нас честно выполнил свою часть сделки. Зачем тогда я задержал его здесь? Чувствовал, что если расстанемся, то сгинем оба? Но я не боялся умереть. Я с самого начала знал, на что иду.

Не страх смерти. Не желание спасти. Что же тогда? Чем я привязал демона к себе, да

еще так надежно, что даже охотник не справился со своими обязанностями?

Мне что-то было нужно.

Ответ.

А в чем заключался вопрос?

Память сопротивлялась отчаянно. Будь я предоставлен самому себе, от попыток вспомнить давно бы уже потерял сознание, а может, и все остальное, но сейчас ничто не могло помешать тратить оставшиеся силы. Помешать думать, собирая воедино останки собственноручно убитых воспоминаний.

Мальчик с окровавленными руками. Глаза, горящие алыми угольками посреди сумерек комнаты. Голос, звенящий отчаянием...

«Не причиняй ей вред».

Он повторил это много раз. Достаточно, чтобы прислушаться к странным словам. Но о ком он говорил?

Дыхание. Совсем рядом. Осторожное, затравленное, слабое. Острые края лопаток, коснувшиеся моей спины. Бледный силуэт, мутно освещенный десятками свечей. Девушка, обреченная на искупление чужих грехов...

Лус. Он говорил о Лус. Он хотел защитить ее, а потом вынудил меня пообещать это сделать. Но я так и не получил ответа на свой вопрос.

«Она кое-что для меня значит».

«Ты же демон, что для тебя может значить человек?»

Тогда у меня не было времени на обстоятельную беседу. Или не нашлось желания беседовать. Но вопрос остался, и сейчас именно он натягивался той самой струной.

Почему из всего нашего разговора в памяти задержалось только это? Что такое важное я надеялся услышать?

Натяжение становилось все сильнее, только теперь мне было ясно, как поступать: чуть поддаться, а когда струна провиснет, потянуть ее на себя. Отмотать с ворота хоть половину витка и повторить все сначала. Пока кому-то из нас не надоест. Пока...

— Я не могла больше прятаться.

Голос. Женский. Ничуть не похожий на тот, что звучал надо мной раньше.

— Я больше не могла ждать, когда поняла, что знаю. Теперь знаю. Знаю, что делать.

Путаные слова, взволнованное дыхание, шепот прямо в уши.

— Я знаю. Позвольте же мне...

Она торопилась, глотала слова, но даже если бы повторила все то же самое медленно и вдумчиво, смысл ее речи не стал бы понятнее.

— Я хочу...

Струна вздрогнула. Как она смогла это сделать, натянутая почти до предела?

— Я хочу...

Натяжение стало невыносимым. Только теперь тянули уже не двое, каждый в свою сторону. Трое.

— Я хочу жить для вас!

Струна лопнула. Разлетелась клочками, зазвенев и зашипев. Связь разорвалась, отбрасывая меня назад. На постель, в путаницу каких-то стеблей и...

Я понял, что смотрю на мир широко открытыми глазами, только когда уткнулся взглядом в нагромождение трубок, засунутых в мой нос и рот. А следующим же движением рванул всю эту дрянь прочь, освобождая путь дыханию. Моему. Настоящему. И ни на

мгновение не задумался, получится у меня или нет.

Все кончилось.

Все вернулось.

Обратно?

Она сидела на полу, положив бессильно подрагивающие руки на колени. На все еще голые колени, едва прикрытые сейчас лапами черного камзола, застегнутого на одну-единственную пуговицу. Сидела неподвижно, смотрела куда-то прямо перед собой, а по бледным щекам прозрачными струйками текли слезы.

— Вот ведь дураха...

Горькие слова, эхом повторившие мою мысль, слетели с губ Лус. Только говорила вовсе не она.

* * *

— А ты еще кто такая?

Синяя мантия взметнулась, перекрыв мое поле зрения.

— Что ты здесь делаешь?

Еще один поворот бритоголовой незнакомки вокруг оси взбаламутил воздух.

— Что ты наделала?!

Любой бы огорчился, увидев безобразные ошметки результатов своего труда. Любой бы не сдержал свою ярость, переходя от слов к действиям. Любой бы попытался выместить злобу на том, кто виновен в неудаче тщательно продуманного плана.

— Ах ты...

Я поймал руку, занесенную для удара. Запястье женщины оказалось слишком тонким и хрупким, вопреки представлениям, составленным по итогам подслушанного разговора, а потому звонко хрустнуло, когда мои пальцы сжались тисками.

— Я обещал, что никто не причинит ей вред.

Думаю, она не услышала мои слова, а если и расслышала что-то, пробившееся через удивление, растерянность и боль, то ничего не поняла, потому что сразу же озлобленно сообщила:

— Ты... ты... ты мертвец!

— Все мы когда-нибудь умрем, — охотно согласился я.

— Ты... Пусти! — взвизгнула бритоголовая.

Я разжал пальцы. Женщина метнулась к столу, уставленному разноцветными флаконами, начала лихорадочно шарить здоровой рукой, пытаясь что-то найти, и остановилась, только когда перед ее носом замерцал синий огонек, заключенный в стекло крохотного сосуда.

Огонек, тут же скрывшийся в кулаке человека, чьи волосы падали на плечи разноцветными прядями.

— Неправильное решение.

— Не смейте мне мешать, иначе...

— Иначе что?

Она осеклась, наконец-то осознав, что противников слишком много. Но не утратила боевой пыл.

— Если со мной что-нибудь случится, вы все... Весь этот город будет стерт с лица земли!

Охотник пожал плечами:

— Может быть. А может, и нет. Не думаю, что Золотое звено, даже самое драгоценное из всей Цепи, стоит народных волнений на границах Дарствия.

— Хотите проверить?

Он подумал и честно ответил:

— Нет. — А потом добавил: — Убирайтесь отсюда.

Женщина снова протянула руку к столу, но охотник покачал головой:

— Выбирайте, что вам нужнее, — эти безделушки или ваша жизнь. Причем выбирайте быстро.

Она гневно раздула ноздри, грозно посмотрела на всех нас и вместо ответа выскользнула в дверь. А Иттан несколько вдохов прислушивался к звукам, доносящимся из коридора, пока шаги оскорбленной беглянки не затихли окончательно.

— Ее нужно было отпустить? — спросил я, стряхивая с кожи остатки странно мягких трубок, похожих на полые травяные стебельки.

— Убийство ничего не решило бы, — наставительно заметил охотник.

— Количество твоих врагов уменьшилось бы на одного. Разве этого мало?

— Поверь, у меня их столько, что я даже не замечу разницы. Да ты и сам все слышал.

— Слышал?

Он подмигнул:

— Хотя удачно притворился спящим.

— Я вовсе не...

Иттан хлопнул меня по плечу, поворачиваясь к Лус, все еще сидящей на полу.

— И ты тоже слышал, как я понимаю?

— Благодарить не буду, не надейся, — буркнул демон.

— А зря. Думаю, твои сородичи дорого бы заплатили даже за обрывок этого разговора.

— Предлагаешь обогатиться на продаже страшной тайны?

— Предлагаю решить, что с ней делать дальше.

Она — или все же он? — поднялась, пошатываясь:

— Проще всего — забыть.

— А мне почему-то кажется, что все здесь собравшиеся никогда не слыли любителями простых путей, — улыбнулся охотник, и я только теперь заметил, что по молодому лицу пролегли глубокие морщины.

Иттан выглядел усталым, почти изможденным, совсем не так, как полагается вечно всемогущему охотнику на демонов, а это значило, что обратно на свои места вернулось далеко не все.

— Что с тобой случилось?

— Ты о чем?

— Выглядишь плоховато.

— Много сил ушло на открытие портала, чтобы притащить сюда эту балаболку.

— Ты в одиночку сделал портал?

— Ну как сказать...

— В одиночку? — зло фыркнул демон. — Ври больше!

— Хочешь вступить за своих? Давай. Может, я даже проникнусь и отпущу всех восвояси.

Белокурая голова качнулась из стороны в сторону.

— Не хочу. Они сами выбрали эту дорогу.

— Но у них все еще есть шанс вернуться домой. А у этого несчастного шансов больше нет, — разжал кулак Иттан.

Демон бросил короткий взгляд на светящийся флакон и отвернулся.

— Скоро все твои сородичи окажутся пленниками этого мира. Навсегда. Но если их предупредить...

— Я тоже не могу вернуться.

И самый рассеянный наблюдатель заметил бы в этом ответе нечто намного большее, чем сожаление, но охотник не отступил от намеченной цели:

— А другие?

— Они не поверят, пока не станет слишком поздно.

— Что ж, — вздохнул охотник, ставя флакон на стол. — Значит, надо их заставить.

— Поверить?

— Уйти.

Демон настороженно сощурил глаза:

— Зачем это нужно тебе?

— Причин много. Ну вот хотя бы такая: если мне суждено стать последним в своем деле, пусть и само дело закончится вместе со мной.

— Не хочешь делить славу?

— Не хочу делить ее с кем попало. На всех все равно не хватит. А вот на двоих или троих...

— Так на двоих или на троих? — уточнил демон.

— Я не хочу, чтобы мой мир превратился в тюрьму для всех его обитателей, — без тени улыбки сказал охотник. — Ты, уверен, не хочешь, чтобы твои сородичи погибли здесь все до единого.

— Итого двое есть, — загнул пальцы демон.

И они оба как по команде посмотрели на меня.

Обычно так делают, когда хотят получить вполне определенный ответ, — это я понимал. Но никак не мог придумать, что именно ответить. Они ведь продолжали жить в мире, общем для них обоих. Они понимали и принимали доводы друг друга. Они смогли договориться, потому что видели перед собой одно и то же.

А я?

Цепь одушевления истребит демонов? Хорошо. Цепь одушевления заставит всех людей служить единой цели? Тоже неплохо. Конечно, в зависимости от цели. Кто-то смирится. Кто-то восстанет. Каждый все равно сделает свой выбор. Но выбор делают, когда есть что класть на чаши весов.

Мое прошлое было ложью. Мне лгали, но и я не отставал. Вдохновенно обманывал себя. Уговаривал то ждать до последнего мгновения, то действовать без раздумий. Исполнял чужие приказы и сам пытался приказывать. Получалось? Нет? Неважно. Все это ушло. Осталось за последним поворотом.

Мое будущее ровно такое же, как и у всех прочих людей. Неизвестное. Счастье — быть глупцом и считать, что знаешь, где и с кем проведешь каждый следующий день. Еще большее счастье — быть уверенным, что можешь расписать свою жизнь наперед. Мне все равно, что случится дальше и случится ли вообще: не удивлюсь любому исходу. Но чтобы двигаться, нужна хоть какая-то цель. И желательно маленькая. Простенькая. Такая, которую не надо будет каждое утро пересматривать. Такая, которая будет постоянной благодаря своей сути.

Которая будет сама по себе, но которой может потребоваться...

Защита, к примеру.

И у охотника, и у демона есть что защищать. А у меня...

У меня оно тоже есть.

Тело девушки, по доброте ли душевной или по глупости пожертвовавшей собой. Чтобы искупить чужие грехи? Да, пожалуй. Грехи всего мира, только-только намечающиеся к совершению.

Я обещал защитить ее. Опрометчиво? Надеюсь, что скоро встречу свою смерть? Пусть так. Но поскольку эта встреча явно откладывается...

Слово надо держать. Тем более если оно единственное, что у меня осталось.

— Когда отправляемся?

— Куда? — растерянно приподняли брови оба.

— В поход, по всей видимости. Вы же решили. Предупредить или прогнать силой... Для начала незваных гостей нужно хотя бы найти.

— На поиски может понадобиться слишком много времени, — задумчиво отметил демон.

— Только если не знаешь, где искать, — подмигнул охотник.

И в дополнение к ответу, окончательно рассеивая сомнения, перед нашими лицами взметнулся веер бумажных карточек. Исписанных каждая с двух сторон.

Закреть глаза на занудство правил,

Сковать броню из поникшей чести,

Шагнуть навстречу посмертной славе?

Всё — только вместе. Да, только вместе!

Сомнениям перерезать горло,

До крови взбить душевное тесто,

Чтоб прочь из кадки плоти поперло?

Всё — только вместе. Да, только вместе!

Забывать себя до поры, до часа,

Когда умрет ветхий пепел мести

И будет не с кем уже прощаться?

Всё — только вместе. Да, только вместе!

Идти по трупам чужих желаний

Туда, где стынет святое место,

Рубить соблазнов пустые длани?

Всё — только вместе. Да, только вместе!

Вершить ошибки и ставить точки,

Нести по свету дурные вести,

Искать и прятать... Всё — в одиночку?

Нет, только вместе! Да, только вместе!

Больше книг на сайте - Knigoed.net